ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

History, Archeology and Ethnography of the Caucasus

Т. 20
№ 2. 2024

Издание Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Т. 20

№ 2. 2024

Махачкала, 2024

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор
Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора
Далгат Эльмира Муртузалиевна,
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора
Мусаева Майсарат Камиловна,
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймаразов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Мусеибли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Мираимович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфрид Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Сражутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Досымбаева Айман Медеубаевна, Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, Казахстан
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия
Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
Осмаев Аббаз Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабайи Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрапилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Текуева Мадина Анатольевна, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор
Мусаев Махач Абдулаевич
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь
Капланова Лейла Шамильевна
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик
Сефербеков Магомедхабиб Русланович
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024
© Все авторы, Т. 20. №2. 2024

Адрес редакции: 367030, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS Issued by decision of the Academic Council
of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005
(formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Cheif
Khizri A. Amirkhanov The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Cheif
Elmira M. Dalgat Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief
Maysarat K. Musaeva Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RASS

Editorial council

Alikber K. Alikberov, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation
Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation
Gani S. Kaymarazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS
Michael Kemper, University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands
Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan
Nadzhaf A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
Shain M. Mustafaev, Z. Buniyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Vitaliy V. Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Editorial board

Ramazan S. Abdulmazhidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Birlant B. Abdulvakhabova, Chechen State University, Russian Federation
Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States
Tat'yana A. Anikeeva, Institute of Oriental studies, Russian Federation
Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia
Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Peterburg, Russian Federation
Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherland
Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
*Teimuraz I. Gvantseladze, S*ukhumi State University, Georgia
Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Aiman M. Dossymbayeva, M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan
Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France
Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbaz D. Osmaev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Buniyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Madina A. Tekueva, H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Managing Director
Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary
Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator
Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors
The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024
© All authors, V. 20. № 2, 2024

Address of the editorial office: 367030, Makhachkala, M. Yarakskogo St., 75
Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА
Т. 20. № 2. 2024

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

Ханмурзаев И.И., Идрисов Ю.М.	ПОРТУЛАН КАСПИЙСКОГО МОРЯ ПИРИ РЕИСА: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	228
Костикян К.П., Степанян Г.С., Товмасян А.А.	ДЖИЗЙА В ВОСТОЧНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	246
Закарияев З.Ш.	АРАБОЯЗЫЧНЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ И ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ НАДПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. ИЗ СЕЛЕНИЯ ЯЛАК АХТЫНСКОГО РАЙОНА ДАГЕСТАНА	260
Журтова А.А., Кузьминов П.А., Кажаров А.Г., Тахушева И.С.	ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ И ИСТОРИОГРАФИИ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ЖАКА КАЙЗЕРА В КАВКАЗОВЕДЕНИИ	280
Наврузов А.Р., Шихалиев Ш.Ш.	ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ДЖАДИДИЗМА В ДАГЕСТАНЕ	297

АРХЕОЛОГИЯ

Петрова Н.Ю., Сайпудинов М.Ш., Карпова Е.В., Бабенко А.Н., Косоруков В.Л., Гулиев Ф.Э., Сагитова М.Д.	НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ЧОХ В КРУГУ КЕРАМИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА	312
Глазов К.А., Кудин М.И., Кизилов А.С.	БАРЕЛЬЕФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ДОЛЬМЕНЕ ГРУППЫ КАПИБГЕ-1 В ОКРЕСТНОСТЯХ БОЛЬШОГО СОЧИ	342
Амаякян А.А., Мирзоян М.О.	К ВОПРОСУ ОБ ИКОНОГРАФИИ ЛЬВОВ И ЛЕОПАРДОВ НА КУБКЕ ИЗ КАРАШАМБА	354
Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю.	О ДВУХ КАМЕННЫХ КРЕСТАХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН ИМ. А. ТАХО-ГОДИ	367
Алексанян Т.А.	СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РЕГИОНА АРМЕНИИ: ОБЩИЙ ОБЗОР	384
Чернецов А.В.	ТУРИЙ РОГ ИЗ ЧЕРНОЙ МОГИЛЫ (ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕКОРА)	398

ЭТНОГРАФИЯ

Амирханов Х.А.	О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМОВ БУРТИ И СУЬЛИ	417
Штыбин В.В.	МОЛИТВЕННЫЕ КРЕСТЫ-ДЖОРЫ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ АДЫГОВ-ШАПСУГОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ МАЭ РАН	427
Крюкова Н.В.	ПОЧИТАНИЕ КНИГВ АРМЯНСКОМ НАРОДНОМ ХРИСТИАНСТВЕ	440
Баранов Д.А., Шорохов В.А.	«АРМЯНСКАЯ» ТЕМА В УСТНЫХ НАРРАТИВАХ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ НАХИЧЕВАНИ	462
Кумахова З.Х., Коновалов А.А., Текуева М.А.	ОБРАЗ ЧЕРКЕШЕНКИ В НАСЛЕДИИ АДЫГСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ	474

ЭКСПЕДИЦИИ

Эрлих В.Р., Леонтьева А.С., Абрамова А.Н.	НОВЫЙ ПРОТОМЕОТСКИЙ МОГИЛЬНИК В ПРЕДГОРЬЯХ АДЫГЕИ	489

Daghestan Federal Research Centre of RAS

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS
Vol. 20. № 2. 2024

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

I.I. Khanmurzaev, Y.M. Idrisov — PIRI REIS' MAP OF THE CASPIAN SEA: A HISTORICAL-GEOGRAPHICAL ANALYSIS — 228

K.P. Kostikyan, G.S. Stepanyan, A.A. Tovmasyan — JIZYA IN EASTERN TRANSCAUCASIA FROM THE 17TH TO THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY — 246

Z.Sh. Zakariyaev — ARABIC CONSTRUCTION AND OWNERSHIP INSCRIPTIONS FROM THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY IN YALAK VILLAGE, AKHTYNSKY DISTRICT OF DAGESTAN — 260

A.A. Zhurtova, P.A. Kuzminov, A.G. Kazharov, I.S. Tahusheva — DIGITAL TECHNOLOGIES IN SOURCE STUDY AND HISTORIOGRAPHY: EXPERIENCE OF APPLYING THE JACQUES KAYSER METHOD IN CAUCASUS STUDIES — 280

A.R. Navruzov, Sh.Sh. Shikhaliev — HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY OF JADIDISM IN DAGESTAN — 297

ARCHEOLOGY

N.Y. Petrova, M.Sh. Saipudinov, E.V. Karpova, A.N. Babenko, V.L. Kosorukov, F.E. Guliyev, M.J. Sagitova — NEOLITHIC CERAMICS OF THE CHOKH SETTLEMENT IN THE CONTEXT OF CERAMIC TECHNOLOGICAL TRADITIONS OF THE EASTERN CAUCASUS — 312

K.A. Glazov, M.I. Kudin, A.S. Kizilov — BAS-RELIEF IMAGES ON THE DOLMEN OF THE KAPIBGE-1 GROUP IN THE VICINITY OF GREATER SOCHI — 342

H.H. Hmayakyan, M.H. Mirzoyan — ON THE ICONOGRAPHY OF LIONS AND LEOPARDS ON THE GOBLET OF KARASHAMB — 354

A.L. Potravnov, T.Yu. Khmelnik — TWO STONE CROSSES FROM THE COLLECTION OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN — 367

T.A. Aleksanyan — MEDIEVAL FORTIFICATION OF THE NORTHEASTERN REGION OF ARMENIA: A GENERAL REVIEW — 384

A.V. Chernetsov — AUROCHS' DRINKING HORN FROM THE CHORNA MOHYLA KURGAN: AN INTERPRETATION OF DECORATIONS — 398

ETHNOGRAPHY

H.A. Amirkhanov — THE ORIGIN OF THE ETHNONYMS BURTI AND SULI — 417

V.V. Shtybin — PRAYER CROSSES-JORS OF THE BLACK SEA ADYGS-SHAPSUGS: BASED ON THE MATERIALS OF THE MAE RAS — 427

N.V. Kryukova — REVERENCE OF BOOKS IN ARMENIAN FOLK CHRISTIANITY — 440

D.A. Baranov, V.A. Shorokhov — "ARMENIAN" ELEMENT IN THE ORAL NARRATIVES OF THE AZERBAIJANIS OF NAKHCHIVAN — 462

Z.H. Kumakhova, A.A. Konovalov, M.A. Tekueva — IMAGE OF A CIRCASSIAN WOMAN IN THE WORKS OF ADYGHE ENLIGHTENERS — 474

EXPEDITIONS

V.R. Erlikh, A.S. Leontyeva, A.N. Abramova — NEW PROTOMEOTIAN BURIAL GROUND IN THE FOOTHILLS OF ADYGEA — 489

ИСТОРИЯ

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202228-245

Исследовательская статья

Ханмурзаев Исмаил Ибрагимович
научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
xanmurzaev@yandex.ru

Идрисов Юсуп Магомедович
к.и.н., лектор-экскурсовод
«Исторический парк "Россия – моя история"», Махачкала, Россия
markes06@mail.ru

ПОРТУЛАН КАСПИЙСКОГО МОРЯ ПИРИ РЕИСА: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Исследование направлено на детальный анализ портулана «Бахр-и Хазар» (осман.: Море Хазар) турецкого картографа Пири Реиса, составленного в 1525 г. Перевод с османского языка на русский язык преамбулы и географических названий (топонимики) карты, сопоставительный анализ очертаний географических объектов на карте с иными картографическими материалами и данными письменных источников позволяет определить возможный круг и хронологию источников портулана Пири Реиса. Методология исследования включает декодирование картографических элементов, сопоставление с историческими данными, анализ архивных документов и сравнение с аналогичными картами того времени. Научная новизна работы заключается в том, что до сих пор в русскоязычной научной сфере данная карта не становилась объектом исследования. Изучение карты Пири Реиса привносит новые аспекты в историю Каспийского региона, дополняя существующие знания о территории и водных объектах в начале XVI в. **А**вторы статьи приходят к выводу, что Пири Реис при составлении собственного портулана Каспийского моря опирался на доступные ему западные (венецианские и генуэзские) источники и изустные сообщения путешественников. Карта содержит множество ценной информации о гидрографии, фортификационных сооружениях этого времени. Удивительная точность береговой черты на портулане свидетельствует об интересе турецкого морского ведомства к возможностям плавания в водах Каспия, что подтверждается и иными документальными свидетельствами. Подробные отражения побережья вокруг Каспия делают результаты исследования ценными для лучшего понимания географических, политических и социокультурных реалий эпохи. Таким образом, результаты данного исследования обогащают картографическое наследие XVI в. и дополняет наши знания об историко-географических реалиях региона, формируя новые перспективы для исследований в области картографии, истории и культурной географии.

Ключевые слова: Пири Реис; «Бахр-и Хазар»; Каспийское море; фортификационные сооружения; остатки древних русел рек; историческая картография; Дагестан; Большой Ногай; Дербент; Тарки; Эндирей; портулан

Для цитирования: Ханмурзаев И.И., Идрисов Ю.М. Портулан каспийского моря Пири Реиса: историко-географический анализ // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 228-245. doi.org/10.32653/CH202228-245

© Ханмурзаев И.И., Идрисов Ю.М., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

HISTORY

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202228-245

Research paper

Ismail I. Khanmurzaev,
Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia
xanmurzaev@yandex.ru

Yusup M. Idrisov,
Cand. Sci. (History), lecturer-guide
"Historical Park 'Russia is my history'", Makhachkala, Russia
markes06@mail.ru

PIRI REIS' MAP OF THE CASPIAN SEA: A HISTORICAL-GEOGRAPHICAL ANALYSIS

*Abstract***.** This study provides a detailed analysis of the portolan "Bahr-i Khazar" (Ottoman: Sea of Khazar) created by the Turkish cartographer Piri Reis in 1525. The translation from Ottoman into Russian of the preamble and toponymy on the map, along with a comparative analysis of the map's geographical features with other cartographic materials and written sources, allows for the determination of the possible range and chronology of the sources used by Piri Reis. The research methodology includes decoding cartographic elements, comparing them with historical data, analyzing archival documents, and comparing them with similar maps from the same period. The scientific novelty of this work lies in the fact that this map has not previously been the subject of research in the Russian-speaking academic community. Studying Piri Reis' map introduces new aspects to the history of the Caspian region, enhancing existing knowledge about the territory and water bodies at the beginning of the 16th century. The authors conclude that Piri Reis relied on Western (Venetian and Genoese) sources available to him, as well as oral reports from travelers, when compiling his portolan of the Caspian Sea. The map contains valuable information about the hydrography and fortifications of the time. The remarkable accuracy of the coastline on the portolan suggests that the Turkish maritime department had a significant interest in the navigation possibilities within the Caspian Sea, which is corroborated by other documentary evidence. The detailed depiction of the coastline around the Caspian Sea enhances the research's value for understanding the geographical, political, and sociocultural realities of the era. Consequently, the results of this study enrich the cartographic heritage of the 16th century and expand our knowledge of the historical and geographical realities of the region, forming new perspectives for research in the fields of cartography, history, and cultural geography.

Keywords: Piri Reis; Bahr-i Khazar; Caspian Sea; fortifications; remains of ancient river beds; historical cartography; Dagestan; Big Nogai; Derbent; Tarki; Endirei; portolan

For citation: I.I. Khanmurzaev, Y.M. Idrisov. Piri Reis' map of the Caspian Sea: a historical-geographical analysis. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 228-245. doi. org/10.32653/CH202228-245

© I.I. Khanmurzaev, Y.M. Idrisov, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Картографические материалы не только содержат географическую информацию, но и являются важным историческим источником. И древние карты Птолемея, и современные атласы отражают взгляды и представления об обители человечества в соответствующий им период времени. Карты несут в себе отпечаток культурных, политических и научных достижений эпох, предоставляя ценные свидетельства изменений поверхности Земли, миграций и развития обществ. В этом контексте картография становится уникальным документом, позволяя лучше понять исторические события и эволюцию мирового ландшафта. Специфика этих материалов как источников заключается в том, что их содержание выражено комплексом графических и художественных средств в сочетании с текстом.

Одним из интереснейших регионов является территория вокруг Каспийского моря. Его изучение представляет особый интерес в контексте истории, географиии культуры. Расположенный между различными цивилизациями, данный регион стал местом важных исторических и культурных взаимодействий. Географическое положение прибрежных территорий, гидрографические особенности и населенные пункты служат ключевыми элементами для понимания динамики развития Прикаспия. Изучение картографических материалов и исторических источников этого региона позволяет раскрыть маршруты древних торговых путей, влияние различных культур и формирование уникальной исторической ландшафтной картины. Важность этого исследования заключается в раскрытии долгосрочных и культурных тенденций, способствуя глубокому пониманию истории и вклада различных цивилизаций в формирование облика Прикаспия.

Морские карты, известные как портуланы, служили морякам XIII–XVI вв. для поиска подходящих гаваней и мест высадки для защиты от непогоды, для пополнения запасов пресной воды и продуктов питания и для торговой деятельности.

К числу выдающихся памятников картографии Прикаспия относится портулан «бахр-и хазар» («Море Хазар»), составленный турецким адмиралом и выдающимся картографом Пири Реисом в 1525 г. Этот картографический документ является не только ценным историческим источником, но и произведением искусства.

Данный портулан привлёк наше внимание, как в силу уникального содержания, так и ввиду исторического контекста, связанного с его появлением.

Выдающийся турецкий флотоводец и картограф Пири Реис (полное имя – Хаджи Мухиддин Пири ибн Хаджи Мехмед или Ахмет ибн-и эль-Хадж Мехмед эль-Карамани) родился приблизительно в 1470 г. в городе Гелиболу. Его дядя по отцовской линии – Кемаль Реис – был известным флотоводцем. Вместе с ним еще в молодости Пири Реис лично посетил множество берегов и вод, описанных в его сборнике «Китаб-и бахрие» («Книга мореплавания»). В 1511 г. Кемаль Реис погиб, и на его место во флоте заступил племянник. В 1516 г. Пири Реис высадил десант, захвативший египетскую Александрию. Он прошёл длинный путь, отмеченный множеством морских сражений с итальянцами и португальцами [1, с. 10]. В 1547 г. Пири дослужился до звания командующего османским флотом на Индийском океане, базировавшемся в египетском Суэце. 26 февраля 1548 г. он отбил у португальцев Аден, а в 1552 г. занял Маскат и стратегически важный остров Киш. Двигаясь дальше на восток, Пири Реис захватил остров Ормуз у входа в Персидский залив, затем занял полуостров Катар и остров

Бахрейн, лишив португальцев их баз на Аравийском полуострове, и вернулся в Египет. Однако в результате интриг своих врагов в 1554 г. он был казнён [2, s. 122]. Несмотря на его трагический конец, сегодня Пири Реис является национальным героем Турции. Его именем названы университеты и уступ на планете Плутон, а вышеназванную карту даже изображали на турецких банкнотах.

Название самого водоема بحر خزر «баҳр ҳазар» («Хазарское море») указано внутри его очертаний красными чернилами, при этом надпись ориентирована в вертикальном направлении.

В центре карты расположен традиционный элемент средневековой картографии – 16-лучевая *роза ветров*[1], из центра которой исходят 16 лучей попеременно голубого и желтого цвета, вписанная в красный круг. Несмотря на то, что на карте изображена роза ветров, тем не менее, учитывая количество прямых исходящих из центра фигуры – 32, этот элемент можно также назвать *розой румбов*. Над этой фигурой приведено изображение трилистника черного цвета, обозначающего на подобных географических картах север (N).

На побережье Каспия довольно подробно изображены географические объекты – горы, реки, крепости, укрепления. Реки отмечены серым цветом. Границы моря обозначены красным цветом, внутри которого идёт линия золотого цвета. Острова окрашены красным колором. Укрепления и крепости изображаются схематически черными чернилами. В отдельных случаях в рисунке крепостей использованы красные чернила, что является явной данью европейской традиции картографии, в которой красным цветом обычно помечались портовые города. Вопреки этой традиции на данной карте имеются укрепления, отстоящие от побережья, но, тем не менее, и в их схематическом изображении использованы красные чернила.

В верхней части листа карты дается пояснение на турецком (староосманском) языке, на арабице:

اشبو بحر خزر جنوبدن شماله ممتد اولوب طولاً وعرضاً بحر سياهدن بر مقدار نقصاندر كتب اسلامیّده بحر خزر
وبحر اژدرهان وبحر شروان وبحر كيلان وبحر جرجان وبحيرة خوارزم تسميه اولنه كلمشدر حقيقتده كول كبي بر بحيرة
اولوب بونجه انهار صغار وكبار كندويه منصب اولوب قطعا ارتوب اكسلمد كندن بعضي لر قره دكزه یر التندن منفذي
وار ديلر بعضي لر انهار ك اجزاي لطيفه سي تحلل وهوايهه منقلب اولوب ارتمق اكسلمك لازم كلمز ديو حكمت اوزره
جواب ويرمشلردر

Транслитерация:

«ушбӯ бахр ҳазар джанӯбдан шимāла мумтад ӯлӯб, тӯлан ва ардан бахр сийāхдан бир миқдāр нуқсāндир. кутубу исламиййада бахр ҳазар, ва бахру аждархāн ва бахру ширвāн ва бахру кӣлāн ва бахру джурджāн ва бухайра ҳавāризм тасмиййа улӯна килмишдир. хақīқатда кӯл гибī бир бухайра улӯб бӯ ниджи (бӯнджа?) анхāр сигāр ва киб āр кандуйа мунсаб улуб қат‘ан артӯб эксилмидикиндан, ба‘зилар қара динизи йир алтиндан манфазī вāр дийилар. ба‘зилар, анхāрны аджзāī латифасī тахаллул ва хавā йа мунқалиб улӯб артмақ иксилмик лāзим килмиз дийӯ хикмат ӯзири джавāб вирмишлирдир».

Перевод:

«Это Хазарское море, простираясь с юга на север, в длину и ширину несколько

1. Роза ветров – картографическое обозначение основных географических азимутов сторон горизонта в виде звезды с количеством лучей, кратным четырём. При количестве лучей, равном 32, называется также розой румбов.

меньше Черного моря. В исламских книгах до нас оно дошло под названиями Хазарское море, Астраханское море, Ширванское море, Гиланское море, Джурджанское и Хорезмское море. На самом деле озеро представляет собой небольшое море с множеством небольших рек и ручьев. Поскольку часть озера не увеличилась и не уменьшилась, некоторые сказали, что оно связано (имеет проход) с Черным морем под землей. Некоторые, отвечая, говорят, что часть рек, испаряясь, превращается в воздух, и Каспийское море не должно ни увеличиваться, ни уменьшаться».

Действительно, Каспийское море известно под большим числом имён (кроме вышеперечисленных укажем, например, Гирканское, Хвалисское, Дербентское, Бакинское, Кумыкское [4, с. 17, 36, 79]). Что до затронутой в этой преамбуле проблемы уровня Каспия, то мы коснёмся её ниже, в процессе разбора отражения береговой черты в исследуемом портулане.

Обзор карты мы начнем с севера по часовой стрелке. Для удобства описания мы нанесли по краям карты сокращения латинских букв, окрашенных красным цветом, принятых в европейской традиции картографии в *розе румбов,* но отсутствующих в оригинале.

Прежде всего, необходимо отметить, что пространство на карте, заключенное между линиями, образованными лучами W и NE, это побережье. Многоточие, видимо, обозначает мелководье.

В пространстве, образованном линиями, исходящими из лучей NbW и NbE, на некотором отдалении от берега, отмечена область, обозначенная на карте красными чернилами, مملكت اولو نوغاي «мамлакат ӯлӯ нӯғāй» («владение Большой Ногай»). В промежутке между прямыми NbE и NNE Каспийское море углубляется в сушу, образуя залив.

Политоним Большая Ногайская Орда известен по русским источникам с 1537 г. и, по мнению В.В. Трепавлова, возник еще до распада Ногайской Орды на Большую и Малую и означал территорию «великого княжения» (улу бийлик) правителя Орды [5, с. 280]. Тем не менее, здесь возможна и более поздняя интерполяция.

Между линиями NNE и NEbN море также вдается в сушу, образуя подобие залива, далее, на северо-востоке, в него впадают две реки. Учитывая тот факт, что они впадают в море с севера, а также относительную близость их друг к другу, можно сказать, что обе эти реки очевидно являются протоками реки Урал (Яик).

В области между NEbN и NE в море впадает безымянная река. Это, по всей видимости, ныне теряющаяся среди соленых приморских болот река Эмба (Жем), только в полноводные годы доходящая до Каспийского моря. На некотором отдалении от береговой линии, напротив устья упомянутой реки, изображена группа из четырех островов. Один из них находится чуть правее устья реки, а три – немного поодаль от него, вытянувшись в линию вдоль берега с севера на юг. В виду того, что для северо-востока Каспия характерны крайне мелководные условия и наличие там значительного количества эоловых холмов, что при колебании уровня даёт огромное количество самых разных островов, однозначная идентификация их крайне затруднена. С учетом этого обстоятельства можно выдвинуть осторожное предположение о соответствии их Печным островам, скрывшимся под водой во второй половине XVIII в. [6, с. 19].

Следуя далее на юго-запад по побережью, в этом же пространстве, между линиями NEbN и NE, изображены два острова, крупнее вышеуказанных. По своему местополо-

жению они более всего соответствуют островам Лебяжьим и Орлов [7, с. 4]. Причем тот, который находится южнее, более чем в два раза крупнее другого. Выше них имеется запись красными чернилами كمبه كورفزي «кимби кӯрфузӣ» («залив Кембе»). Здесь речь явно идет о заливе Эмба, обозначенным под аналогичным названием (Gulf of Yemba) и на более поздних европейских картах.

В этом же промежутке (NEbN и NE) Каспий вдается в сушу, образуя на карте безымянный залив, ныне известный как Мертвый Култук. В процессе снижения уровня воды в Каспийском море в середине XX в. большая часть залива превратилась в обширный сор (солончак). Залив этот на карте переходит линию NEbN и практически доходит до линии NEbE.

Далее суша, вдаваясь в море от линии NbE, доходит до линии NEbE, образуя большой полуостров, который соответствует ныне полуостровам Бузачи и Мангышлак. В море, у северо-западной оконечности этого полуострова, примыкая практически к линии NbE (с правой стороны) изображено три острова. Тот, который южнее и ближе к суше, крупнее, чем два остальных вместе взятых. Очевидно, что это группа Тюленьих островов, представляющих собой архипелаг у входа в Мангышлакский залив.

Опускаясь ниже, начиная с середины пространства между линиями NEbN и ENE, Каспий начинает вдаваться в сушу, образуя залив, по всей вероятности, при современном уровне Каспия нынче представляющий собой соленое озеро Кошкар-ата. В его восточную оконечность, распадаясь на три протока, впадает река. Над этими протоками имеется развернутая на 180° запись, выполненная черными чернилами – نهر سيهون«нахр сайхӯн» («река Сейхун»), что соответствует реке Сырдарья. Любопытно совпадение с венецианской картой XV в. Egerton MS 2803, содержащей в этой же части Каспийского моря изображение русла реки и рядом с ней надпись A[qua] Iorgont с блеклой припиской «alias Laxairu», то есть река Иоргонт (Ургенч) «иначе Яксарт» (латин.: Iaxart), то есть все той же Сырдарьи [8 с. 25]. На карте Фра Мауро Сырдарья также впадает в Каспий, но в его юго-восточной части[2].

Правее этой записи, между линиями NEbE и EbN, в отдалении приведена надпись مملكة خوارزم «мамлакат ẋавāризм» («владение Хаварезм»), выполненная красными чернилами, развернутая на 90°, ориентированная с севера на юг.

В пространстве между линиями EbN и EbS в значительном отдалении от побережья нанесена надпись красными чернилами ممالك اوزبك «мамāлик ӯзбак» («владения Узбак»), также как и предыдущая запись она развернута на 90°.

Далее к югу по побережью, в пространстве, образованном линиями SEbE и SE, вблизи берега изображен безымянный остров.

Здесь же, начиная от линии SEbE к северо-востоку, море вдается в сушу в виде залива, соответствующего, надо полагать, современному Кара-Богаз-Голу, в который в пространстве EbS и ESE впадает безымянная река. В отличие от его современной формы, на карте он вначале идет в виде узкой горловины. Залив этот, уходя на северо-восток, расположен в пространстве EbS и SEbE.

Далее ниже, между SEbE и SE, в море впадает безымянная река, берущая своё начало в промежутке между лучами ESE и SEbE. Через это же пространство (SEbE и SE)

2. Fra Mauro. Mappamondo. Электронный ресурс. Доступен по ссылке: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/1b/FraMauroDetailedMap.jpg (дата обращения: 25.6.2023).

протекает еще одна безымянная река, которая впадает в море, пересекая сразу южнее линию SE.

Спускаясь далее по побережью к югу, пересекая в своем течении линии SE и SEbS, в море впадает безымянная река. Немного южнее от устья этой реки, между линиями SEbS и SSE, нарисован вытянутый остров. В этой же области, южнее этого острова, расположены еще три острова. Их соответственно можно соотнести с островами Челекен (Нефтяной), Безымянный и Огурчинский.

Далее море, вдаваясь в сушу, занимая пространство SE и SEbS, а также частично SEbE и SE, вдается большой залив, ранее известный как Балханский, а ныне под именем Туркменбаши. В восточный берег залива, в пространстве между SEbE и SE, впадает река, обозначенная на карте черным цветом как نهر جيهون «нахр джайхӯн» («река Джейхун»), то есть Амударья. Известно, что в действительности в Каспийское море впадала не Амударья, а Узбой, вытекавший из Сарыкамышского озера, существовавшего в XIII–XVI вв. в нынешней одноименной котловине [9, с. 156]. Юго-восточная оконечность залива указана многоточием, что может свидетельствовать о значительных отмелях и непригодности для судоходства.

Южнее, в отрезке между SE и SEbS, еще один залив, в который, с юга разделяясь на три рукава, впадает безымянная река. Известно, что до конца XIX в. река Атрек впадала тремя руслами в залив Гасан-Кули (ныне Эсенгули). В настоящее время из-за активного использования для орошения полей река сильно обмелела и достигает моря лишь в половодье. На голландской карте 1726 г. «Karta över Kaspiska havet med omgivande länder» река и данный залив имеют название Сиурсиан[3]. В целом названная карта содержит ряд любопытных совпадений с работой Пири Реиса, особенно это касается гидрографии Восточного Прикаспия. Любопытно, что водные потоки обозначаются русским словом «река», свидетельствующим о наличии русского источника. Составитель карты указал среди её источников работы жившего и работавшего в Санкт-Петербурге Абрахама Мааса. Однако их карты, имея много общего в рисунке очертаний западного берега Каспийского моря, очень разнятся относительно его восточных очертаний. Относящаяся к 1735 г. карта А. Мааса ближе к современным очертаниям и явно отталкивается от атласа Ф. Соймонова 1731 г.[4] В отличие от нее, «Karta över Kaspiska havet med omgivande länder» в изображении ряда реалий Восточного Прикаспия ориентируется на более архаичную традицию, общую с «Картой Персидской империи» Адама Олеария [10, с. 440] и отчасти с анализируемым нами портуланом.

Безымянные заливы (Балкан и Гасан-Кули) образуют на карте Пири Реиса крупный полуостров. Протяженность между вторым из названных заливов и линией SSE ближе к побережью помечена красными чернилами как مملكت جرجان «мамлакат джурджāн» («владение Джурджан»). А далее к юго-востоку, в глубине суши, также красными чернилами написано مملكت خراسان «мамлакат ẋурāсāн» («владение Хорасан»). Укажем на схематическое сходство отражения данных объектов на карте Пири Реиса и в портулане Маджоло 1519 г. [11, с. 773].

3. Karta över Kaspiska havet med omgivande länder. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.mapmania.org/map/31003/karta_over_kaspiska_havet_med_omgivande_lande r_fran_1726_-_skoklosters_slott_-_97955 (Дата обращения: 24.6.2023).
4. Maas A. Nova Maris Caspii et Regionis Usbeck [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.geographicus.com/P/AntiqueMap/caspianuzbekistan-homannheirs-1735 (Дата обращения: 25.6.2023).

Ниже по карте изображен еще один небольшой залив, вытянутый в широтном направлении, который разделяется пополам линией SSE, в который с востока впадает безымянная река. Очевидно, что это река Горган. На левом берегу этой реки (к югу) изображено укрепление и надпись к нему استراباد «астарāбāд» («Астарабад»). Ныне это город Горган – столица провинции Голестан Исламской Республики Иран.

Территория вдоль побережья между лучами SSE и SbE подписана на карте красными чернилами مملکت مازنده ران «мамлакат māзандарāн» («владение Мазандаран»). Тут обозначены две безымянные реки, впадающие в море. Одна из них должно быть р. Хераз.

В промежутке между линиями SbE и S в море впадают три безымянные реки, две из которых пересекают на востоке линию S. На левом берегу самой восточной из них дано схематическое изображение укрепления и надпись فرح اباد «фараҳ абāд» («Фарахабад»). Сама же река, видимо, соответствует р. Таян. Укрепление выделено частично красным цветом. Это, по всей видимости, одноименный город Фарахабад в провинции Мазендеран. Однако сейчас он находится на отдаленности от побережья моря. Данный факт отсылает к сведениям Марино Санудо, Неджати и Хамдуллаха Казвини о подъёме уровня Каспия [12, с. 148].

Протяженность суши между лучами S и SbW обозначена на карте красными чернилами как مملکت کیلان «мамлакат кīлāн» («владение Гилан»). В этом месте изображены три безымянные реки, параллельно впадающие в море, которые можно идентифицировать с реками Сефируд, Лангеруд и Фуза. В этом же отрезке море вдается в сушу и образует залив Энзели (Мордаб), переданный в русских и европейских источниках как Зинзили, название которого, впрочем, на карте никаким образом не указано. Уже во время путешествия Ф.П. Соймонова в 1719 г. данный залив являлся прибрежной лагуной, связанной с морем узким каналом [13, с. 51–53].

Напротив одной из рек в море указан безымянный остров. Аналогичный остров присутствует и на портулане 1519 г. В. Маджоло напротив реки Лангеруд. Представлен он и на картах Фра Мауро и Egerton MS 2803. Однако в действительности в этой акватории на сегодняшний день никаких островов нет.

Между лучами S и SbW, ближе к SbW, приведен рисунок какой-то крепости или укрепления, без указания названия. Надо полагать, это какое-то важное укрепление, так как при рисовании помимо черных чернил были использованы и красные чернила.

Луч SbW проходит через устье безымянной реки. Рядом с ней чуть выше в море впадает еще одна безымянная река. Можно предположить, что одна из них Астара-чай, а та, что южнее, р. Мордеб. К северу от этих двух упомянутых рек луч SbW проходит также рядом с устьем реки, обозначенной на карте نهر کور «нахр кӯра» («река Кура»). Прямо напротив устья в море изображен остров. Ныне здесь находятся два острова: Кюр-Дили и Кюр-Даши, и трудно решить какой именно из них был здесь отражен.

Выше по карте, между лучами S и SbW, суша вдается в море, образуя Апшеронский полуостров. Тут нанесено изображение укрепления с использованием черной и красной красок, обозначенное как – باکو «бāкӯ» («Баку»). Между р. Кура и Баку вдоль берега запечатлено 13 островов. Следует отметить, что острова Бакинского архипелага почти все образованы извержениями грязевых вулканов. Их количество и размеры быстро меняются во времени, а потому увязывать их с современными островами (ана-

логичного происхождения) представляется маловероятным. Причем самый крупный из них указан на северо-востоке от Апшеронского полуострова, судя по очертаниям и размеру, он, должно быть, соответствует острову Пираллахи. Второй по величине расположен практически параллельно ему. Нечто подобное можно наблюдать на карте «Karta över Kaspiska havet med omgivande länder, från 1726»[5], где, однако, таких островов 12 и нет острова близкого по очертаниям второму по величине у Пири Реиса, что может быть связано с очередным этапом трансгрессии Каспия.

К северо-западу от Баку, вдали от береговой линии, на карте между линиями SbW и SSW отображена крепость с надписью شماخی «шамāχ̱ī» («Шемаха»). Примечательно, что изображение крепости тут больше чем обычно на этой карте, а также использован красный цвет для украшения. Шемаха до 1538 г. еще оставалась столицей не упраздненного Сефевидами государства Ширван, а затем стала центром одноименного беклербекства. Тут же, между этими линиями, в море впадает река, для идентификации с которой наиболее подходит Вельвеле-чай, у устья которой в XVI в. зафиксирована пристань Бильбиль, обслуживавшая вышеназванный город [14, с. 239]. Чуть выше Шемахи красными чернилами на протяжении между линиями SbW и SW написано مملکت شروان «мамлакат ширвāн» («владение Ширван»). Между линиями SWbS и SSW впадает река. Можно предположить, что это река Шабранчай.

Между линиями SWbS и SW изображена река Гудиал-чай, впадающая в море, и при ней, на левом берегу, схема укрепления с надписью черным цветом نیاز اباد «нийāз абāд» («Нияз-абад»). Ныне это поселок городского типа Ниязоба (ранее Низабат) в Хачмазском районе Азербайджанской Республики. Он же известен ранее как пристань Низовая. В русских исторических источниках сообщается о нескольких реках под общим названием Низовые [13, с. 37]. Высохшие русла этих рек просматриваются и поныне.

Между SW и SWbW впадает река, которая, разделяясь, впадает в море двумя рукавами. Южный рукав, скорее всего, соответствует р. Самур, а северный скорее соотносится с р. Уллучай. Эти реки не являются рукавами одной реки, но человек, лишь приблизительно знакомый с материковой географией и интересующийся только узкой прибрежной полосой, вполне мог допустить подобную ошибку. Между ними — расположены изображение укрепления и надпись черными чернилами دربند «дарбанд» («Дербент»).

Далее в промежутке между SWbW и WSW протекают ещё две реки. Одна из них впадает в море в этом же пространстве, а вторая впадает, пересекая линию WSW. Однозначно идентифицировать эту реку сложно. В пространстве, ограниченном этими лучами, протекает несколько рек. Возможно, это какие-то две из рр. Инчхе-озень, Гамри-озень.

Далее, поднимаясь выше по карте по побережью Каспийского моря и практически примыкая к линии WSW слева, в море впадает река, соответствующая Манас-озень. Между линиями WSW и WbS имеется надпись, выполненная черной краской تارخو «tāрχ̱ӯ» («Тарки»). Данный населенный пункт, игравший важную экономическую роль на меридиональном пути с севера на юг вдоль морского побережья, хорошо

5. Karta över Kaspiska havet med omgivande länder. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.mapmania.org/map/31003/karta_over_kaspiska_havet_med_omgivande_lande r_fran_1726_-_skoklosters_slott_-_97955 (Дата обращения: 24.6.2023).

известен по позднесредневековым источникам, в том числе и по картографическим. Назовём в этом плане карты «Лесинский портулан» (1430–1440-е гг.), «Mappamondo» Фра Мауро (1459 г.)[6] и «Рукописный портулан Каспийского моря 1519 года» Весконте Маджоло [15; 11]. Вместе с тем, в контексте изображения прочей топонимической номенклатуры, надпись Тарки на карте Пири Реиса более походит не столько на обозначение города, сколько области.

В пространстве, образованном линиями SW и WSW, чуть поодаль от побережья, нанесена надпись красными чернилами مملکت طاغستان «мамлакат ṭāġистāн» («владение Дагестан»). Тут явно имеется в виду Дагестан. Примечательно, что несмотря на то, что карта составлена турецким картографом, носителем огузского наречия, в написании этого слова приведена смешанная кыпчакско-огузская форма «taǧ» этого названия (напр. ср. тур.: daǧ, кум.: *тав*). Возможно, в подобной форме написания отразились особенности говора тюркского населения – кумыков, проживающих в предгорной и равнинной части этой территории. Кумыкский язык, относясь в целом к куманской подгруппе кыпчакских языков, в области фонетики, представляет собой интересный пример синтеза кипчакских и огузских наречий тюрков [16, с. 14, 15]. Должно быть, этим обстоятельством объясняется приведенная форма написания данного топонима. Любопытно, что в «Книге путешествия» Эвлии Челеби одновременно присутствуют два топонима Таустан и Дагестан [17, с. 97–98, 104]. Вероятно, на данной карте мы имеем дело с одним из самых ранних документально зафиксированных письменных упоминаний топонима Дагестан в отношении данной территории. Эта форма написания также отсылает к термину *Тавъякъ* из сочинения «Тарих ал-Баб» [18, с. 134–135].

Далее изображена река, протекающая практически параллельно по нижнему краю линии WbS, которая, приближаясь к Каспию, делится на два рукава и, пересекая линию WbS, впадает в море. Эту реку можно уверенно идентифицировать с рекой Сулак (истор.: Койсу). В этом фрагменте, чуть южнее, суша, вдаваясь в море, образует небольшой полуостров. Со стороны моря на карте имеется перевернутая на 180° надпись черными чернилами اوج «ӯдж» («Уч»). Этот географический объект вплоть до XIX в. именовался Уч-косой, а ныне известен как Аграханский полуостров.

Южный рукав реки Койсу впадает практически посередине между указанными выше линиями. Река Сулак в своих низовьях имела несколько русел, поэтому однозначно определить какое именно это из русел сложно. Мы можем лишь предположить, что это русло, впоследствии известное как Куру (Сухое Койсу), названное так ввиду своего постепенного пересыхания [19, с. 239]. Северный рукав впадает в море, немного не доходя до луча W. Напротив устья реки располагается довольно крупный безымянный остров, расположенный между линиями W и WbN. В нем угадывается остров Чечень. К северо-востоку от него находится вдвое меньший остров. Любопытно, что на «Карте рыболовных вод Кавказского линейного казачьего войска», отражающей географические реалии первой половины XIX в., данный остров представляет из себя два небольших, параллельно вытянутых с востока на запад, полуострова, один из которых (северный) обозначен как о. Чечень, а другой как о. Лопатин[7]. Допустимо

6. Fra Mauro. Mappamondo. Электронный ресурс. Доступен по ссылке: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/1b/FraMauroDetailedMap.jpg (дата обращения: 25.6.2023).

7. Копия с предписания главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом, командующему войсками на Кавказской линии об оставлении во владении Тарковского пространства воды в Каспийском море от Поповой косы до острова Чечень// ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д.5. Л. 29.

также предположить, что первый остров, изображенный Пири Реисом, на деле являлся северной оконечностью Уч-косы, периодически погружавшейся под воду и отмеченный на вышеупомянутой «Карте рыболовных вод…» как о. Ученок[8], а второй как раз таки и есть Чечень. На некотором расстоянии расположена группа островов, протянувшаяся с северо-запада на юго-восток, вероятно, это отмели и наносные острова вроде нынешних Пичужонка (Пичугина), Яичного и Базара. Следует иметь в виду, что наносные острова быстро формируются, но также быстро и размываются. В этой связи, предложенные нами отождествления с современными островами, в известной степени носят характер предположения.

Приведем русское название острова Чечень – его обычно возводят к слову из терского казачьего говора со значением снасти для ловли рыбы, восходящему к кумыкскому слову «четен» – большая корзина, сплетенная из прутьев [20, с. 357]. Впрочем, если верить сообщению секретаря голштинского посольства в Персии Адама Олеария, в 1630-е гг. русские называли остров Четлан, а персы Джецени [14, с. 430], в написании которого явно прослеживается связь с современным названием острова – Чечень. Любопытно, что дважды проплывавший по Каспию в 1558-1561 гг. Энтони Дженкинсон во время одного из путешествий упоминает близ устья Терека «прекрасный остров, называемый Чаталет» [21, p. 127]. Корнем названия Чаталет является слово «чатал», которое в тюркских, в том числе и в кумыкском языке, означало признак «раздвоенности». [22, стб. 1896]. По всей вероятности, название это восходит к кумыкским (тюркским) словам «чатал+атав», что в переводе значит «раздвоенный (сдвоенный) остров». В этой связи примечательно, что в турецкой акватории Эгейского моря к западу от известных курортов полуострова Бодрум располагается остров Чаталада (тур. Çatalada) (огузский вариант «чатал+ада», также означающий «раздвоенный (сдвоенный) остров»), получивший своё имя от того, что его северная и южная части соединены узким и низким перешейком. Сходные топонимы достаточно распространенны на бывшей территории Османской империи. Аналогичное строение острова Чечень как соединения двух вытянутых параллельно друг другу кос можно наблюдать в атласе Каспийского моря 1731 г. [8, с. 6]. Логично предположить, что название Чаталет более раннее, нежели Чечень. К нему же восходит и приведенный А. Олеарием русский инсулоним Четлан. Разделение острова надвое является еще одним свидетельством опоры автора на источники эпохи трансгрессии Каспийского моря.

Между линиями WbS и W, на левом берегу, практически у места разветвления реки Койсу, нарисована крепость. В рисунке также использован красный цвет. Сбоку от рисунка надпись черными чернилами اندراي «индирāй» («Эндирей»).

Об Эндирее на р. Сулак писал посетивший его в 1638 г. Адам Олеарий [11, с. 508–509]. В 1647 г. из-за угрозы персидского вторжения и усобиц с Сурхаем Тарковским эндиреевский владетель Казаналп перенес ставку на новое место на р. Акташ [23, с. 177–178].

Надписи «Индирай» сопутствует схематическое изображение крепости, практически вдвое большее, нежели изображение Дербента, что подчеркивает важное значение местных фортификационных сооружений и военно-стратегическое значение са-

8. Там же.

мого населенного пункта в то время. Эвлия Челеби описывал крепость на реке Койсу, где некогда размещался Старый Эндирей: «Эта крепость с давних времен принадлежит шамхал-шахам. В крепости имеется эмир и кадий. Под властью хана имеется три тысячи солдат. Это мощная крепость, построенная кругообразно из камней на скале с крутыми склонами. В крепости имеется комендант и охрана, состоящая из трёхсот ясаулов» [17, с. 116]. В контексте карты Пири Реиса особенно важно его сообщение о способности кораблей подниматься по реке Койсу вплоть этого города. У него же об Эндирее, в целом, говорится: «Это город древний, средоточие мудрых, источник совершенств, обитель поэтов и умиротворенных» [17, с. 115]. В.Н. Татищев в первой половине XVIII в. писал: «прежде … построен на левом берегу реки Койсы древними жителями из великого каменья, котораго доднесь много в целости…» [24, с. 162]. Руины этого города под названием Eski Endery были настолько заметны, что отражались даже на европейских картах последней трети XVIII в.[9]

Между линиями W и WbN впадает река, которая делится на два рукава. Тут мы имеем дело с изображением дельты реки Терек. Между этими двумя рукавами нарисована крепость, с пояснительной записью черными чернилами قلعة ترك «қалʿа тирик» («крепость Терки»). В рисунке также использован красный цвет. Пространство между этими двумя линиями на некотором расстоянии от берега усеяно мелкими точками, под которыми, по всей видимости, подразумевается мелководье либо отмели. В этом же пространстве обозначен уже указанный выше крупный остров. В связи с этим фрагментом любопытно, что на «Карте мира, от восточных побережий Америки до Индии», составленной в 1516 г. Весконте Маджоло, в низовьях Терека указан рисунок крепости и обозначены сразу два населенных пункта под названием Askaray[10] .

Примечательно, что на рассматриваемой нами карте приведены четыре населенных пункта, находящиеся ныне на территории современного Дагестана: крепость Терки, Эндирей, Тарки и Дербент.

Далее в пространстве, образованном линиями WbN и WNW, протекает безымянная река, которая впадает в море на пересечении линии WNW с побережьем. По всем признакам это р. Кума.

Между WNW и NWbW недалеко от берега нарисован остров, весьма приближенный по местоположению к острову Тюлений. В пространстве между NWbW и NW ни в море, ни на суше нет никаких значимых объектов. В пространстве NW и NWbN море глубоко вдается в сушу, образуя залив, в который впадает река, обозначенная на карте надписью черными чернилами نهر اتل «нахр атил» («река Атил»), что соответствует современной р. Волга. На правом берегу реки у самого побережья изображена крепость и черного цвета надпись к ней гласит قلعة اژدرهان «қалʿа аждархāн» («крепость Аждархан»). При отображении крепости также использована красная краска. На значительном удалении на север от этой реки надпись красными чернилами تابع مسقو «таби‘ мусқӯ»[11] («подвластный Москве»). В этом же пространстве, с севе-

9. Santini Paolo. Carte de la Partie Septentrionale de l Empire Otoman [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.raremaps.com/gallery/detail/31130/carte-de-la-partie-septentrionale-de-lempire-otoman-m-rizzi-zannoni (дата обращения: 25.6.2023).

10. World Chart, from Eastern Coasts of America to India. Portolan Chart. Naples. Available at: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Vesconte_Maggiolo (дата обращения: 12.7.2023)

11. Примечательно, что в арабографическом варианте написания названия Москва букве «к» соответствует арабская буква ق «каф», тогда как в современном написании используется буква ك «каф».

ро-востока, в залив со стороны NWbN и NNW впадают две безымянные реки (видимо, рукава Волги). Залив этот захватывает половину побережья пространства NWbN и NNW. В этом заливе изображены 18 островов разной величины. В этом же пространстве NWbN и NNW имеется запись красными чернилами مملکت اژدرهان «мамлакат аждархāн» («владение Аждархан»). Причем эту надпись можно прочесть двояко, а именно в сочетании с предыдущей надписью она может иметь и такую форму مملکت اژدرهان تابع موسقو «мамлакат аждархāн тāби‘ мусḳӯ» («владение Аждархан, подвластная Москве»). Судя по надписи, она могла быть внесена после вторичного утверждения в Астрахани ставленника Москвы Дервиша Али (1554 г.), но не позднее, чем ханство окончательно утратило собственную субъектность в составе Московской Руси (1556 г.) [25, с. 162–163].

На всей протяженности, образованной лучами NNW и NbW, не отображены населенные объекты.

Вызывает удивление представленная на карте широкая сеть рек, впадающих в Каспийское море, особенно на восточном побережье. На сегодняшний день они здесь практически полностью отсутствуют. Тем не менее, на спутниковых картах четко просматриваются их высохшие русла. Подобное положение вещей объяснимо опорой автора на более ранние исторические сообщения, описывающие ситуацию, характерную для 1301–1373, отмеченную в регионе частыми и обильными дождями и повышенной влажностью в целом [26, p. 89; 27, p. 280].

Наличие у Пири Реиса европейских источников хорошо известно. Он и сам упоминал среди них некие 4 португальские карты [28, p. 135]. В их числе была анонимная португальская карта (существует версия об авторстве португальского картографа Педро Рейнеля), известная как Kunstmann III, ок. 1506 г., потерянная во время Второй мировой войны. Именно с ней более всего совпадений на карте мира 1513 г. Вполне логично предположить, что ему была известна и карта Kunstmann II (другое название «Четыре пальца»)[12], также датируемая началом XVI в. и приписываемая находившемуся на португальской, а затем испанской службе знаменитому флорентийскому географу Америго Веспуччи [30, p. 36–37]. Последняя карта примечательна исключительно точным для своей эпохи отражением очертаний Каспийского моря. К сожалению, её ветхое состояние не позволяет прочесть многие надписи вдоль побережья. Если учесть мнение Г. Макинтоша, что Каспийское море было изображено Пири Реисом и на несохранившемся фрагменте карты мира 1513 г. [28, p. 136], то появляется дополнительный аргумент в пользу связи портулана «Бахр-и Хазар» с картами из серии Kunstmann. Также очевидно сходство очертаний Каспия на карте Kunstmann II и на уже упоминавшейся «Карте мира, от восточных побережий Америки до Индии» 1516 г. Весконте Маджоло.

По мнению современного чешско-американского историка картографии С. Соучека, одним из главных примеров для подражания для Пири Реиса являлись карты Isolario (от итальянского *isola* – остров) Эгейского моря венецианца Бартоломео Далли Сонетти (Bartolomeo Dalli Sonetti), датируемые 1477 г. Причем родство их не только содержательное, но и жанровое. Согласно С. Соучеку, по ряду характеристик генетическое родство «Китаб-и бахрие» с Isolario несомненно. Карты в жанре *Isolario*

12. Kunstmann II [Электронный ресурс] Режим доступа: https://upload. wikimedia.org/wikipedia/commons/b/b2/1500s_Kunstmann_II_Portolan.jpg (дата обращения: 18.12.2024).

представляли собой красиво украшенные портуланы, посвященные не столько описанию морей, сколько островов в них и изначально предназначались для вручения в качестве подарка, что мы видим и на примере судьбы сборника карт Пири Реиса. Турецкий адмирал позаимствовал у Бартоломео Далли Сонетти способ изображения розы ветров и мелководья и не характерные для обыкновенных портуланов пространные преамбулы и комментарии к картам [31, p. 277, 279].

Фигура Бартоломео Далли Сонетти особенно примечательна его возможным авторством карты Каспийского моря из «Атласа Корнаро», известной как Egerton MS 73 [32, p. 21] и проанализированной нами в сопоставлении с рукописным портуланом В. Маджоло 1519 г. [11, с. 768–790].

Копии вышеперечисленных карт могли попасть в распоряжение Пири Реиса в качестве трофеев при захвате португальских, итальянских или даже испанских кораблей. Кроме того, еще одним из каналов получения турками интересующей картографической информации о Прикаспие могла быть династия венецианских картографов Фредуччи, тесно связанная с османским двором [33, p. 8]. Представители данного семейства были, например, хорошо знакомы с картой Фра Мауро, который, по мнению картографа Л. Багрова, опирался на некий неизвестный источник, автор которого был хорошо знаком с Восточным Прикаспием [34, с. 27]. Отметим, что в своё время, анализируя портулан Весконте Маджоло 1519 г. в сопоставлении с «Лесинским портуланом» и картами Каспийского моря из коллекции Egerton, мы также пришли к мнению о наличии у них общего протографа [11, с. 782–783].

При выяснении источников карты о восточном побережье Каспийского моря также следует помнить, что на рынках Таны венецианцы нередко встречали купцов из Средней Азии [35, p. 138]. Впрочем, высокая степень компетентности итальянцев в ширванском и североиранском шёлке, позволявшая им иметь отдельные обозначения для его разновидностей, производимых в Карабахе, Гиляне, Гяндже, Талыше и Мазандаране, свидетельствует об их непосредственной и интенсивной торговле с указанными регионами [36, p. 426].

Естественно, что круг источников великого картографа не ограничивался только европейскими сведениями. Первая треть XVI в. — это эпоха стремительной экспансии Османской империи, вышедшей на юге к берегам Аравийского моря, на западе достигшей Ливийского залива и готовившейся к дальнейшему прыжку в западном направлении. Немалый интерес представляло для османов и восточное направление, где шло укрепление позиций вдоль азовского и черноморского побережий. Уже во второй половине XVI в. лично хорошо знакомый с Пири Реисом великий визирь Мехмет Соколлу (1505–1579) дважды попытается завести турецкий флот на Каспийском море [37, p. 13; 38, с. 30–31].

Кроме того, часть персидских источников могла попасть в распоряжение турецкого адмирала через всё тех же итальянцев. По мнению советского историка географических открытий Якова Света, автор первых портуланов генуэзец Доменикано Дориа в своей работе опирался в том числе и на богатый опыт иранских космографов, главным центром которых была великолепная обсерватория в Мараге (Иранский Азербайджан), созданная по приказу ильхана Хулагу [35, с. 56].

Некоторую информацию о Прикаспии могли поведать турецким картографам

астраханские, дагестанские и среднеазиатские паломники, а также члены дипломатических миссий. Так, на исходе 1547 г. в Дагестан султанским правительством был направлен чиновник Эс-сейид Касим, с тем чтобы передать султанскую награду «Кырым Шамхалу хану камикских (кумыкских) татар» («Kırım Samhâl Han hân-ı Tâtârân-ı Kâmîk»)[13]. Подобное поощрение дагестанского владетеля свидетельствует о наличии дружественных отношений между ним и Османами и в предыдущий период.

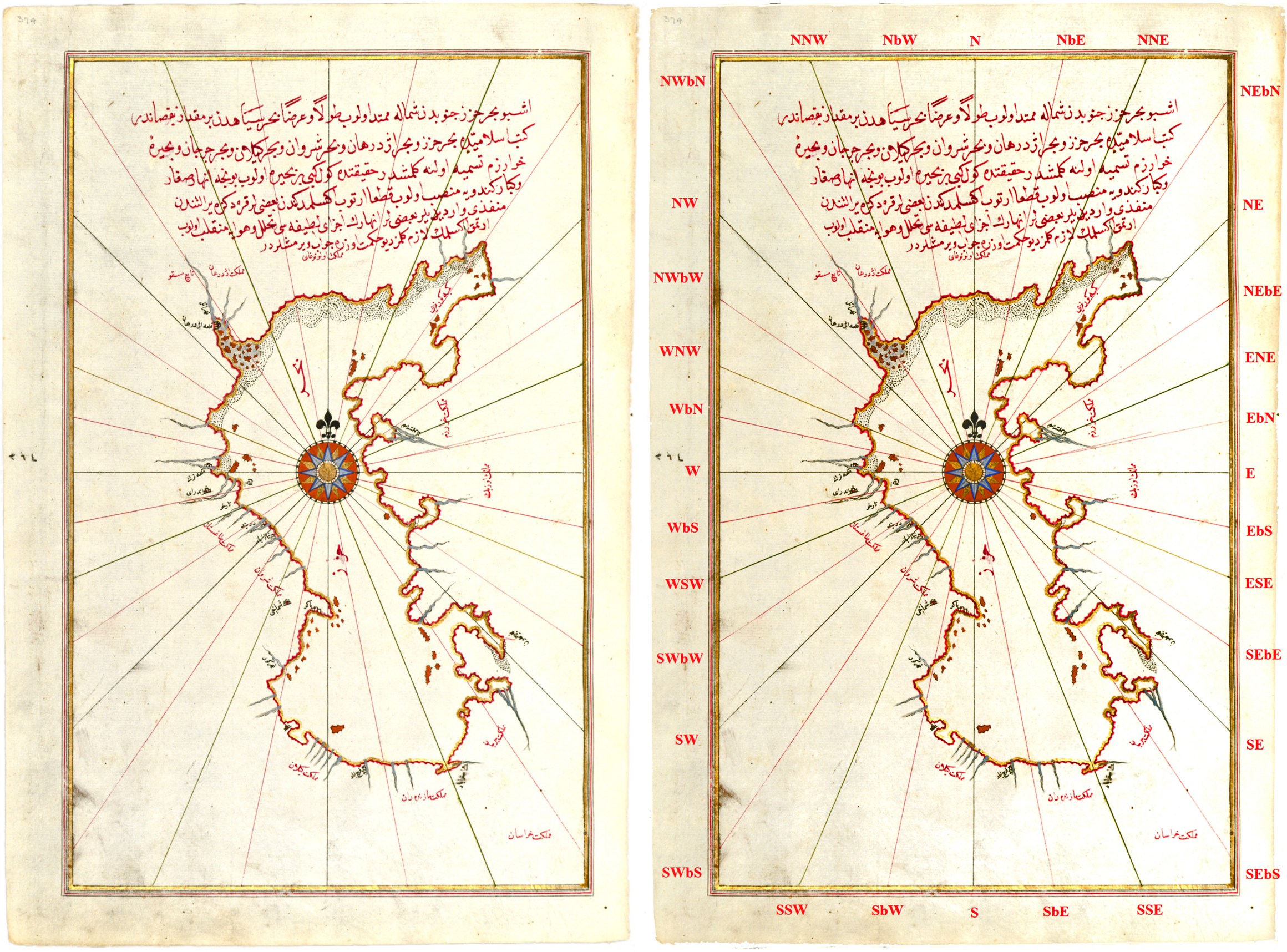
Подобно тому, как знаменитая карта Пири Реиса 1513 г. не перестает удивлять очертаниями вновь открытых земель Южного Полушария, так и портулан «Бахр-и Хазар» изумляет высокой степенью информированности автора. Превзойти его смогла лишь «Картина плоская моря Каспийскаго от устья Ярковского протока дельты Волги до залива Астрабатского по меридиану возвышаетца в градусах и минутах, глубина в саженех и футах. Рисована в Астрахане и выгравирована на меди в Санкт Питер Бурхе. 1720 год», составленная на основе изысканий Карла ван Вердена и Фёдора Соймонова в 1719–1721 гг. по личному поручению Петра I с целью подготовки будущего Персидского похода [13, с. 32] и включенная Ф. Соймоновым в изданный в 1731 г. «Атлас Каспийского моря» [7, с. 1, 2, 3, 4]

Таким образом, портулан Каспийского моря Пири Реиса является уникальным памятником истории Прикаспия. Помимо прочего, портулан «Бахр-и хазар» является ценным источником по истории трансгрессии Каспийского моря. Примечательно также, что это один из ранних письменных документов, в котором фиксируется название региона Дагестан.

Благодарность. Авторы выражают благодарность за консультацию преподавателю исторического отделения факультета искусства и литературы Хатайского Университета Мустафы Кемаля Исмаилу Бюлбюлю.

Acknowledgments. The authors extend their sincere gratitude to Ismail Bülbül, a lecturer at the Department of History of the Faculty of Art and Literature of Hatay Mustafa Kemal University, for his expert consultation.

13. Başbakanlık Osmanlı Arşivi: KK 1864, 46a.



Caspian Sea by Pirî Reis, d. 1554
// Walters Art Museum, W.658, fol 374a, © 2011 Walters Art Museum, used under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 3.0 license: http://creativecommons.org

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пири Реис*. Книга о мореплавании. Баку: Ecoprint, 2019. – 704 с.

2. *Özen M.E.* Piri Reis Ve Müntehab-I Kitab-I Bahriye // Osmanlı bilimi araştırmaları VII/2 (2006). S. 119-131.

3. *Nemlioğlu Y.K.* Mare Hircanum, Bahr-I Hazar, Gulzum denghiz, Bahr Gilan and Kaspiskoye more: the Caspian Sea on historical maps // Turkish studies social sciences. Vol. 13/18, Summer 2018. Pp. 959-977.

4. *Абдулгаффар Кырыми.* Умдет ал-ахбар. Кн.5 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 200 с.

5. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды / Отв. ред. М.А. Усманов. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. – 764 с.

6. *Филиппов Н.М.* Об изменении уровня Каспийского моря // Записки Русского географического общества. Т. 20. № 2: СПб Тип. Имп. Акад. наук, 1890. – 112 с.

7. *Соймонов Ф.* Атлас Каспийского моря. СПб.: Печатано в типографии Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе, 1731. – 7 с.

8. *Волков И.В.* Вымышленное название Лаэти для городища Актобе // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. № 6. 2016. С. 21–38.

9. *Бартольд В.В.* Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. Т. II. Ч. 1. М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 1024 с.

10. *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906. – 638 с.

11. *Идрисов Ю.М., Ханмурзаев И.И.* «Рукописный портулан Каспийского моря 1519 года» Весконте Маджоло как источник по исторической географии Прикаспия // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 4. С. 768–790.

12. *Сыворoткин В.Л.* «Каспийский узел» и его исследователи // Пространство и Время. 2011. № 1(3). С. 144–148.

13. *Соймонов Ф.П.* Описание Каспийскаго моря и чиненных на оном россйиских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великаго / Трудами тайнаго советника, губернатора Сибири и ордена святаго Александра кавалера, Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала его превосходительства, в бытность его службы морским офицером; И с внесением, где потребно было, дополнениями академии наук конференц-секретаря, профессора истории и историографа Г.Ф. Миллера. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1763. – 380 с.

14. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Отв. ред. Н.Л. Рубинштейн; перев. Ю.В. Готье. М.: Соцэкгиз. 1937. – 308.

15. *Goldschmidt E.P., Crone G.R.* The Lesina portolan chart of the Caspian Sea (with a commentary by Gerald R. Crone) // Geographical Journal. 1944, №. 103. Pp. 272–278.

16. *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. – 206 с.

17. *Челеби Э.* Книга путешествия. Вып. 2. М.: Наука, 1979. – 290 с.

18. *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе. М.: Восточная литература, 2003. – 847 с.

19. *Буцковский А.М.* Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии // История, география, этнография Дагестана. Архивные материалы / Акад. наук СССР. Дагест. филиал; под ред. М. О. Косвена отв. ред. Х. М. Хашаева. – М., Издательство восточной литературы, 1958. – 367 с.

20. Кумыкско-русский словарь / Ред. З.З. Бамматов. М.: Советская энциклопедия, 1969. – 408 с.

REFERENCES

1. Piri Reis. *A book of navigation*. Baku: Ecoprint, 2019. (In Russ)

2. Özen ME. Piri Reis Ve Müntehab-I Kitab-I Bahriye. *Osmanlı bilimi araştırmaları*. 2006, 7(2): 119-131. (In Turk)

3. Nemlioğlu YK. Mare Hircanum, Bahr-I Hazar, Gulzum denghiz, Bahr Gilan and Kaspiskoye more: the Caspian Sea on historical maps. *Turkish studies of social sciences*. 2018, 13/18: 959-977. (In Turk)

4. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-akhbar. Book 5 2: Translation. Series "Yazma Miras. Written heritage. Textual Heritage". Vol. 5 / Transl. from Ottoman Yu.N. Karimova, I.M. Mirgaleeva; general and scientific edition, preface and comments by I.M. Mirgaleeva*. Kazan: Marjani Institute of History, 2018. (In Russ)

5. Trepavlov VV. *History of the Nogai Horde. Ed. M.A. Usmanov. 2nd ed., rev. and extended.* Kazan: Kazan Real Estate Publ., 2016. (In Russ)

6. Filippov NM. On changes in the level of the Caspian Sea. *Proceedings of the Russian Geographical Society*. Vol. 20. No. 2: Saint-Petersburg Tip. Imp. Academy of Sciences, 1890.

7. Soimonov F. *Atlas of the Caspian Sea*. Saint-Petersburg: Printing house of the Maritime Ministry, Main Admiralty, 1731.

8. Volkov IV. The fictitious name Laeti for the Aktobe settlement. *Vestnik Prikaspiya: archeology, history, ethnology*. 2016; 6: 21–38. (In Russ)

9. Bartold VV. *General works on the history of Central Asia. Works on the history of the Caucasus and Eastern Europe. Vol. II. Part 1*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 1963. (In Russ)

10. Olearius Adam. *Description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back*. Saint-Petersburg: A.S. Suvorin, 1906. (In Russ)

11. Idrisov YuM., Khanmurzaev II. "Manuscript portolan of the Caspian Sea of 1519" by Vesconte Maggiolo as a source on the historical geography of the Caspian region. *Zolotoordynskoe Obozrenie*. 2021;9(4): 768-790. (In Russ)

12. Syvorotkin VL. "Caspian Tie" and its researchers. *Prostranstvo i Vremya*. 2011, 1(3): 144-148. (In Russ)

13. Soimonov FP. *Description of the Caspian Sea and the Russian conquests carried out on it, as part of the history of the sovereign Emperor Peter the Great. Through the works of the secret adviser, governor of Siberia and the Order of St. Alexander Knight, Fyodor Ivanovich Soimonov, selected from the journal of his excellency, during his service as a naval officer; And with the addition, where necessary, of the Academy of Sciences conference secretary, history professor and historiographer G.F. Miller*. Saint-Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1763. (In Russ)

14. *English travelers in the Moscow state in the 16th century. Ed. N.L. Rubinstein; transl. Yu.V. Gautier*. Moscow: Sotsekgiz, 1937. (In Russ)

15. Goldschmidt EP., Crone GR. The Lesina portolan chart of the Caspian Sea (with a commentary by Gerald R. Crone). *Geographical Journal*. 1944, 103: 272-278.

16. Dmitriev NK. *Grammar of the Kumyk language*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. (In Russ)

17. Chelebi E. *Travel Book*. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1979. (In Russ)

18. Alikberov A.K. The era of classical Islam in the Caucasus. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2003. (In Russ)

19. Butskovsky AM. *Military topographical and statistical description of the Caucasian province. History, geography, ethnography of Dagestan. Archival materials. Eds. M. O. Kosven, Kh. M. Khashaev*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 1958. (In Russ)

20. *Kumyk-Russian dictionary. Ed. Z.Z. Bammatov*. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1969. (In Russ)

21. Early voyages and travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen, with some account of the first intercourse of the English with Russia and Central Asia by way of the Caspian Sea. Vol. I. New York, B. Franklin, 1886. – 176 p.

22. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т.3. 1905. – 2204 стб.

23. Российско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. – 336 с.

24. *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 464 с.

25. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. 2 изд. испр. и доп. М.: Восточная литература, 2006. – 303 с.

26. *Opała-Owczarek M., Niedźwiedź T.* Last 1100 yr of precipitation variability in western central Asia as revealed by tree-ring data from the Pamir-Alay// Quaternary Research 91 (1). Pp. 81-95.

27. *Ryabogina N.E., Yuzhanina E.D., Idrisov I.A., Borisov A.V.* Peat palaeorecords from the arid Caspian lowland in Russia: environmental and anthropogenic effects during the second half of the Holocene // Quaternary Science Reviews. 2022. Vol. 280. P.107417. DOI: 10.1016/j.quascirev.2022.107417.

28. *McIntos G.* "The Piri Reis Map of 1513 is Important Because …," // Uluslararası Piri Reis ve Türk Denizcilik Tarihi Sempozyumu: 500 yılın ardından Piri Reis ve eserleri bildiriler, 26-29 Eylül 2013, ed. Osman Gümüşçü, 6 vols. (Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2014. Pp. 133-144

29. *Almeida B.* Chart of the week [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.medea-chart.org/single-post/chart-of-the-week-the-kunstmann-iii-chart-1501-1502-anonymous-portuguese (дата обращения: 29.6.2023)

30. *Metcalf A.C.* Amerigo Vespucci and the Four Finger (Kunstmann II) World Map. e-Perimetron. 2012, vol. 7. №. 1. Pp. 36–44.

31. *Soucek S.* Islamic charting in the Mediterranean // Islamic Charting in the Mediterranean // Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies. Vol. 2. Book 1. The University of Chicago Press, 1992. Pp. 263-292.

32. *Maglaque E.* The Literary Culture of the Renaissance Venetian Empire [Электронный ресурс] Режим доступа: https://research-repository.st-andrews.ac.uk/bitstream/handle/10023/18024/Maglaque_2017_IT_LiteraryCultureVenice_AAM.pdf?sequence=1 (дата обращения: 16.7.2023).

33. *Van Duzer C.* Nautical charts, texts, and transmission: The case of Conte di Ottomano Freducci and Fra Mauro // Electronic British Library Journal. 2017, article 6. Pp. 1–65.

34. *Багров Л.* Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб.: Типография Морского Министерства, 1912. – 112 с.

35. *Свет Я.* После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М. Наука.1968. – 237 с.

36. *Khvalkov I.A.* The colonies of Genoa in the Black Sea region: evolution and transformation. M., 2015. – 584 pp.

37. *Kurat A.* The turkish expedition то Astrakhan' In 1569 and the problem of the Don Volga canal // The Slavonic and East European Review, Vol. 40, №. 94 (Dec., 1961). Pp. 7-23.

38. *Гусейн Ф.А.* Османо-Сефевидская война 1578-1590 гг. Баку: Нурлан, 2005. – 216 с.

21. *Early voyages and travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen, with some account of the first intercourse of the English with Russia and Central Asia by way of the Caspian Sea. Vol. I.* New York, B. Franklin, 1886.

22. Radlov VV. *Experience of a dictionary of Turkic dialects*. Vol. 3, 1905. (In Russ)

23. *Russian-Dagestan relations of the 17th – first quarter of the 18th centuries. Documents and materials.* Makhachkala: Dagknigoizdat, 1958. (In Russ)

24. Tatishchev VN. *Selected works*. Leningrad: Nauka, 1979. (In Russ)

25. Zaitsev IV. *Astrakhan Khanate. 2nd ed. corr. and extended.* Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2006. (In Russ)

26. Opała-Owczarek M., Niedźwiedź T. Last 1100 yr of precipitation variability in western central Asia as revealed by tree-ring data from the Pamir-Alay. *Quaternary Research*. 2019, 91(1): 81–95.

27. Ryabogina NE., Yuzhanina ED., Idrisov IA., Borisov AV. Peat palaeorecords from the arid Caspian lowland in Russia: environmental and anthropogenic effects during the second half of the Holocene. *Quaternary Science Reviews*. 2022, 280: 107417. DOI: 10.1016/j.quascirev.2022.107417.

28. McIntos G. "The Piri Reis Map of 1513 is Important Because …," *Uluslararası Piri Reis ve Türk Denizcilik Tarihi Sempozyumu: 500 yılın ardından Piri Reis ve eserleri bildiriler, 26-29 Eylül 2013, ed. Osman Gümüşçü, 6 vols.* Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2014: 133-144. (In Turk)

29. Almeida B. *Chart of the week*. Available at: https://www.medea-chart.org/single-post/chart-of-the-week-the-kunstmann-iii-chart-1501-1502-anonymous-portuguese (date of access: 29.6.2023)

30. Metcalf A.C. *Amerigo Vespucci and the Four Finger (Kunstmann II) World Map. e-Perimetron*. 2012, 7(1): 36-44.

31. Soucek S. I*slamic charting in the Mediterranean. Islamic Charting in the Mediterranean. Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies. Vol. 2. Book 1.* The University of Chicago Press, 1992: 263-292.

32. Maglaque E. *The Literary Culture of the Renaissance Venetian Empire* Available at: https://research-repository.st-andrews.ac.uk/bitstream/handle/10023/18024/Maglaque_2017_IT_LiteraryCultureVenice_AAM.pdf?sequence= 1 (date of access: 16.7.2023).

33. Van Duzer C. Nautical charts, texts, and transmission: The case of Conte di Ottomano Freducci and Fra Mauro. *Electronic British Library Journal*. 2017; 6: 1-65.

34. Bagrov L. *Materials for a historical review of maps of the Caspian Sea*. Saint-Petersburg: Maritime Ministry Publ., 1912.

35. Svet I. *After Marco Polo. Travels of Western foreigners to the countries of the three Indies*. Moscow: Nauka, 1968. (In Russ)

36. Khvalkov IA. *The colonies of Genoa in the Black Sea region: evolution and transformation*. Moscow, 2015.

37. Kurat A. The Turkish expedition to Astrakhan' In 1569 and the problem of the Don Volga canal. *The Slavonic and East European Review*. 1961, 40(94): 7-23.

38. Gusein FA. *Ottoman-Safavid War of 1578-1590*. Baku: Nurlan, 2005. (In Russ)

Поступила в редакцию 15.01.2024 г.
Принята в печать 24.04.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 15.01.2024
Accepted 24.04.2024
Published 15.06.2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202246-259

Исследовательская статья

Костикян Кристине Петросовна
д.и.н., старший научный сотрудник, профессор
Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран), Ереван, Армения
Институт востоковедения, НАН РА, Ереван, Армения
Ереванский государственный университет, Ереван, Армения
Российско-Армянский университет, Ереван, Армения
kr.kostikyan@gmail.com

Степанян Геворг Срапионович
д.и.н. старший научный сотрудник
Институт Истории, НАН РА, Ереван, Армения
sasun-07@mail.ru

Товмасян Анаит Араиковна
младший научный сотрудник
Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран), Ереван, Армения
anahittovmasyan@inbox.ru

ДЖИЗЙА В ВОСТОЧНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Аннотация. Основной целью статьи является всестороннее изучение джизйи, подушной подати, взимаемой с немусульманского населения Восточного Закавказья в XVII – первой половине XIX вв., в период нахождения региона под властью иранских государств Сефевидов и Надир-шаха, затем местных ханов до и после их перехода под власть Российского государства. Эмпирический анализ данных источников, проведенный вместе с изучением научного материала по тематике, взят в качестве методологической основы для данной работы. Сведения источников использованы в статье методом сравнительно-исторического изучения информации источников. В статье рассматриваются данные источников о размере джизйи в период господства шахов Сефевидской династии и Надир-шаха над Восточным Закавказьем. Информация о подушной подати, взимаемой с иноверцев на территориях мусульманских ханств, образованных в регионе после падения власти Надир-шаха, позволяет утверждать, что взимание джизйи продолжалось во второй половине XVIII в., а в Шекинском ханстве – и после перехода под власть Российского государства до середины XIX в. В результате исследования размера подушной подати на разных этапах данного периода, наблюдается его значительное увеличение во второй половине XVIII в. на территории Шекинского ханства. Увеличение размера джизйи, переименованной в этом ханстве в «абришом-и дин» (перс. шелк за веру) и «ипак дини» или «дин ипаки» (тур. шелк за веру), в данном ханстве, являлось одним из проявлений религиозной нетерпимости местного Хаджи-Челеби хана к христианам, ставшей причиной для принятия мусульманства многими из них. На основе данных документов, рассмотренных в статье, можно утверждать о тяжелой налоговой политике, проводимой в отношении армян и удинов Шекинского ханства и после его перехода под власть Российского государства вплоть до середины XIX века.

Ключевые слова: джизйа; подушная подать; шелк за веру; Восточное Закавказье; Шекинское ханство; христиане.

Для цитирования: Костикян К.П., Степанян Г.С., Товмасян А.А. Джизйа в Восточном Закавказье в XVII – первой половине XIX в. // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 246-259. doi.org/10.32653/CH202246-259

© Костикян К.П., Степанян Г.С., Товмасян А.А., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202246-259

Research paper

Kristine P. Kostikyan,
Dr. Sci., Senior Researcher, Professor
Mashtots Institute of Ancient Manuscripts, Yerevan, Armenia;
Institute of Oriental Studies of NAS RA, Yerevan, Armenia;
Yerevan State University, Yerevan, Armenia;
Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia
kr.kostikyan@gmail.com

Gevorg S. Stepanyan,
Dr. Sci., Senior Researcher
Institute of History of NAS RA, Yerevan, Armenia
sasun-07@mail.ru

Anahit A. Tovmasyan,
Junior Researcher
Mashtots Institute of Ancient Manuscripts, Yerevan, Armenia
anahittovmasyan@inbox.ru

JIZYA IN EASTERN TRANSCAUCASIA FROM THE 17TH TO THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Abstract. This article aims to provide a comprehensive examination of jizya, the poll tax levied on non-Muslim populations in Eastern Transcaucasia from the 17th to the first half of the 19th century. This period encompasses the region's governance under the Iranian Safavid and Nader Shah states, followed by local khanates before and after their incorporation into the Russian Empire. The methodological foundation of this study rests on an empirical analysis of primary sources, complemented by a review of relevant scholarly literature. The comparative-historical method is employed to analyze information from these sources. The article explores source data on jizya rates during the dominion of Safavid dynasty shahs and Nader Shah over Eastern Transcaucasia. Evidence regarding the poll tax imposed on non-Muslims in Muslim khanates, established in the region following Nader Shah's fall, indicates that jizya collection persisted through the second half of the 18th century. In the Sheki Khanate, this practice continued even after its integration into the Russian Empire until the mid-19th century. The study reveals a significant increase in the poll tax rate in the Sheki Khanate during the latter half of the 18th century. In this khanate, jizya was renamed "abrishom-i din" (Persian – silk for faith) or "ipak dini" / "din ipaki" (Turkish – silk for faith). The increase in jizya rates in the Sheki Khanate reflected the religious intolerance of the local Hajji Chelebi Khan towards Christians, prompting many to convert to Islam. Based on the documents examined, the article argues that a burdensome tax policy was implemented against Armenians and Udins in the Sheki Khanate, persisting even after its incorporation into the Russian Empire until the mid-19th century.

Keywords: jizya; poll tax; silk for faith; Eastern Transcaucasia; Sheki Khanate; Christians

For citation: K.P. Kostikyan, G.S. Stepanyan, A.A. Tovmasyan. Jizya in Eastern Transcaucasia from the 17th to the first half of the 19th century. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 246-259. doi.org/10.32653/CH202246-259

© K.P. Kostikyan, G.S. Stepanyan, A.A. Tovmasyan, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

Анонимный грузинский автор XVIII в. сообщает о наличии значительного числа грузин и армян, живущих под властью Хаджи Челеби хана Шекинского, которые, однако, «предпочитают скрывать свою веру» [1, с. 154]. Сведения же армянских авторов XIX в. утверждают об интенсивной исламизации христианского населения Восточного Закавказья в XVIII–XIX вв. Число исламизированных армян к концу XIX в., согласно их данным, достигало 14000–15480 семей [2, с. 368; 3, с. 148] и около 100000 душ [4, с. 193].

Эти сведения и данные побудили нас исследовать причины утаивания христианской веры и обстоятельства, сложившиеся в Восточном Закавказье, повлиявшие на социально-экономическое положение христиан, а также склонившие их к принятию ислама. Такими обстоятельствами могли быть налоги, в особенности, джизйа, или ее измененные варианты, которые взимались только с христиан и в зависимости от размера могли повлиять на их положение и стимулировать принятие ими ислама.

Джизйа – подушная подать, взимаемая с членов немусульманских общин монотеистических верований (иудеи, христиане, а также зороастрийцы), находившихся под защитой (аз-зимма) арабских мусульманских завоевателей [5]. Джизйа взималась в большей части мусульманского мира разным образом в зависимости от местных экономических условий, времени и географических особенностей.

Теологическое обоснование для взимания джизйи есть в Коране (9:29), где отказ от принятия ислама допустим только в случае уплаты подушной подати, которая является и отличительным налогом, и платой за защиту [5]. Подушную подать должны были платить зрелые свободные мужчины, от нее освобождались дети, женщины, старики, нищие и немощные. Размер джизйи варьировался в зависимости от места и времени [6, с. 548]. Выплата джизйи была обязательным условием мирного проживания всех иноверцев, имевших юридический статус зиммия, в мусульманских государствах [7, с. 435]. Существование данного налога определяло неравноправное социально-экономическое положение христиан в мусульманском государстве и способствовало принятию ими ислама.

Изучение вопроса о джизйе в Восточном Закавказье в XVII–XVIII вв. тесно связано с общими установками, относящимися к подушной подати с иноверцев в Иране. Территория Восточного Закавказья, начиная с 1538 г., входила в состав Сефевидского государства, а после падения власти Сефевидов на короткое время была подчинена власти Надир-шаха Афшара (1736–1747).

В связи с колониальной политикой некоторых европейских государств на Востоке, а также с укреплением торгово-экономических связей Ирана с государствами Европы усилился интерес европейских правителей и главы католической церкви к внутренним социально-экономическим и этноконфессиональным реалиям Сефевидского Ирана. С целью ознакомления с ними в государство Сефевидов отправляются посланники и путешественники, которые изучают Иран и сопредельные страны, составляя свои путевые заметки и описания иранского общества, истории и культуры. По интересующей нас тематике ценную информацию содержат работы Антония Дженкинсона, Адама Олеария, Рафаэля дю Мана, Энгельберта Кемпфера, Филиппа де Авриля и т.д,

Многие проблемы истории христианского населения Восточного Закавказья наиболее детально и объективно отражены в трудах армянских авторов Закарии Агулисского, Есаи Хасан-Джалаляна, Абраама Кретаци, Саркиса Джалаляна.

Для истории Восточного Закавказья во второй половине XVIII в. исключительную важность представляют сведения русских первоисточников. По вопросам, связанным с налогообложением христианского населения, есть информация в работах академика Самуила Гмелина и некоторых участников (П. Буткова, И. Дренякина, Ф. Симоновича и т.д.) военной компании 1796 г. под командованием графа В. Зубова.

Документальные источники, в частности, шахские указы данного периода, дают четкую информацию об официальном размере джизйи. Корреспонденция же на персидском, армянском и русском языках между представителями царских властей и местного населения дополняет информацию о подушной подати в первой половине XIX в.

Информация названных источников о джизйе уже частично изучена и использована исследователями. Однако существует также немало неиспользованных данных, в которых, хотя и отсутствует название налога «джизйи» как такового, но есть другое название, связанное с верой, – «*абришом-и дин*» (перс. – шёлк за веру), «*ипак дини*», «*дин ипаки*» (тур. – шёлк за веру), или же прямое указание источников на его характерную особенность: взимание подушной подати только с немусульманского населения.

Джизйа, как подушная подать, всесторонне исследована в некоторых трудах советских ученых. А.Д. Папазян, И.П. Петрушевский, А.П. Новосельцев, М.Р. Арунова и К.З. Ашрафян подробно анализируют этот вопрос в своих работах, посвященных социально-экономической истории Ирана и Закавказья. Зарубежные историки (В. Флор, Б. Фрагнер, В. Морен и т.д.), для изучения данного вопроса пользуются в основном описаниями и данными европейских путешественников и миссионеров, а также нередко в своих исследованиях опираются на результаты и заключения вышеназванных советских востоковедов.

Данные русских источников о подушной подати, взимаемой с армян, выявлены и детально использованы Г. Мхитарян для воссоздания этнорелигиозной картины и истории армян в Восточном Закавказье во второй половине XVIII в. [8].

Информация документальных источников о тяжелом налогообложении некоторых христианских селений Шекинской провинции частично исследована П. Чобаняном в ходе анализа сведений Георгия Авалишвили о видном армянском общественном деятеле Арутюне Араратском [9, с. 131–136].

С применением сравнительно-исторического метода в статье проводится детальный анализ сведений источников о взимании и размере подушной подати с иноверцев в Восточном Закавказье в XVII – первой половине XIX в. В работе с критическим подходом использованы также исследования, касающиеся данного вопроса.

Христиане Восточного Закавказья

Христианство Армянской Апостольской Церкви было официальной религией Албанского царства, начиная с IV в. Албанская церковь, находящаяся в зависимости от Армянской Апостольской церкви, объединяла армян и албанцев Восточного Закавказья и пыталась защищать права местных христиан, живущих под властью мусульманских правителей.

Влияние Армянской Апостольской Церкви в регионе, усиленное использованием армянского языка в качестве официального языка Албанской Церкви, а также большим количеством армян, эмигрировавших на территорию Восточного Закавказья после падения Армянского царства (XI в.), играло важную роль в жизни и в этноконфессиональном самосознании местных христиан.

Территория Гянджи-Карабаха была одной из областей, наиболее густонаселенных армянами [10, с. 249, 251–252]. Большое число христиан жило на территории Ширванского вилайета, включающего область Шеки. Значительную часть местного христианского населения данной области составляли удины. Удинский язык, сохранившийся до второй половины XX в. среди жителей селений Ниж и Варташен, принадлежит к группе лезгинских языков Восточно-Кавказской языковой семьи [11, с. 208].

Путешественники XVI–XVII вв. указывают на наличие большого количества армянского населения в городе Шемахе. Антоний Дженкинсон, посетивший Шемаху во второй половине XVI в., утверждает, что «теперь он в большом упадке и населен главным образом армянами» [12, с. 205]. После него Адам Олеарий в 1638 г. указывает на наличие большой группы армян в городе, а также о том, что они составляют большую часть пехоты местного хана [13, с. 526]. Позднее французский иезуит Филипп де Авриль, посетивший город в 1686 г., говорит о 30000 армян, составляющих большинство всего населения города, насчитывающего от 50000 до 60000 душ [14, с. 75–76].

Основываясь на численности войска (10000), которое, как предположил Израел Ори, могло быть собрано с местного христианского населения для участия в освободительном движении, исследователь А. Айвазян подсчитывает всего 100000 армян (т.е. христиан армянского вероисповедания К.К.) в провинции Ширвана в конце XVII в. [15, с. 63].

Джизйа в Сефевидском Иране, включающем области Восточного Закавказья

С 1538 г. до начала XVIII в. территория Восточного Закавказья, включённая в состав Сефевидского государства Ирана [9, с. 245], составляла части административных единиц (беглербегств) Ширвана и Ганджи-Карабаха.

В первой половине XVII в., по данным Адама Олеария, армяне Ирана платили подушную подать в размере 2 рейхсталеров, равной 8 аббаси [13, с. 180]. Если учесть, что 1 аббаси был равен 200 динарам [16], то размер подати составлял 1600 динаров. По данным Закарии Агулисского, в 1666 г. подушная подать, взимаемая с населения Агулиса, составляла 2500 динаров [17, с. 61]. Таким образом, размер подати увеличился примерно до 12 аббаси. Согласно этим данным, во второй половине XVII в. в Сефевидском государстве размер джизйи в денежном эквиваленте составлял от 8 до 12 аббаси в зависимости от места и времени ее взимания.

Во второй половине XVII в. официальный размер этого налога в золотом эквиваленте, согласно сведениям разных источников, не менялся. Рафаэль дю Ман в 1660 г.

утверждает, что он был равен 1 мискалю (около 4,5 гр) золота [18, с. 46]. Официально тот же размер джизйи зафиксирован в указе шаха Сулеймана Сефевида, выданного еврейской общине в Гиляне в 1691 г. [19, с. 48]. Следовательно, разница выплачиваемой суммы была результатом инфляции денежных единиц, которая наблюдалась в Сефевидском государстве [20, с. 110, 134]. Финансовые чиновники высчитывали размер джизйи согласно курсу аббаси и динара, после чего назначали общую сумму на определенные христианские общины.

По наблюдению Виллема Флора, джизйа в Сефевидском государстве налагалась общей суммой на общины армян, иудеев и зороастрийцев и ее размер в течении XVII в. увеличивался. Учёный, также ссылаясь на информацию французских миссионеров Рафаэля Дю Мана и Сансона, отмечает рост джизйи и в золотом эквиваленте [21, с. 187–188]. Эта тенденция увеличения подушной подати особенно ощутима на примере Новой Джульфы. Известно, что в правление Шаха Аббаса джизйа была равна 180 туманам, к 1683 г. ее размер вырос до 580 туманов [6, с. 548–549]. По всей видимости, официальный размер, отмеченный в вышеназванном указе шаха Сулеймана, всё-таки нарушался его чиновниками, так как период характеризуется общим ослаблением центральной власти, ростом чиновничьего произвола и коррупции в Сефевидском государстве [22, с. 307].

Увеличенная часть, связанная также с инфляцией и обесцениванием монет, называлась термином «*тафавут-е джизйа*» (تفاوت جزیه – перс. разница джизйи). Как отмечает А. Папазян на основе изученных им документов, это надбавка на взимавшийся с иноверцев подушный налог раз в несколько лет добавлялась к джизйе после общей переписи населения в Сефевидском государстве, и «случалось, что разница была столь велика, что превышала основную сумму» [23, с. 234]. В эпоху Сефевидов джизйа и тафавут-е джизйа, взимаемые с определенного селения подсчитывались и записывалась в реестрах в общей сумме на имя данной общины. Джизйа и тафавут-е джизйа занимали важное место в бюджете Сефевидского государства, а общая сумма обоих налогов иногда составляла больше половины всех налогов, взимаемых с отдельных селений [23, с. 234–235].

Незадолго до падения Сефевидской власти в Закавказье, по свидетельству Есайи Хасан-Джалаляна, была проведена перепись населения, и размер налогов, в том числе и джизйи, вырос в три раза [24, с. 19].

Подушная подать, взимаемая за веру, иногда становилась причиной вероотступничества, особенно среди неимущих слоев населения. В частности, французский путешественник XVIII в. Турнефор утверждал, что в случае неуплаты налога армяне либо подвергались исламизации, либо порабощались [25, с. 301–302]. Вероотступничеству всячески старалась препятствовать Армянская Церковь, с этой целью иногда она сама платила за нуждающихся армян, или же поощряла имущих армян, чтобы те платили за неимущих. Этот факт зафиксировал Тавернье, который путешествовал на территории Восточной Армении и посещал Святой Престол и католикоса всех армян в Эчмиадзине [26, с. 11].

Данные источников о размере подушной подати в Восточном Закавказье в период правления Надир-шаха и местных ханов

В 1725 г. после длительных боёв османским войскам удалось захватить Гянджу, а затем и территорию Шеки и Шемахи [27, с. 50]. В последующий период до военного наступления Надира в 1735 г. значительная часть Восточного Закавказья находилась под властью Османской империи.

Сведения источников о джизйе в Восточном Закавказье после падения власти Сефевидов рассмотрены в работе советского учёного И. Петрушевского, который, к сожалению, неправильно интерпретировал сведения армянского историка и католикоса Абраама Кретаци. Петрушевский говорит об отмене джизйи указом Надир-шаха [28, с. 283], тогда как и в армянском оригинале раннего издания[1] и во французском переводе М. Броссе, на которое советский востоковед ссылается[2], также, как и в последующем критическом издании данного источника[3], речь идет о равном налогообложении армян и «кызылбашей» на территории Ереванского ханства, «за исключением джизйи». К тому же Петрушевский игнорирует другое сведение того же источника об урегулировании данного налога в Шемахе по просьбе местных армян [29, с. 65, 30, с. 309]. Ту же неверную трактовку сведений армянского автора, ссылаясь на Петрушевского, повторяют А. Новосельцев [32, с. 804], Н. Гёзалова [33, с. 227] и В. Флор [21, с. 189].

Согласно данным Абраама Кретаци, в 1736 г. по просьбе армян Шемахи он, являясь католикосом Эчмиадзина, обратился Надир-шаху с просьбой урегулировать взимание джизйи в Ширванской области. Соответственно, указом шаха размер джизйи был установлен «в прежнем размере, равном 3,5 курушу с семейного человека и 1,5 курушу – с холостых парней» [31, с. 254]. По некоторым данным, в середине XVIII в. 15 курушей были равны одному туману или 10,000 динаров [34, с. 141], из чего следует, что сумма джизйи указом Надир-шаха в Ширване была установлена в размере примерно 2300 динаров с женатого мужчины, и соответственно 1000 динаров – с неженатого. Просьба об урегулировании размера джизйи и установлении его в денежной единице Османской империи, вероятно, была связана с предыдущим периодом господства Османской империи в областях Ширвана и Гянджи [35, с. 30, 31]. По некоторым данным, размер джизйи в государстве Османов в 1743 г. составлял 11, 5,5, 2,75 курушей, в зависимости от имущественного состояния налогоплательщика [36]. Такая разница в размере джизйи, видимо, давала возможность чиновникам распределять размер джизйи по своему усмотрению и взимать ее в основном в больших размерах.-Согласно данным налоговых реестров, составленных османскими властями для селения Вагаршапат, общие размеры налогов имели тенденцию к увеличению. Согласно реестру, составленному в 1725 г., общая сумма была равна 91515 акче, а по реестру 1728 г. – 211322 акче [37, с. 442, 443].

Следовательно, данные относительно джизйи в период правления Надир-шаха (1736–1747) в Закавказье дают некое представление и о предшествующем периоде.

По опубликованному в работе М.Р. Аруновой и К.З. Ашрафян указу Надир-шаха от 1739 г., джизйа была полностью снята на три года с армян, грузин, евреев, индийцев и представителей других народов [38, с. 77, 91]. Однако после данного периода чиновники возобновили взимание всех налогов, от которых народ был освобожден

указом. Более того, понеся колоссальные потери во время Дагестанского похода (1741–1743), «Надир рассылал из своей ставки указы о взыскании старых недоимок и податей и за те годы, в течение которых часть населения была освобождена от их уплаты» [38, с. 99].

Надо также учесть, что власть афшаридского шаха в данном регионе была очень шаткой из-за частых восстаний, а в Шекинском ханстве она пала уже в 1743 г. в результате восстания Хаджи Челеби из рода Кара Кешиша, который затем стал ханом и правил до своей смерти в 1755 г. [39, с. 144].

Ввиду отсутствия прямого указания источников на взимание джизйи на территории ханств Восточного Закавказья Петрушевский предполагает, что оно «в некоторых ханствах прекратилось» [28, с. 284].

Однако анализ данных приведенных ниже источников, свидетельствует о том, что на территориях ханств Восточного Закавказья взимание подушной подати продолжалось с некоторыми изменениями не только в период существования ханств, но, в частности, Шекинской провинции и после перехода под власть Российского государства.

Социально-экономическое положение армян и других немусульман Восточного Закавказья в ханствах, образованных в регионе во второй половине XVIII в., ухудшилось. Налоги, налагаемые на них, выросли: они платили не только подушную подать, но и другие дани, чтобы освободиться от религиозного гнета и преследований [7, с. 31–32].

Помимо общих установленных налогов, женатые армяне Шемахи обязаны были платить хану «2 рубля и 40 копеек» в год, не состоящие в браке платили «1 рубль и 20 копеек», а юноши до 20 лет были освобождены от налогов [40, с. 96]. Размер подушной подати, выплачиваемой армянами и евреями Кубинского ханства в конце XVIII в., варьирует от 1 рубля до 2 рублей 10 копеек с женатого мужчины, с 55 копеек до 1 рублей 10 копеек с неженатых [7, с. 32].

Хотя авторы вышеописанных сведений не называют подушную подать джизйей, однако, установленная форма взимания налога: то есть наложение его только на армян мужского пола, разница в размере в зависимости от того состоит ли мужчина в браке или нет, освобождение от выплаты юношей, указывают на сходство с джизйей. Того же мнения придерживается и А. Новосельцев [32, с. 804].

Сведения документальных источников свидетельствуют о притеснениях христиан в Шекинском ханстве в период правления Хаджи-Челеби. Как указывалось ранее, армяне-христиане предпочитали скрывать свою религиозную принадлежность [1, с. 154]. По утверждению Макара Бархутареанца, в период правления Хаджи-Челеби христиане селений Вантам, Куткашен, Заргун, Бум, Хачмас, Патар, Вартанлу, Эрманит, Муханц, Орабан, Кюнгут, Заргун, Птез, Киш (Гис), Кохмух и Малыг Шекинского ханства были обращены в мусульманство [3, с. 147].

Имеется также сведение Саркиса Джалалянца (1819–1879), навестившего селения Шеки в середине XIX в., о том, что «жители Нижа согласились платить за свою веру двойной размер шелка, налагаемый на них Хаджи-Челебием, чтобы остаться христианами и до сих пор платят этот налог» [2, с. 381]. Из этого можно заключить, что джизйу в период правления Шекинского хана Хаджи Челеби христиане выплачивали шёлком, и эта подушная подать была настолько тяжёлой, что многие жители, а также целые селения, принимали ислам, чтобы освободиться от данного налога.

Из сведений Саркиса Джалалянца следует также, что подушную подать, выплачиваемую в двойном размере жителями Нижа, продолжали взимать и после перехода ханств под власть Российского государства, то есть до середины XIX в.

Эти факты подтверждаются источниками начала XIX в. Согласно им, подушная подать с христиан в Шекинском ханстве имела соответствующее название на персидском и тюркском языках: «*абришом-е дин*» (перс. – шелк за веру), «*дин ипаки*» или «*ипак дини*» (тюрк. – шелк за веру)[4].

Сохранилось прошение жителей Нижа и Варташена, адресованное генералу И.В. Гудовичу от 1807 г., об освобождении их от подати «дин ипаг», взимаемой Джафар-Кули-ханом Шекинским (правил ханством в 1806-1814 гг.) [41, с. 429–430]. Генерал, в свою очередь, обратился к Джафар-Кули-хану с требованием прекратить взимание налога за веру с армян Шеки [41, с. 430–431]. Но, как видно из письма католикоса Ефрема, Джафар-Кули привел некие отговорки, в том числе и то, что «подать собирается не за богослужение», после чего И.В. Гудович более не настаивал на его прекращении [41, с. 534–535].

Свет на ход событий данного периода частично проливает другой документ, написанный на персидском языке жителями Нижа и Варташена[5]. Этот документ является клятвенным прошением принявших ислам 8 жителей тех селений. Они клялись, что при прежнем хане они приняли ислам, чтобы не выплачивать налог «абришом-е дин», между тем с них требуют его. Из данного документа следует, что хан прибег к хитрости, взимая подушную подать как с христиан, так и с мусульман названных селений, чтобы показать властям, что данный налог он требовал не за веру и что его взимание не противоречит христианской власти Российского государства.

По Кюракчайскому договору 1805 г., Шекинский хан был обязан ежегодно платить 7000 червонцев [44, с. 531]. Сверх этой суммы, которая и так была велика, Джафар-Кули, усердствуя в служении царской России, выплачивал еще 2000 червонцев. Об этом известно из переписки русского командования 1812 г., где указано, что с этого года сумма в размере 9000 червонцев была установлена как ежегодный налог, выплачиваемый ханом Шекинской провинции [44, с. 549–550].

Джафар-Кули-хан продолжал взимание данного налога и в 1814 г., из-за чего 300 жителей названных селений пришли в Тифлис, чтобы пожаловаться русским властям и требовать налогового облегчения. Но их окружили солдаты и, арестовав 25 из них, сослали на каторгу [8, с. 134]. Как сообщает П. Чобанян, Арутюн Араратян предпринял попытку облегчить участь, сосланных в каторгу крестьян и разрешить данную проблему, доложив русскому правительству о сложившейся ситуации в Шекинском ханстве [8, с. 134–136]. Его детальное письмо подробно описывает обстоятельства данного дела, где, в частности, сообщается, что Джафар-Кули, а после него занявший место хана его сын (Измаил-хан правил до 1819 г.) [45, с. 45], взимали с христиан налог за веру, несовместимую с христианской властью, ежегодно в размере «60 батманов»[6] или «1440 фунтов»[7], то есть примерно 590 кг шелка из трех селе-

4. Эти названия иногда с некоторым искажением (например «дина пак») встречаются в разных источниках периода. См.: Матенадаран. Архив католикосата. П. 1ж. Д. 1526; П. 27. Д. 41 [41, с. 429–430].
5. Клятвенное прошение исламизированных армян Нижа и Варташена // Матенадаран. Архив католикосата. Ф. 1ж. Д. 1526. Этот документ опубликован [42, с. 38–45].
6. Батман – «старинная азиатская весовая единица, допущенная русскими царями к употреблению в инородческих местностях России» … начиная с XVI века. На Кавказе его размер варьировал от 12 до 32 фунтов [45, с. 178]. В данном случае один батман соответствует 24 фунтам.
7. Российский фунт в XVIII–XIX вв. был равен 409,512 граммам [46, с. 881].

ний Варташен, Ниж и Чалет[8]. Этот документ был составлен и представлен царскому правительству в 1815 г. [34, с. 135].

Всего четыре года спустя в описании Шекинской провинции эти селения отмечены среди татарских деревень, с которых взималось, однако, довольно большое количество шелка. Причиной для причисления этих селений к татарским, вероятно, послужила их языковая особенность: как было отмечено выше, селения Ниж и Варташен вплоть до конца XX в. были удинскими.

Данные о тяжелом налогообложении селений Чалет (Джалут), Варташен и Ниж, с жителей которых взималось значительное количество шелка, подтверждаются также данными описания Шекинской провинции, составленного в 1819 г. Согласно им, с Варташена взимали «окладного шелка 23 батмана, каждый батман по цене равной 160 рублю», с Джалута – «непременного сбора по 8 батманов» в общей сумме 1280 рублей (каждый батман по цене равной 160 рублю), то есть 16 батманов, с Нижа – «вместо малджахата … 36 батманов… коего цена батману 150 рублей» [48, с. 16, 36, 79]. Хотя в описании эти налоги не названы джизйей, но отмечено, что они не являются малджахатом – основным налогом, взимаемым с сельских общин за собственность.

Так как часть населения Варташена принадлежала Грузинской церкви, сведения о данном налоге сохранились в переписке грузинского духовенства, где раскрываются некоторые подробности данной проблемы, в частности относительно размера и тяжести этого налога.

В донесении протоиерея Цинамзгварова митрополиту Феофилакту от 16-го апреля 1821 г. говорится: «В числе прочих отяготительных налогов на христиан, находившихся в их подданстве, мусульманская власть Шекинского хана изобрела к искоренению христианской религии особую дань – так называемую дина пак (искаженный вариант тюркского названия «*дин ипаки*». – *прим. Авт.*). Сия дань была из всех податей самая величайшая и которую обязаны были давать ханам одни только христиане за дозволение им оставаться при своей религии, от чего имевшие хотя и достаточное состояние весьма часто доводимы были до крайней бедности, и наконець, не в силах будучи с каждого дыма платить каждогодно ханам по 20-ти фунтов (примерно 8 кг) шелку, по необходимости совращались в мухаммеданство … при нынешней Российской там власти снова начали взыскивать оную с христиан точно также, как и при прежней мухаммеданской власти» [49, с. 408].

Эти сведения и данные вписываются в общую картину, отражающую колониальную политику России в Восточном Закавказье первой половины XIX в. И. Петрушевский, характеризуя ее на основании документальных источниках периода, отмечает, что переход ханств Восточного Закавказья под власть Российского государства не внес большие перемены в их административной системе: «если даже ханства переименовывались в провинции, а во главе их стояли русские провинциальные коменданты, главнокомандующий Закавказьем предписывал управлять по прежним ханским обычаям, не меняя прежнего образа управления» [50, с. 9]. Позднее, В. Тунян, исследуя административно-экономическую политику Российской империи, заключает, что центральная власть старалась воздерживаться от резких перемен в Закавказье, вследствие чего финансовая система оставалась «без изменений для усиления русской ориентации масс» [51, с. 143].

8. Матенадаран. Архив католикосата. Ф. 27. Д. 41.

У нас нет данных о взимании этого налога во второй половине XIX в. и, следовательно, можно предположить, что взимание подушной подати с христиан прекратилось в период управления графа М.С. Воронцова как наместника Кавказа (1844–1853 гг.).

Заключение

Достоверные данные источников позволяют утверждать, что подушная подать или джизйа взималась с христианского населения Восточного Закавказья как в период господства иранских государств Сефевидов и Надир-шаха, так и после падения иранской власти, в период существования полузависимых ханств на его территории. В результате исследования обнаруживаются неточности и неверные интерпретации источников некоторыми исследователями, которые повлияли на дальнейшее понимание вопроса.

Положение христианского населения особенно ухудшилось на территории Шекинского ханства в период правления Хаджи Челеби хана, который увеличил подушную подать, выплачиваемую шёлком местными христианами. Эта тяжелая подать, именуемая «*абришом-и дин*», «*ипак дини*» или «*дин ипаки*», была одним из проявлений религиозной нетерпимости и фактором, стимулирующим исламизацию местных христиан. Этот налог выплачивали жители селений Ниж, Варташен и Чалет и после перехода ханства под власть Российского государства до середины XIX в. Власти России предпочитали не вмешиваться в дела ханства, довольствуясь взиманием больших налогов и поддерживали местные власти в борьбе с недовольными налогоплательщиками.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках гранта Комитета науки Республики Армения 21T-6A163 «Этнополитические проблемы в Восточном Закавказье в XVIII–XIX веках».

Acknowledgement. The study was carried out within the framework of the grant of the Committee of Science of the Republic of Armenia 21T-6A163 “Ethnopolitical problems in Eastern Transcaucasia in the 18th-19th centuries”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меликсет-Бек Л.М. Грузинские источники об Армении и армянах. Т. III. Ереван: Изд. АН АрмССР, 1955. – 346 с. (на арм. яз.)

2. Саркис Джалалянц. Путешествие в Великую Армению. Т. 2. Тифлис: Тип. Дух. школы Нерсисяна, 1858. – 517 с. (на арм. яз.)

3. Макар Бархутареанц. Страна Агванк и соседи. Арцах, Ереван: Изд. Гандзасар, 1999. – 416 с. (на арм. яз.)

4. Газар Иофсепян. Армяне-мусульмане Нухинской губернии // Луйс, иллюстрированный журнал, ред. Е. Топчяна. 1905. С. 192–200. (на арм. яз.)

5. Moreen V.B. Jezya // *Encyclopædia Iranica*. Vol. XIV/6. P. 643–645. Available online at http://www.iranicaonline.org/articles/jezya (accessed on 20 November 2023).

6. Fragner B.G. Social and Internal Economic Affairs // The Cambridge History of Iran. Vol. VI. edited by P. Jackson. Cambridge-London-New York, Cambridge University Press, 1986. P. 491–568.

7. Savory RM. Relations between the Safavid State and its Non-Muslim Minorities // Islam and Christian-Muslim Relations. 2003. №14 (4). P. 435–458.

8. Мхитарян Г.Ж. Армяне в этноландшафте Восточного Закавказья во второй половине XVIII века // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 1. С. 26–38. DOI: https://doi.org/10.32653/CH18126-38

9. *Чобанян П.А.* Путевые записки грузинских авторов и их сведения об армянах. Ереван: Изд. АН АрмССР, 1981. – 200 с. (на арм. яз.)

10. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов. Т. 2. Ч. II. / П. Арутюнян, С. А. Тер-Авакимова. Ереван: Изд. АН АрмССР, 1967, – 420 с.

11. *Gippert J.G.* Relative Clauses in Vartashen Udi Preliminary Remarks // Iran and the Caucasus. Vol. 15. Brill, 2011. P. 207–230.

12. Антоний Дженкинсон. Путешествие в Персию (1561–1564 гг.) // Английские путешественники в Московском государстве, в XVIII–XIX вв. Ленинград: Тип. ОГИЗа РСФСР треста «ПолиграфКнига», 1937. С. 193–215.

13. Адам Олеарий. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием / Перевод П. Барсов. М.: Изд. Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1870. – 1174 с.

14. Philippe Avril. Travels into Divers Parts of Europe and Asia, undertaken by the French King's order to discover a new way by land into China. London: Printed for Tim/ Goodwin, 1693. – 369 p.

15. Айвазян А.М. Демография Восточного армянства в XVII–XVIII веках и численный состав армянского войска в 1720-х годах. Ереван: НТ Холдинг, 2022. – 664. (на арм. яз.)

16. Avery P.W., Fragner B.G., Simmons J.B. Abbāsī // Encyclopædia Iranica, an updated version available online at ABBĀSĪ – Encyclopaedia Iranica (iranicaonline.org) (accessed on March 7, 2023).

17. Дневник Закария Акулисского. Ереван: Изд. Армфана, 1939. – 160 с.

REFERENCES

1. Melikset-Bek LM. *Georgian sources about Armenia and Armenians*. Vol. III, Yerevan: AS ArmSSR, 1955. (In Armenian).

2. Sarkis Jalalyants. *Travel to Great Armenia*. Vol. 2. Tiflis, 1858. (In Armenian).

3. Makar Barkhudareants. *The Country of Aghuank and its neighbors*. Artsakh. Yerevan: Gandzasar Publ., 1999. (In Armenian).

4. Ghazar Hovsep'ean. The Muslim Armenians of Nukha province. *Illustrated journal Luys*, ed. E. Topchyan, 1905: 192-200. (In Armenian).

5. Moreen VB. Jezya. *Encyclopædia Iranica*. 14(6): 643-645. Available at: http://www.iranicaonline.org/articles/jezya (Accessed on November 20, 2023).

6. Fragner B.G. Social and Internal Economic Affairs. *The Cambridge History of Iran.*, ed. by P. Jackson. Cambridge-London-New York, Cambridge University Press. 1986, 6: 491-568.

7. Savory RM. Relations between the Safavid State and its Non-Muslim Minorities. *Islam and Christian-Muslim Relations*. 2003, 14(4): 435–458.

8. Mkhitaryan GZh. Armenians In the Ethnic Landscape of East Transcaucasia in The Second Half of the 18th Century. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022, 18(1): 26–38. DOI: https://doi.org/10.32653/CH18126-38

9. Chobanyan PA. *Travel Notes of the Georgian Authors and their information about the Armenians*. Yerevan: AS ArmeSSR, 1981. (In Armenian).

10. Armenian-Russian Relations in the first third part of the 18th Century. Collected documents. Vol. II, Part II. Yerevan, 1967.

11. Gippert J.G. Relative Clauses in Vartashen Udi Preliminary Remarks. *Iran and the Caucasus*. Brill, 2011, 15: 207-230.

12. Antoniy Jenkinson. Travel to Persia (1561-1564). *English Travellers in the Muscovite State in the 18th-19th centuries*. Leningrad, 1937: 193-215.

13. Adam Oleariy. Detailed Description of Golstein Embassy in Muscovy and Persia in 1633, 1636 and 1639, compiled by Adam Oleariy, the secretary of the Embassy. Trans. by P. Barsov. Moscow, 1870.

14. Philippe Avril. *Travels into Diverse Parts of Europe and Asia, undertaken by the French King's order to discover a new way by land into China*. London: Printed for Tim/ Goodwin, 1693.

15. Ayvazyan A.M. *Demography of the Eastern Armenians in the XVII-XVIII centuries and the Strength of Armenian Army in the 1720s*. Yerevan: NT Holding, , 2022. (in Armenian).

16. Avery P.W., Fragner B.G., Simmons J.B. Abbāsī. *Encyclopædia Iranica*, updated version. Available at: ABBĀSĪ – Encyclopaedia Iranica (iranicaonline.org) (accessed on May 7, 2023).

17. *The Diary of Zakariya of Agulis*. Yerevan, 1939.

18. Raphael Du Mans. *L'estat de la Perse en 1660. Publié avec notes et appendice par Ch. Schefer*. Paris, 28 Rue Bonaparte, 28, 1890. (In French).

18. Raphael Du Mans. L'estat de la Perse en 1660. Publié avec notes et appendice par Ch. Schefer. Paris, 28 Rue Bonaparte, 28, 1890. – 464 p.

19. Зайцев И.В., Костикян К.П. Указ сефевидского шаха Сулеймана еврейской общине Гиляна из собрания Государственной публичной исторической библиотеки в Москве // Ирано-славика. № 2 (22). М., 2010. С. 48–49

20. Matthee R.P., Floor W.M., Clawson P.L. The Monetary History of Iran from the Safavids to the Qajar's. London, I.B. Tauris & Co Ltd, 2013. – 374 p.

21. Floor W.M. A Fiscal History of Iran in the Safavid and Qajar Periods, 1500-1925. New York: Bibliotheca Persica Press, 1999. – 526.

22. Roemer H.R. Safavid Period // The Cambridge History of Iran. Vol. VI, edited by P. Jackson. Cambridge-London-New York: Cambridge University Press, 1986. P. 189–351

23. Папазян А.Д. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI–XVII веках. Ереван: Изд. АН АрмССР, 1972. – 302 с.

24. Есаи Хасан-Джалалян. Краткая история страны Албанской (1702–1722). Баку: Изд. "Элм", 1989. – 48 с.

25. Tournefort, Joseph Pitton. A Voyage into the Levant Performed by Command of the Late French King. Vol. 3. London: Printed for D. Browne, A. Bell, J. Darby [and 8 others], 1741. – 404 p.

26. Tavernier, Jean-Baptiste. The Six Voyages of John Baptista Tavernier. London: William Godbid, 1678. – 658 p.

27. Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана. Баку: изд. АН АзССР, 1964. – 100 с.

28. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в. Ленинград: изд. Ленинградского гос. университета им. А. А. Жданова, 1949. – 383 с.

29. Абраам Кретаци. Повествование. Вагаршапат: Тип. Эчмиадзинского монастыря, 1870. – 130 с. (на арм. яз.)

30. *Brosset M.F.* Collection d'Historiens Armeniens, Mon Histoire et celle de Nadir, chah de Perse, par Abraham de Crete, catholicos (259-338). T. II. S.-Petersbourg: Imprimerie de L'Academie Imperieale de Sciences, 1876. – 358 p.

31. Абраам Кретаци. Повествование, крит. текст, перев. на русс. яз., предисл. и коммент. Н. К. Корганяна. Ереван: Изд. АН АрмССР, 1973. – 314 с.

32. Новосельцев А.П. Города Азербайджана и Восточной Армении XVII–XVIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная Европа и мир ислама. К юбилею Татьяны Михайловны Калининой / Отв. ред. тома Б.Е. Рашковский, Е.А. Мельникова, Е.В. Литовских. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. С. 633–838

33. Гезалова Н.Р. Политика Надир Шаха Афшара в отношении армянской общины // Религия и Общество на Востоке. 2021. № 5. С. 220–242. DOI: 10.31696/2542-1530-2021-5-220-242

34. *Иоаннисян А.Г.* Очерки истории армянской освободительной мысли. Кн. 2. Ереван: Изд. АН АрмССР, 1959. – 696 с. (на арм. яз.)

35. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке – М., Наука, 1966. – 320 с.

36. İnalcik H.İ. Osmanlılarda Cizye, Türkiye Diyanet Vakfi

19. Zaycev IV, Kostikyan KP. The Decree of Sefevid Shah Suleyman to the Jewish Community of Gilan from the Collection of the State Public Historical Library in Moscow. *Irano-Slavika*. Moscow, 2010, 2(22): 48–49.

20. Matthee RP., Floor WM., Clawson PL. *The Monetary History of Iran from the Safavids to the Qajars*. London: I.B.Tauris & Co Ltd, 2013.

21. Floor WM. *A Fiscal History of Iran in the Safavid and Qajar Periods, 1500-1925*. New York: Bibliotheca Persica Press, 1999.

22. Roemer HR. Safavid Period. *The Cambridge History of Iran*, edited by P. Jackson. Cambridge-London-New York: Cambridge University Press, 1986, 6: 189–351.

23. Papazyan AD. *Agrarian Relations in Eastern Armenia in 16th-17th Centuries*. Yerevan: AS ArmSSR.

24. Yesayi Khasan-Jalalyan. *Short History of the Country of Albanya (1702-1722)*. Baku: Elm, 1989.

25. Tournefort, Joseph Pitton. *A Voyage into the Levant Performed by Command of the Late French King*. Vol. 3. London, Printed for D. Browne, A. Bell, J. Darby [and 8 others], 1741.

26. Tavernier, Jean-Baptiste. *The Six Voyages of John Baptista Tavernier*. London: William Godbid, 1678.

27. Abdurakhmanov AA. Azerbayjan in the Relationship Russia, Turkey and Iran. Baku: pub. AS AzSSR.

28. Petrushevskiy IP. Sketches on the History of Feudal Relations in Azerbayjan and Armenia in XVI – beginning of the XIX cc. Leningrad: pub. of State University of Leningrad after M. Zhdanov, 1949.

29. Abraham Kretatsi. *History*. Vagarshapat, 1870. (In Armenian).

30. Brosset MF. *Collection d'Historiens Armeniens, Mon Histoire et celle de Nadir, chah de Perse, par Abraham de Crete, catholicos (259-338)*. T. II, S.-Petersbourg, Imprimerie de L'Academie Imperieale de Sciences, 1876.

31. Abraham Kretatsi. *History*. Critical text, trans. N. Korganyan. Yerevan: AS ArmSSR. 1973.

32. Novoseltsev AP. Cities of Azerbayjan and Eastern Armenia in 17th–18th cc. Eds. B.E. Rashkovskiy, E. A Melnikov, E. V. Litovskikh. Moscow: D. Pozharskiy Univesrity, 2021: 633-838.

33. Gozalova NR. Nadir Shah Afshar's Policy Towards the Armenian Community. *Religion and Society in the East*. 2021, 5: 220–242. DOI: 10.31696/2542-1530-2021-5-220-242.

34. Ioannisan AG. *Sketches on the History of the Idea of Armenian Freedom*. Vol. II. Yerevan: AS ArmSSR, 1959.

35. Markova OP. *Russia, Transcaucasia and International Relations in the 18th century* – Moscow: Nauka, 1966.

36. İnalcik Hİ. *Osmanlılarda Cizye, Türkiye Diyanet Vakfi İslâm Ansiklopedisi*. İstanbul, 1993, 8: 45-48. Available at: CİZYE – TDV İslâm Ansiklopedisi (islamansiklopedisi.org.tr). (In Turkish).

37. Papazyan AD. Turkish Tax Registers of the village Vagharshapat 1725-1728. *Vestnik Matenadarana*. 1960, 5: 431–465 (In Armenian).

38. Arunova M.R, Ashrafyan K.Z. *The State of Nadir Shah Afshar*. Moscow: Vostochnoya Literatura Publ., 1958.

39. Karīm Āqa Fātiḥ. *'Tārīkh-i khānāt-i Shakī', Si risālah dar bāra-i Qafqāz, muqaddamah, taṣḥīḥ va yāddāshtha*

İslâm Ansiklopedisi. Cilt 8. İstanbul, 1993. P. 45–48. Available online: CİZYE – TDV İslâm Ansiklopedisi (islamansiklopedisi.org.tr)

37. Папазян А.Д. Турецкие налоговые реестры села Багаршапат 1725–1728 // Вестник Матенадарана. 1960. №. 5. С. 431–465 (на арм. яз.)

38. Арунова М.Р. Ашрафян К.З. Государство Надир шаха Афшара. М.: Изд. Восточной Литературы, 1958. – 284 с.

39. Karīm Āqa Fātiḥ. 'Tārīkh-i khānāt-i Shakī', Si risālah dar bāra-i Qafqāz, muqaddamah, taṣḥīḥ va yāddāshtha Ḥusayn Aḥmadī. Tihrān: Mū'assasah-i muṭāli'āt-i tārīkh-i mu'āṣir-i Īrān, 1384. C. 131–152.

40. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 3. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1785. – 336 с.

41. Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов. Ред. Ц. Агаян. Т. I. Ереван: Изд. АН АССР, 1972. – 715 с.

42. Костикян К.П. Христиане Шеки и клятвенное прошение армян-удинов // Историко-филологический журнал. № 3. 2023. С. 30–45. (на арм. яз.) Doi:10.54503/0135-0536-2023.3-30

43. Энциклопедический словарь / Ред. И.Е. Андреевский, К.К. Арсеньев, Ф.Ф. Петрушевский. Т. XXXVIII[A]. С.-Петербург: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1903. 960 с.

44. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. V. Тифлис: Изд. Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1873. – 1187 с.

45. Исмаилов Э.Э. Ханы Хойские. Материалы к родословной и биографиям // Известия Азербайджанского историко-родословного общества. Вып. 4. 2003. С. 29–58.

46. Энциклопедический словарь / Ред. И.Е. Андреевский. Т. III. С.-Петербург: Семеновская Типо-Литография (И.А. Ефрона), 1891. – 484 с.

47. Энциклопедический словарь / Ред. И.Е. Андреевский. Т. XXXVI[A]. С.-Петербург: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1902. – 960 с.

48. Описание Шекинской провинции, составленное в 1819 году по распоряжению главноуправляющего в Грузии Ермолова ген.-майором Ахвердовым и ст. сов. Могилевским. Тифлис: Тип. Главного упр. Наместника Кавказа, 1866. – 98 с.

49. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. VI. Ч. I. Тифлис: Изд. Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1874. – 987 с.

50. Петрушевский И.П. Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. Ч. I. М., Л.: Изд. АН СССР, 1936. – 463 с.

51. Тунян В.Г. Административно-экономическая политика самодержавия России в Закавказье I половине XIX в. Ереван: Ав. изд., 2003. – 244 с.

Ḥusayn Aḥmadī. Tihrān: Mū'assasah-i muṭāli'āt-i tārīkh-i mu'āṣir-i Īrān, 1384: 131–152. (In Pers.)

40. Gmelin SG. *A trip across Russia to explore the three kingdoms of nature: Part 3*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1785.

41. *The Annexation of Eastern Armenia to Russia. Collection of documents, ed. Ts. Agayan*, Vol. I. Yerevan: AS ArmeSSR, 1972.

42. Kostikyan KP. Christians in Sheki and the Oath-Petition of the Armenian Udins. *Historical-Philological Journal*. 2023, 3: 30–45. (In Armenian) DOI:10.54503/0135-0536-2023.3-30

43. *Encyclopedic Dictionary*, ed. I.E. Andreevskiy, K.K. Arsenyev, F.F. Petrushevskiy. Vol. XXXVIII[A]. Saint Petersburg, 1903.

44. *Acts Collected by the Caucasian Archeographical Committee*. Vol. V. Tiflis, 1873.

45. Ismayilov EE. Khans of Khoy. Materials to the Pedigree and Biographies. 2003, 4: 29–58.

46. *Encyclopedic Dictionary*, ed. I.E. Andreevskiy. Vol. III. Saint Petersburg, 1891.

47. *Encyclopedic Dictionary,* ed. I.E. Andreevskiy, Vol. XXXVI[A]. Saint Petersburg, 1902.

48. *Description of Shaki Province, composed in 1819 according to the order of Ermolov, Commander in Chief in Georgia by Gen.-Major Akhverdov and state consultant Mogilyovskiy*. Tiflis: pr. typ. of viceroy in Caucasus, 1866.

49. *Acts Collected by the Caucasian Archeographical Committee*. Vol. VI. Part I. Tiflis, 1874.

50. Petrushevkiy IP. *Colonial Policy of Russian Tsarizm in Azerbaijan in 20-60s of the 19th Century*. Part I. Moscow-Leningrad: AS SSSR, 1936.

51. Tunyan VG. *Administrative-Economical Policy of the Monarchy of Russia in Transcaucasia in the first half of the 19th Century*. Yerevan, 2003.

Поступила в редакцию 03.12.2023 г.
Принята в печать 07.03.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 03.12.2023
Accepted 07.03.2024
Published 15.06.2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202260-279

Исследовательская статья

Закарияев Замир Шахбанович,
д.и.н., проф. кафедры востоковедения, руководитель
Центра археографических и эпиграфических исследований им. А.Р. Шихсаидова
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
zzakariyaev@yandex.ru

АРАБОЯЗЫЧНЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ И ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ НАДПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. ИЗ СЕЛЕНИЯ ЯЛАК АХТЫНСКОГО РАЙОНА ДАГЕСТАНА

Аннотация. Целью статьи является представление результатов изучения некоторых эпиграфических памятников на арабском языке, обнаруженных автором в горном лезгинском селении Ялак Ахтынского района Дагестана. В ней впервые вводится в научный оборот содержание восьми надписей на арабском языке второй половины XIX в. в жанре строительных текстов и связанного с ним жанра владельческих надписей. Некоторые из публикуемых надписей являются комбинированными. К примеру, надпись над входом в Джума-мечеть представляет собой синтез двух жанров арабской эпиграфики Дагестана – жанра строительных надписей и историко-правового жанра «соглашений» (*иттифак*). Все представленные надписи датированы и составлены по случаю окончания ремонтно-строительных работ в Джума-мечети, а также частных жилых построек. Все плиты с надписями украшены декором, а некоторые из них представляют собой высокохудожественные образцы дагестанского искусства декоративной резьбы по камню. Надписи содержат имена владельцев частных жилых домов, имена профессиональных мастеров-строителей, резчиков-каллиграфов, а также выборных сельских старшин. Все они были жителями Ялака. Представляет интерес социальная терминология текстов. Строительные и владельческие надписи Ялака, как и других селений Ахтынского района, нередко сопровождаются назиданиями, философскими сентенциями и отрывками из средневековых поэтических произведений. Установлено, что наибольшей популярностью у составителей надписей в регионе пользовались стихи ʻАли б. Аби Талиба (ум. в 661 г.). Переводы и описания арабских текстов снабжены комментариями. Просопографические сведения надписей дополнены архивными данными, включая Посемейные списки селения Ялак от 1850, 1865, 1873 и 1886 гг.

Ключевые слова: арабская эпиграфика; Дагестан; селение Ялак; лезгины; строительные надписи; владельческие надписи

Для цитирования: Закарияев З.Ш. Арабоязычные строительные и владельческие надписи второй половины XIX в. из селения Ялак Ахтынского района Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 260-279. doi.org/10.32653/CH202260-279

© Закарияев З.Ш., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202260-279

Research paper

Zamir Sh. Zakariyaev,
Dr. Sci., Prof. at Dep. of Oriental Studies,
Head of Shikhsaidov Center of Archeographic and Epigraphic Studies
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
zzakariyaev@yandex.ru

ARABIC CONSTRUCTION AND OWNERSHIP INSCRIPTIONS FROM THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY IN YALAK VILLAGE, AKHTYNSKY DISTRICT OF DAGESTAN

Abstract. This article aims to present the results of a study on select Arabic epigraphic monuments discovered by the author in the mountainous Lezgin village of Yalak, located in the Akhtynsky district of Dagestan. It introduces the content of eight Arabic inscriptions from the second half of the 19th century, categorized within the genres of construction texts and related ownership inscriptions. Some of the published inscriptions are hybrid in nature. For instance, the inscription above the entrance to the Juma Mosque represents a synthesis of two genres of Arabic epigraphy in Dagestan – construction inscriptions and the historical-legal genre of "agreements" (ittifaq). All presented inscriptions are dated and were composed to commemorate the completion of renovation and construction work on the Juma Mosque and private residential buildings. The inscription plates are adorned with decorative elements, with some exemplifying high-quality specimens of Dagestani stone carving art. These inscriptions contain the names of private homeowners, professional builders, calligrapher-carvers, and elected village elders, all of whom were residents of Yalak. The social terminology used in the texts is of particular interest. The construction and ownership inscriptions from Yalak, as well as from other villages in the Akhtynsky district, are often accompanied by moral admonitions, philosophical maxims, and excerpts from medieval poetic works. It has been determined that the verses of ʻAli ibn Abi Talib (d. 661) were most favored by the inscription composers in the region. Translations and descriptions of the Arabic texts are provided with commentary. The prosopographical information from the inscriptions is supplemented with archival data, including the Population Census of Yalak village from 1850, 1865, 1873, and 1886.

Keywords: Arabic epigraphy; Dagestan; Yalak; Lezgins; construction inscriptions; ownership inscriptions

For citation: Z.Sh. Zakariyaev. Arabic construction and ownership inscriptions from the second half of the 19th century in Yalak village, Akhtynsky district of Dagestan. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 260-279. doi.org/10.32653/CH202260-279

© Z.Sh. Zakariyaev, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Лезгинское селение Ялак (лезг. *Ялахъ*) Ахтынского района Дагестана расположено в горах левобережья реки Самур, на высоте 1640 м над уровнем моря. Здесь сохранилось немало ценных разножанровых надписей на арабском языке. Все они выявлены, прочтены и переведены нами. Часть из них нами опубликована [1, с. 556–557; 2, с. 88, 91, 93–94; 3, с. 567–568]. Особую группу эпиграфических памятников Ялака составляют строительные и владельческие надписи второй половины XIX в. Все они выполнены местными резчиками-каллиграфами, т. е. жителями Ялака. Плиты со строительными и владельческими надписями отличаются сходными чертами композиционного-художественного оформления, почерка, манеры и техники нанесения текстов. Одной из отличительных особенностей этих плит является нанесение надписей в плоском рельефе. Основной целью статьи является введение в научный оборот содержания этих арабских текстов. Орфография публикуемых арабских текстов сохранена.

1. Джума-мечеть. В выходящей на галерею фасадной (западной) стене Джума-мечети, что расположена в центре старой части села, установлено несколько плит с арабскими надписями. Три из них изготовлены по случаю окончания ремонтно-восстановительных работ, имевших место в 1865-66 г. Над входом в мечеть вмонтирована массивная каменная плита размерами 123 (длина) на 65 (высота) см (Рис. 1). Это одна из самых крупных плит подобного рода во всем Южном Дагестане. Одновременно эта плита является ярким образцом искусства резьбы по камню. Вся ее поверхность покрыта рельефными каллиграфическими надписями, выполненными плотным арабским почерком *насх* и изысканным растительным орнаментом. Орнаментальная композиция построена на основе двусторонней осевой (зеркальной) симметрии. Плита раскрашена натуральными цветными красками и установлена на резном деревянном входном портале, покрытом великолепной геометрической резьбой. По краям плиты нанесена широкая орнаментальная кайма – изящная строчная композиция растительного мотива с переплетающимися стеблями, пальметтами и полупальметтами. Центральное узорчатое поле, заполненное плотным каллиграфическим текстом, сопровождают две крупные, симметрично расположенные растительные композиции, составленные из побегов, листьев, пальметт и полупальметт.

Текст четырех прямоугольных картушей содержит стихи, авторство которых приписывается правнуку пророка Мухаммада Зайну ал-‘Абидину ‘Али б. Хусайн б. ‘Али б. Аби Талиб (умер в 713 г.):

(١) تفكر اين اصحاب السّرايا وارباب الصّوافن والعشارى
(٢) واين الاعظمون يدا وباسا واين السّابقون لد الفخارى
(٣) واين القرن بعد القرن منهم من الخلفاء والشّم الكبارى
(٤) كان لم يخلقوا اولم يكونوا وهل حىّ يصان عن البوارى

Перевод:

«1) Подумай! Где предводители несметных войск? Где те, кто скакал на конях и кобылицах?

2) Где те, кто обладал величием и славой? И где те, что надменно ступали [по этой земле]

3) из поколения в поколение, сменяя друг друга? Где те правители и высокомерные гордецы?

4) Ведь ушли они, будто их и не было вовсе! Разве живой может спастись от погибели?!»

В некоторых эпиграфических памятниках Дагестана зафиксированы более полные варианты этого популярного у составителей надписей стихотворного произведения [4, с. 133].

Текст центрального поля представляет собой синтез двух жанров дагестанской эпиграфики – жанра строительных надписей и историко-правового жанра «соглашений» (*иттифак*). В надписи подчеркивается роль сельской общины в ремонте главного культового сооружения селения. Плоский рельеф, почерк *насх*.

(١) الحمد لله الذى خصّصنا من امّة سيّد الانام و
(٢) جعل المساجد فى القرى والبلدان من شعار الاسلام
(٣) ليقيم فيهم الصلوة بالجماعات والطاعات والعبادات والقيام قد
(٤) اتفق جميع جماعات اليلاقى لتجديد المسجد الجامع للخاص والعام
(٥) وعمروها احسن من ما عمروها من قبل هذا بتوفيق الملك العلاّم ١٢٨٢

Перевод:

«1) Хвала Аллаху, Который определил нам из *уммы*[1] Господина людей[2] и

2) устроил в селениях и городах мечети как символы ислама,

3) для совершения в них коллективных молитв, [изъявления] покорности [Аллаху], богослужения и отправления [обрядов].

4) Договорилась (*иттафака*) вся община Ялака (*джами‘ джама‘ат ал-Йалаки*) о ремонте (*тадждид*) пятничной мечети в частном и общем,

5) и они (члены общины. – прим. *авт.*) отремонтировали ее (*‘аммаруха*) в лучшем виде, чем она была прежде, при помощи Всеведущего Владыки[3]. 1282 [год]».

1282 г. *хиджры* (мусульманское летоисчисление) начался 27 мая 1865 г. и завершился 15 мая 1866 г.

Центральное поле сопровождает надпись, состоящая из четырех частей, где приводится имя искусного резчика-каллиграфа:

راقم الحجر محلّى الاحقر بعون الجبّار تقبل يا غفّار

Перевод:

«Написал на камне (*раким ал-хаджар*) ничтожнейший Махалли по воле Всемогущего[4]. Прими же [это от меня], о Всепрощающий[5]!».

При имени резчика-каллиграфа отсутствует *нисба*, указывающая на происхождение, однако нами достоверно установлено, что Махалли был ялакцем. Это подтверждается данными Посемейных списков сел. Ялак Самурского округа от 1850 и 1865 гг. из Центрального государственного архива Республики Дагестан[6]. Махалли б. Мухаммад б. Идрис родился примерно в 1830 г., т.е. в год составле-

1. *Умма* – мусульманская община.
2. Речь идет о пророке Мухаммаде.
3. «Всеведущий Владыка» (*ал-Малик ал-‘Аллам*) – эпитет Аллаха.
4. «Всемогущий» (*ал-Джаббар*) – эпитет Аллаха.
5. «Всепрощающий» (*ал-Гаффар*) – эпитет Аллаха.
6. Посемейный список с. Ялак. 1850 г. // ЦГА РД. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2; Посемейный список с. Ялак. 1865 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 3.

ния надписи ему было около 36 лет. Его отец Мухаммад б. Идрис родился около 1790 г. и умер в 1859 г. Из Посемейных списков сел. Ялак от 1850, 1865, 1873 и 1886 гг. следует, что у каллиграфа (*катиб*) Махалли было пятеро сыновей: ʻАли (род. ок. 1855 г.), Мухаммад (род. ок. 1865 г.), Хабил (род. ок. 1867 г.), Насруллах (род. ок. 1870 г.) и Мухаммад-ʻАли (род. ок. 1878 г.). У старшего сына по имени ʻАли, который унаследовал ремесло отца, а также был мастером-печником, в 1884 г. родился сын, которого нарекли именем деда – Махалли[7]. Каллиграф Махалли б. Мухаммад скончался между 1878–1886 гг., поскольку в Посемейном списке сел. Ялак от 1886 г. он уже не значится.

Рассматриваемая плита с надписями, вне всякого сомнения, послужила образцом при создании в 1294/1877 г. одним из сыновей каллиграфа Махалли великолепной плиты с надписями, что хранится ныне у входа в новую Джума-мечеть селения Кака Ахтынского района Дагестана [5]. По всей видимости, автором этой высокохудожественной плиты, изготовленной по случаю завершения ремонтно-строительных работ в мечети сел. Кака[8], был старший сын Махалли – ʻАли. Нами установлено, что третий сын Махалли (Хабил) является резчиком-каллиграфом плиты в стене купольного мавзолея ялакского ученого-богослова, *мударриса* и *мухаджира*[9] Хизри-*эфенди* б. Джамала.

Великолепные каллиграфические арабские надписи и изящный растительный орнамент покрывали прежде всю поверхность стены над рассматриваемой плитой 1865-66 г. и были нанесены на штукатурку натуральными цветными красками. Эти надписи имели ту же датировку, что и арабский текст на каменной плите. Автор этих строк видел эту прекрасную роспись уже в поврежденном состоянии, а в 90-х гг. XX в. роспись, к сожалению, была полностью утрачена.

2. Джума-мечеть. В фасадной стене мечети, справа от входа вмонтирована квадратная плита 36×36 см со строительной надписью из четырех строк (Рис. 2). Плита раскрашена натуральными цветными красками. Текст окаймляет широкая лента с цветочным орнаментом, посреди которого высечены имена пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов. Строки разделены полосами. Низкий рельеф, почерк *насх*.

قد جدد هذا المسجد جامع بيد جماعة يلاغى
واستاذ الجدار است خليل واست اسكندر وسيد
ومنوج وامره وامربك وعبد الله
وكتب الحجر تاهر ابن قفلان ١٢٨٢

Перевод:

«1) Отремонтирована (*джуддида*) эта пятничная мечеть общиной Ялака (*би-йад джамаʻат Йалаги*).

7. Посемейный список сел. Ялак. 1886 // ЦГА РД. Ф. 130. Оп. 1. Д. 58. Мы располагаем сведениями, что внук по имени Махалли (Мухалли) также был искусным каллиграфом. В частности, в 1341 г. *хиджры* (1922-23 г.) он расписал каллиграфическими надписями и орнаментом *михраб* мечети в лезгинском селении Зизик Сулейман-Стальского района Дагестана, оставив авторскую подпись «Сделал это Мухалли Йалаки».
8. Лезгинское селение Кака (*КьакIар*) Ахтынского района расположено по соседству с Ялаком, на левом берегу реки Самур.
9. Во время Кавказской войны *мухаджирами* называли кавказских мусульман, переселившихся на территорию Имамата Шамиля.

2) Мастера-каменщики (*устад ал-джидар*): мастер (*уста*) Халил, *уста* Искандар, Саййид,

3) Манудж (Мануч), Амрах, Амирбек и ʻАбдуллах.

4) Написал на камне Тахир, сын Кафлана. 1282 [год]».

1282 г. хиджры соответствует 27.05.1865 – 15.05.1866 г.

Имя каллиграфа (Тахир) высечено в надписи с буквой < ت > вместо эмфатической < ط >. В тексте приводятся имена сразу восьмерых жителей Ялака. Первые семь непосредственно участвовали в ремонте мечети, а последний (Тахир, сын Кафлана) – резчик-каллиграф плиты. Все упомянутые в тексте ялакцы идентифицируются благодаря данным Посемейного списка сел. Ялак от 1865 г.

Первым среди мастеров указано имя ялакского мастера Халила. Согласно данным Посемейного списка сел. Ялак от 1865 г., лишь один житель Ялака носил имя «Халил» – это Халил б. Шаʻбан б. Сулейман[10]. Халил родился около 1842 г. В Посемейном списке сел. Ялак от 1873 г. указана его ремесленная специализация – «кузнец»[11]. Нет, однако, сомнений в том, что он также был высококвалифицированным мастером-каменщиком. Его приглашали для проведения строительно-ремонтных работ и в соседние селения. Согласно надписи на плите, хранящейся у входа в новую Джума- мечеть селения Кака, именно ялакский мастер *уста* Халил возводил мечеть в этом селении в 1877 г. [5]. Отец Халила – Шаʻбан б. Сулейман родился около 1800 г. Кроме Халила, у него было еще двое сыновей: Шалбуз (род. ок. 1850 г.) и Сулейман (род. ок. 1857 г.). В Посемейном списке сел. Ялак от 1886 г. Шалбуз значится как «кузнец», а Сулейман – «каменщик». Таким образом, все трое братьев были мастеровыми-ремесленниками. *Уста* Халил имел сына по имени Имам-ʻАли (род. в 1869 г.). Согласно данным от 1886 г., Имам-ʻАли занимался «отхожим промыслом» в Тифлисе[12].

Помимо Халила, в надписи еще один мастер отмечен термином *уста* – это Искандар б. Ибрахим (род. ок. 1834 г.), а упомянутый следующим Саййид – его родной брат (род. ок. 1840 г.). Их старшего брата звали Ахмад (род. ок. 1810 г.). В Посемейном списке сел. Ялак от 1873 г. Искандар, сын Ибрахима прямо назван «каменщиком». У него было двое сыновей: ʻАлирза (род. ок. 1857 г.) и Ших-Кайиб (род. в 1872 г.). В свою очередь, ʻАлирза в 1886 г. имел также двух сыновей: Ших-Кайиба (род. в 1884 г.) и Хусейна (род. в 1885 г.). У брата Искандара, Саййида, также было двое сыновей: Исак (род. в 1866 г.) и Саййид-Мухаммад (род. в 1869 г.).

Одним из строителей надпись называет ялакца по имени Манудж (согласно местному произношению – Мануч). В другой надписи от 1282/1865-66 г., расположенной рядом (см. ниже), он значится как *уста* Мануч, т. е. «мастер» Мануч. Ялакец Мануч, сын Махмуда родился около 1805 г. В 1873 г. он еще был жив, а в переписи 1886 г. уже не упоминается. У него было трое сыновей: Курбан (1844–1857), Имран (род. ок. 1850 г.) и Рустам (род. ок. 1853 г.). У последнего было трое сыновей: ʻАзиз-ага (род. в 1872 г.), Имран (род. в 1876 г.) и Мануч (род. в 1879 г.)[13].

10. Посемейный список сел. Ялак. 1865 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 3.
11. Посемейный список сел. Ялак. 1873 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 10.
12. Посемейный список сел. Ялак. 1886 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 58.
13. Там же.

Следующий строитель по имени «Амрах» – это Амрах, сын Ша‘бана (род. ок. 1826 г.). Сразу за ним в надписи упоминается Амирбек, сын ‘Ашурбека (род. ок. 1835 г.). У него были младшие братья ‘Ашурбек (1843–1858) и ‘Али-Султан (род. ок. 1845 г.). Амирбек, сын ‘Ашурбека имел сына по имени ‘Абдул-‘Азиз (род. в 1878 г.).

Последним среди мастеров-строителей надпись называет ‘Абдуллаха, сына Рамазана (род. ок. 1830 г.). В Посемейном списке сел. Ялак от 1873 г. он назван «каменщиком». У него были сыновья Махсум (род. в 1872 г.) и Хаджи-Кайиб (род. в 1874 г.).

Ялакский резчик-каллиграф Тахир б. Кафлан б. Мухаммад в год составления надписи был в возрасте около 30 лет[14]. Следовательно, он родился около 1835 г. Его отец Кафлан, сын Мухаммада, родился около 1800 г., а скончался в 1860 г. Тахир, сын Кафлана, позже совершил паломничество в Мекку, поэтому в Посемейном списке сел. Ялак от 1886 г. он фигурирует уже как *хаджжи* Тахир. У каллиграфа *хаджжи* Тахира был старший брат Мухаммад (род. ок. 1819 – ум. до 1886 г.) и пятеро сыновей: Кафлан (род. ок. 1851 г.), Исрафил (род. ок. 1855 г.), Нух (род. в 1863 г.), ‘Усман (род. ок. 1870 г.) и ‘Абдулкадир (род. ок. 1874 г.)[15].

В книге искусствоведа П.М. Дебирова упоминается несохранившаяся ныне надпись от 1865 г. на камне в кладке мечети селения Зрых[16]. В надписи мастером дверей мечети указан резчик по дереву Тахир, сын Кафлана [6, с. 89]. Предположительно, речь идет о ялакце Тахире, сыне Кафлана. К сожалению, не приводится фотография или прорисовка этой надписи, которая, по П.М. Дебирову, была создана в тот же год, что и рассматриваемая надпись из Ялака.

3. Джума-мечеть. В правой части фасадной стены вмонтирована крупная плита 85×44 см (Рис. 3). По ее бордюру нанесена лента изящного растительного орнамента. В углах плиты высечены имена четырех «праведных» халифов: Абу Бакра, ‘Умара, ‘Усмана и ‘Али. Центральное прямоугольное поле сопровождают симметрично расположенные растительные композиции со сложным орнаментом. Строительный текст центрального поля состоит из пяти строк в картушах. Низкий рельеф, каллиграфический почерк *насх*.

(١) قد جدد هذه المسجد الجامع بيد جماعة
(٢) الييلاغىّ واستاذ الجدار است
(٣) خليل واست منوچ واست اسكان دار
(٤) واست امره واست اميربيك وعبد الله
(٥) ومرقوم الحجر رمضان بن بيرام بيك سنة ١٢٨٢

Перевод:

«1) Отремонтирована (*джуддида*) эта пятничная мечеть общиной

2) Ялака (*би-йад джама‘ат ал-Йайлаги*). А мастера-каменщики (*устаз ал-джидар*): мастер (*уста*)

3) Халил, *уста* Мануч, *уста* Искандар,

4) *уста* Амрах, *уста* Амирбек и ‘Абдуллах.

5) Расписал камень (*маркум ал-хаджар*) Рамадан (Рамазан), сын Байрамбека. 1282 год».

14. Посемейный список сел. Ялак. 1865 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 3.
15. Посемейный список сел. Ялак. 1886 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 58.
16. Лезгинское селение Зрых (*Цуругъ*) Ахтынского района расположено неподалеку от Ялака, на левом берегу реки Самур.

1282 г. *хиджры* соответствует 27.05.1865 – 15.05.1866 г.

Последняя буква в имени «Мануч» (ڇ) снабжена дополнительными точками для передачи звука «ч», который отсутствует в арабском языке. В надписи упоминаются те же мастера-строители, что и в предыдущем тексте, за исключением Саййида. Сразу пять человек названы «мастерами» (*уста*). Это весьма редкий в дагестанской эпиграфике случай перечисления такого количества «мастеров» в одной надписи. Данный факт показывает наличие в селении Ялак в XIX в. целого ряда профессиональных мастеров-строителей и устойчивых ремесленных традиций. Это подтверждается и данными строительных надписей из других селений Южного Дагестана. В частности, профессиональная деятельность ялакских мастеров-строителей и резчиков-каллиграфов зафиксирована нами в надписях XIX в. из селений Ахты, Гогаз, Кака (Ахтынского района), Рутул, Шиназ (Рутульского района), Курах, Ашар (Курахского района). В первой четверти XIX в. известностью в Южном Дагестане пользовался профессиональный ялакский мастер-строитель *уста* Ша'бан, сын Расула.

Устаз (*уста, устад*) – это почти единственный термин, встречаемый в дагестанских строительных надписях для обозначения звания строителя-профессионала. Как отмечает А.Р. Шихсаидов, «звание «устад» – это не просто украшение к имени строителя, и оно не может быть применено к любому строителю вообще. Термином «устад» характеризовался человек творческого труда, достигший высокой квалификации… несомненно, что званием «устада» обладали зодчие, достигшие определенной ступени признания и имевшие учеников. Это и давало зодчим – строителям подобного профессионального «ранга» право именоваться «устадами»» [7, с. 422]. К сказанному следует добавить, что форма *уста* употребляется в надписях региона, как правило, непосредственно перед именем мастера, являясь, в какой-то мере, уже составной частью его имени, в то время как форма *устад* (*устаз*) использовалась лишь для обозначения профессии. Зачастую в одной надписи встречаются обе формы.

Резчиком-каллиграфом надписи указан Рамазан, сын Байрамбека, который также был жителем Ялака. В селении нами обнаружены и другие памятные эпиграфические тексты, созданные им (см. ниже). Рамазан б. Байрамбек б. 'Али родился около 1835 г.[17] Во время составления им надписи на Джума-мечети ему было около 30 лет. Его отец, Байрамбек, сын 'Али, родился около 1806 г. и умер в 1860 г. У Рамазана был младший брат по имени Хашим (род. ок. 1839 г.). В 1886 г., в возрасте около 50 лет, у Рамазана родился сын 'Абдул-'Азиз[18].

Рассмотренные строительные надписи Джума-мечети Ялака подчеркивают роль сельской общины при ремонте главного культового сооружения. В арабоязычной эпиграфике Ялака встречается три варианта передачи названия селения: *Йалаки*, *Йалаги* и *Йайлаги*. Последний вариант наиболее точно соответствует по звучанию слову *яйлагъ* («летнее пастбище»), от которого, согласно самой распространенной версии, происходит название селения.

4. В подсобном помещении Джума-мечети хранится прямоугольная плита 42×30 см (Рис. 4). Прежде плита была установлена над входом в дом Рашидова

17. Посемейный список сел. Ялак. 1865 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 3.
18. Посемейный список сел. Ялак. 1886 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 58.

Кавха в Среднем квартале (*Къулан мягьле*). Владельческая надпись из четырех строк помещена в круглом поле. Строки разделены полосами. Декор плиты состоит из орнаментальных фризов по нижнему и верхнему краям, а также симметричных растительных композиций, окружающих центральное поле. Низкий рельеф, почерк *насх*.

(١) صاحب هذا
(٢) الدّؤر ملا رمضان بن ملا الخاص
(٣) بن كوح شعبان غفر الله لهم
(٤) ١٢٦٧

Перевод:
«1) Владелец (*сахиб*) этого
2) дома *малла* Рамадан (Рамазан), сын *малла* Алхаса,
3) сына *кавха* Ша‘бана, – да простит их Аллах!
4) 1267 [год]».
1267 г. *хиджры* соответствует 06.11.1850 – 25.10.1851 г.

Надпись сообщает имена двух духовных лиц Ялака первой половины XIX в. – хозяина дома и его отца, а также деда, занимавшего должность выборного старшины (*кавха*) селения. *Кавха* Ша‘бан жил, судя по всему, во второй половине XVIII в. Примечательно, что в данной надписи должность старшины обозначена старым термином *кавха* (от перс. *кетхуда*), в то время как в более поздних ялакских надписях второй половины XIX в. старшина уже обозначается тюркским термином *йузбаши* (буквально: «сотник»), который использовался российской администрацией.

Владелец дома *малла* Рамазан[19], сын *малла* Алхаса[20], родился около 1815 г. В 1873 г. у него было трое сыновей: *малла* Алхас (род. ок. 1845 г.), Ша‘бан (род. ок. 1861 г.) и Курбан (род. ок. 1868 г.)[21]. Старший сын, который носил имя своего деда (Алхас), по примеру отца и деда получил исламское образование на арабском языке. *Малла* Алхас, сын *малла* Рамазана, был одним из составителей Посемейного списка сел. Ялак в 1886 г. В это время у него было двое сыновей: Хизри (род. ок. 1878 г.) и Илйас (род. в 1883 г.)[22]. Выявленные нами архивные документы показывают, что Хизри впоследствии также стал знатоком мусульманского права и ритуала (*малла*)[23], а Илйас после революции 1917 г. работал учителем ялакской школы[24].

5. В развалинах старой части села, у дома, принадлежавшего прежде ялакцу Бубалай Казиму, была обнаружена прямоугольная плита 45×40 см (Рис. 5). Центральное прямоугольное поле с текстом сопровождают с боков крупные орнаментальные композиции. Декор плиты дополняют два орнаментальных фриза с растительным мотивом. Основной текст высечен в низком рельефе почерком *насх*. Строки в картушах разделены полосами.

(١) صاحب هذا الدّء
(٢) ور اوست عمر ابن
(٣) رمضان غفر الله لهم

19. *Малла* Рамазан в письменных источниках иногда упоминается как Рамазан-*эфенди*.
20. В письменных источниках *малла* Алхас упоминается и как Алхас-*эфенди*.
21. Посемейный список сел. Ялак. 1873 г. // ЦГА РД. Ф 21. Оп. 5. Д. 10.
22. Посемейный список сел. Ялак. 1886 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 58.
23. ЦГА РД. Ф. р-183. Оп. 4. Д. 17.
24. ЦГА РД. Ф. р-183. Оп. 1. Д. 6.

(۴) امين اجمعين
(۵) تاريخ النّبىّ ۱۲۷۴

Перевод:
«1) Владелец (*сахиб*) этого до-
2) ма мастер (*уста*) ʻУмар, сын
3) Рамадана, – да простит их всех Аллах!
4) Аминь!
5) Дата Пророка: 1274 [год]».
1274 г. *хиджры* соответствует 22.08.1857 – 10.08.1858 г.

В верхней части плиты высечен небольшой эпиграфический фриз, содержащий имя каллиграфа:

قد كتب رمضان ابن بيرن بك

Перевод:
«Написал Рамадан (Рамазан), сын Байранбека (от имени «Байрамбек»)».

Это самая ранняя из обнаруженных нами работ ялакского резчика-каллиграфа Рамазана, сына Байрамбека (род. ок. 1835 г.). Восемь лет спустя, в 1282/1865-66 г. он высек строительную надпись на плите в фасадной стене Джума-мечети Ялака (см. выше). Предположительно, он же является изготовителем великолепной плиты от 1296/1878-79 г., которая установлена в стене дома *хаджжи* Ибрахима-*эфенди* (см. ниже).

Упоминаемый в надписи «владелец дома» *уста* ʻУмар б. Рамазан значится в Посемейном списке сел. Ялак от 1850 г. Он родился примерно в 1825 г., а умер в 1861 г. в возрасте около 36 лет, имея сына Рамазана (род. в 1846 г.) и младших братьев Исмаʻила (род. ок. 1830 г.), Раджаба (род. ок. 1835 г.) и Аййуба (род. после 1850 г.)[25]. У сына по имени Рамазан, который был кузнецом, в свою очередь, в 1883 г. родился сын ʻУмар, которого нарекли именем деда[26].

6. В Нижнем квартале (*Агъа мягьле*) Ялака прежде компактно проживали представители ялакского тухума *ЦIурар* (одноименный тухум имеется и в соседнем селении Хрюг Ахтынского района), поэтому и квартал часто именовали по названию этого тухума – *ЦIурар мягьле*. В фасадной стене старого развалившегося дома, принадлежавшего прежде жителю села по имени ʻАбдуразак, вмонтирована крупная, богато декорированная прямоугольная плита размерами 80×45 см (Рис. 6). По ее краям нанесена орнаментальная лента с растительным мотивом. В боковых частях плиты в прямоугольных полях высечены крупные растительные композиции. Орнаментальная композиция построена на основе двусторонней осевой (зеркальной) симметрии. Центральное поле сопровождают эпиграфические фризы, содержащие нравоучения:

والعمر فى الدنيا كيوم واحد واذ مضى يوم ليس يعود
هى الدنيا اقل من القليل وعاشقها اذل من الذليل

Перевод:
«Жизнь в этом мире подобна одному дню, и, если день прошел, он не вернется. Этот мир – самый ничтожный, а влюбленный в него – самый жалкий».

25. Посемейный список сел. Ялак. 1850 г. // ЦГА РД. Ф. 130, Оп. 1. Д. 2.
26. Посемейный список сел. Ялак. 1886 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 58.

Центральную часть плиты занимает крупное узорчатое поле, заполненное текстом. Строки разделены полосами. Надпись представляет собой синтез сразу нескольких жанров дагестанской эпиграфики: благопожелательного, владельческого, строительного и исторического. Плоский рельеф, почерк *насх*.

(١) ما شاء الله صاحبه هذ دؤر عبد رذق بنى
(٢) وقتا كان يزباشيّا ادريس ابنا عبد الخالق
(٣) ابن ادريس ابن على غفر الله لهم امين ١٢٩٤

Перевод:

«1) То, что пожелал Аллах. Владелец (*сахиб*) этого дома ʻАбдуразак (от «ʻАбд ар-Раззак»). Он построил (*бана*)

2) [дом] в то время, когда [должность] *йузбаши* занимал Идрис, сын ʻАбд ал-Халика (ʻАбдулхалик),

3) сына Идриса, сына ʻАли, – да простит их Аллах! Аминь! 1294 [год]».

1294 г. *хиджры* соответствует 16.01.1877 – 04.01.1878 г. Имя «ʻАбдуразак» начертано каллиграфом в соответствии с местным произношением этого арабского имени – < عبد رذق > вместо < عبد الرزاق >.

В углах центрального поля, внутри четырех круглых медальонов высечено имя резчика-каллиграфа надписи:

راقم الحجر ابن كاتب محلّى الحقر

Перевод:

«Резчик (*раким*) камня – сын писца (*катиб*) бедняги Махалли».

Владельцем дома надпись называет ялакца ʻАбдуразака, сына ʻАбдулхалика (род. ок. 1837 г.). Упоминаемый в тексте выборный старшина селения (*йузбаши*) по имени Идрис был его младшим братом (род. ок. 1847 г.)[27]. ʻАбдуразак в течение ряда лет (в 70–80-гг. XIX в.) также занимал должность старшины селения Ялак. Нами достоверно установлено, что ʻАбдуразак, сын ʻАбдулхалика, занимал эту должность в 1871, 1873 и 1886 гг., являясь одним из составителей Посемейного списка сел. Ялак в 1886 г.[28]

В 1886 г. ʻАбдуразак б. ʻАбдулхалик имел четырех сыновей: ʻАбдулхалика (род. ок. 1862 г.), ʻАбдусалима (род. ок. 1867 г.), ʻАбдуллаха (род. ок. 1877 г.) и Йусуфа (род. в 1886 г.). У его брата Идриса был сын по имени Агаси (род. ок. 1866 г.)[29]. В переписи 1886 г. Идрис не упоминается. В тексте плиты приводится родословная (*насаб*) ʻАбдуразака и Идриса вплоть до их прадеда по имени ʻАли, который жил во второй половине XVIII в.

Резчиком плиты надпись называет «сына *катиба* Махалли» (ибн *катиб* Махалли). Интересно, что в том же 1294/1877-78 г. «сын *катиба* Махалли ал-Йайлаги» изготовил шедевр лезгинского камнерезного искусства второй половины XIX в. – массивную (143×87 см) орнаментированную плиту с надписями из Джума-мечети соседнего с Ялаком селения Кака (Рис. 7) [5]. Искусный резчик-каллиграф в обоих случаях скромно не называет своего имени, ограничиваясь лишь упоминанием

27. Посемейный список сел. Ялак. 1873 г. // ЦГА РД. Ф 21. Оп. 5. Д. 10.
28. Посемейный список сел. Ялак. 1865 г. // ЦГА РД. Ф 21. Оп. 5. Д. 3; Посемейный список сел. Ялак. 1886 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 58.
29. Посемейный список сел. Ялак. 1886 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 58.

имени своего отца, который отмечен характеризующим его ремесленную специализацию термином *катиб*. По всей видимости, обе эти плиты в 1877 г. изготовил старший сын известного ялакского резчика-каллиграфа Махалли – ʻАли. Любопытно, что резчиком-каллиграфом изготовленной тремя годами позже, в 1880 г., центральной плиты с надписями на ялакском мавзолее Хизри-*эфенди* был третий сын Махалли – Хабил, которому, судя по архивным данным, тогда было около 13 лет[30]. Сам же Махалли в 1282/1865-66 г. изготовил роскошную плиту, установленную над входом в ялакскую Джума-мечеть (см. надпись и рис. 1).

7. У арочного моста в старой части селения, в Среднем квартале (*Къулан мягьле*) расположен заброшенный полуразвалившийся старый дом, принадлежавший прежде известному ялакскому ученому-богослову *хаджжи* Ибрахиму-*эфенди*, который был сыном *мухаджира* эпохи Кавказской войны, шейха *тариката* Накшбандийа Исмаʻила-*эфенди* ал-Йалаки[31].

В стене дома установлена замечательная, богато декорированная плита 68×52 см (Рис. 8) из камня скальной породы. Плита раскрашена натуральными цветными красками. По бордюру нанесена широкая лента с растительным орнаментом. По обе стороны от центрального поля симметрично высечены две одинаковые растительные композиции, представляющие собой причудливый узор, состоящий из вьющихся стеблей, цветков различных форм и величины, бутонов, пальметт и полупальметт. Орнаментальная композиция построена на основе двусторонней осевой (зеркальной) симметрии. Обращает на себя внимание мастерство резчика-каллиграфа плиты, великолепная техника нанесения надписей и орнамента методом изъятия фона.

Владельческую надпись в центре сопровождают два эпиграфических фриза, в которых высечен отрывок из *касыды* халифа ʻАли б. Аби Талиба:

(١) دع الحرص عن الدّنيا وفى العيش فلا تطمع ولا تجمع من المال فلا تدرى لمن تجمع
(٢) فانّ الرّزق مقسوم وسوء الظّن لاينفع فقير كل ذى حرص غنىّ كل من يقنع

Перевод:

«1) Оставь желания мирского. И в жизни не обольщайся. Не собирай богатств, ведь ты не знаешь, для кого ты их собираешь.

2) Воистину, удел уже распределен, а дурные мысли не принесут пользы. Каждый обладающий алчностью – беден, а каждый обладающий довольством – богат».

Центральное узорчатое поле заполнено плотной владельческой надписью из четырех строк. Плоский рельеф, почерк *насх*.

(١) صاحب هذا
(٢) البيت يوسف وامام
(٣) ابنا يوزباشى اسكندر
(٤) ويوزباشى ابراهيم ١٢٩٦

30. Посемейный список сел. Ялак. 1886 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 58..

31. Исмаʻил-*эфенди* ал-Йалаки упоминается в арабоязычном сочинении *Диван ал-Мамнун* Хасана ал-Алкадари [8, с. 233]. Уникальные сведения о *хаджжи* Ибрахиме-*эфенди* ал-Йалаки содержатся в неизданном списке сочинения Назира из Дургели (1891–1935) *Нузхат ал-азхан фи тараджим ʻулама' Дагистан* («Услада умов в биографиях дагестанских ученых»). В этом списке, в частности, сообщается о дружбе *хаджжи* Ибрахима ал-Йалаки с известным дагестанским ученым-богословом и поэтом *хаджжи* ʻАбдуллатифом ал-Хуци ал-Авари (1857–1889) и их совместных путешествиях [9, с. 97], включая поездку в *хаджж*. *Хаджжи* Ибрахим ал-Йалаки (ум. в 1937 г.) был учеником выдающегося дагестанского ученого, поэта и *мударриса* Хасана ал-Алкадари (1834–1910).

Перевод:

«1) Владельцы (*сахиб*) этого

2) дома – Йусуф и Имам,

3) сыновья *йузбаши* Искандара

4) и *йузбаши* Ибрахима. 1296 [год]».

Дата высечена под центральным полем. 1296 г. *хиджры* соответствует 26.12.1878 – 14.12.1879 г.

Йусуф и Имам, сыновья Искандара, сына Ибрахима, сына Йусуфа, упоминаются в Посемейных списках сел. Ялак от 1850, 1865, 1873 и 1886 гг. Йусуф родился около 1850 г., а Имам – около 1853 г. У них было еще двое младших братьев – Кариб (род. в 1861 г.) и ʻАбдуллах (род. в 1864 г.). Их отец Искандар родился около 1819 г., а дед Ибрахим – около 1790 г. (умер в 1859 г.). Йусуф и Имам были племянниками известного ялакского шейха Исмаʻила-*эфенди* б. Ибрахима, чей почитаемый мавзолей расположен в ялакском квартале *КицIер мягьле*. Следовательно, Йусуф и Имам приходились двоюродными братьями по отцу авторитетному ялакскому ученому-богослову *хаджжи* Ибрахиму-*эфенди*, сыну шейха Исмаʻила-*эфенди* (см. выше). В год создания надписи (1879 г.) Йусуфу и Имаму было, соответственно, около 29 и 26 лет. В 1886 г. у Йусуфа был сын по имени Искандар (род. в 1876 г.), а у Имама – сын Хабибуллах (род. в 1886 г.)[32].

Из надписи следует, что отец Йусуфа и Имама по имени Искандар был в свое время выборным старшиной селения (*йузбаши*). Что касается упоминаемого в надписи *йузбаши* Ибрахима, то это, вероятно, отец Искандара (дед Йусуфа и Имама). Надпись зафиксировала неизвестные прежде имена выборных глав селения Ялак в XIX в.

К счастью, плита сохранила имя искусного резчика-каллиграфа. Над центральным полем имеется надпись:

راقم الحجر رمضان اليلاقى

Перевод:

«Расписал камень (*раким ал-хаджар*) Рамадан (Рамазан) из Ялака (*ал-Йалаки*)».

Плита с арабскими надписями ялакского мастера Рамазана представляет собой замечательный образец искусства резьбы по камню второй половины XIX в. По нашему мнению, этот же резчик был автором еще двух ялакских плит – от 1274/1857-58 г. и 1282/1865-66 г. (см. надписи 3 и 5), т. е. речь идет о Рамазане, сыне Байрамбека.

8. В Среднем квартале (*Къулан мягьле*), над входом в ныне разрушенный дом, который прежде принадлежал Давудову Давуду, была установлена крупная прямоугольная плита 96×77 см (Рис. 9)[33]. По богатству декора и качеству нанесения надписей и орнамента данный памятник не уступает плите дома *хаджжи* Ибрахима-*эфенди*. Орнаментальная композиция построена на основе двусторонней осевой (зеркальной) симметрии. Плита раскрашена натуральными цветными красками. Ее окаймляет орнаментальная лента с «вьющимся» растительным мотивом. В верхней части плиты размещены фигуры с килевидным верхом, заполненные растительными сюжетами, а также фраза «То, что пожелал Аллах». Ниже в картушах высечена трафаретная назидательная формула:

32. Посемейный список сел. Ялак. 1886 г. // ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 5. Д. 58.

33. Ныне части расколовшейся при разрушении дома плиты хранятся при Джума-мечети.

هى الدنيا اقل من القليل وعاشقها اذل من ذليل

Перевод:

«Этот мир – самый ничтожный, а влюбленный в него – самый жалкий».

В нижней части плиты в картушах высечен стих, авторство которого приписывается халифу ʻАли б. Аби Талибу:

الهى انت ذو فضل ومنّ وانى ذو خطايا فاعف عنّى وظنّى فيك يا ربّى جميل فحقّق يا الهى حسن ظنّى

Перевод:

«О, Мой Господь, Ты Обладатель достоинств и милости, а я, поистине, ошибающийся. Прости мне [мои ошибки]. Мое представление о Тебе, о Мой Господь, прекрасно. Утверди же, о Мой Господь, мое прекрасное представление о Тебе».

Предварительный анализ поэтических отрывков, включенных в состав арабских надписей селений Ахтынского района Дагестана, показывает, что наибольшей популярностью у составителей надписей здесь пользовались стихи именно халифа ʻАли б. Аби Талиба.

В центре плиты, в кружево растительных сюжетов органично помещено крупное узорчатое поле, заполненное плотным каллиграфическим текстом. Плоский рельеф, почерк *насх*.

(١) بسم الله الرحمن الرحيم
(٢) الحمد الله الذى خصصنا من امة سيد الانام
(٣) بنيت البيت لا لفخر ولا لتكبر ولكن لاضياف كرام
(٤) صاحبه الدؤر داود وعبد الله ابنا رچب ١٣٠٠

Перевод:

«1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.

2) Хвала Аллаху[34], Который выделил нас из *уммы* Господина людей.

3) Построен (*бунийат*) этот дом не из гордыни (*фахр*) и тщеславия (*такаббур*), а для уважаемых гостей.

4) Владельцы (*сахиб*) этого дома Давуд и ʻАбдуллах – сыновья Рачаба. 1300 [год]».

1300 г. *хиджры* соответствует 11.11.1882 – 31.10.1883 г.

Фраза из третьей строки довольно часто встречается в строительных и владельческих надписях XIX в. из селений Ахтынского района Дагестана.

Надпись фиксирует имена владельцев дома – ялакцев из тухума *Эмирар*: Давуда (род. ок. 1850 г.) и ʻАбдуллаха (род. ок. 1853 г.). Их отец – Раджаб, сын Давуда (род. ок. 1812 г.)[35]. Арабское имя «Раджаб» приводится в надписи с использованием «ʻаджамной» графемы < چ > с тремя точками снизу, означающей букву «ч», в соответствии с местным выговором этого имени – «Рачаб». В пору составления надписи владельцам дома – братьям Давуду и ʻАбдуллаху было, соответственно, около 33 и 30 лет. Примерно за год до составления надписи, т. е. в 1882 г., у Давуда родился сын по имени Харунбек. Давуд б. Раджаб был одним из составителей Посемейного списка сел. Ялак от 1886 г.[36]

34. В тексте вместо < لله > начертано < الله >.
35. Посемейный список сел. Ялак. 1865 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 3.
36. Посемейный список сел. Ялак. 1886 г. // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 58.

Заключение

Содержание строительных и владельческих надписей свидетельствует о существовании в селении Ялак устойчивых ремесленных традиций. В рассматриваемое время здесь проживал целый ряд профессиональных мастеров-строителей, а также камнерезов и каллиграфов. Следует отметить, что при всех имеющихся особенностях, налицо композиционное единство, а также общность манеры письма и художественного оформления крупных плит из Ялака, изготовленных местными мастерами, что позволяет говорить о сложении здесь во второй половине XIX в. местных художественных вкусов и приемов. Несмотря на то, что некоторые из исследованных плит с надписями (две из восьми) не содержат имен мастеров-изготовителей, у нас нет сомнений, что и они были выполнены ялакскими резчиками-каллиграфами. Особенностью декора ялакских плит этого времени является практически полное отсутствие геометрического орнамента при господстве растительных мотивов. Памятные строительно-владельческие надписи на каменных плитах продолжали создаваться в Ялаке и позже – в первой трети XX в., однако именно памятники второй половины XIX в. отличаются наиболее высоким мастерством нанесения надписей и декора.

Рис. 1. Плита со строительно-актовой надписью о ремонте Джума-мечети в 1865-66 г.

Fig. 1. Stone slab with a construction-commencement inscription about the renovation of the Juma Mosque in 1865-66

Рис. 2. Надпись о ремонте Джума-мечети в 1865-66 г.

Fig. 2. Inscription about the renovation of the Juma Mosque in 1865-66

Рис. 3. Плита с надписью о ремонте Джума-мечети в 1865-66 г.

Fig. 3. Stone slab with an inscription about the renovation of the Juma Mosque in 1865-66

Рис. 4. Плита с владельческой надписью 1851-52 г.

Fig. 4. Stone slab with an ownership inscription from 1851-52

Рис. 5. Владельческая надпись 1857-58 г.

Fig. 5. Ownership inscription from 1857-58

Рис. 6. Плита с владельческой надписью 1877-78 г.

Fig. 6. Stone slab with an ownership inscription from 1877-78

Рис. 7. Плита со строительно-актовой надписью 1877 г. о сооружении Джума-мечети в с. Кака

Fig. 7. Stone slab with a construction-commencement inscription from 1877 about the building of the Juma Mosque in Kaka village

Рис. 8. Владельческая надпись 1878-79 г. на доме хаджжи Ибрахима-эфенди

Fig. 8. Ownership inscription from 1878-79 on the house of Hajji Ibrahim Efendi

Рис. 9. Плита с владельческой надписью 1882-83 г.

Fig. 9. Stone slab with an ownership inscription from 1882-83

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закарияев З.Ш. Арабоязычная эпиграфика мечетей в лезгинских селениях Ахтынского района Дагестана (надписи XI–XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. № 4. С. 542–568.

2. Закарияев З.Ш. Коранические *аяты* в эпиграфике Дагестана (на примере арабских надписей Ахтынского района) // Исламоведение. 2022. Т. 13. № 2 (52). С. 84–95.

3. Закарияев З.Ш. Новые находки арабских надписей XI–XVIII вв. в селениях Ахтынского района Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. Т. 18. № 3. 2022. С. 558–584.

4. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Эпиграфика некрополя уцмиев в Кала-Корейше. Махачкала: МавраевЪ, 2019.

5. Закарияев З.Ш. Плита с арабскими надписями 1877 г. из Джума-мечети лезгинского селения Кака // Сборник материалов I Международной научной конференции «Кавказ и Ближний Восток: вопросы истории и источниковедения», посвященной памяти профессора Амри Рзаевича Шихсаидова, г. Махачкала, 24 ноября 2022 г. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2022. С. 112–116.

6. Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М.: Наука, 1982.

7. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984.

8. Алкадари Гасан. Диван ал-Мамнун / пер. с арабского и коммент. И.Р. Насырова. М.: Наука – Восточная литература, 2020.

9. Шихалиев Ш.Ш. Шихабаддин Марджани в дагестанских рукописях в контексте дискуссий об *иджтихаде* в первой трети XX в. // Журнал исследований ислама и мусульманских сообществ. Т. 9. №1–2. 2019. С. 95–110.

REFERENCES

1. Zakariyaev ZSh. Arabic-language epigraphy of mosques in Lezgin villages of the Akhtyn region of Dagestan (inscriptions of the 11th–18th centuries). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. 2021, 13(4): 542–568.

2. Zakariyaev ZSh. Koranic verses in the epigraphy of Dagestan (based on the Arabic inscriptions of the Akhtyn region). *Islamovedenie*. 2022, 13(2): 84–95.

3. Zakariyaev ZSh. New findings of Arabic inscriptions of the 11th–18th centuries in the villages of the Akhtynsky region of Dagestan. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2022, 18(3): 558–584.

4. Musaev MA., Shikhaliev ShSh., Shekhmagomedov MG. *Epigraphy of the Utsmi necropolis in Qala-Qoreish*. Makhachkala: Mavraev, 2019.

5. Zakariyaev ZSh. Plate with Arabic inscriptions of 1877 from the Juma mosque of the Lezgin village of Kaka. *Collected materials of the I International Scientific Conference "The Caucasus and the Middle East: Issues of History and Source Study", dedicated to the memory of Professor Amri Rzaevich Shikhsaidov, Makhachkala, November 24, 2022*. Makhachkala: DSU Publ., 2022. pp. 112–116.

6. Debirov PM. *Wood carving in Dagestan*. Moscow: Nauka, 1982.

7. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan of the X–XVII centuries as a historical source*. Moscow: Nauka, 1984.

8. Alkadari Hasan. *Divan al-Mamnun. Trans. from Arabic and commentary by I.R. Nasyrov*. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 2020.

9. Shikhaliev ShSh. *Shihabaddin Marjani in Dagestan manuscripts in the context of discussions about ijtihad in the first third of the 20th century*. *Journal of Studies of Islam and Muslim Communities*. 2019, 9(1-2): 95–110.

Поступила в редакцию 16.01.2024 г.
Принята в печать 22.01.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 16.01.2024
Accepted 22.01.2024
Published 15.06.2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202280-296

Исследовательская статья

Журтова Анжела Ариковна
к.и.н., доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики
Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик;
старший научный сотрудник
Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия
anzhelka28@mail.ru

Кузьминов Петр Абрамович
д.и.н., профессор кафедры истории России
Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик
petrakis_hist@bk.ru

Кажаров Артур Гусманович
д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории
Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия;
ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, Нальчик, Россия
artur-kazharov@yandex.ru

Тахушева Инна Сарабиевна
младший научный сотрудник
Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия
tahusheva94@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ И ИСТОРИОГРАФИИ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ЖАКА КАЙЗЕРА В КАВКАЗОВЕДЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем использования цифровых технологий в исторических исследованиях. В частности, авторами изучены основные принципы, этапы и механизмы применения метода контент-анализа при исследовании исторических и историографических источников. Рассмотрен опыт совместного применения количественного и качественного подходов в рамках контент-анализа при изучении текстов, определены возможности данного метода в выявлении внетекстовой реальности, обусловленной социально-политическим контекстом эпохи и мировоззрением автора источника. В работе обозначены основные цифровые методики для осуществления контент-а-

Для цитирования: Журтова А.А., Кузьминов П.А., Кажаров А.Г., Тахушева И.С. Цифровые технологии в источниковедении и историографии: опыт применения метода Жака Кайзера в кавказоведении // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 280-296 . doi.org/10.32653/CH202280-296

© Журтова А.А., Кузьминов П.А., Кажаров А.Г., Тахушева И.С., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

нализа в социальных и гуманитарных исследованиях (TextAnalyst 2.0., XML, Crawdad Desktop, INTEXT, Kwalitan, Protan, Yoshikolder и др.), рассмотрен потенциал когнитивных моделей в изучении источников. Метод контент-анализа неразрывно связан с лингвистическими характеристиками текста источника. Поэтому на первом этапе применения метода, как правило, формируется выборка из числа часто употребляемых языковых единиц и категорий, которые становятся основой анализа. Далее осуществляется фиксация смысловых единиц взятых понятий и их интерпретация, в рамках которой количественные показатели преобразуются в качественное представление об исследуемом объекте. Авторы обозначают основные достоинства и недостатки контент-анализа и указывают на главную проблему его реализации: сложность формализации текста исторического или историографического источника в силу естественности языковых структур, их гибкости и связанности с индивидуальным восприятием мира, то есть с уникальными, единичными явлениями. В статье осуществлен опыт применения одной из разновидностей контент-анализа, разработанного французским ученым Жаком Кайзером, в области кавказоведческих исследований. В частности, заявленный метод позволил изучить статьи журнала «Отечественные записки», посвященные истории Северного Кавказа, дать шкалированную оценку публикациям о горских народах. Перспективы применения контент-анализа, по мнению авторов, определяются совершенствованием механизмов сочетания количественного и качественного подходов в процессе его применения в исторических и историографических исследованиях.

Ключевые слова: контент-анализ; исторический источник; историографический источник; количественные методы; категориальный аппарат; метод Жака Кайзера; кавказоведение; «Отечественные записки»; народы Северного Кавказа; нарратив

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202280-296

CC BY

Research paper

Anzhela A. Zhurtova,
Cand. Sci., Associate Professor
Department of Ethnology, History of the Peoples of the KBR and Journalism Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia;
Senior researcher
KBSC RAS, Nalchik, Russia
anzhelka28@mail.ru

Petr A. Kuzminov,
Dr. Sci., Professor
Department of History of Russia
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
petrakis_hist@bk.ru

Artur G. Kazharov
Dr. Sci., Professor
Dep. of World History of Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia;
Leading Researcher of the Sector of Contemporary History
Institute of Humanitarian Researches of KBSC RAS, Nalchik, Russia
artur-kazharov@yandex.ru

Inna S. Tahusheva,
Junior Researcher
Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS, Nalchik, Russia
tahusheva94@mail.ru

DIGITAL TECHNOLOGIES IN SOURCE STUDY AND HISTORIOGRAPHY: EXPERIENCE OF APPLYING THE JACQUES KAYSER METHOD IN CAUCASUS STUDIES

Abstract. This paper examines the use of digital technologies in historical research, focusing on the application of content analysis methods in studying historical and historiographic sources. The authors investigate the fundamental principles, stages, and mechanisms of content analysis, considering the combined use of quantitative and qualitative approaches in textual analysis. They explore the method's capacity to

For citation: A.A. Zhurtova, P.A. Kuzminov, A.G. Kazharov, I.S. Tahusheva. Digital technologies in source study and historiography: experience of applying the Jacques Kayser method in caucasus studies. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 280-296. doi.org/10.32653/CH202280-296

© A.A. Zhurtova, P.A. Kuzminov, A.G. Kazharov, I.S. Tahusheva, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

reveal extra-textual realities shaped by the socio-political context of the era and the author's worldview. The paper identifies key digital methods for conducting content analysis in social sciences and humanities research (TextAnalyst 2.0, XML, Crawdad Desktop, INTEXT, Kwalitan, Protan, Yoshikoder, etc.) and examines the potential of cognitive models in source study. Content analysis is intrinsically linked to the linguistic characteristics of the source text. The initial stage typically involves creating a sample of frequently used language units and categories, which form the basis of the analysis. Subsequently, the semantic units of the selected concepts are recorded and interpreted, transforming quantitative indicators into a qualitative understanding of the subject under study. The authors highlight the main advantages and disadvantages of content analysis, noting the primary challenge in its implementation: the difficulty of formalizing historical or historiographical source texts due to the inherent flexibility of language structures and their connection to individual worldviews and unique phenomena. The article presents a case study applying a specific type of content analysis developed by French scholar Jacques Kayser in the field of Caucasus studies. This method was used to analyze articles in the journal "Otechestvennye zapiski" focused on North Caucasus history, providing a scaled assessment of publications about mountain peoples. The authors argue that the future prospects of content analysis in historical and historiographical research depend on improving mechanisms for combining quantitative and qualitative approaches.

Keywords: content analysis; historical source; historiographic source; quantitative method; categorical apparatus; Jacques Kayser's method; Caucasian studies; Otechestvennye zapiski; peoples of the North Caucasus; narrative

Одной из ключевых методологических проблем современной исторической науки является разработка основных аспектов междисциплинарного подхода и его реализация в изучении прошлого. В рамках единого исследовательского пространства делаются успешные попытки интеграции исторической науки с другими социально-гуманитарными и естественно-научными дисциплинами, в частности, с социологией, лингвистикой, информатикой и др.

На стыке социальных наук и информатики возник специальный метод, получивший название контент-анализа, который позволил ученым осуществить обработку и исследование больших текстовых баз данных. Данный метод давно и успешно применяется в социологии и политологии в качестве основного инструмента на эмпирическом этапе изучения текста. Определенный опыт его использования имеется и в исторической науке. Наличие в научном пространстве большого количества исследований, посвященных изучению и апробации контент-анализа, свидетельствует, с одной стороны, о его актуальности и перспективности, с другой стороны – создает сложности для понимания оснований и механизмов его применения.

Целью данной статьи является обобщение опыта применения метода контент-анализа в социально-гуманитарных науках в целом и в кавказоведческом нарративе, в частности, с целью выявления перспектив его дальнейшего использования в источниковедении и историографии.

Контент-анализ в качестве метода исследования текстовых данных впервые был введен в научный оборот в 1930-х гг. в США и использовался при изучении публикаций в СМИ. В политологических исследованиях контент-анализ впервые применил американский ученый Г. Лассуэлл [1; 2; 3], изучавший пропагандистские материалы периода Первой мировой войны.

Широкое внимание российских исследователей методология контент-анализа привлекла в 1960-х – 1970-х гг., когда в ряде социологических работ был апробирован зарубежный методологический опыт, и в печати развернулась дискуссия между старшим поколением ученых и так называемыми «новыми» историками о научном потенциале контент-анализа и его эффективности в исследовании исторических и историографических источников.

Одним из первых исследований, в котором изучены сущностные характеристики контент-анализа, является работа А.Н. Алексеева [4]. По мнению автора, контент-анализ прошел путь развития от инструмента обработки небольших текстов до сложной методологии научного познания. Его идеи, применительно к кавказоведению в целом и журналу «Отечественные записки», в частности, развили П.А. Кузьминов и И.С. Тахушева, обосновав его практическую значимость в исследовании текстовых материалов ведущего российского журнала XIX в. [5].

Большую роль в развитии метода контент-анализа сыграли результаты исследований в Московском государственном университете под руководством академика И.Д. Ковальченко и его научной школы [6; 7], в частности разработанная ими концепция о явной и скрытой информации, содержащейся в историческом источнике, и механизмах ее выявления.

В 1980-х – 1990-х гг. появились первые обобщающие работы, посвященные контент-аналитическим историческим исследованиям, в числе которых труды Л.И. Бородкина, Б.Н. Миронова и др. [8; 9]. На протяжении многих лет осуществляется

практика взаимодействия между историей и информатикой в рамках научной деятельности представителей Ассоциации «История и компьютер», включающей в себя научные конференции, публикации и т.д. [10–15]. Процесс становления и развития исторической информатики как междисциплинарной области научного знания, особенности ее институционализации и взаимодействия с квантитативной историей изучены И.М. Гарсковой [16–18].

В 2000-х гг. в условиях резкого увеличения объема информационных ресурсов и баз данных появилось новое направление в исторической информатике, ставящее перед собой задачу внедрения искусственного интеллекта в процесс исследования научных текстов [19–22]. Однако эти работы носят пока теоретический характер. В кавказоведении данный метод практически еще не применялся, что актуализирует работы в данном направлении ученых региона. Первые шаги в этой области делают исследователи Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

Исследователь В. Фрю определяет контент-анализ как эмпирический метод систематического, интерсубъективно воспроизводимого описания содержательных и формальных признаков текста, направленного на получение на его основе интерпретативных выводов о внетекстовой реальности [23, с. 27].

Основоположниками контент-анализа принято считать Г. Лассуэлла и В. Проппа [1; 2; 24], впервые применивших данный метод в своих исследованиях. Метод реализуется в рамках двух подходов к изучению текста: количественного и качественного контент-анализа. Если первый предполагает определение частоты использования в тексте тех или иных понятий и категорий, то второй направлен на характеристику его содержания [25, с. 4], прежде всего скрытой от исследователя информации, требующей, по выражению И.М. Гарсковой, «понимающего» восприятия документа [17]. С «процедурной» точки зрения контент-анализ представляет собой единство качественного и количественного подходов к анализу текстов [26].

Применение контент-анализа предполагает несколько этапов. На начальном этапе характеризуется источниковая база, определяется происхождение изучаемых документов. Второй этап требует четкой констатации основных единиц анализа и реализации процедурного подсчета частоты употребления выделенных категорий анализа [25, с. 5]. От качества классификации категорий зависит качество результата [27, с. 108]. В контент-анализе сложно определить смысловое наполнение категории, если в тексте часто употребляется конкретное слово, то это означает, что оно играет в нем важную роль [28, с. 17]. Однако одно и то же понятие может иметь множество значений, и то из них, в котором взятое понятие чаще употребляется, будет его главной характеристикой. К примеру, понятие «власть» может использоваться в значениях «господство», «управление», «подчинение» и др. В случае многократного упоминании признака «господство», станет очевидным, что он для автора определяет категорию «власть». И, наконец, на финальном этапе осуществляется интерпретация полученных данных.

Если возьмем, например, категорию «Кавказ», то она используется в науке и как «географическое понятие», «территория между Каспийским и Черным морями», «страна гор», «геополитический регион», «полиэтнический район», «поликонфессиональная область» и т.д., но даже беглый подсчет упоминания термина показывает, что определяющим содержанием будет географический контекст, который создает его основную смысловую нагрузку.

По мнению Е.Я. Таршиса [29; 30], неотъемлемой частью текста является его автор, который зримо или незримо присутствует в процессе выявления причин события, формы его изложения, анализа его уроков, причем это не зависит от этнической принадлежности автора, его политических или конфессиональных убеждений и др. Автор в процессе создания текста сообщения независимо от своего желания/нежелания объективирует элементы своего сознания в содержание текста сообщения, тем самым прокладывая дорогу в духовный мир всего социума [29, с. 83–84].

Особое значение метод контент-анализа приобретает в историческом исследовании, поскольку позволяет расширить рамки событийной истории [31, с. 54]. Историческое познание развивается в процессе анализа источника и его интерпретации. Наиболее полную информацию о прошлом содержат нарративные источники [32, с. 153], то есть те группы источников, где повествование, рассказ ведётся через призму личных взглядов на происходящие события (летописи; анналы, хроники и др.). Отсюда цель контент-анализа заключается в выявлении внетекстовой реальности, поскольку данный метод дает возможность выявить влияние личности на освещаемые события, а значит потенциальной множественности его интерпретаций [32, с. 155].

Основной сложностью в процессе обработки нарративных исторических источников с помощью контент-анализа является то, что он акцентирует внимание на лингвистических характеристиках текста. Это препятствует адекватному отражению в исследовании временного и пространственного контекста, который содержится в документе [33, с. 153–154], а также хронологии событий, их периодичности, системности и др.

К основным процедурам контент-анализа исторического источника относятся: во-первых, формирование выборки, подразумевающей продуманную систему отбора основных единиц будущего анализа, которая позволит получить результаты, характеризующие явление/событие в целом. По мнению В.И. Тихонова, определенные категории выражают отдельные стороны исторического явления или процесса. Если это явление, или процесс, характеризуются массовостью и устойчивостью, то это отразится в многочисленных документах и найдет выражение в ограниченном количестве контекстных словосочетаний, которые можно зафиксировать и изучить [33, с. 151]. Процесс выявления и фиксации смысловых единиц контент-анализа происходит на втором этапе исследования. Третий, самый сложный, этап применения контент-анализа предполагает осуществление интерпретации полученных данных, когда количественная информация преобразуется в качественное представление рассматриваемых результатов работы. Поскольку итоги проведенной работы не могут быть идеальными, то анализ предусматривает перепроверку результатов исследования, так как они представляют собой лишь выверенное с количественной точки зрения представление о рассматриваемом историческом событии [32, с. 156].

Основная сложность в применении контент-анализа в исторических исследованиях заключается в том, что текстовые (нарративные) источники тяжело поддаются формализации и переводу в машиночитаемую форму. Это связано с такой особенностью источников, как отражение в них структуры естественного языка [34, с. 48]. Смысловые рамки человеческого сознания, или фреймы, возникают в процессе восприятия мира, отображают и обобщают объективную реальность и историческую действительность. Язык в данном процессе выступает средством объективизации результатов осмысления мира [35, с. 340].

Данные обстоятельства затрудняют процесс применения контент-анализа при работе с историческими источниками, которые могут входить и в другие видовые комплексы источников. Кроме того, сам метод является довольно сложным и трудоемким (от составления глоссария до формулировки спорных выводов). Единственным выходом, по мнению В.В. Керова, может стать разработка экспресс-методов контент-анализа при максимально возможном сохранении его эффективности [36, с. 72].

В современной науке разработано множество методик для осуществления контент-анализа в исторических исследованиях. Среди историков наиболее популярна система TextAnalyst 2.0. Как утверждает В.Н. Сидорцов, она позволяет осуществить «предварительный анализ текста с автоматическим формированием семантической нейронной сети, фиксацией в тексте ключевых слов, их категоризацией, индексацией, а также кластеризацией информации, используемой при последующем изучении текста» [33, с. 152].

А.Г. Варфоломеев [37] считает продуктивным использование технологии XML в исследовании текстов исторических источников. Особенностью XML-форматов данных является их самоописываемая структура. Она открывает возможность соединения в одной информационной системе текстов источников, размеченных разными способами, с другими текстами, которые могут содержать в себе, к примеру, описание методики и процедур исследования источников, а также полученные в ходе работы выводы [37, с. 63–64].

Многие исследователи также применяют методики Crawdad Desktop, INTEXT, Kwalitan, Protan, Yoshikolder и др. [38; 39]. Важную роль в социальных и гуманитарных науках играет специализированное (авторское) программное обеспечение статистического анализа, в частности, FuzzyClass и QualiDate, Социолог (Анархист), Atisep, Clams, Peasantry, Реформа и др. В современных исследованиях также возрос интерес к методам искусственного интеллекта, к которым можно отнести экспертные системы, системы представления информации и знаний (онтологии, семантические сети) и др. [18, с. 439].

Контент-анализ, разумеется, не отменяет выработанные в науке традиционные методы изучения источника [40, с. 114], он призван расширить наши представления о событиях и явлениях прошлого. Кроме того, контент-анализ позволяет исследовать не только исторические факты и явления, но и мировоззрение людей конкретных эпох, эволюцию идей, взглядов и концепций, творческую лаборатории ученого и др., то есть анализировать в историографическом пространстве.

Однако применение данного метода в историографическом исследовании имеет свою специфику, поскольку информация, содержащаяся в источнике, не равноценна той информации, которую стремится передать его автор. Информация является результатом отражения объекта в сознании субъекта, т.е. историка. В источнике зафиксирована уже осмысленная информация и ее оценка. Текст нарративного источника формируется в процессе информационной деятельности субъекта, включающей в себя отбор, накопление, переработку и кодирование информации, поэтому он «неизбежно отражает индивидуальный способ моделирования и представления фрагмента информационного континуума» автора, специфику его мировоззрения и картины мира [41].

Исторические знания возникают и находят свое выражение в сфере научных исследований, но они всегда обусловлены и связаны с запросами практической жизни

общества, поэтому существует необходимость более глубокого научного анализа, выходящего за пределы самого текста источника. Работа историка и историографа, с одной стороны, зависит от уровня и тенденций развития общественной практики, с другой – она имеет собственное пространство для решения познавательных задач, находящееся вне сферы социальных практик [42, с. 56]. По мнению Й. Рюзена, история всегда переписывалась в соответствии с изменениями общественных интересов и функций исторического знания в жизни людей, однако при этом сохраняется определенная преемственность и развитие познавательной стратегии, позволяющей получить относительно прочные знания о прошлом [43, с. 15].

В качестве примера можно рассмотреть опыт применения одной из разновидностей контент-анализа в историографических, в, частности, кавказоведческих, исследованиях. Учитывая значительный объем материалов о горцах Кавказа в периодике дореволюционной России, перспективным методом их изучения, по нашему мнению, является предложенная в середине XX в. французским публицистом, ученым и общественным деятелем Жаком Кайзером (1900–1963), своеобразная система научных приемов и средств обрабатывания материалов прессы, оформленная научным сообществом как самостоятельная разновидность контент-анализа [44]. Его универсальная система исследования большого массива периодических изданий основана на анализе количественных и качественных данных, выявляемых исследователями. Процедура изучения прессы, в соответствии с ней, состоит из последовательности ряда операций:

1. заполнения «сигнальной карточки» на периодическое издание,
2. составления исследовательского «досье»,
3. раскрытия «морфологии» журнала.

На первом этапе осуществляется учет технологических признаков периодических изданий: название газеты/журнала, месторасположение редакции, время и периодичность выхода, тираж, цена, формат, основная зона распространения и т.д.

После заполнения сигнальной карточки предполагается составление исследовательского «досье» на журналы/газеты, включающего разделы о юридической и финансовой структуре, условиях выпуска и распространения, организации редакции и политической линии изданий.

Завершающий этап связан с анализом и систематизацией по определенным критериям публикаций СМИ и установлением их значимости (шкалированием) в журнальном пространстве [5].

Авторами статьи предпринята попытка применения данного метода в кавказоведческих исследованиях, в частности, при исследовании кавказской тематики на страницах журнала «Отечественные записки» за 1818–1867 гг., редакторами которого в этот период были П.П. Свиньин и А.А. Краевский. Указанный журнал стал одним из первых в российской периодической печати изданием, который системно стал публиковать материалы по истории народов Кавказа, что и определило наш выбор.

В результате использования схемы Кайзера, нами установлено, что, если за 100% взять всю информацию о горцах Кавказа в журнале «Отечественные записки» за 1818–1867 гг., то из них: доля журнальных страниц по этнографии кавказских народов составила 57%, по Кавказской войне – 34%, по административно-правовому устройству горского социума – 9% (диаграмма). Опускаем небольшой процент публикаций по другим темам, опубликованных в журнале.

Диаграмма. Образ Кавказа в материалах журнала «Отечественные записки». 1818-1867 гг.

Согласно выявленным показателям, наибольший интерес для редакторов журнала представляли этнографические сведения, что объясняется фрагментарностью и недостоверностью представлений российской общественности о повседневной культуре народов Северного Кавказа. Такая шкала ценности публикаций объясняется тем, что цензурные органы не пропускали в печать политическую информацию, содержащую оценки правительственных методов покорения Кавказа. А в этнографических данных о кавказских народах, вошедших полностью или частично в имперское поле, была заинтересована российская администрация, нуждающаяся в точной информации о возможностях/слабостях горцев в годы Кавказской войны. Анализ заседаний редколлегий позволяет утверждать, что этнографический материал об обычаях, традициях, культовых обрядах жителей гор привлекал больше внимание читателя, чем политические и экономические вопросы.

Под руководством П.П. Свиньина журнал «Отечественные записки» превратился в своеобразный центр сбора и систематизации различных материалов по этнографии, демонстрирующий на своих страницах национально-культурное богатство Российской империи, в том числе и уникальность северокавказского региона. Благодаря публикациям этнографических и краеведческих сюжетов в европеизированном сознании российской общественности формировался образ кавказца. Материал о горцах практически всегда сопровождались развернутыми комментариями Свиньина. С целью активизации внимания читателя к этим очеркам, зарисовкам, описаниям быта автохтонных народов, свои комментарии/рассуждения он помещал в начале и конце статьи, чтобы даже невнимательный читатель проявил к ним интерес. В период редакторства А.А. Краевского среди этнографических тем наибольшую популярность в связи с активной деятельностью имама Шамиля приобрела религиозная проблематика, в частности, публиковались материалы, посвященные основам ислама и шариата.

Вся имперская периодическая печать, прежде всего ведущий журнал «Отечественные записки», была призвана решить важнейшую идеологическую задачу: сформировать патриотический настрой среди русских солдат и офицеров в период Кавказской войны. В этой связи около трети публикаций П.П. Свиньина и А.А. Краевского посвящены подвигам российских военных на Кавказе. Более того, «Отечественные записки» стали одной из первых текстовых площадок, где была озвучена официальная

позиция руководства страны о характере российско-кавказского противостояния. В номерах журнала читатель всегда мог найти первичную и наиболее достоверную информацию о причинах и ходе военных действий в регионе.

При А.А. Краевском военная тематика «Отечественных записок» расширилась и обогатилась новыми сюжетами, в публикуемых материалах отчетливо проявлялись явные идеологические ориентиры. В рамках официально-охранительного подхода имперское территориальное расширение рассматривалось как неизбежный результат исторического процесса. Представители либеральных кругов российской науки, сотрудничавшие с редакцией, видели перспективы развития России и северокавказских народов только в их единстве и совместном развитии экономических и культурных связей, поэтому открыто выступали на страницах журнала против насилия с обеих сторон. А.А. Краевскому удалось углубить и расширить проблемное поле публикуемых исследований и открыть возможности качественного изучения социально-политических и религиозно-идеологических процессов в регионе.

Обострение социально-политических противоречий, кульминация Кавказской войны, интеграция горских обществ в социокультурное и административно-правовое пространство Российской империи требовали более широкого и оперативного освещения периодическими изданиями происходящих в стране событий. Этим объясняется внимание редколлегии «Отечественных записок» к административно-политическим и нормативно-правовым процессам в регионе, которым посвящена часть публикаций (9%) в журнале.

Особенный интерес в изучении редакционной политики периодических изданий представляет попытка Ж. Кайзера шкалировать значение/смысл, придаваемый анализируемой «редакционной единице», под которой он понимал как текст, так и иллюстрацию, и заголовок, то есть редакционную площадь газеты или журнала. Считаем, что с помощью данного инструмента, системно используемого редакциями, привлекалось или отвлекалось, ослаблялось внимание читателей газеты или журнала к наиболее важным историческим событиям.

Кайзер предложил такую конструкцию: придаваемое значение публикации на некой шкале ценностей определялось = местом + заголовком + подачей. Под «местом» он имел в виду отведенную материалу полосу и положение на ней информации/статьи/очерка, например, на открытии, т.е. на первом листе или на подверстке. «Заголовок» определялся абсолютными размерами (номером кегля, площадью, количеством колонок и т.д.) и относительным весом (по сравнению с соседними заголовками). Под подачей понималось сопровождение текста иллюстрациями, таблицами, рисунками, шаржами. Совокупность этих трех факторов давала возможность ранжировать «редакционные единицы». Используя методику Ж. Кайзера для оценки «престижа» сообщаемого события, можно получить объективные доказательства стремления печатного органа подчеркнуть или, наоборот, «смазать» значение события в жизни общества.

Наш анализ шкалирования построен на этапах развития «Отечественных записках»: 1 этап определен редакторством П.П. Свиньина (1818–1838 гг.), второй – А.А. Краевского (1839–1868 гг.)

Шкалирование значимости редакционных единиц. На основе предложенного Ж. Кайзером порядка действий мы установили весомость статей по этнографии народов Северного Кавказа в «Отечественных записках» П.П. Свиньина. Для этого,

во-первых, вычислили долю статей по этнографии горцев Кавказа в соотношении со всеми публикациями «Отечественных записок» за указанный промежуток. При Свиньине в период с 1818 по 1838 гг. кавказский этнографический материал в «Отечественных записках» занимал площадь от 4,7% до 38%, в среднем 16% в номере, что составляет, на наш взгляд, значительный объем журнальных публикаций в общеимперском издании. Непосредственная цель журнала была выполнена: подписчики, читатели «Отечественных записок» ежемесячно получали качественные и уникальные этнографические очерки о горских обществах Северного Кавказа, которые сегодня являются бесценными историческими и историографическими источниками о жизни и быте горских народов.

Придаваемое значение: место, заголовок, подача. Этнографический материал о жителях гор практически всегда сопровождался примечаниями редактора П.П. Свиньина, поскольку он лично видел жизнь на Кавказе и мог поделиться своим видением/пониманием описываемых в статьях событий. Так, отрывок из труда профессора А.П. Нелюбина был напечатан с содержательной рецензией Свиньина, оформленной как примечание и размещенной на трех первых страницах, что было удобно для читателей, имевших возможность одновременно ознакомиться с авторским текстом и его редакторской оценкой [45].

Шкалирование значимости редакционных единиц. Статьи о событиях Кавказской войны занимали значительную площадь «Отечественных записок», цифра колебалась в пределах 2,5–29,3% в разные годы, в среднем 11,8%. Значительность показателей объясняется гражданской позицией Свиньина, реализуемой им в публикуемых материалах, пропагандирующих любовь и уважение к Отечеству «деятельным раскрытием и разрабатыванием сведений, до Отечества касающихся, что было главнейшей и постоянной целью моего издания»1. Во все времена войны, вооруженные конфликты, острые этноконфессиональные столкновения были удобным поводом акцентировать внимание общества на краеугольных основах государства: любви к Родине, патриотизме, подвигах солдат и офицеров.

Придаваемое значение: место, заголовок, подача. Свиньин старался подбирать оригинальные методы подачи кавказского материала в периодическом издании. Он публиковал статьи о российско-горском военном конфликте, как правило, на первых страницах, иногда в середине издания. Для активизации внимания читателей, авторские работы издатель печатал отдельными частями (труды И.Т. Радожицкого, Ф.Н. Глинки и др.), что было новшеством в повременных изданиях России. Это делалось, вероятно для того, чтобы аудитории не наскучил длинный текст. Чтобы привлечь внимание подписчиков журнала к определенным работам/темам издатель увеличивал шрифт главных слов в заголовках статей. Так, в заголовке труда Ф.Н. Глинки «Подвиги русских за Кубанью в 1789 г.» крупным и жирным шрифтом Свиньин выделил «Подвиги русских» [46].

Шкалирование значимости редакционных единиц. По количественным показателям и жанровому своеобразию журнал А.А. Краевского намного превосходил издание П.П. Свиньина. Однако при анализе публикаций в издании следует учитывать, что объем «Отечественных записок» при Краевском был увеличен до 40 печатных листов, что обусловило общие невысокие показатели занимаемой кавказским материалом

1. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1053. Л. 2-2 об.

журнальной площади. При Краевском эта цифра колебалась в пределах 0,1–15,1%. В соотношении со всеми публикациями отдельных номеров «Отечественных записок» статьи по политико-правовым вопросам составляли в среднем 0,7% журнального пространства, литературно-художественные произведения – 2,1%, научная информация – 3,7%, кавказский этнографический материал – 7,5%.

Придаваемое значение: место, заголовок, подача. А.А. Краевский использовал специфические способы и средства усиления интереса подписчиков. Его журнал отличался жанровой оригинальностью, поэтому читателям предоставлялся тематически разграниченный материал. При публикации официальных документов, перепечатке правительственных сообщений и отчетов администрации Краевский предпочтение отдавал кавказским материалам и выносил их на первые страницы отдела.

Как и Свиньин, Краевский много сделал для трансляции этнографических данных о народах Кавказа. Наравне с материалами об ожесточенных столкновениях российской армии с горцами, при компоновке страниц этнографические статьи редактор размещал на наиболее значимой площади журнала, что объясняется общественной значимостью обозначенных проблем и стремлением печатного органа подчеркнуть события, связанные с освещением кавказских народов. Например, чеченская повесть Л. Екельна «Дженнат и Бока» открывала 31-й том журнала за 1843 год [47]. В личной переписке с автором Краевский отмечал немало достоинств воспоминаний Екельна, поэтому не удивительно, что она была вынесена в начало номера. В журнальной рубрике «Смесь» в 1840–1860-е гг. путевые очерки по Кавказу были напечатаны первыми [48; 49], хотя он уже давно не был «Terra incognita». Анализ публикаций о народах Кавказа свидетельствует, что по объему журнальной площади, по количеству публикаций и придаваемому значению кавказский этнографический материал в «Отечественных записках» А.А. Краевского был в приоритете.

Результаты проведенного контент-анализа материалов «Отечественных записок» подтверждают высокую публикационную активность всех журнальных отделов по этнографическим сюжетам, военно-политическим и модернизационным проблемам на Северном Кавказе. Научный инструментарий французского журналиста позволяет комплексно изучить органы печати, начиная с их внешних характеристик до концептуальных взглядов редакторов, а также выяснить причины трансляции информации о народах Северного Кавказа в столичных изданиях, качественное содержание этих статей и оригинальные способы подачи и ранжирования материалов о горцах Кавказа.

В рамках данной статьи представлен самый общий количественно-качественный анализ содержания журнала «Отечественные записки» 1818-1867 гг. Перед авторами стояла задача определения потенциала использования метода контент-анализа Жака Кайзера, более детальное применение которого требует отдельного, более широкого научного исследования.

Таким образом, благодаря применению цифровых технологий и количественных подходов, в частности метода контент-анализа, в современном источниковедении и историографии достигнуты определенные результаты. Определены основные исследовательские процедуры и механизмы применения метода в научных изысканиях. Он позволяет на основании количественных показателей выявить латентные внутренние связи явлений и процессов, лучше понять позицию автора нарративного источника, сформировать представление о культуре, к которой он принадлежит и т.п. К числу

сложностей применения контент-анализа относится трудоемкость метода, необходимость проведения объемной подготовительной работы, связанной с категоризацией языка, который в исторических и историографических источниках сложно поддается формализации. Перспективы применения контент-анализа в исторических и историографических исследованиях определяются совершенствованием механизмов сочетания количественного и качественного подходов в процессе его применения, а также поиском и разработкой специализированного программного обеспечения для расширения возможностей метода. Реализация метода контент-анализа Жака Кайзера при историографическом исследовании материалов журнала «Отечественные записки» 1818–1867 гг. позволила на основании количественных показателей выявить культурно-познавательные и идеологические мотивы публикационной и редакторской деятельности редакторов и авторов издания. Количественное измерение проблемно-тематического содержания выпусков журнала позволило определить круг актуальных для государства и общества вопросов, связанных с повседневной жизнью народов Северного Кавказа, и выявить степень их важности в рамках конкретных исторических обстоятельств, обусловленных задачами российской политики в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лассуэлл Г.* Психопатология и политика. М.: РАГС, 2005. – 352 с.

2. *Лассуэлл Г.* Язык власти // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 264–279.

3. *Лассуэлл Г.* Техника пропаганды в мировой войне. М.: ИНИОН РАН, 2021. – 237 с.

4. *Алексеев А.Н.* Контент-анализ: его задачи, объекты и средства // Социология культуры. Вып. 1. М.; Л., 1974. С. 131–162.

5. *Кузьминов П.А., Тахушева И.С.* Подходы к изучению материалов о Северном Кавказе в журнале «Отечественные записки»: метод Жака Кайзера // Кавказология. 2020. № 1. С. 12–41. DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-12-41.

6. Количественные методы в гуманитарных науках / Под ред. И.Д. Ковальченко. М.: МГУ, 1981. – 206 с.

7. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. – 486 с.

8. *Бородкин Л.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.: МГУ, 1986. – 188 с.

9. *Миронов Б.Н.* Историк и социология. Л.: Наука, 1984. – 174 с.

10. Круг идей: Историческая информатика на пороге XXI века. Труды VI конференции Ассоциации «История и компьютер». М.; Чебоксары, 1999. – 452 с.

11. Материалы XIII конференции Ассоциации АИК. Санкт-Петербург, 26–29 июня 2002 г. Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 30. Специальный выпуск. М., 2002. – 276 с.

12. Материалы IX конференции Ассоциации «История и компьютер». Подмосковье, 22-25 апреля 2004 года. Специальный выпуск. М., 2004. № 32.

13. Информационные ресурсы, технологии и модели реконструкции исторических процессов и явлений

REFERENCES

1. Lassuell G. *Psychopathology and politics*. Moscow: RASS, 2005: 352. (In Russ)

2. Lassuell G. Language of power. *Politicheskaya lingvistika*. Ekaterinburg. 2006, 20: 264-279. (In Russ)

3. Lassuell G. *Propaganda techniques in the world war*. Moscow: ISISS RAS, 2021. (In Russ)

4. Alekseev AN. Content Analysis: Tasks, Objects and Means. *Sotsiologiya kultury*. Moscow; Leningrad, 1974; 1: 131-162. (In Russ)

5. Kuzminov PA., Takhusheva IS. Approaches to the study of materials about the North Caucasus in the journal Otechestvennye zapiski: Jacques Kayser's method. *Kavkazologiya*. 2020, 1: 12-41. DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-12-41. (In Russ)

6. Kovalchenko ID. (ed.). *Quantitative Methods in the Humanities*. Moscow: MSU, 1981. (In Russ)

7. Kovalchenko I.D. *Methods of historical research*. Moscow: Nauka, 2003. (In Russ)

8. Borodkin LI. *Multivariate statistical analysis in historical research*. Moscow: MSU, 1986. (In Russ)

9. Mironov B.N. *Historian and sociology*. Leningrad: Nauka, 1984. (In Russ)

10. *Circle of ideas: Historical informatics on the threshold of the 21st century. Proceedings of the VI Conference of the Association "History and Computer"*. Moscow; Cheboksary, 1999. (In Russ)

11. *Proceedings of the XIII conference of the AIK Association. Saint-Petersburg, June 26–29, 2002. Newsletter of the History and Computer Association. Special issue*. Moscow, 2002, Issue 30: 276. (In Russ)

12. *Proceedings of the IX Conference of the Association "History and Computer". Moscow, April 22-25, 2004. Special issue*. Moscow, 2004, Issue 32. (In Russ)

13. Garskova IM. (ed.). *Information resources, technologies and models for the reconstruction of historical pro-*

специальный выпуск Материалы XII конференции Ассоциации «История и компьютер», Москва, 22-24 октября 2010 г. / Отв. ред. И.М. Гарскова. М.: МГУ, 2010. – 217 с.

14. Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, технологии, методы материалы XIV конференции Ассоциации «История и компьютер», Москва, 3-5 октября 2014 г. / Отв. ред. И. М. Гарскова. М.: б. и., 2014. № 42. – 228 с.

15. Аналитические методы и информационные технологии в исторических исследованиях: от оцифрованных данных к приращению знания: Материалы XVI международной конференции Ассоциации «История и компьютер». 26–28 октября 2018 г., Москва. М.: МАКС Пресс, 2018. – 184 с.

16. *Гарскова И.М.* Библиографический анализ развития исторической информатики в начале XXI века // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 111–112.

17. *Гарскова И.М.* Новые тенденции в компьютеризованном анализе текстов: концепции, методы, технологии // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т. 6. Вып. 8 (41) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840001255-9-1 DOI: 10.18254/S0001255-9-1 (дата обращения: 28.03.2023).

18. *Гарскова И.М.* Историческая информатика: методологические и историографические аспекты развития: дисс. … докт. истор. наук: 07.00.09. М., 2018. – 618 с.

19. *Шурер К.* Искусственный интеллект и историк: перспективы и возможности // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании / Отв. ред. Л. Бородкин и В. Леверманн. St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag, 1993. С. 61–76.

20. Thaller M. Databases and expert systems as complementary tools for historical research // Tijdschrift voor Geschiedenis, 1990, № 103. P. 233–248.

21. *Бородкин Л.И.* Искусственный интеллект + интеллект историка // Информационный Бюллетень Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории РАН. 1992. №6. С. 15–23.

22. *Сменцарев Г.В.* Об использовании искусственных нейронных сетей для идентификации данных в хранилищах гуманитарной информации // Информационный Бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2002. № 29. С. 104–111.

23. Früh W. Inhaltsanalyse: Theorie und Praxis. Konstanz: UVK, 2007. – 310 p.

24. *Пропп В.Я.* Морфология сказки. М.: Наука, 1969. – 168 с.

25. *Олешкова А.М.* Перспективы использования контент-анализа: базовые методологические традиции // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 2А. С. 3–10. DOI: 10.34670/AR.2020.55.56.001

26. *Рафалюк О.Е.* Междисциплинарные методы изучения прошлого: применение контент-анализа в исторических исследованиях // Современные проблемы

cesses and phenomena. Special issue. Proceedings of the XII Conference of the Association "History and Computer", Moscow, October 22-24, 2010. Moscow: MSU, 2010. (In Russ)

14. Garskova IM. (ed.). *Historical research in the digital age: information resources, technologies, methods. Proceedings of the XIV conference of the Association "History and Computer", Moscow, October 3-5, 2014.* Moscow, 2014, Issue 42. (In Russ)

15. *Analytical methods and information technologies in historical research: from digitized data to the increment of knowledge: Proceedings of the XVI International Conference of the Association "History and Computer". October 26–28, 2018, Moscow*. Moscow: MAKS Press, 2018. (In Russ)

16. Garskova IM. Bibliographic analysis of the development of historical informatics at the beginning of the XXI century. *Informational bulletin of the Association "History and Computer"*. 2006, 34: 111-112. (In Russ)

17. Garskova IM. New trends in computerized text analysis: concepts, methods, technologies. *Istoriya*. 2015, 6(8) [updated 2023 May 2]. Available at: http://history.jes.su/s207987840001255-9-1 DOI: 10.18254/S0001255-9-1 (In Russ)

18. Garskova IM. *Historical informatics: methodological and historiographical aspects of development (dissertation)*. Moscow, 2018: Available at: https://www.dissercat.com/content/istoricheskaya-informatika-metodologicheskie-i-istoriograficheskie-aspekty-razvitiya (In Russ)

19. Shurer K. Artificial Intelligence and the Historian: Prospects and Opportunities. *History and computer: new information technologies in historical research and education*. St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag, 1993: 61-76. (In Russ)

20. Thaller M. Databases and expert systems as complementary tools for historical research. *Tijdschrift voor Geschiedenis,* 1990, 103: 233-248. (In Eng.)

21. Borodkin LI. Artificial Intelligence + Historian's Intelligence. *Informatsionnyi Byulleten Komissii po primeneniyu matematicheskikh metodov i EVM v istoricheskikh issledovaniyakh pri Otdelenii istorii RAN*. 1992, 6: 15-23. (In Russ)

22. Smentsarev GV. On the use of artificial neural networks to identify data in the repositories of humanitarian information. *Informatsionnyi Byulleten Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*. 2002, 29: 104-111. (In Russ)

23. Früh W. *Inhaltsanalyse: Theorie und Praxis*. Konstanz: UVK, 2007. (In Germ.)

24. Propp VYa. *Morphology of a fairy tale*. Moscow: Nauka, 1969. (In Russ)

25. Oleshkova AM. Prospects for the use of content analysis: basic methodological traditions. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii*. 2020, 9(2A): 3-10. DOI: 10.34670/AR.2020.55.56.001. (In Russ)

26. Rafalyuk OE. Interdisciplinary methods of studying the past: the use of content analysis in historical research. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015, (2-1). [updated 2023 May 2]. Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=20367 (In Russ)

27. Pogoretskii VG. Content analysis – methodological foundations of research in electronic media. *Proceedings of*

науки и образования. 2015. № 2-1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=20367 (дата обращения: 28.03.2023).

27. *Погорецкий В.Г.* Контент-анализ – методические основания исследования в электронных СМИ // Труды ИСА РАН, 2006. Т. 26. С. 95–111.

28. *Аверьянов Л.Я.* Контент-анализ. М.: РГИУ, 2007. – 286 с.

29. *Таршис Е.Я.* Перспективы развития метода контент-анализа // Социология: Методология, методы, математические модели. 2002. № 15. С. 71–92.

30. *Таршис Е.Я.* Контент-анализ: Принципы методологии. (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программы исследования). М.: ЛЕНА*НД, 2021. – 174 с.*

31. Горобий А.В. Количественный контент-анализ периодической печати как источника по истории отношений СССР и ФРГ 1985–1991 гг. // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 1 (1). С. 54–71.

32. *Приборович А.А.* Контент-анализ – форма исторического исследования // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч. сб. (по материалам 1-й Международной научно-практической Интернет-конференции) / Отв. ред. В. Н. Сидорцов. Минск: БГУ, 2011. С. 153–159.

33. *Сидорцов В.Н.* Научный дискурс историка: социальная обусловленность и методология исследования. Минск: БГУ, 2013. – 192 с.

34. *Шендерюк М.Г.* Количественные методы в источниковедении. Калининград, 1996. – 75 с.

35. *Вин Ю.Я.* Новые информационные ресурсы и принципы исследования аутентичных понятий и терминов византийских источников // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2006. Вып. 17. С. 337–356.

36. *Керов В.В.* К вопросу об экспресс-методах контент-анализа: опыт ситуативно-дистинктивного анализа // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 71–73.

37. *Варфоломеев А.Г., Кравцов И.В.* Использование технологии XML для публикации методики и результатов исследования текстов исторических источников // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 63–64.

38. *Амиева А.М.* Основные методики исследования структуры текста // Передача, обработка, восприятие текстовой и графической информации: материалы международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 19–20 марта 2015 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 251–263.

39. *Митина О.В., Евдокименко А.С.* Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация // Вестник ЮУрГУ. 2010. №40. С. 29–38.

40. *Изместьева Т.Ф.* Традиционное источниковедение и возможности современного компьютера // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 113–115.

41. *Можаева Г.В., Мишанкина Н.А.* Русская историография второй половины XVIII века: опыт историко-лингвистического анализа // Гуманитарная

the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences. 2006, 26: 95–111. (In Russ)

28. Averyanov L.Ya. *Content analysis*. Moscow: RSIU, 2007. (In Russ)

29. Tarshis EYa. Prospects for the development of the content analysis method. *Sotsiologiya: Metodologiya, metody, matematicheskie modeli*. 2002, 15: 71-92. (In Russ)

30. Tarshis E.Ya. *Content Analysis: Principles of Methodology. (Building a theoretical base. Ontology, analytics and phenomenology of the text. Research programs)*. Moscow: LENAND, 2021. (In Russ)

31. Gorobii AV. Quantitative content analysis of the periodical press as a source on the history of relations between the USSR and the FRG in 1985–1991. *Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii*. 2012, 1: 54-71. (In Russ)

32. Priborovich AA. Content analysis – a form of historical research In: Sidortsov VN., (ed.). *The role of personality in history: reality and problems of study: scientific. collection (proceedings of the 1st International Scientific and Practical Internet Conference)*. Minsk: BSU, 2011: 153-159. (In Russ)

33. Sidortsov VN. *Scientific discourse of the historian: social conditioning and research methodology*. Minsk: BSU, 2013. (In Russ)

34. Shenderyuk MG. Q*uantitative Methods in Source Studies*. Kaliningrad, 1996. (In Russ)

35. Vin YuYa. New Information Resources and Principles for the Study of Authentic Concepts and Terms in Byzantine Sources. *Dialog so vremenem: Almanakh intellektualnoi istorii*. Moscow, 2006, 17: 337-356. (In Russ)

36. Kerov VV. On the question of express methods of content analysis: the experience of situational-distinctive analysis. *Informatsionnyi byulleten Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*. 2006, 34: 71-73. (In Russ)

37. Varfolomeev AG., Kravtsov IV. Using XML technology to publish the methodology and results of the study of texts of historical sources. *Informatsionnyi byulleten Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*. 2006, 34: 63-64. (In Russ)

38. Amieva AM. Basic methods for studying the structure of the text. *Transmission, processing, perception of text and graphic information: materials of the international scientific and practical conference*. Ekaterinburg: UrFU, 2015: 251-263. (In Russ)

39. Mitina OV., Evdokimenko AS. Methods of text analysis: methodological foundations and software implementation. *Vestnik YuUrSU*. 2010, 40: 29-38. (In Russ)

40. Izmesteva TF. Traditional source study and the possibilities of a modern computer. *Informatsionnyi byulleten Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*. 2006, 34: 113-115. (In Russ)

41. Mozhaeva GV., Mishankina NA. Russian historiography of the second half of the 18th century: the experience of historical and linguistic analysis. *Gumanitarnaya informatika*. 2005, (2) [updated 2023 May 2]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-istoriografiya-vtoroy-poloviny-xviii-veka-opyt-istoriko-lingvisticheskogo-analiza (In Russ)

42. Zhurtova AA. T*he process of entry of the peoples of the Central Caucasus into Russia in domestic historiography*

информатика. 2005. №2 https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-istoriografiya-vtoroy-poloviny-xviii-veka-opyt-istoriko-lingvisticheskogo-analiza (дата обращения: 28.03.2023).

42. *Журтова А.А.* Процесс вхождения народов Центрального Кавказа в состав России в отечественной историографии: дисс. … канд. истор. наук: 07.00.09. Нальчик, 2015. – 284 с.

43. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории: Некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 7. С. 8–26.

44. Kayser J. Le quotidien francais. Paris: A. Colin, 1963. – 169 p.

45. *Нелюбин А.П.* Краткое историческое известие о Кавказских минеральных водах в Пятигории // Отечественные записки. 1825. Ч. 21. № 58 (февраль). С. 188–222.

46. *Глинка Ф.Н.* Подвиги русских за Кубанью, в 1789 г. // Отечественные записки. 1821. Ч. 5. № 9 (январь). С. 25–39; № 10 (февраль). С. 141–150.

47. *Екельн Л.Ф.* Дженнат и Бока: чеченская повесть // Отечественные записки. 1843. Т. 31. № 11. С. 1–51.

48. А-в Я. Заметки на пути из Москвы в Закавказский край // Отечественные записки. 1845. Т. 41. № 7. С. 10–35.

49. *Рыжов С.* Очерки Западного Закавказья // Отечественные записки. 1860. Т. 128. № 1. С. 1–25; Т. 129. № 4. С. 1–34; Т. 130. № 6. С. 1–52.

(dissertation). Nalchik, 2015. Available at: http://www.dslib.net/istorio-grafia/process-vhozhdenija-narodov-centralnogo-kavkaza-v-sostav-rossii-v-otechestvennoj.html (In Russ)

43. Ryuzen I. Losing the Consistency of History: Some Aspects of Historical Science at the Crossroads of Modernism, Postmodernism and Debate on Memory. *Dialog so vremenem: Almanakh intellektualnoi istorii.* Moscow, 2001, 7: 8-26. (In Russ)

44. Kayser J. *The French daily [Le quotidien francais].* Paris: A. Colin, 1963.

45. Nelyubin AP. Brief historical news about the Caucasian mineral waters in Pyatigoria. *Otechestvennye zapiski.* 1825, 58 (February): 188-222. (In Russ)

46. Glinka FN. The exploits of Russians beyond the Kuban, in 1789. *Otechestvennye zapiski.* 1821, 9 (January): 25–39; 10 (February): 141-150. (In Russ)

47. Eckeln L.F. Jennat and Boka: a Chechen story. *Otechestvennye zapiski.* 1843, 11: 1-51. (In Russ)

48. A-v Y. Notes on the way from Moscow to the Transcaucasian region. *Otechestvennye zapiski.* 1845, 7: 10–35. (In Russ)

49. Ryzhov S. Essays on Western Transcaucasia. *Otechestvennye zapiski.* 1860, 128(1): 1-25; 129(4): 1-34; 130(6): 1-52. (In Russ)

Поступила в редакцию 14.05.2023 г.
Принята в печать 20.09.2023 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 14.05.2023
Accepted 20.09.2023
Published 15.06.2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202297-311

Исследовательская статья

Наврузов Амир Рамазанович,
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
anavruzov@rambler.ru

Шихалиев Шамиль Шихалиевич
к.и.н., научный сотрудник
Университет Амстердама, Нидерланды;
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
shihaliev74@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ДЖАДИДИЗМА В ДАГЕСТАНЕ

Аннотация: Обзор историографии развития джадидизма и мусульманского реформаторства в Поволжье, Центральной Азии, Закавказье и изучение арабографических источников по Северо-Восточному Кавказу позволил нам согласиться с выводом ряда западных ученых, которые говорили не о джадидизме в Российской империи, а о разных формах джадидизма. Несмотря на широкий разброс идей и концепций относительно определения этого движения, все же дагестанские источники показывают определенную картину, которая позволяет нам несколько осторожно подходить к термину джадидизм XX века. Несмотря на то, что в дагестанских источниках упоминается термин «усул-и-джадид», равно как и то, что египетских реформаторов и их дагестанских последователей в местных источниках называют джадидами, все же мы стараемся не использовать этот термин применительно к Дагестану. Здесь мы можем больше говорить о мусульманском реформаторстве, чем о джадидизме, поскольку обсуждение разных вопросов в Дагестане шло исключительно в рамках мусульманской богословской традиции, со свойственной исламскому дискурсу системой определений, символов, образов и понятий. Вопреки тому, что пишет о дагестанских реформаторах советская и современная историография, они не были сторонниками секуляризации общества, не призывали к адаптации и восприятию европейской культуры. Более того, их взгляды, помимо того, что лежали сугубо в исламской плоскости, отражали также их призыв вернуться к более раннему периоду ислама, когда мусульманское общество было на пике своего развития. Сравнивая движение мусульманских реформаторов и джадидов Поволжья и Дагестана, можно отметить ряд сходств в идеях татар ал-Курсави, ал-Марджани и дагестанцев ал-Кудуки, ал-Гумуки. Все эти ученые выступали со схожими идеями иджтихада. Вместе с тем, несмотря на некоторые контакты дагестанских реформаторов и джадидов XX века, и некоторые сходства идей в вопросах реформы образования, все же джадидизм в Поволжье начала XX века и реформаторство в Дагестане было разным.

Ключевые слова: Дагестан; джадидизм; мусульманское просветительство; реформа исламского образования; иджтихад; таклид; лжешейхство; карамат

Для цитирования: Наврузов А.Р., Шихалиев Ш.Ш. Историография и источниковедение джадидизма в Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 297-311. doi.org/10.32653/CH202228-242297-311

© Наврузов А.Р., Шихалиев Ш.Ш., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202297-311

Research paper

Amir R. Navruzov,
Cand. Sci., Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia
anavruzov@rambler.ru

Shamil Sh. Shikhaliev,
Cand. Sci. (History), Researcher
University of Amsterdam, Netherlands;
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
shihaliev74@mail.ru

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY OF JADIDISM IN DAGESTAN

Abstract: A review of the historiography of the development of Jadidism and Muslim reformism in the Volga region, Central Asia, Transcaucasia and the study of Arabographic sources on the North-Eastern Caucasus allowed us to agree with the conclusion of a number of Western scholars who spoke not about Jadidism in the Russian Empire, but about various forms of Jadidism. Despite the wide range of ideas and concepts regarding the definition of this movement, the Dagestan sources nevertheless show a certain picture, which allows us to approach the term Jadidism of the 20th century somewhat cautiously. Despite the fact that the Dagestan sources mention the term «usul-i-jadid», as well as the fact that the Egyptian reformers and their Dagestani followers are called jadids in local sources, we still try not to use this term in relation to Dagestan. Here we can talk more about Muslim reformism than about Jadidism, since the discussion of various issues in Dagestan proceeded exclusively within the framework of the Muslim theological tradition, with a system of definitions, symbols, images and concepts characteristic of Islamic discourse. Contrary to what Soviet and modern historiography writes about the Dagestan reformers, they were not supporters of the secularization of society, they did not call for adaptation and perception of European culture. Moreover, their views, in addition to being purely Islamic, also reflected their call to return to an earlier period of Islam, when Muslim society was at its peak. Comparing the movement of Muslim reformers and the Jadids of the Volga region and Dagestan, one can note a number of similarities in the ideas of the Tatars al-Kursawi, al-Marjani and the Dagestanis al-Kuduki, al-Gumuki. All these scholars came up with similar ideas of ijtihad. At the same time, despite some contacts between the Dagestan reformers and Jadids of the 20th century, and some similarities of ideas in matters of education reform, nevertheless, Jadidism in the Volga region at the beginning of the 20th century and reformism in Dagestan were different.

Keywords: Dagestan; Jadidism; Muslim enlightenment; reform of Islamic education; ijtihad; taklid; false sheikhism; каramat

For citation: Navruzov A.R., Shikhaliev Sh.Sh. Historiography and Source Study of Jadidism in Dagestan. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 297-311. doi.org/10.32653/CH202228-242297-311

© A.R. Navruzov, Sh.Sh. Shikhaliev, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

В данной статье мы хотим дать историографический обзор исследований и публикаций в Дагестане по так называемому джадидизму[1]. Термин «джадидизм» многие исследователи относят к «ал-усул ал-джадид» («новый метод»), основателем которого считается крымский ученый и просветитель Исмаил Гаспринский (1851–1914). Он разработал новую систему преподавания арабского и тюркских языков, в котором внимание уделялось фонетической системе изучения слов, в противовес корневой, распространённой в традиционной системе мусульманского образования. С помощью нового метода обучения, учащиеся осваивали материал намного быстрее, чем по старой методике.

Впоследствии термин «джадидизм» включил в себя более широкое значение реформы системы мусульманского образования. Он подразумевал включение в учебный план мусульманских мадраса естественных дисциплин, таких как география, естествознание, история, математика и т.д. В дальнейшем под термином джадидизм стали понимать движение «мусульманского просветительства», направленное не только на реформу системы образования, но и всего мусульманского общества, стимулировав тем самым развитие тюркского национального самосознания и их политическую активность в России [1; 2; 3; 4].

Начало изучения истории джадидизма в России было положено в 1920-х гг. Тогда под этим движением понимался постепенный перелом в культурной жизни татар, характеризующийся «умственным пробуждением, толкающим их на сближение с европейской культурой и на переустройство жизни сообразно новым потребностям» [5, с. 46].

Начиная с 1930-х гг. джадидизм стал рассматриваться советскими учеными сквозь призму марксистской теории развития общественно-экономических формаций. В этот период формируются разные взгляды и оценки сущности джадидизма. Он рассматривается либо как буржуазно-либеральное, либо буржуазно-националистическое, либо контрреволюционное, либо панисламистское [6, с. 233], либо пантюркистское [7, с. 122] и, наконец, просветительское движение. В послевоенные годы к этой проблематике интерес несколько угас, так как советскими историками и обществоведами ислам воспринимался как чуждый коммунистическим идеям «феодально-клерикальный элемент» и большинство обществоведов, которые писали об исламе, писали с позиции его критики [8]. Основной посыл в трудах советских историков был направлен на прогрессивную роль советского правительства в вопросах развития науки и просвещения в мусульманских регионах России.

В годы хрущевской «оттепели» началось переосмысление истории движения джадидизма в советской литературе. В социалистическом контексте исторических

1. Под «джадидизмом» в Поволжье мы понимаем комплекс вопросов национального, общественно-экономического и политического характера, имеющий в своей основе европейский элемент и европейскую направленность; движение, направленное на адаптацию под европейское общество с заимствованием европейских систем и институтов. Не игнорируя целый пласт исследований этого движения, мы, в данном случае, исходим из того, какую семантическую нагрузку несет этот термин в научной литературе.

исследований, ученые пытались пересмотреть суть «джадидизма» через повторное толкование ислама в качестве конкретного татарского национального культурного наследия, получившего название «мирасизм» [9; 10]. Современные исследователи: М. Кемпер и А. Бустанов рассматривают «мирасизм» в качестве интеллектуального движения, когда татарские ученые проявляли растущий интерес к дореволюционной татарской литературе, в том числе к восточным рукописям и архивным источникам [9, с. 32]. В результате такого подхода классические мусульманские ученые-богословы рубежа XVIII – XIX веков стали восприниматься едва ли не как предвестники социалистических преобразований, которые боролись со «средневековым мракобесием» [7, с. 142]. В работах советских исследователей появились такие идеологические штампы как «свободомыслие», «рационализм», «вольнодумие» с одной стороны, и «средневековое мракобесие», «клерикальная верхушка» с другой, причем это было характерно как для исследований по исламу в Поволжье, так и в Дагестане [10; 11]. При таком подходе полностью игнорировался мусульманский контекст дискуссий об исламе в среде татарских и дагестанских ученых-богословов, а джадидизм и предшествующие ему идеи реформы системы мусульманского права и догматики стал восприниматься как прогрессивное движение, имеющее исключительно светский характер.

Новый этап дагестанской историографии в вопросах джадидизма начался в постсоветский период, где джадидизм характеризуется как религиозное реформаторство и просветительство.

В изучении джадидизма в Дагестане явно вырисовываются следующие темы: «советские работы о мусульманском просветительстве», «пресса», «новометодные школы и мусульманское духовенство»; «мусульманское реформаторство и ваххабизм»; «что реформировали и критиковали джадиды: ал-фикх и ат-тасаввуф», «персоналии».

Историография поздней советской школы изучения джадидизма

Первым, кто затронул тему джадидизма в Дагестане был дагестанский философ и обществовед М.А. Абдуллаев. Так, он рассматривает дагестанского ученого Мухаммада ал-Кудуки как «прогрессивного деятеля, развивавшего "рационалистические взгляды", "свободомыслие" и отвергавшего "учение мусульманской ортодоксии о божественном предопределении жизни"» [12, с. 31–32]. Между тем, Мухаммад ал-Кудуки, также как татарский ученый Абд ан-Насир ал-Курсави, был классическим мусульманским ученым, который писал работы исключительно в рамках мусульманской догматики и фикха, где призывал вернуться к основным источникам ислама и периоду жизни «праведных предков» (салаф ас-салихин). В этом отношении их взгляды были более «фундаменталистскими», чем взгляды «традиционных» мусульманских богословов, следующих за религиозно-правовыми школами (мазхаб) [13–15].

Очень важными, на наш взгляд, являются источники, введенные в научный оборот дагестанским тюркологом Г.М.-Р. Оразаевым. В своих четырех книгах автор собрал, переложил на кириллицу и издал с комментариями творческое наследие на

кумыкском языке дагестанского ученого и просветителя Абусуфйана Акаева. В этих работах собраны как отдельные книги А. Акаева, изданные им в досоветский период в арабской графике в типографии М.-М. Мавраева, так и отдельные статьи, написанные А. Акаевым в арабографических журналах [16–19].

Говоря об Али Каяеве, следует отметить несколько работ, специально посвященных этому реформатору. Одним из первых начал писать о нем дагестанский ученый М.А. Абдуллаев совместно с Ю.В. Меджидовым в своей книге «Али Каяев. Жизненный путь, естественно-научные и общественно-политические воззрения», причем эта монография об Али Каяеве выдержала два издания [20; 21]. Вместе с тем, данная работа не избежала идеологических советских штампов, равно как и фактологических ошибок в исследовании творчества и биографии А. Каяева. В некоторых местах автор позволяет себе вольное изложение материала, зачастую даже так, как будто автор сам присутствовал при тех или иных событиях, или ему о них рассказал сам Али Каяев. В частности, автор отмечает, что «общение с мударрисами ал-Азхара не могло не обнаружить, что Каяев обладает недюжинными способностями и в совершенстве знает арабский язык» [20, с. 22]..Между тем, это общение с учеными ал-Азхара нигде не зафиксировано в источниках, равно как и сам автор не мог присутствовать при их общении, чтобы дать оценку знаниям А. Каяева. Кроме того, автор определяет египетских реформаторов Мухаммада Абдо и Рашида Рида как тех, кто «выступал за пропаганду светских знаний и культуры» [20, с. 23]. М. Абдуллаев и Ю. Меджидов определяют А. Каяева как человека, который сознательно отказывался от столпов ислама, молился «один раз в неделю», и что «в его творчестве советского периода не прослеживается влияние религии» [20, с. 39].

Между тем, идеи египетских реформаторов многими западными учеными справедливо характеризуются как исламские, и что их деятельность была направлена как раз против расширения европейской колонизации. В этом отношении реформа ислама и системы мусульманского образования, к которым призывали египетские реформаторы, носит противоположный «пропаганде светской культуры» смысл. Кроме того, источники, написанные А. Каяевым в советский период, его взгляды, отраженные в этих источниках, показывают его именно как мусульманского интеллектуала, который призывал вернуться в период раннего ислама. Более того, именно в советский период он написал сочинение «Стрела, пронзающая утверждения лжеца», где он осветил свой диспут с материалистом, которому он доказывал несостоятельность его взглядов на устройство Вселенной[2] [22]. Контекст дискуссии с материалистом показывает, что именно его А. Каяев называет «лжецом», точнее, человеком с ложными взглядами.

Тем не менее, работы М.А. Абдуллаева и Ю.В. Меджидова о А. Каяеве являются едва ли не самыми первыми исследованиями, посвященными дагестанскому мусульманскому реформаторству.

2. Али б. Абд ал-Хамид ал-Гумуки. Ас-Сахм ас-саиб ли сахиб аз-за'м ал-казиб // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. Фонд М. Саидова. Оп. 1. № 90. Лл. 133–193 об.

Современная историография (последних 20-30 лет)

Ряд советских, российских и зарубежных исследователей также обращались к теме джадидизма в Дагестане. Одной из таких работ является статья А.Г. Гаджиева, в которой он рассматривает джадидизм как просветительское движение, направленное на реформу системы мусульманского образования. Здесь же автор приводит имена тех интеллектуалов из числа дагестанцев, которые сыграли большую роль в распространении новометодных школ [23].

Статья А.-К.Ю. Абдуллатипова характеризует Абусуфйана Акаева как «реформатора образования, основателя новометодного обучения в Дагестане и Северном Кавказе», как «достойного продолжателя гуманистических и просветительских традиций Дагестана» [24, с. 26–42]..

Роли дагестанского ученого и просветителя А. Акаева в развитии идей джадидизма в Дагестане посвящена статья К.М.-С. Алиева. Вслед за Д. Исхаковым, автор также подходит к определению джадидизма как «общественного движения по пути к формированию нации» [25, с. 9–15]. Рассматривая реформаторство сквозь дихотомию «джадидизм» – «кадимизм», автор экстраполирует на дагестанский джадидизм те дискуссии, которые особо жестко проходили в других регионах Российской империи, в частности, в Волго-Уральском регионе и в Центральной Азии. Среди причин распространения джадидизма в Дагестане автор видит развитие капиталистических отношений в Дагестане и требование буржуазии Дагестана «поворота лицом к Европе, к России» [25, с. 12]..

В совместной работе М. Кемпера и Ш.Ш. Шихалиева «Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX в. как разновидность джадидизма» авторы дают «краткие гипотезы развития мусульманского реформаторства в Дагестане, отличающие её от форм джадидизма в остальных регионах мусульманского мира» [26]. .

Крупную работу, посвященную вопросам, обсуждаемым мусульманскими реформаторами в джадидской газете «Джаридат Дагистан» (1913–1918) написал А.Р. Наврузов [27]. Несмотря на то, что сама работа носит больше источниковедческий характер и посвящена структуре этой газеты, автор осветил практически все вопросы, которые обсуждали мусульманские интеллектуалы в начале XX в. Адекватно передавая суть обсуждаемых джадидами вопросов, в то же время автор не до конца глубоко дал анализ тех задач, которые ставили перед собой джадиды. Кроме того, при характеристике ряда фактов, связанных с деятельностью этой газеты, А. Наврузов не избежал некоторых идеологических штампов, присущих советской историографии. Издание подобного рода газет было связано с общим движением реформаторства, охватившем многие мусульманские страны [28].

Говоря о мусульманской школе в Дагестане, необходимо отметить совместную работу В.О. Бобровникова, А.Р. Наврузова и Ш.Ш. Шихалиева, посвященную исламскому образованию в Дагестане в советский и постсоветский периоды [29]. Авторы подробно остановились на советской политике по отношению к мусульманской школе в советский период. Часть этой работы посвящена анализу старометодной системы

образования, а также деятельности некоторых джадидов по реформе мусульманских школ.

Истории мусульманского образования на Кавказе посвящена работа А.А. Ярлыкапова [29], где он дал краткий обзор развития мусульманской школы в Дагестане, обозначив также методы обучения и дисциплины, которые традиционно изучали в дагестанских мадраса. Автор также вкратце затронул вопрос о новометодных мадраса в Дагестане и деятельности первооткрывателя таких школ в регионе А. Акаеве. А.А. Ярлыкапов отмечает, что новометодные школы не получили на Кавказе такого широкого распространения, как в других регионах России [30, с. 17].

Работа, посвященная проблеме мусульманского образования, опубликована М.А. Мусаевым. В ней автор рассмотрел систему традиционного мусульманского образования, перечень дисциплин, изучаемых в этих мадраса, а также критику старой системы обучения со стороны дагестанских джадидов [31].

Мусульманской духовной элите в системе государственно-конфессиональных отношений в советский период посвящена работа И.Х. Сулаева. Автору не удалось избежать определенных клише, свойственных советской историографии, таких как «официальный» - «неофициальный» ислам и т.д. В целом, работа И.Х. Сулаева довольно подробно отражает политику советского правительства в отношении ислама, но не раскрывает суть того, как сами мусульмане воспринимали эту власть, какие дискуссии шли в среде мусульманских интеллектуалов и как они адаптировались в новых социальных условиях [32].

Оригинальная работа, посвященная сравнительному анализу джадидизма с ваххабизмом написана дагестанским исследователем З.М. Абдулагатовым [33]. Тонко проследив отрицание последователями этих двух течений следования *мазхабам* (*таклид*)[3], автор точно подметил, что в обоих этих течениях можно усмотреть фундаменталистские идеи [33, с. 110]. Ваххабиты[4], по его мнению, стремились «очистить» ислам от всех новшеств, которые были в него привнесены, и призывали вернуться к периоду раннего ислама, отрицая при этом роль разума и следуя буквалистскому пониманию Корана и Сунны. Джадиды же, по мнению автора, также призывая вернуться к основным источникам ислама – Корану и Сунне, актуализировали роль разума и пытались адаптировать ислам к современным реалиям через институт иджтихада [33, с. 112]. На наш взгляд, все же автор повторяет устоявшиеся клише советских историков, которые обозначали джадидизм как «прогрессивное» движение, направленное на модернизацию ислама и его приспособление к европейским системам ценностей [33, с. 117].

Деятельность египетских и дагестанских реформаторов в контексте развития ваххабизма рассмотрел в своей кандидатской диссертации А. Мантаев [34]. Приводя в своей работе оригинальные местные источники, тем не менее автор неправомочно причислил к ваххабитам египетских реформаторов – Джамалуддина ал-Афгани, Мухаммада Абдо, Рашида Рида, равно как и дагестанского сторонника египетской мо-

3. Таклид (араб. традиция) – означает следование какому-либо из предшествующих имамов основателей 4-х мазхабов (Ибн Малик, аш-Шафии, Абу Ханифа, Ибн Ахмад) во всех религиозных делах и светских сношениях.
4. Ваххабиты – последователи Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаб ал-Мушаррафи ат-Тамими (1703–1792) — основателя ваххабитского движения в исламе, сформировавшегося в XVIII веке.

дели реформаторства – Али Каяева. Более того, автор не совсем корректно цитировал и интерпретировал местные источники. Так, приводя мнение дагестанского ученого Хафиза-хаджи ал-Ухли (Умарова), автор приписывает ему слова о том, что «ал-Ухли называл дагестанского реформатора ваххабитом» [34, с. 98]. На самом деле, в рукописи очевидно разграничение Абд ал-Хафизом ал-Ухли понятий «ваххабиты» и «джадиды». К последним, а не к ваххабитам, он и причислял Али Каяева[5]. Вместе с тем, автор ввел в научный оборот оригинальные арабоязычные источники, показывающие что исламский дискурс в среде мусульманской элиты не прекращался весь советский период.

Статья А.Р. Наврузова «"Байан ал-хака'ик" – журнал ученых-арабистов Дагестана первой трети XX века» вводит в научный оборот еще один очень важный печатный орган реформаторской арабоязычной публицистика Дагестана. Журнал отражал идеи дагестанских мусульманских реформаторов, способствовал распространению шариатских знаний, объяснял с точки зрения шариата культурные и социально-экономические преобразования, проводившиеся советским правительством. Обобщающей оценки издания и её роли в истории мусульманского обновленчества Дагестана первой трети XX в. автор в работе не дает [35].

В последние годы были опубликованы важные работы, посвященные мусульманскому реформаторству в Дагестане. Среди них мы можем отметить другую совместную работу М. Кемпера и Ш.Ш. Шихалиева, где авторы дают сравнительную характеристику кадимитской и джадидитской системе образования в Дагестане в начале XX в. Если в Волго-Уральском регионе идеи джадидизма касались реформы исламского образования в контексте преподавания на родном татарском языке, то в многонациональном Дагестане больше ориентировались на обучение на местных языках. В то же время арабский язык для дагестанской интеллектуальной элиты сохранял свое важное значение весь советский период. На протяжении советской эпохи в Дагестане кадимизм как традиционная система обучения продолжал существовать наряду с новометодной системой. Это сосуществование двух систем привело к смешанному методу преподавания арабского языка и исламских дисциплин в новых исламских учебных заведениях, открывшихся в постсоветский период [36; 37].

Характеристика мусульманского реформаторства в Дагестане первой трети XX в. дается в статьях Ш.Ш. Шихалиева «К вопросу о дагестанском реформаторстве в первой четверти XX в.» [38] и «Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900-1930 гг.)» [39]. В них отмечается, что реформаторы стремились развивать исламскую мысль и право в соответствии с новыми реалиями. Было три формы этого движения. Первая группа ученых предложила реформировать только исламскую систему образования, поддерживая при этом традиции шафиитской юридической школы. Вторая группа реформаторов была так же за реформу образования, но вместе с тем выступала за расширение рамок шафиитского мазхаба. Третья группа реформаторов, наряду с имевшейся системой исламского образования, критиковала юридические школы

5. Ал-Ухли, Абд ал-Хафиз. Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-мусаллах. 1949. // Рукопись на арабском языке, хранится в частном архиве Ш.Ш. Шихалиева. Л. 4об–5.

и призывала к независимым суждениям по вопросу исламского права вне рамок юридических школ. Суфизм также подвергался резкой критике со стороны реформистов второй и третьей групп. По этой причине имперская, а затем и советская власти поддержали реформаторское движение в Дагестане [39, с. 134].

В статье «*Таклид* и *иджтихад*[6] на протяжении веков: дебаты по исламской правовой теории в Дагестане, 1700-е – 1920-е годы» Ш.Ш. Шихалиев отмечает, что основным недостатком большинства существующих работ по исламскому праву в Дагестане является то, что они не учитывают многослойный характер иджтихада или тонкости дискуссий на эту тему среди мусульманской элиты Дагестана. За редкими исключениями, ученые изучают проблему иджтихада, не связывая ее с внутренними и внешними факторами, действующими во время появления и развития дискурсов иджтихада. Кроме того, в русскоязычной науке все еще существует тенденция представлять иджтихад как противовес таклиду. Опровергая этот довод, Ш.Ш. Шихалиев делает вывод, что все обсуждения таклида и иджтихада в Дагестане, скорее, были сосредоточены на допустимости различных уровней иджтихада [40].

В статье Ш.Ш. Шихалиева «Дискуссии о суфизме в Дагестане в исторической ретроспективе» дан анализ дискуссий о суфизме между представителями различных течений в Дагестане – суфийскими шейхами, с одной стороны, и лидерами исламских реформаторов, с другой. До распространения идей мусульманского реформаторства в Дагестане в начале XX в. и даже параллельно с движением реформизма, дискуссия о легитимности тех или иных практик шла внутри разных групп суфийских общин. В конце имперского периода к этой полемике подключились реформаторы. Примечательно, что в среде реформаторов отношение к суфизму и суфиям было неодинаковым. Одна группа джадидов считала суфизм легитимным в исламе течением, критикуя на страницах исламской прессы лишь современных им дагестанских суфийских шейхов. Другая группа реформаторов не признавала легитимность суфизма вообще [41].

Статья А.Р. Наврузова «*Тавассул*[7]*, истигаса*[8] *и рабита*[9] ккак элементы суфийской ритуальной практики в контексте критики дагестанскими реформаторами-просветителями первой трети XX века» посвящена элементам суфийской ритуальной практики, которые подвергались критике со стороны реформаторов. Дагестанские реформаторы, положительно относясь к суфизму как течению в исламе в целом, выступали с резко отрицательной критикой некоторых элементов суфийской ритуальной практики первой трети XX в. таких, как тавассул, истигаса и рабита, так как эта практика предусматривала духовную связь мурида[10] ссо своим шейхом, что приравнивалось ими к идолопоклонству и многобожию (ширку) [42].

Статья М.Г. Шехмагомедова «Критика лжешейхства в Дагестане в конце XIX – нач. XX вв.» раскрывает содержание внутрисуфийской полемики, происходившей в Дагестане между представителями различных суфийских братств в конце XIX – пер-

6. *Иджтихад* (араб. усердие) – означает приложение факихом (знаток мусульманского права) своих усилий в выведении практических заповедей из подробных доказательств
7. *Тавассул* – обращение с мольбой к Аллаху посредством пророка, святых или шейхов.
8. *Истигаса* – взывание о помощи.
9. *Рабит*а – духовная связь с наставником посредством воссоздания в сердце его образа.
10. *Мурид, мюрид* (араб. — последователь, ученик) — в суфизме, ученик, находящийся на первой (низшей) ступени посвящения и духовного самосовершенствования.

вой трети XX в. Эта полемика выражалась во взаимной критике и обвинении некоторых суфийских деятелей в лжешейхстве. Одним из самых активных участников внутрисуфийской полемики стал накшбандийский шейх Хасан Хилми ал-Кахи, который впервые выступил с резкой критикой в адрес некоторых дагестанских суфиев, которые, по его мнению, не имея соответствующей инвеституры, неправомерно занимались наставнической деятельностью, дискредитируя суфийское учение [43].

Одним из аспектов противостояния суфиев и салафитов в регионе был вопрос культа святых. Этому вопросу посвящена другая статья А.Р. Наврузова. Суфийская традиция настаивала на признании способности шейхов к *караматам*[11]. Салафиты выступали против культа святых в исламе, считая его возвратом к языческим традициям. Другим вопросом противоборства был вопрос посещения могил святых и праведников. Положительно относясь к посещению могил, считая *зияра*[12] одним из предписаний ислама, северокавказские реформаторы исключали практику суфийской *зияры* из числа законных посещений могил [44].

В статье «Идеологическое противостояние дагестанских богословов в первой трети XX в.» М.Г. Шехмагомедова показана роль и влияние идей мусульманского реформаторства на общественно-политическую жизнь первой трети XX в. Автором освящается внутриконфессиональная полемика, происходившая между джадидами и их оппонентами в лице суфийских шейхов и нашедшая отражение в их сочинениях, а также на страницах дагестанской периодической печати [45].

В числе вышеуказанных работ, которые опираются на широкий круг арабоязычных источников, можно отметить работу Ш.Ш. Шихалиева «Правовые заключения Хасана ал-Алкадари (1834–1910) в его сочинении «Джираб ал-Мамнун» [46]. «Книга представляет собой собрание присланных Хасану ал-Алкадари вопросов и его ответов по самым разным темам: грамматика арабского языка, логика, риторика, практическая астрономия, мусульманское право, история и т.д.» [46, с. 167]. Многие вопросы, ответы на которые дает Хасан ал-Алкадари, станут позже предметом диспута также и в среде дагестанских реформаторов.

Представление о содержании происходивших между дагестанскими реформаторами дебатов об иджтихаде и таклиде дает перевод арабского источника «Полемика между Назиром ад-Дургили и Йусуфом ал-Джунгути, сделанный Ш.Ш. Шихалиевым [47]. Один из важных выводов исследователя заключаются в том, что элементы иджтихада так и не были полностью вычеркнуты из правовой шафиитской традиции. Те юристы, которые в местной традиции описываются как сторонники таклида, фактически разрешали использование определенных видов иджтихада [40, с. 239].

В другой своей работе Ш.Ш. Шихалиев дал анализ сочинения «Ал-Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-мусаллах» известного дагестанского ученого ʻАбд ал-Хафиза Охлинского (1912-200)», который показывает суть дискуссий в среде дагестанских улемов в первой трети XX. В трактате идет полемика «вокруг толкования установлений и обрядовой практики в мусульманском праве, а также о «легитимности» суфизма и мусульманского обновленчества досоветской эпохи [48].

Кроме этих работ можно отметить также исследования, посвященные роли даге-

11. Карамат — «чудотворство», «необычные деяния», якобы совершаемые святыми, по мнению суфиев.
12. Зийарат, зийара — паломничество к святым местам, а также само обозначение этих святых мест.

станской мусульманской элиты в конкретных исторических процессах, а также отдельным их представителям – ученым-богословам, мударрисам, шейхам, равно как и тем процессам, которые были связаны с деятельностью реформаторов: истории развития системы образования в Дагестане, открытию типографий и т.д. Ряд работ представляют собой прекрасный источниковедческий анализ. В них можно отметить историческую и фактологическую точность. Однако, биографии этих ученых рассматривались изолированно или в общем контексте развития определенных жанров дагестанской литературы, но не в контексте реформаторского движения на Кавказе [13; 49–54].

Заключение

Обзор историографии развития джадидизма и мусульманского реформаторства в Поволжье, Центральной Азии, Закавказье и изучение арабографических источников по Северо-Восточному Кавказу позволил нам согласиться с выводом ряда западных ученых, которые говорили не о джадидизме в Российской империи, а о разных формах джадидизма. В целом, можно сказать, что история джадидизма на Кавказе, в частности в Дагестане, (по сравнению с Крымом, Волго-Уральским регионом, Центральной Азией) остается «белым пятном». Мы имеем сравнительно небольшое количество статей, посвященных этому вопросу. Последние работы ряда исследователей опираются на оригинальные арабоязычные письменные источники, ранее не опубликованные, которые показывают дискуссии в среде мусульманской духовной элиты позднего имперского и раннего советского периодов. Мусульманские ученые на страницах арабоязычной прессы, в письмах и полемических рукописях отражали свое видение «правильного» ислама, что в свою очередь характеризует некую мозаичную структуру интеллектуального ландшафта в регионе, который динамично развивался весь советский период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллин Я.Г.* Татарская просветительская мысль. Казань, 1976.

2. Edward Lazzerini, Gadidism at the Turn of the Twentieth Century: A View from Within // Cahiers du Monde Russe et sovietique. 1975 № 16. Pp. 245-277.

3. *Kanlidere, Ahmed.* Reform within Islam: The Tajdid and Jadid Movements among the Kazan Tatars. Istanbul, 1997.

4. *Noack, Christian.* Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich: Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861-1917. Stuttgart, 2000.

5. *Валидов Дж.* Очерки истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). Москва, Петроград, 1923. –159с.

REFERENSES

1. Abdullin YG. *Tatar educational thought*. Kazan, 1976. (In Russ)

2. Edward Lazzerini, Gadidism at the Turn of the Twentieth Century: A View from Within *Cahiers du Monde Russe et sovietique*. 1975; 16: 245-277.

3. Kanlidere A. *Reform within Islam: The Tajdid and Jadid Movements among the Kazan Tatars*. Istanbul, 1997.

4. *Noack, Christian. Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich: Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861-1917.* Stuttgart, 2000.

5. Validov J. *Essays on the history of education and literature of the Tatars (before the revolution of 1917)*. Moscow, Petrograd, 1923.

6. *Баймурзаев А.Б.* Из истории общественной мысли Дагестана второй половины XIX в. Махачкала, 1965. – 240 с.

7. *Абдуллаев М.А.* Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. –М.: Наука, 1987. –326 с.

8. *Kemper, Michael.* «The Soviet Discourse on the Origin and Class Character of Islam, 1923-1933» // Die Welt des Islams. 2009. № 49(1). Pp. 1–48.

9. *Kemper M., Bustanov A.* «From Mirasism to Euro-Islam: The Translation of Islamic Legal Debates into Tatar Secular Cultural Heritage» // Islamic authority and the Russian language: studies on texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia, ed. by M. Kemper and A. Bustanov. Amsterdam: Pegasus, 2012. Pp. 29–53.

10. *Бустанов А.К., Кемпер М.* Мирасизм в татарской среде: трансформация исламского наследия в татарское просветительство // Ars Islamica: Сборник трудов, посвященных С. М. Прозорову / под ред. М. Б. Пиотровского и А. К. Аликберова. М., 2016. С. 729–745.

11. *Кемпер М.* Ислам как общенациональное культурное наследие в послесталинском Дагестане: из иджтихада в Просвещение // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 2. С. 128–143.

12. *Абдуллаев М.А.* Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. М., 1968. -336 с.

13. *Шихсаидов А.Р.* Ал-Кудуки // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 51–52.

14. *Крачковский И.Ю.* Дагестан и Йемен // Избр. соч.: в 6 т.- М.-Л., Изд-во АН СССР, 1955-1960. Т. 6. – 739с.

15. *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008. С. 314–338.

16. *Акаев Абусупиян.* Пайхамарны ёлу булан («Тропою пророка») / Сост книги, авт. предисл., транслит. с аджама на кириллицу и коммент. Гасан Оразаев. Кн. 1. Махачкала, 1992. – 376 с.

17. *Акаев Абусупиян.* Пайхамарны ёлу булан («Тропою пророка») / Сост книги, авт. предисл., транслит. с аджама на кириллицу и коммент. Гасан Оразаев. Кн. 2. Махачкала, 1997. – 320 с.

18. *Акаев Абусупиян.* Пайхамарны ёлу булан («Тропою пророка») / Сост книги, авт. предисл., транслит. с аджама на кириллицу и коммент. Гасан Оразаев. Кн. 3. Махачкала, 2010. – 440 с.

19. *Акаев, Абусупиян.* Пайхамарны ёлу булан («Тропою пророка») / Сост книги, авт. предисл., транслит. с аджама на кириллицу и коммент. Гасан Оразаев. Кн. 4. Махачкала, 2021. – 240 с.

20. *Абдуллаев М.А., Меджидов Ю.В.* Али Каяев. Жизненный путь, естеств.-научн. и общест.-полит. воззрения. Махачкала, «Дагкнигоиздат», 1968. –182 с.

21. *Меджидов Ю.В., Абдуллаев М.А.* Али Каяев. Махачкала, «Дагкнигоиздат», 1993. – 416 с.

6. Baymurzaev AB. *From the history of social thought in Dagestan in the second half of the 19th century*. Makhachkala, 1965.

7. Abdullaev MA. *Social and political thought in Dagestan at the beginning of the twentieth century*. Moscow: Nauka, 1987.

8. Kemper M. The Discourse on the Origin and Class Soviet Character of Islam, 1923-1933. *Die Welt des Islams*. 2009; 49(1): 1-48.

9. Kemper M., Bustanov A. From Mirasism to Euro-Islam: The Translation of Islamic Legal Debates into Tatar Secular Cultural Heritage. In: Kemper M., Bustanov A. (eds.). *Islamic authority and the Russian language: studies on texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia*. Amsterdam: Pegasus, 2012: 29-53.

10. Bustanov A., Kemper M. Mirasism in the Tatar environment: transformation of the Islamic heritage into Tatar enlightenment. In: M. B. Piotrovsky and A. K. Alikberov (eds.). *Ars Islamica: Collection of works dedicated to S. M. Prozorov*. Moscow, 2016: 729-745. (In Russ)

11. Kemper M. Islam as a national cultural heritage in post-Stalin Dagestan: from ijtihad to Enlightenment. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2018; 14(2): 128-143. (In Russ)

12. Abdullaev MA. *From the history of philosophical and socio-political thought of the peoples of Dagestan in the 19th century*. Moscow, 1968. (In Russ)

13. Shikhsaidov AR. Al-Kuduki. *Islam on the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*. Vol. 2. Moscow, 1999: 51-52. (In Russ)

14. Krachkovsky IYu. Dagestan and Yemen. *Selected works: in 6 volumes*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the SSR, 1955-1960. Vol. 6.

15. Kemper M. Sufis and scientists in Tatarstan and Bashkortostan (1789–1889). *Islamic discourse under Russian domination*. Kazan: Russian Islamic University, 2008: 314-338. (In Russ)

16. Akaev A. *Paykhamarny elu bulan ("On the path of the prophet"). Comp. of the book, preface, transl. from Ajama to Cyrillic and commentary by Hasan Orazaev. Book 1*. Makhachkala, 1992. (In Russ)

17. Akaev A. *Paykhamarny elu bulan ("On the path of the prophet"). Comp. of the book, preface, transl. from Ajama to Cyrillic and commentary by Hasan Orazaev. Book 2*. Makhachkala, 1997. (In Russ)

18. Akaev A. *Paykhamarny elu bulan ("On the path of the prophet"). Comp. of the book, preface, transl. from Ajama to Cyrillic and commentary by Hasan Orazaev. Book 3*. Makhachkala, 2010. (In Russ)

19. Akaev A. *Paykhamarny elu bulan ("On the path of the prophet"). Comp. of the book, preface, transl. from Ajama to Cyrillic and commentary by Hasan Orazaev. Book 4*. Makhachkala, 2021. (In Russ)

20. Abdullaev MA., Medzhidov YuV. *Ali Kayaev. Life path, natural-science and social-political views*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1968. (In Russ)

22. *Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А.* Каталог арабских рукописей (коллекция М.-С. Саидова). Махачкала, 2005. С. 87–88.

23. *Гаджиев А.-Г.С.* Джадидизм в Дагестане // Абусуфьян Акаев: Эпоха, жизнь, деятельность: сборник статей, переводов и материалов / сост. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала. «Дагестанское книжное издательство», 2012. С. 64–65.

24. *Абдуллатипов А.-К.Ю.* Акаев А. – крупнейший деятель просветительского движения 1-й трети XX в. (Историография изучения трудов, литературное и публицистическое творчество) // Абусуфйан Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность: Сборник статей, переводов и материалов / Сост. и науч. ред. Оразаев Г.М.-Р. Серия «Жизнь замечательных дагестанцев». Махачкала, 2012. С. 26–42.

25. *Алиев К.М.-С.* Идейное наследие А. Акаева и современность // Абусуфьян Акаев: Эпоха, жизнь, деятельность: сборник статей, переводов и материалов, 2012. С. 9–15.

26. *Кемпер М., Шихалиев Ш.Ш.* Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX в. как разновидность джадидизма // Абусуфйан Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность: Сборник статей, переводов и материалов. Сост. и науч. ред. Оразаев Г.М.-Р. Серия «Жизнь замечательных дагестанцев». Махачкала, 2012. С. 52–58.

27. *Наврузов А.Р.* «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. М., «Марджани», 2012. – 240 с.

28. *Khalid Adeeb*. The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1999.

29. *Bobrovnikov V.O., Nauruzov A.R., Shikhaliev Sh.Sh*. Islamic Education in Soviet and post-Soviet Daghestan // Islamic Education in the Soviet Union and its Successor States. Edited by Michael Kemper, Raoul Motika and Stefan Reichmuth. London and New York: Routledge, 2010. Pp. 107–167.

30. *Ярлыкапов А.А.* Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. 2003. № 2 (21). С. 5–31.

31. *Мусаев М.А.* Традиционная система мусульманского образования в Дагестане и её критика джадидами // Алмазова Л.И., Хайрутдинов А.Г. (ред.). Шигабутдин Марджани: Наследие и современность. Сборник статей. Казань, 2008. С. 240–252.

32. *Сулаев И.Х.* Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991). Махачкала, 2009. – 385 с.

33. *Абдулагатов З.М.* Ваххабизм и джадидизм в дагестанском исламском сознании: параллели и противоречия // Центральная Азия и Кавказ. 2006. №6(48). С. 108–120.

34. *Мантаев А.А.* «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2002. – 233 с.

35. *Наврузов А.Р.* «Байан ал-хака'ик» – журнал ученых-арабистов Дагестана первой трети XX века // Исламоведение. 2011. №3 (9). С. 82–93.

21. Medzhidov YuV., Abdullaev MA. *Ali Kayaev*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1993. (In Russ)

22. Shikhsaidov AR., Omarov KhA. *Catalog of Arabic manuscripts (collection of M.-S. Saidov)*. Makhachkala, 2005: 87-88. (In Russ)

23. Gadzhiev A-GS. Jadidism in Dagestan. In: *G.M.-R. Orazaev (comp.). Abusufyan Akaev: Epoch, life, activity: collection of articles, translations and materials*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2012: 64-65. (In Russ)

24. Abdullatipov A-KYu. Akaev A. – the largest figure in the educational movement of the 1st third of the 20th century (Historiography of the study of works, literary and journalistic creativity). In: *G.M.-R. Orazaev (comp.). Abusufyan Akaev: Epoch, life, activity: collection of articles, translations and materials. Series "Life of remarkable Dagestanis"*. Makhachkala, 2012: 26-42. (In Russ)

25. Aliev KM-S. The ideological legacy of A. Akaev and modernity. In: G.M.-R. Orazaev (comp.). *Abusufyan Akaev: Epoch, life, activity: collection of articles, translations and materials*. 2012: 9-15. (In Russ)

26. Kemper M., Shikhaliev ShSh. Dagestan Muslim reformism of the first third of the 20th century. as a type of Jadidism. In: *G.M.-R. Orazaev (comp.). Abusufyan Akaev: Epoch, life, activity: collection of articles, translations and materials. Series "Life of remarkable Dagestanis"*. Makhachkala, 2012: 52-58. (In Russ)

27. Navruzov AR. *"Jaridat Daghistan" as an Arabic-language newspaper of Caucasian Jadids*. Moscow: Marjani, 2012. (In Russ)

28. Khalid Adeeb. *The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia*. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1999.

29. Bobrovnikov V.O., Nauruzov A.R., Shikhaliev Sh.Sh. Islamic Education in Soviet and post-Soviet Daghestan. In: Michael Kemper, Raoul Motika, Stefan Reichmuth (eds.). *Islamic Education in the Soviet Union and its Successor States*. London and New York: Routledge, 2010. pp. 107–167.

30. Yarlykapov AA. Islamic education in Northern Kavkaze in the past and present. *Bulletin of Eurasia*. 2003; 21(2): 5-31.

31. Musaev MA. The traditional system of Muslim education in Dagestan and its criticism by the Jadids. *Almazova L.I., Khairutdinov A.G. (eds.). Shigabutdin Marjani: Heritage and modernity. Digest of articles*. Kazan, 2008: 240-252.

32. Sulaev IKh. *The state and the Muslim clergy in Dagestan: the history of relationships (1917–1991)*. Makhachkala, 2009.

33. Abdulagatov ZM. Wahhabism and Jadidism in the Dagestan Islamic consciousness: parallels and contradictions. *Central Asia and the Caucasus*. 2006; 48(6): 108–120.

34. Mantaev AA. "*Wahhabism" and the political situation in Dagestan. Candidate Thesis*. Moscow, 2002.

35. Navruzov AR. "Bayan al-haqa'iq" – a journal of Arab scholars of Dagestan in the first third of the 20th century. *Islamovedenie*. 2011: 9(3): 82-93.

36. *Kemper M., Shikhaliev Sh*. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan // Asiatische Studien – Études Asiatiques. 2015. 69(3). Pp. 593–624.

37. *Кемпер М., Шихалиев Ш*. Кадимитская и джадидитская системы образования в Дагестане: взгляд на систему преподавания арабского языка и ислама в XX в. // Восток (Oriens). 2018. №6. С. 105–123.

38. *Шихалиев Ш.Ш*. К вопросу о дагестанском реформаторстве в первой четверти XX в. // МавраевЪ. 2015. №1(16). С. 27–31.

39. *Шихалиев Ш.Ш*. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. №3. С. 134–169.

40. *Shikhaliev Sh*. Taqlīd and Ijtihād over the Centuries: The Debates on Islamic Legal Theory in Daghestan, 1700s-1920s. Published online by Cambridge University Press. – Pp.239-280. in: Paolo Sartori, Danielle Ross (eds), Shari'a in the Russian Empire. The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550-1917. (Edinburg University Press, 2020).

41. *Шихалиев Ш.Ш*. Дискуссии о суфизме в Дагестане в исторической ретроспективе // История, археология и этнография Кавказа. 2022. № 18(2). С. 323–345.

42. *Наврузов А.Р*. Тавассул, истигаса и рабита как элементы суфийской ритуальной практики в контексте критики дагестанскими реформаторами-просветителями первой трети XX века // Исламоведение. 2023. Т. 14 (1). С. 5–16.

43. *Шехмагомедов М.Г*. Критика лжешейхства в Дагестане в конце XIX – нач. XXвв. (на примере сочинения Хасана ал-Хилми «ад-Дурра ал-байда' фи радд ал-бида' ва-л-ахва'») // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17 (3). С. 558–567.

44. *Наврузов А.Р*. Северокавказские реформаторы-просветители первой трети XX века и некоторые вопросы религиозного культа // Проблемы востоковедения. 2022. №4(98). С. 84–91.

45. *Шехмагомедов М.Г*. Идеологическое противостояние дагестанских богословов в первой трети XX в. // Успехи современной науки. 2016. Т.10 (12). С. 114–118.

46. *Шихалиев Ш.Ш*. Правовые заключения Хасана ал-Кадари в его сочинении «Джираб ал-Мамнун» (пер. с араб. и коммент. Ш.Ш. Шихалиева // Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования: хрестоматия / В.О. Бобровников, М.Г. Шехмагомедов, Ш.Ш., Шихалиев. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2017. С. 166–185.

47. *Шихалиев Ш.Ш*. Полемика между Назиром ад-Дургили и Йусуфом ал-Джунгути // Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования: хрестоматия / В.О. Бобровников, М.Г. Шехмагомедов, Ш.Ш. Шихалиев. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2017. С. 186–226.

48. *Шихалиев Ш.Ш*. «Ал-Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-мусаллах» 'Абд ал-Хафиза Охлинского. сб. ст. // Дагестан и мусульманский Восток / сост. и отв. ред.

36. Kemper M., Shikhaliev Sh. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan. *Asiatische Studien – Études Asiatiques*. 2015; 69(3): 593-624.

37. Kemper M., Shikhaliev Sh. Kadimi and Jadidi education systems in Dagestan: a look at the system of teaching Arabic and Islam in the 20th century. *Vostok (Oriens)*. 2018; 6: 105-123.

38. Shikhaliev ShSh. On the issue of Dagestan reformism in the first quarter of the 20th century. *Mavraev*. 2015; 16(1): 27–31.

39. Shikhaliev ShSh. Muslim reformism in Dagestan (1900–1930). *State, religion, church in Russia and abroad*. 2017; 3: 134–169.

40. Shikhaliev Sh. Taqlīd and Ijtihād over the Centuries: The Debates on Islamic Legal Theory in Daghestan, 1700s-1920s. Published online by Cambridge University Press. *Paolo Sartori, Danielle Ross (eds.). Shari'a in the Russian Empire. The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550-1917*. Edinburgh University Press, 2020. pp. 239–280.

41. Shikhaliev ShSh. Discussions about Sufism in Dagestan in historical retrospect. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2022; 18(2): 323-345.

42. Navruzov AR. Tawassul, istighasa and rabita as elements of Sufi ritual practice in the context of criticism by Dagestan reformers and educators of the first third of the 20th century. *Islamovedenie*. 2023; 14(1): 5–16.

43. Shekhmagomedov MG. "False sheikh" critique in Dagestan in the end of the 19th – early 20th centuries (on the example of the work of Hasan-Hilmi al-Kakhi "Durra al-bayda' fi raddi-l-bada' wa-l-ahwa"). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021; 17(3): 558-567.

44. Navruzov AR. North Caucasian reformers and educators of the first third of the 20th century and some issues of religious worship. *Problemy Vostokovedeniya*. 2022; 98(4): 84-91.

45. Shekhmagomedov MG. Ideological confrontation between Dagestan theologians in the first third of the 20th century. *Advances in modern science*. 2016; 10(12): 114-118.

46. Shikhaliev ShSh. Legal conclusions of Hasan al-Qadari in his work "Jirab al-Mamnun" (translated from Arabic and commentary by Sh.Sh. Shikhaliev. In: V.O. Bobrovnikov, M.G. Shekhmagomedov, Sh.Sh., Shikhaliev (eds). *Muslim law and custom in Russian Dagestan: sources and research: chrestomathy*. Saint-Petersburg: Presidential Library, 2017: 166-185.

47. Shikhaliev ShSh. Controversy between Nazir ad-Durgili and Yusuf al-Dzhunguti. In: *V.O. Bobrovnikov, M.G. Shekhmagomedov, Sh.Sh., Shikhaliev (eds). Muslim law and custom in Russian Dagestan: sources and research: chrestomathy*. Saint-Petersburg: Presidential Library, 2017: 186-226.

48. Shikhaliev ShSh. "Al-Jawab as-sahih li-l-ah al-musallah" by 'Abd al-Hafiz Okhlinsky. *Dagestan and the Muslim East Collected Articles. Comp. and resp. ed. A.K. Alikberov, V. O. Bobrovnikov*. Moscow: Marjani, 2010: 324-340.

А.К. Аликберов, В. О. Бобровников. М.: Марджани, 2010. С. 324–340.

49. *Шихсаидов А.Р.* (сост. и отв. ред.). Историко-литературное наследие Хасана Алкадари. Махачкала, 1988; – 154 с.

50. *Шихсаидов А.Р.* (сост. и отв. ред.). Гасан Алкадари. Ученый, поэт, просветитель. Сборник научных трудов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН», 2006. – 220 с.

51. *Шихсаидов А.Р.* ал-Алкадари // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 8–9.

52. *Шихсаидов А.Р.* Письменные памятники Дагестана XIX в. (жанр биографий) // Письменные памятники Дагестана XVII–XIX вв. Махачкала, 1989. С. 5–14.

53. *Шихсаидов А.Р., Кемпер М., Бустанов А.К.* (пер. с араб., коммент., указ. и библиогр.) Назир ад-Дургили. Услада умов в биографиях дагестанских ученых. М.: Марджани, 2012. - 208 с.

54. *Исаев А.А.* Магомедмирза Мавраев – первопечатник и просветитель Дагестана. Махачкала, 2003. – 176 с.

49. Shikhsaidov AR. (comp., ed.). *Historical and literary heritage of Hasan Alkadari*. Makhachkala, 1988.

50. Shikhsaidov A.R. (comp., ed.). *Hasan Alkadari. Scientist, poet, educator. Collection of scientific papers*. Makhachkala: IHAE DSC RAS, 2006.

51. Shikhsaidov AR. al-Alkadari. In: I*slam on the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*. Vol. 2. Moscow, 1999: 8-9.

52. Shikhsaidov AR. Written monuments of Dagestan of the 19th century (biography genre). *Written monuments of Dagestan in the 17th–19th centuries*. Makhachkala, 1989: 5-14.

53. Shikhsaidov AR., Kemper M., Bustanov AK. (translation from Arabic, commentary, index and bibliography). *Nazir ad-Durgili. A journey of the minds through the biographies of the Islamic scholars of Dagestan*. Moscow: Mardzhani, 2012.

54. Isaev AA. *Magomedmirza Mavraev is the pioneer printer and educator of Dagestan*. Makhachkala, 2003.

Поступила в редакцию 13.08.2023 г.
Принята в печать 08.02.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 13.08.2023
Accepted 08.02.2024
Published 15.06.2024

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202312-341

Исследовательская статья

Петрова Наталья Юрьевна,
к.и.н., научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
petrovanatalya7@mail.ru

Сайпудинов Мурад Шахбанович
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
haosta@mail.ru

Карпова Евгения Владимировна
доцент, к.г.-м.н.
Московский государственный университет, Москва, Россия
karpoff_2002@mail.ru

Бабенко Анна Николаевна
к.и.н., научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
ann.babenko@gmail.com

Косоруков Владимир Леонидович,
Старший преподаватель
Московский государственный университет, Москва, Россия
kosorukov-vladimir@rambler.ru

Гулиев Фархад Эльдар оглы
к.и.н, директор
Институт этнографии, археологии и антропологии НАНА, Баку, Азербайджан
farguliyev@gmail.com

Сагитова Марьям Джавадовна
научный сотрудник
Национальный музей Тахо-Годи Республики Дагестан, Махачкала, Россия
m-sagitova@mail.ru

Для цитирования: Петрова Н.Ю., Сайпудинов М.Ш., Карпова Е.В., Бабенко А.Н., Косоруков В.Л., Гулиев Ф.Э., Сагитова М.Д.,. Неолитическая керамика поселения Чох в кругу керамических технологических традиций Восточного Кавказа // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. . 312-341 doi.org/10.32653/CH202312-341

© Петрова Н.Ю., Сайпудинов М.Ш., Карпова Е.В., Бабенко А.Н., Косоруков В.Л., Гулиев Ф.Э., Сагитова М.Д., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ЧОХ В КРУГУ КЕРАМИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Аннотация. Целью исследования является определение места неолитической керамики поселения Чох среди культурных технологических традиций керамики неолита Кавказа, а также ее роли в становлении керамического производства Центрального Дагестана. В связи с этим в ходе данной работы с помощью технико-технологического, петрографического, рентгенофазового и сферулитного анализов было проведено сравнительное изучение неолитической керамики поселения Чох с изделиями наиболее близкого ей территориально неолитического поселения Закавказья – Геой-тепе, расположенного в среднем течении реки Куры, а также с более поздними керамическими материалами периода энеолита и бронзового века Центрального Дагестана. Анализ неолитической керамики поселения Чох, с одной стороны, показал, что она полностью является продуктом местного производства, что фиксируется по особенностям сырья, а также по примеси шамота. С другой стороны, предположительно отмечены связи с одним из типов керамики Закавказья, присутствующем на поселениях начала VI тыс. до н.э. Хаджи Эламханлы Тепе и Гадачрили Гора – изделий с минеральной примесью и, возможно, навозом в формовочной массе, обожженными преимущественно в восстановительной атмосфере с налепами-кнопками на поверхности. Этот тип продолжил свое существование в более поздних материалах Геой-тепе с некоторыми изменениями. Далее в гончарном производстве Горного Дагестана в течении периода энеолита – эпохи бронзы с одной стороны мы можем говорить о преемственности традиций (использование шамота и навоза в качестве искусственной примеси), а с другой – о постепенно развитии – замещении минеральной примеси, появлении лощения и улучшении условий обжига.

Ключевые слова: Чох; неолит Кавказа; Центральный Дагестан; энеолит Дагестана; эпоха бронзы Дагестана; Закавказье; Геой-тепе; керамика.

ARCHEOLOGY

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202312-341

Research paper

Natalia Y. Petrova,
Cand. Sci., Researcher
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
petrovanatalya7@mail.ru

Murad Sh. Saipudinov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
haosta@mail.ru

Evgenia V. Karpova,
Associate professor, Cand. of Geol. and Min. Sci.
Moscow State University, Moscow, Russia
karpoff_2002@mail.ru

Anna N. Babenko,
Cand. Sci., Researcher
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
ann.babenko@gmail.com

Vladimir L. Kosorukov,
Senior Lecturer
Moscow State University, Moscow, Russia
kosorukov-vladimir@rambler.ru

Farhad E. Guliyev,
Ph.D, Director
Institute of Ethnography, Archeology and Anthropology of ANAS, Baku, Azerbaijan
farguliyev@gmail.com

Maryam J. Sagitova,
Researcher
Taho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan, Makhachkala, Russia
m-sagitova@mail.ru

For citation: N.Y. Petrova, M.Sh. Saipudinov, E.V. Karpova, A.N. Babenko, V.L. Kosorukov, F.E. Guliyev, M.J. Sagitova. Neolithic ceramics of the Chokh settlement in the context of ceramic technological traditions of the Eastern Caucasus. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 312-341. doi.org/10.32653/CH202312-341

© N.Y. Petrova, M.Sh. Saipudinov, E.V. Karpova, A.N. Babenko, V.L. Kosorukov, F.E. Guliyev, M.J. Sagitova, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

NEOLITHIC CERAMICS OF THE CHOKH SETTLEMENT IN THE CONTEXT OF CERAMIC TECHNOLOGICAL TRADITIONS OF THE EASTERN CAUCASUS

Abstract. The purpose of this article is to study the place of Neolithic ceramics of the Chokh settlement among the cultural and technological traditions of the Neolithic ceramics of the Caucasus, as well as its role in the formation of ceramic production of Central Dagestan. In this regard, in the course of this work, using technological, photographic, XRD and spherulite analyzes, a comparative study of Neolithic ceramics from Chokh settlement was carried out with products from the closest Neolithic settlement of Transcaucasia – Göytepe, located in the middle reaches of the Kura River, as well as with later ceramic materials from the Chalcolitic and Bronse Age periods of Central Dagestan. The analysis of Neolithic ceramics from the Chokh settlement, on the one hand, showed that it is entirely an item of local production, which is determined by the characteristics of the raw materials, and the admixture of grog in the pottery paste. On the other hand, connections with one of the types of Transcaucasian ceramics from the settlements of the early 6-th millennium BCE, Haci Elamxanli Tepe and Gadachrili Gora – products with mineral admixture and, possibly, dung in the pottery paste, fired mostly in reducing atmosphere with applique buttons on the surface are presumably recorded. This type continued to exist in later Göytepe materials with some changes. Further, in the pottery production of Central Dagestan during the Chalcolitic – Bronze Age period, on the one hand, we can talk about the gradual development – the replacement of mineral admixtures, the appearance of polishing tradition and improvement of firing conditions.

Keywords: Chokh; Neolithic of the Caucasus; Central Dagestan; Chalcolithic of Dagestan; Bronze Age of Dagestan; Transcaucasia; Göytepe; ceramics

Введение

Появление керамики на Кавказе относится к началу VI тыс. до н.э. Она проникает на территорию Южного Кавказа вместе с новым образом жизни, земледелием и скотоводством, и связана с обширными территориями Ближнего Востока: от Восточного Тавра и его предгорий, восточной части Верхней Месопотамии до сопредельных северных территорий гор Загроса и Иранского нагорья [1; 2; 3; 4; 5, p. 55–82; 6, p. 15–28]. Керамика распространяется на территории Восточного Закавказья, однако можно выделить локальные варианты в долине среднего течения р. Куры – это поселения Хаджи Эламханлы Тепе [7], Шомутепе [2], Геой-тепе [8], Ментеш-тепе [9], Гадачрили Гора [10], Шулаверис-Гора [11], Имирис Гора [12], Хирамис Диди-Гора [13], Арухло [14] и другие; в Араратской долине – поселения Техут [15], Акнашен [16; 17], Араташен [16]; поселение Культепе в г. Нахичевань [18] и поселение Камиль-тепе Мильской степи [19], а также целый ряд других. Кроме того, керамика проникает и за Большой Кавказский хребет, где известна пока только на одном поселении высокогорного Дагестана – Чох [20].

Целью данного исследования является определение места неолитической керамики поселения Чох среди культурных технологических традиций керамики неолита Кавказа, а также ее роли в становлении керамического производства Центрального Дагестана. В связи с этим в данной работе проводится ее сравнительный анализ с керамикой близкого ей неолитического поселения Закавказья – Геой-тепе, расположенного в среднем течении р. Куры, а также с более поздними керамическими материалами периода энеолита и бронзового века Центрального Дагестана (рис. 1; 2, *1–4*).

Традиции изготовления керамики Закавказья (по материалам памятников среднего течения р. Куры)

Традиции изготовления керамики будут рассмотрены нами на материалах Хаджи Эламханлы Тепе [21, p. 133–152], Шому-тепе [22, с. 53; 2], Геой-тепе [23, с. 22–31; 24, p. 1–11; 25, p. 166–169; 26, p. 261–286], Арухло, Гадачрили Гора [27], Ментеш-тепе, [27; 9] (рис. 1).

На сегодняшний день считается, что наиболее ранняя керамика на территории региона зафиксирована на поселениях Хаджи Эламханлы Тепе (5950–5800 cal BCE) [28, p. 290] и Гадачрили Гора (5920–5720 cal BC) [10]. Часть керамики поселения Хаджи Эламханлы Тепе представляет собой фрагменты тонкостенной керамики с росписью, свидетельствующей о связях с Верхней Месопотамией периода Стандартной Хассуны, и характеризуется отсутствием примеси и покрытием серовато-желтоватым ангобом. Также на поселении присутствует керамика с минеральной и органической примесью оранжевого и серо-желто-коричневого цвета поверхности. По мнению исследователей, все виды керамики изготовлены с помощью жгутового налепа [21, p. 133–152]

Керамика поселения Гадачрили Гора изготовлена из запесоченной глины. В качестве искусственной примеси отмечен базальт и редкая растительная примесь. Также

предполагается, что при конструировании наиболее часто использовался жгутовой налеп. При обработке поверхности отмечено простое заглаживание. Налепы ограничены выступами-кнопками, лощение использовалось редко. При обжиге использовалась как восстановительная, так и окислительная атмосфера [27, p. 8, 12–13, 41. Tabl. 13].

Позднее на поселениях рассматриваемого региона исследователи выделяют две основные разновидности керамики[1], которые могли смешиваться. Первая – изделия с растительной примесью, связываемой с соломой [23, с. 23; 22, с. 53; 2], или трактуемой более осторожно как мелкая органическая примесь [26, p. 262; 27, p. 35–36], иногда содержащей отпечатки зерен [23, с. 23–25]. Предполагается, что на поселении Геой-тепе, данный тип керамики изготавливался с помощью «ленточного налепа», но также есть упоминание о коротких жгутах и лоскутах [23, с. 23–25]. Сосуды могли быть окрашены, в том числе с помощью битума (отдельные полосы), ангобированы (красный или светлый ангоб) и подвержены окислительному обжигу.

Вторая (преобладающая) разновидность керамики – изделия с минеральными примесями. Наиболее вероятными намеренно добавленными примесями являлись: дресва (базальт, обсидиан), песок, шамот. При их изготовлении для керамики Геой-тепе упоминается использование формы в нижней части и достраивание лентами верха изделия [23, с. 23–25]. Сосуды часто обмазывались толстым слоем глины, могли иметь налепы, нанесенные битумом полосы, а также быть покрыты ангобом более светлого, чем основной состав глины и красного цвета с добавлением пигмента. Обжиг происходил как в окислительной, так и в восстановительной атмосфере.

Кроме того, для керамики обоих видов поселения Арухло отмечено, что при конструировании наиболее часто использовался жгутовой налеп. Для керамики поселения Ментеш-тепе в одном исследовании упомянут смешанный жгутовой и лоскутный налеп [27, p. 12–13], в другом – ленты и лоскуты [9, p. 179].

В любом случае данная ситуация свидетельствует о наличии разнообразия методов конструирования. Также периодически на всех поселения встречаются отпечатки плетеной поверхности на внешней стороне днища [22; 2; 27, p. 1–48; 22, с. 22–31 и др].

Традиция изготовления керамики на территории Центрального Дагестана в период неолита-бронзового века

На Северном Кавказе в настоящее время известно только одно поселение, в неолитических слоях которого была обнаружена керамика, – Чох, расположенное в Центральном Дагестане недалеко от Большого Кавказского хребта. По мнению ряда исследователей, керамика поселения связана с традициями Южного Кавказа [20; 29; 30, с. 14; 3]. О дальнейшем развитии керамических изделий в регионе в эпоху энеолита нам пока известно очень мало. Можно назвать всего два пункта этого времени, где была обнаружена керамика на территории Центрального Дагестана: это поселение Гинчи [31, с. 28–87] и ругуджинские стоянки Малин-карат, Мучу-бахил-бакли, Архинда [32]. Это связано как с трудностью нахождения стоянок и поселений раннего периода в горной местности, так и, вероятно, с небольшим их количеством в этом труднодоступном районе в рассматриваемый период. Керамические материалы ругуджинских стоянок очень

1. Также исследователи предлагают более дробные описания разновидностей керамики.

незначительны. Восстановлены частично две формы, и отмечено, что цвет поверхности розоватый и бурый [31, с. 75–76]. О керамике поселения Гинчи известно мало, но существующие коллекции достаточно обширны и в будущем должны стать объектом специального исследования.

Подлинное распространение керамики в регионе связано с эпохой ранней бронзы и с распространением памятников, относящихся к северо-восточнокавказкому локальному варианту куро-араксской культурно-исторической общности середины IV тыс. до н.э. Для этого времени на данной территории известны поселения Мекеги, Галгалатли I, Анди и могильники Щебоха и Гоно [31, с. 140–151]. Слои бронзового века также зафиксированы на поселении Чох [20]. Кроме того, рядом с памятником располагался могильник раннего этапа эпохи средней бронзы Нохола-ад [33, с. 41–52], который относится к гинчинско-гатынкалинской культуре (рис. 1). В эпоху средней бронзы гончары в качестве исходного пластичного сырья для формовочных масс использовали ожелезненную глину слабой и средней степени запесоченности. Основными рецептами формовочных масс были: глина + шамот + органика (навоз, органический раствор). Было также зафиксировано наличие в формовочной массе сланца, но не всегда ясно естественного он или искусственного происхождения [34, с. 278–293].

Материалы и методы исследования

Основным объектом изучения стала керамика из неолитического слоя поселения Чох, расположенного в Гунибском районе Республики Дагестан. Поселение исследовалось трижды: в 1955–1957 гг. В.Г. Котовичем [32], а в 1981–1982 гг. и 2021–2022 гг. Х.А. Амирхановым [20; 35; 36]. По определению Х.А. Амирханова, на поселении присутствовали слои, относящиеся к мезолиту, неолиту и бронзовому веку. Керамику содержали неолитический слой, датированный автором раскопок началом VI тыс. до н.э., и слой бронзового века [20; 30; 35; 36].

На раскопанной площади неолитического слоя найдено около 900 преимущественно очень мелких фрагментов керамики. Морфология сосудов восстановлена автором раскопок по двум изделиям: чаша (высота – 5 см, диаметр венчика – 11,8 см, дна – 8 см, толщина стенок – 6 см) и горшковидный сосуд (высота примерно – 20 см, диаметр венчика – 15,5 см, дна – 12 см, наиболее широкая часть – 20 см). Керамика изготовлена из слабозапесоченной глины, примесью к которой служила мелкодробленая керамика. Одной из особенностей керамики является наличие «закраины» – небольшого выступа по венчику [20, с. 130]. Отмечается важный признак, свидетельствующий о связях с неолитом Закавказья – наличие налепов на одном из фрагментов (рис. 3, *1, 3*) в виде выступов-кнопок [20; 30, с. 14, рис. 3]. В нашем исследовании было изучено 15 фрагментов венчиков, стенок и днищ от разных сосудов толщиной 6–9 см (рис. 3. *4–9*)[2].

Слой бронзового века поселения Чох содержал очень мало керамики небольшого размера, в связи с чем изучены были только два фрагмента стенок сосудов толщиной около 7–8 см. Кроме этого, исследовалась керамика из раскопок Р.М. Мунчаева на могильнике среднего бронзового века Нохола-ад, расположенного рядом с Чохским поселением [33, с. 41–52]. Для этого были отобраны все имеющиеся в доступе материалы,

2. Хранение Института Археологии РАН, г. Москва

происходящие из склепа № 1 и № 2[3]. Всего в исследование использовано 13 фрагментов венчиков днищ и стенок от разных сосудов. Морфологически – это горшкообразные сосуды (Рис. 4, *8*), миски с усеченным конусом с толщиной стенок от 0,8–1,1 см (Рис. 4, *7*) и миниатюрные сосуды толщиной стенок до 0,5 см (Рис. 4, *9*).

Также для сравнения были отобраны отдельные образцы керамики из других наиболее ранних памятников Горного Дагестана – Гинчи и ругуджинской стоянки Малин-карат размером 2–3 см, относимых к периоду энеолита [31, с. 75–76][4].

Сравнительным материалом с территории Южного Кавказа послужила керамика поселения Геой-тепе, расположенного в среднем течении реки Куры в Западном Азербайджане, и наиболее близкого из известных неолитических поселений Южного Кавказа к поселению Чох. Керамические материалы, использованные в данной работе, относятся к верхним (2–4) горизонтам памятника[5], которые датируются серединой VI тыс. до н.э. [37, p. 3–16; 7]. Материалы 4 горизонта ранее были опубликованы [23, с. 22–31]. Это фрагменты венчиков, стенок и днищ различных по морфологии сосудов.

Для достижения поставленной цели авторами данной работы были проведены технико-технологический (для всех материалов), петрографический, рентгеноструктурный и сферулитный анализы (для выборочных материалов поселений Чох и Геой-тепе).

Технико-технологический анализ

Технологическое исследование керамики проводилось по методике А.А. Бобринского, которая предполагает трассологический и микроскопический анализ изломов и поверхности изучаемых объектов, а также экспериментальное моделирование отдельных ступеней гончарного производства и сравнение их с археологическими материалами [38; 39]. Микроскопический анализ проводился с использованием стереомикроскопа Carl Zeiss Stemi 2000C[6].

Керамика поселения Чох из неолитического слоя. Неолитическая керамика поселения Чох была изготовлена из ожелезненного слабозапесоченного глинистого сырья с искусственной примесью шамота разного цвета (как идентичного основному цвету керамики – серому, так и более теплых бежевых оттенков) размером от 1 до 7 мм в различной концентрации (от 1:10 до 1:4) (рис. 4, *1–4*). В формовочной массе отмечены отдельные мелкие растительные остатки (рис. 4. *1*). По некоторым образцам удалось установить, что конструирование проводилось с помощью лоскутного налепа. Последнее видно по слоистости изломов, особенно фрагментов днищ (рис. 3, *8–9*). При обработке поверхности использовалось простое заглаживание. Керамика обожжена преимущественно в восстановительной среде (без доступа кислорода), однако встречаются фрагменты, побывавшие в окислительной атмосфере. Последнее, вероятно, связано с несовершенством обжигового устройства (кострища) и ненамеренным доступом кислорода.

Керамика периода энеолита Центрального Дагестана. Изученные очень мелкие фрагменты керамики дают мало информации. Предположительно, сырьем служила

3. Хранение Национального музея республики Дагестан им. А. Тахо-Годи, г. Махачкала.
4. Хранение Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.
5. Коллекция керамики экспедиции Геой-тепе. Институт этнографии, археологии и антропологии НАНА, г. Баку.
6. Исследование образцов выполнено с использованием приборной базы Центра коллективного пользования при ИА РАН (г. Москва).

ожелезненная среднезапесоченная глина. В керамике ругуджинской стоянки Малин-карат был отмечен шамот с лощеной поверхностью (рис. 5, *5*). Обжиг производился скорее в окислительной атмосфере (рис. 4, *1–2*). В керамике поселения Гинчи присутствует значительная примесь предположительно глинистого сланца в очень значительной концентрации, не менее 1:3 – 1:4 (рис. 5, *6*). Поверхность сосудов в большинстве случаев покрывалась дополнительным слоем глины (рис. 4, *3–5*), что заметно по трещинам и сколам этого дополнительного слоя (рис. 4, *5*). Однако присутствуют фрагменты без дополнительного покрытия, на поверхности которых видна высокая концентрация дресвы (рис. 4, *6*).

Керамика бронзового века могильника эпохи средней бронзы Нохола-ад и поселения Чох. Сосуды, происходящие из могильника, изготавливались из ожелезненных средне- и сильнозапесоченных глин. В качестве искусственно добавленной примеси в сосудах использовалась органика (навоз, органический раствор). Искусственными минеральными примесями, входящими в состав формовочной массы, были шамот (рис. 5, *7*) и в единичном случае – кварцевая дресва (рис. 5, *8*), что выделяет эту керамику из других материалов эпохи средней бронзы. Шамот идентичен основному сырью сосудов. Конструирование сосудов производилось с использованием лоскутного налепа. Поверхности сосудов обрабатывали только механическими способами: заглаживанием и лощением, чаще изнутри. Сосуды обжигали в окислительной среде в примитивных устройствах, либо кострищах, о чем свидетельствуют розоватая, светло-коричневая и пятнистая их поверхности. (рис. 4, *7–8*). Но также присутствует обжиг в восстановительной среде – это касается миниатюрных сосудов толщиной стенок до 0,5 мм. (рис. 4, *9*). В целом, как уже отмечалось, технология изготовления керамики Чохского могильника характерна для керамики среднего бронзового века региона и относится к гинчинско-гатынкалинской культуре.

Керамика бронзового века поселения Чох была изготовлена из среднезапесоченного сырья (предположительно, с примесью глинистого сланца). В качестве искусственной примеси использовался шамот и органический раствор, фиксируемый по характерным аморфным пустотам в изломе и мелким растительным остаткам, предположительно связанными с навозом. Поверхность фрагментов как просто заглаженная, так и лощеная. Керамика обожжена в окислительной атмосфере (рис. 4. *10–11*).

Керамика неолитического поселения Геой-тепе

Сырье при изготовлении керамики использовалось ожелезненное, средне- и сильнозапесоченное. Следуя традиции разделения керамики на изделия с органической и минеральной примесью [23, с. 23–25; 26, p. 261–286], можно отметить, что одна часть изученной керамики Геой-тепе характеризуется наличием в формовочной массе примеси навоза мелкого и крупного рогатого скота в концентрации до 15–30%. Последнее фиксируется по наличию очень мелкой растительной примеси с характерными окончаниями и формой остатков (рис. 6, *1–2*) [39, с. 5–109; 40, p. 279–307]. Кроме того, в формовочной массе сосудов также присутствовала и измельченная солома (рис. 6, *3*), а также, как уже отмечалось, шелуха крупных зерен [23, с. 23–25], исходя из чего крупную растительную примесь можно связать с отходами молотьбы (рис. 6, *4*). Сосуды изготовлены как с помощью двуслойного лоскутного, так и жгутового конструирования, что особенно хорошо заметно при изучении спаев между элементами при изучении изломов днищ сосудов: горизонтальных – в случае двуслойного лоскутного конструирования (рис. 6, *8*), и вертикальных – в случае со спиральным жгутовым на-

лепом (рис. 6, *9*). Изделия могут быть покрыты как ангобом красного цвета (рис. 6.), так и светлым окрашиванием поверх простой глиняной обмазки, что заметно по проступающим через неплотный слой окрашивания трещинам, возникшим в результате неравномерного высыхания сырья и дополнительного слоя глины (рис. 6, *5–6*). На днищах отмечены отпечатки плетеной поверхности, на которой формовался сосуд (рис. 6, *7*).

Керамика с минеральными примесями делится на два вида (рис. 7). В формовочной массе первого содержится примесь базальта (рис. 7, *1–2*). **С**осуды изготовлены с помощью лоскутной технологии, что зафиксировано по спаям в изломе днища (рис. 7, *2*). На поверхности изделий по трещинам поверхностного слоя отмечено дополнительное глиняное покрытие и окрашивание красным пигментом (рис. 7, *2*). Второй вид керамики имеет искусственную примесь обсидиана и минеральной примеси серого цвета. Последний, судя по цвету, имел другие источники, чем базальт из первой группы (рис. 7, *4–5*). В этой керамике в небольшой концентрации (не более 1:10) также присутствует шамот (рис. 7, *3*). Изделия изготовлены из однослойных вытянутых лоскутов и покрыты значительным слоем обмазки (рис. 7, *6*). Кроме того, эта группа керамики характеризуется восстановительным обжигом, отличающим ее от других групп.

Судя по цвету поверхности и измененного окраса центральной части фрагментов, можно предположить достаточно длительный обжиг при достижении температур каления (750–800°С). По данным другого исследования, температура обжига керамики поселения Геой-тепе была определена в пределах 600–750°С [24, p. 1–11]. Приведенные данные позволяют предположить использование некоего более совершенного закрытого обжигового устройства.

Петрографический и рентгенофазовый анализы (РФА)

Фрагменты керамики поселения Чох (8 образцов периода неолита и 2 образца бронзового века, а также образцы керамики поселения Геой-Тепе (5 образцов)) исследовались с помощью минералого-петрографического и рентгенофазового анализа (для поселения Геой-Тепе – только 1 образец). Минералого-петрографический анализ производился в шлифах (тонких, толщиной 0,03 мм, срезах образца керамики) с помощью поляризационного микроскопа Axio Scope 40 Carl Zeiss. Изучение шлифов керамики позволяет точно определять минеральный состав и количественные соотношения сырья, минеральной и органической искусственной примеси, морфологию, размеры и количество пустот [41 и др.].

Метод рентгенофазового анализа (РФА) основан на явлении дифракции рентгеновских лучей от плоскостей кристаллических решеток минералов. Поскольку кристаллическая решетка разных минералов различна, по характеру дифрактограмм возможно определить ее структуру, а, следовательно, и сам минерал. Наибольшее значение метод приобретает при диагностике глинистых минералов сырья керамических образцов. Анализ выполнялся в подготовленных препаратах из образцов керамики на рентгеновском дифрактометре «MiniFlex 600» (валовый анализ) (Табл.).

Табл. Результаты рентгенофазового анализа (валовые пробы).
Table 1. Results of XRD analysis (bulk samples).

№ обр.	иллит	серпентин	кварц	КПШ	плагио-клаз	гематит	сумма
Чох Б 1	7	1	52	31	9	0	100
Чох Б 3	7	0	48	19	23	3	100
Чох Н 2	32	0	51	6	11	0	100
Чох Н 4	27	1	43	15	14	0	100
Чох Н 5	22	0	50	11	17	0	100
Чох Н 6	53	0	22	18	7	0	100
Чох Н 8	33	0	47	12	8	0	100
Чох Н 9	2	1	52	11	34	0	100
Чох Н 10	33	0	39	15	13	0	100
ГТ-7	0	0	70	0	28	2	100

Керамика поселения Чох

Исследованные образцы керамики периода неолита из поселения Чох (Чох-Н-2, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12) имеют отличия как в составе сырья, так и в составе искусственной примеси. Одной из отличительных черт керамики неолита поселения Чох является массовая трещиноватость обломков. Отмечаются мелкие, вытянутые, однонаправленно ориентированные микротрещины длиной 0,02–0,4 мм, шириной 0,005–0,01–0,02 мм; а также единичные изометричные крупные пустоты размерностью 0,6×0,3 мм до 0,8×0,4 мм, отдельные до 1–2 мм, нередко инкрустированные по краям микрокристаллическим кальцитом.

Первый тип структуры сырья неолита определяется как пелитовый. К нему относятся образцы Чох-Н-2, 4, 5, 6, 11, 12. Для него характерно преобладание глинистого вещества с размерностью менее 0,005 мм и небольшая природная примесь алевритового и тонкопесчаного материала в количестве менее 5%. Состав глинистой части существенно иллитовый (рис. 8.1); состав алеврито-тонкопесчаной примеси преимущественно кварцевый. Для такого типа сырья характерны примеси из единого источника, в количестве от 10% до 25% от образца к образцу. Это обломки кристаллов кварца, реже микроклина, ортоклаза, плагиоклаза; единичные обломки измененных кислых эффузивных пород, кварцитов, бактериально-водорослевых известняков, песчаников с кальцитовым цементом. Отмечаются единичные сгустки размером от 0,15 до 1 мм округлой и вытянутой формы, непрозрачные, бесструктурные, однородные, предположительно, органического вещества. Шамот двух разновидностей: 1. интракластовый, преобладающий, в виде обломков до 0,75 мм, разной степени обожженности; и 2. чужеродный, встречающийся реже, в единичных количествах. Последний представлен обломками пелитовой структуры, однородными, глинистыми, существенно иллитовыми обломками керамики, без примесей, и также обнаружен в образцах бронзового века местоположения Чох; а также обломками алевро-пелитовой структуры, слабопрозрачными за счет насыщенности природным тонкодисперсным органическим веществом и развивающимися по нему окислами железа (такой шамот в свою очередь иногда содержит шамот) (рис. 9, *1*–9, *7*).

Второй тип структуры сырья, характерный для неолитической керамики поселения Чох, алевро-пелитовый, отличающийся тем, что природная алевритовая примесь к су-

щественно иллитовой глинистой массе составляет не менее 15–20% (образцы Чох-Н-8, 9, 10) (рис. 8, *2*). При этом количество искусственной примеси песчаной размерности относительно невелико: от 5 до 15%. Примесь состоит из обломков кристаллов кварца, полевого шпата, редко слюды (с единичным полностью хлоритизированным биотитом) и единичных обломков измененных кислых эффузивов и кварцитов. Шамот свой интракластовый (преобладает) и чужеродный в виде крупных (0,75–1–1,75 мм) однородных, глинистых, существенно иллитовых обломков керамики, без примесей, идентичных обнаруженным в образцах неолита со структурой сырья 1 типа, зафиксированного также в образцах бронзового века. Отмечаются единичные сгустки размером от 0,15 до 0,75 мм округлой и вытянутой формы, непрозрачные, бесструктурные, однородные, предположительно, органического вещества (рис. 9, *8*–9, *12*).

Исследованные образцы керамики бронзового века из поселения Чох (Чох-Б-1 и Чох-Б-2) имеют отличия как в составе сырья, так и в количестве, и составе искусственной примеси. По сравнению с керамикой периода неолита поселения Чох в образцах бронзового века используются общие источники сырья и искусственные примеси (например, обломки бактериально-водорослевых известняков).

Для образца Чох-Б-1 характерна алевро-пелитовая структура сырья, состоящая из основной глинистой массы с размерностью частиц менее 0,005 мм и частиц алевритовой (0,005–0,05 мм), редко тонкопесчаной (0,05–0,1 мм) размерности, в количестве до 10–15%. По данным РФА, состав глинистой составляющей соответствует иллиту (рис. 8, *3*). Природная примесь алеврито-тонкопесчаного материала в сырье состоит из преобладающего кварца, реже встречаются полевые шпаты – ортоклазы, микроклины, кислые плагиоклазы, а также слюды. Присутствует единичный кальцитовый раковинный детрит размерностью 0,15–0,2 мм. Искусственная добавка состоит из единичных обломков осадочных пород, размерностью от 0,2 мм до 2 мм, представленных обломками микритовых известняков (с размерностью кристаллов менее 0,005 мм), а также обломков алевролита кварцевого состава с пленочным глинистым цементом. Обнаружен один обломок метаморфической породы – глинистого сланца с характерными текстурами сланцеватости. В единичных количествах определяются непрозрачные желто-коричневые сгустки, предположительно органического вещества, размерностью 0,05–0,4 мм, однородные. Выделяется шамот, который имеет две разновидности: 1. соответствующий составу основной массы керамики (сырью) («свой», интракластовый); 2. несоответствующий составу основной массы керамики (чужеродный). Интракластовый шамот преобладает, имеет размерность 0,4–1,2 мм и представлен более темными (более обожженными) и более светлыми (менее обожженными) разностями. Редко встречается чужеродный шамот в виде достаточно однородных, глинистых обломков существенно иллитового состава. Природные кристаллокластические примеси здесь отсутствуют (рис. 10, *1*–10, *3*). Такие обломки полностью идентичны обломкам из керамики неолита поселения Чох. Образец керамики Чох-Б-1 имеет пустоты вытянутой и изометричной формы, размерности 0,1×0,3 мм, 0,03×0,4 мм, 0,3×0,2 мм.

Для образца Чох-Б-3 структура сырья – колломорфно-пелитовая. Пелитовая составляющая глинистая, обильно импрегнированная тонкодисперсным гематитом. По данным РФА, состав пелитовой компоненты – иллитовый (рис. 8, *4*). Природная примесь алевритовых зерен (менее 10–15%) представлена слюдисто-кварцевым материалом и содержит обломки кристаллов кварца, микроклина, ортоклаза и плагиоклаза

размерностью 0,15–0,2 мм в количестве менее 5%. Фаунистические остатки отсутствуют. Добавленные обломки известняков в целом идентичны обломкам в образце Чох-Б-1 и структурно представляют собой бактериально-водорослевые разности. В единичных количествах определяются непрозрачные желто-коричневые сгустки, предположительно органического вещества, размерностью 0,4–0,6 мм, однородные. Как и в образце Чох-Б-1 присутствуют 2 типа шамота: преобладающий интракластовый, разной степени обжига, размерностью 0,25–4,5 мм; и чужеродный, встречающийся редко, который по составу и строению полностью идентичен чужеродному шамоту в образце Чох-Б-1 (глинистый, однородный, без примесей, существенно иллитового состава) (рис. 10,*4*–10,*7*). Присутствуют пустоты изометричной и вытянутой формы размерностью 0,2×0,15 мм, 0,9×0,3 мм и другие.

Керамика поселения Геой-Тепе

Исследованные образцы керамики неолитического поселения Геой-Тепе (ГТ-7, 13.1, 13.2, 14, 15) сильно отличаются от керамики поселения Чох. Различия наблюдаются в составе и строении сырья, составе искусственных добавок, а также в морфологии и количестве пустотного пространства. Пустоты во всех образцах множественные, представлены двумя разновидностями (рис. 11). Первый тип пустот имеет причудливую форму: с выраженными крючками, каплевидную или простую изометричную. Размеры таких пустот от 0,25×0,1 мм до 2,25×0,3 мм. Второй тип – вытянутые, уплощенные, длиной 1–2 мм, шириной 0,1 мм.

Сырье керамики поселения Геой-Тепе 2 типов. 1 тип сырья имеет колломорфно-пелитовую структуру, существенно иллитового состава, активно импрегнированную гематитом. Природная примесь алевритовой размерности в количестве не более 10–15% преимущественно кварцевая, присутствуют полевые шпаты и пироксены, редко слюды. 2 тип сырья алеврито-пелитовой структуры существенно глинистого (иллитового) состава. Алевритовая природная примесь (20%) преимущественно кварцевая, присутствуют полевые шпаты, слюды. В образце 14 алеврито-глинистое сырье карбонизировано: по нему развивается тонкая россыпь микрокристаллов кальцита. Источниками искусственной примеси для керамики Геой-Тепе являлись массивы вулканических пород: основного состава (базальты) и кислого состава (риолиты, дациты). Причем в одном и том же образце можно встретить обе разновидности вулканитов. В образце 14 наряду с обломками вулканических пород присутствуют обломки кислого вулканического стекла – обсидиана. Последние обладают повышенной прочностью, отбить их от коренной породы и измельчить довольно тяжело; поэтому обломки обсидиана имеют острые, режущие края (рис. 11, *3*, 11, *4*). Размерность искусственной добавки – до 3–4,5 мм. Помимо обломков основных и кислых вулканитов, обсидиана в искусственной добавке отмечаются обломки кристаллов – единичные зерна пироксена и полевого шпата. Встречаются сгустки, предположительно, органического вещества, размерностью до 0,2 мм, а также вытянутые разности. В образце ГТ-7 встречен один обломок интракластового шамота.

Сферулитный анализ

Сферулитный анализ, который можно применять для установления навозной примеси в керамике [42, с. 211–225; 43, p. 740–748], использовался для изучения четырех

образцов из поселения Чох (Чох-Н-8, 9 и Чох-Б-1,3) и семи образцов из поселения Геой-тепе (ГТ-2, 7, 13, 15, 19, 21 и 25). При анализе учитывалось только присутствие сферулитов, количественный учет не проводился. Исследования измельченных до порошкообразного состояния образцов проводились на микроскопе ADF U300 в кросс-поляризованном свете.

Лучшая сохранность сферулитов и наибольшее их количество (на одном предметном стекле) наблюдалось в образцах неолитической керамики с поселения Чох (рис. 12, *1-3*). В остальных фрагментах керамики сферулиты встречаются крайне редко (рис. 12, *4*), что с одной стороны может указывать на небольшую долю примеси навоза, а с другой – на их разрушение под воздействием высоких температур (700°С и выше). На экспериментальных данных [44, p. 32–45] показана деформация и потемнение сферулитов под воздействием температуры более 500°С. Оба рассмотренных варианта возможны, так как в изученных фрагментах керамики (кроме двух образцов из неолитических слоев поселения Чох) присутствуют сферулиты, свидетельствующие о высокотемпературном обжиге (рис. 12, *4*).

Обсуждение и заключение

Многосторонний анализ неолитической керамики поселения Чох, с одной стороны, показал, что она полностью является продуктом местного производства. При общей гомогенности керамики в ней зафиксировано три вида сырья: два вида основного глинистого состава, из которого изготавливались сосуды, и которые также зафиксированы в «своем» шамоте (т.е. существует преемственность на этом месте), а также сырье «чужого» шамота, но которое также было отмечено в керамике бронзового века из вышележащего слоя поселения – т.е. это местный источник сырья, который использовался обитателями поселения в течении тысячелетий.

С другой стороны, фиксируются связи с одним из типов керамики Закавказья – обожженными в восстановительной атмосфере изделиями, в формовочной массе которых помимо других минеральных примесей был зафиксирован шамот. Кроме того, на этом типе керамики также присутствуют налепы – еще один признак зафиксированный Х.А. Амирхановым на неолитической керамике поселения Чох [30, рис. 3, *2*]. Необходимо отметить, что доступные для сравнения фрагменты из поселения Геой-тепе младше, чем фрагменты поселения Чох, чем и объясняются некоторые их различия. Однако существование подобной группы керамики очень показательно и, вероятно, она существует с начала в VI тыс. до н.э. в Закавказье, т.к. на поселении Хаджи Эламханлы Тепе в ранних слоях упоминается группа керамики с минеральной и органической примесью и серо-желто-коричневым цветом поверхности [21], Кроме того, описание керамики начала VI тыс. до н.э. поселения Гадачрили Гора, за исключением использования базальта вместо шамота, очень похоже на исследуемую керамику поселения Чох: наличие редкой растительной примеси, редкие налепы-кнопки, простое заглаживание и, в том числе, обжиг в восстановительной атмосфере [27; 9, fig. 7].

Присутствие навоза в неолитической керамике Чоха, пусть и в очень ограниченном количестве, но зафиксированного прежде всего по наличию сферулитов, а также, предположительно, по фиксации в петрографических шлифах округлых и вытянутой формы сгустков органического вещества (навоз в виде выжимки, жидкой фракции?), что

также отсылает нас к основным традициям неолитической керамики Закавказья и установлено в настоящем исследовании по материалам поселения Геой-тепе, а также далее на юг к восточной части Плодородного Полумесяца [39; 40].

При изготовлении сосудов периода неолита и бронзового века поселения Чох зафиксированы отличия как в отборе основного сырья, так и искусственно добавленных примесей (примесь дресвы – известняка и, возможно, других минералов; а также отличия в размерности шамота – в период эпохи бронзы он более крупный). Но нельзя не заметить наличие общей идеи в использовании искусственных примесей в течении тысячелетний: навоза и шамота. В период энеолита также фиксируется примесь шамота (керамика поселения Малин-карат), но, кроме того, в Горном Дагестане появляется примесь дресвы (поселение Гинчи), чего не было в неолите. Обе эти примеси присутствуют в керамике бронзового века региона.

Об изменении в приемах конструирования судить сложно, т.к. размер и сохранность неолитических фрагментов этого не позволяют за исключением общей констатации использования лоскутного налепа. Лощение сосудов отсутствует в неолите, но появляется в энеолитический период и становится важной технологической особенностью в период бронзового века.

Исследования навоза в керамике разного времени с помощью сферулитного анализа также дали дополнительные интересные данные о температуре обжига. Сферулиты хорошей сохранности обнаружены в Чохской неолитической керамике, что указывает на использование более низких температур обжига. Редкие, при очевидных внешних признаках навоза, и почти разрушенные потемневшие сферулиты в закавказской неолитической керамике и керамике бронзового века с поселения Чох могут указывать на температуры, близкие к 700 °С, что также подтверждается результатами других наблюдений.

Таким образом, с одной стороны, мы можем говорить о преемственности традиций в гончарном производстве данной труднодоступной горной области (использование шамота и навоза в качестве искусственной примеси), а с другой – о постепенно развитии – замещении минеральной примеси, появлении лощения и улучшении условий обжига.

Благодарность. Авторы статьи очень благодарны Хизри Амирхановичу Амирханову за предоставление материала и постоянную поддержку на всех этапах исследования. Кроме того, мы благодарим Рабадана Гаджиевича Магомедова за помощь в организации работы на территории Дагестана, а также Туфана Исаака Оглу Ахундова и Валеха Аладдина Оглу Алакбарова – за консультации при работе с материалами Азербайджана.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РНФ№ 24-28-01072.

Acknowledgments. The authors extend their sincere gratitude to Khizri Amirkhanovich Amirkhanov for providing the research materials and for his unwavering support throughout all stages of this study. We are also deeply appreciative of Rabadan Gadzhievich Magomedov for his invaluable assistance in facilitating our fieldwork in Dagestan. Additionally, we would like to express our thanks to Tufan Isaac Oglu Akhundov and Valekh Aladdin Oglu Alakbarov for their expert consultations during our analysis of materials from Azerbaijan.

Funding. The work was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 24-28-01072.

Рис. 1. Карта памятников неолита Закавказья, а также энеолита и бронзового века Центрального Дагестана, упомянутые в статье

Fig. 1 Map of Neolithic settlements of Transcaucasia, as well as Eneolithic and Bronze Age sites of Central Dagestan, mentioned in the article

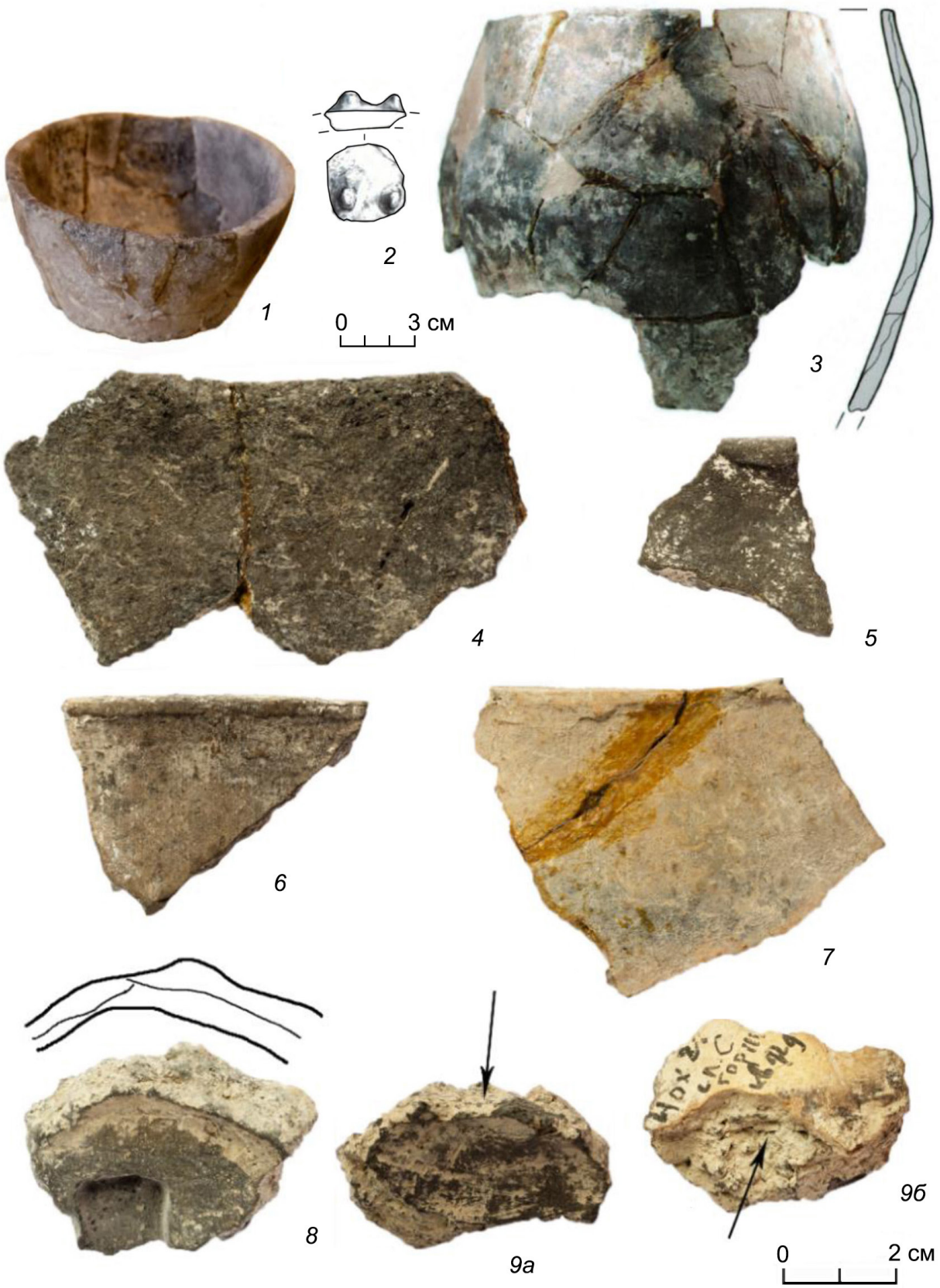


Рис. 2. *1-2* – поселение Чох, Гунибский район, Центральный Дагестан;
3-4 – поселение Геой-тепе, Тавузский район (Азербайджан) (фото 2019 г.)

Fig. 2 1-2 – Chokh settlement, Gunibsky district, Central Dagestan;
3-4 – Göytepe settlement, Tavuz region (Azerbaijan) (photo 2019)

Рис. 3. Керамика из неолитического слоя поселения Чох. *1-3* – по: Амирханов, 2023

Fig.3 Ceramics from the Neolithic layer of the Chokh settlement. 1-3 – after Amirkhanov, 2023

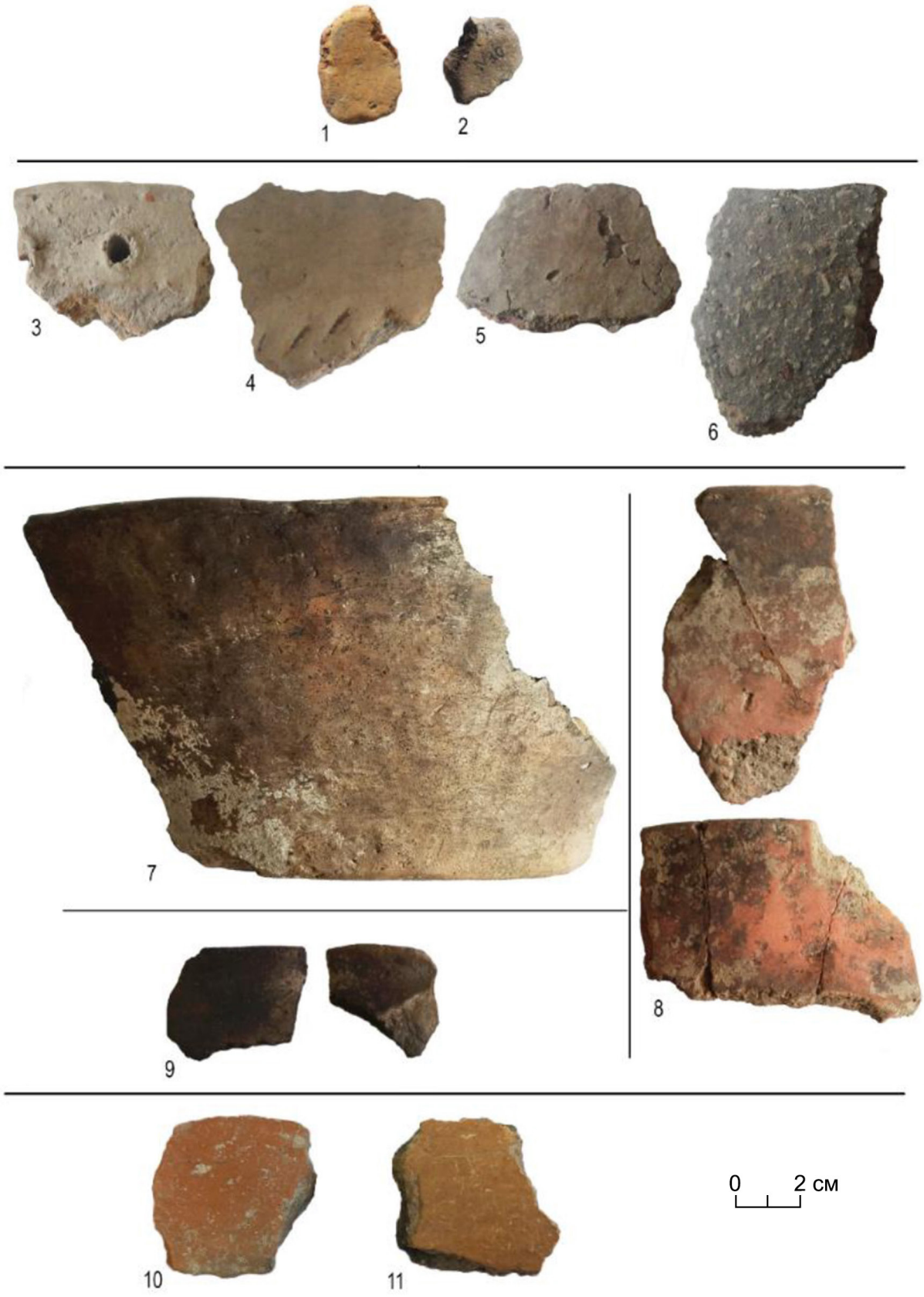


Рис. 4. Керамика периода энеолита и бронзового века Центрального Дагестана. 1, 2 – стоянка Малинкарат; 3-6 – поселение Гинчи; 7-9 – могильник Нохола-ад; 10, 11 – слой бронзового века поселения Чох

Fig. 4 Ceramics of the Chalcolithic and Bronze Age periods of Central Dagestan. 1, 2 – Malinkarat site; 3-6 – Ginchi settlement; 7-9 – Nokhola-ad burial ground; 10, 11 – Bronze Age layer of the Chokh settlement

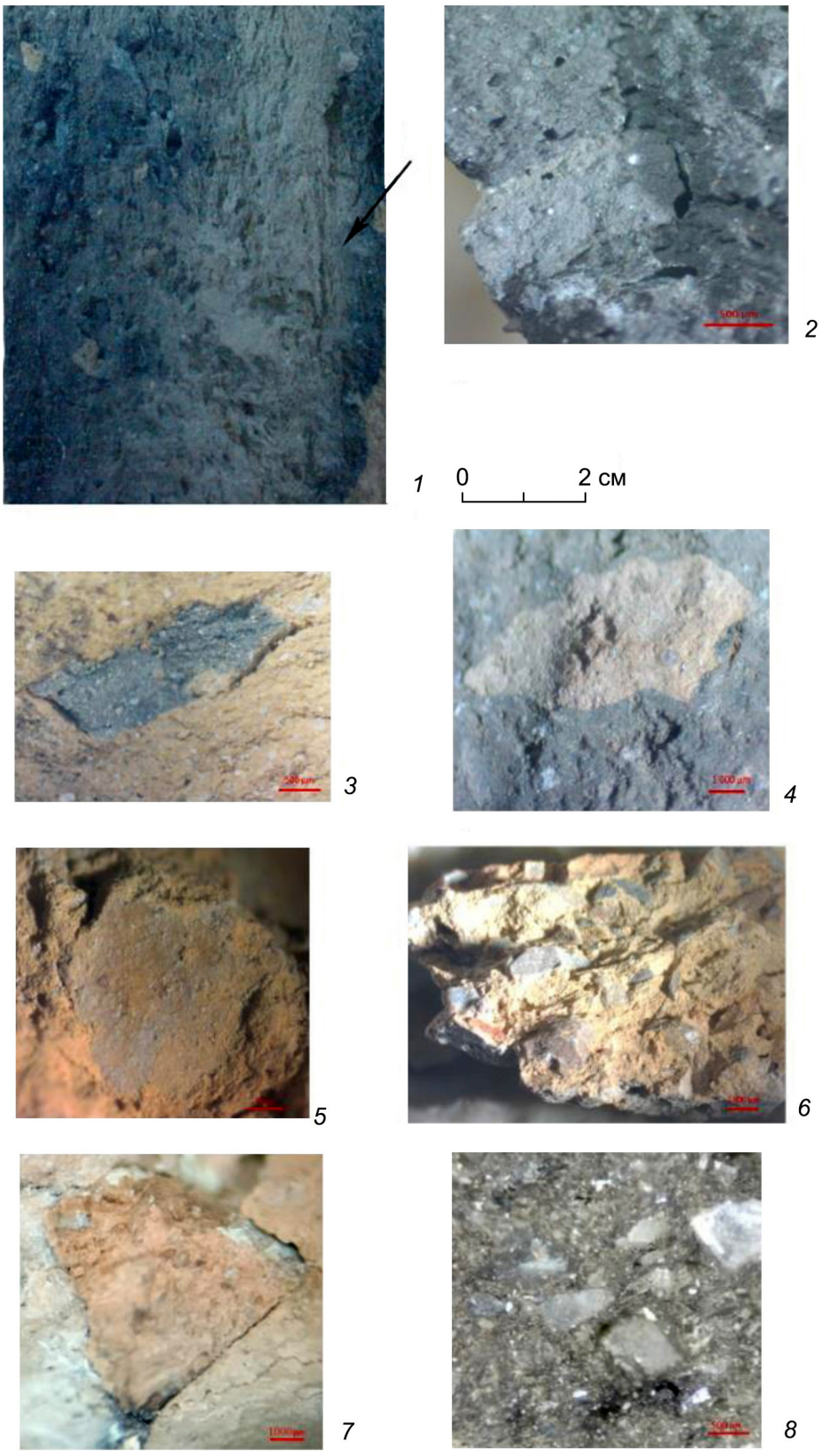


Рис. 5. Микрофотографии керамики Центрального Дагестана: *1-4* – шамот – неолитический слой поселения Чох (1 – стрелкой указано присутствие органической растительной примеси); *5* – шамот с лощение – стоянка Малинкарат; *6* – дресва – поселение Гинчи; *7-8* – шамот, дресва – могильник Нохола-ад

Fig. 5 Microphotographs of ceramics from Central Dagestan: 1-4 – grog – Neolithic layer of the Chokh settlement (1 – arrow indicates the presence of organic plant impurities); 5 – grog with polishing – Malinkarat site; 6 – crushed stone - Ginchi settlement; 7-8 – grog, crushed stone – Nokhola-ad burial ground

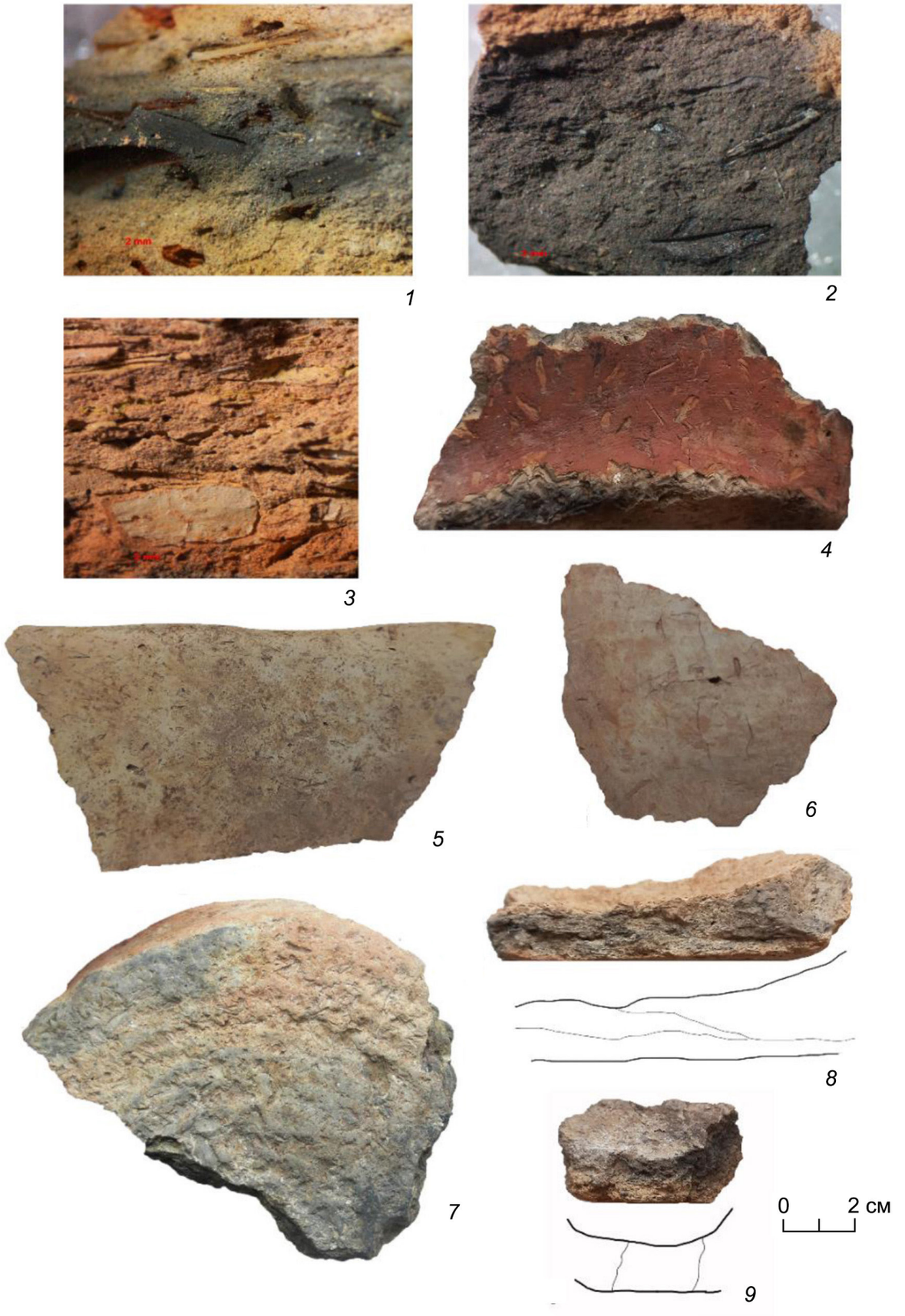


Рис. 6. Керамика горизонта 1-4 поселения Геой-тепе с органическими примесями: *1, 2* – микрофото остатков, связанных с навозом; *3* – микрофото остатков, связанных с соломой; *4* – фрагмент днища сосуда с отпечатками шелухи крупных зерен и покрытие красным ангобом (публикация: (Алекперов, 2018. С. 23-25; Alakbarov, 2018); *5, 6* – светлое окрашивание поверхности поверх обмазки (6 – трещины, возникшие на дополнительном слое обмазки глиной); *7* – отпечатки плетеной поверхности; *8* – лоскутный налеп в изломе днища; *9* – жгутовой налеп в изломе днища

Fig. 6 Ceramics 1-4 horizons of the Göytepe settlement with organic impurities: 1-2 – microphotos of remains associated with dung; 3 – microphotos of remains associated with straw; 4 – fragment of the vessel base with imprints of the husk of large grains and a coating of red slip (publication: Alakbarov, 2018); 5-6 – light coloring of the surface over the coating (6 – cracks that appeared on the additional layer of clay coating); 7 – imprints of the wicker surface; 8 – slabs in the base cross-section; 9 – coils in the base cross-section

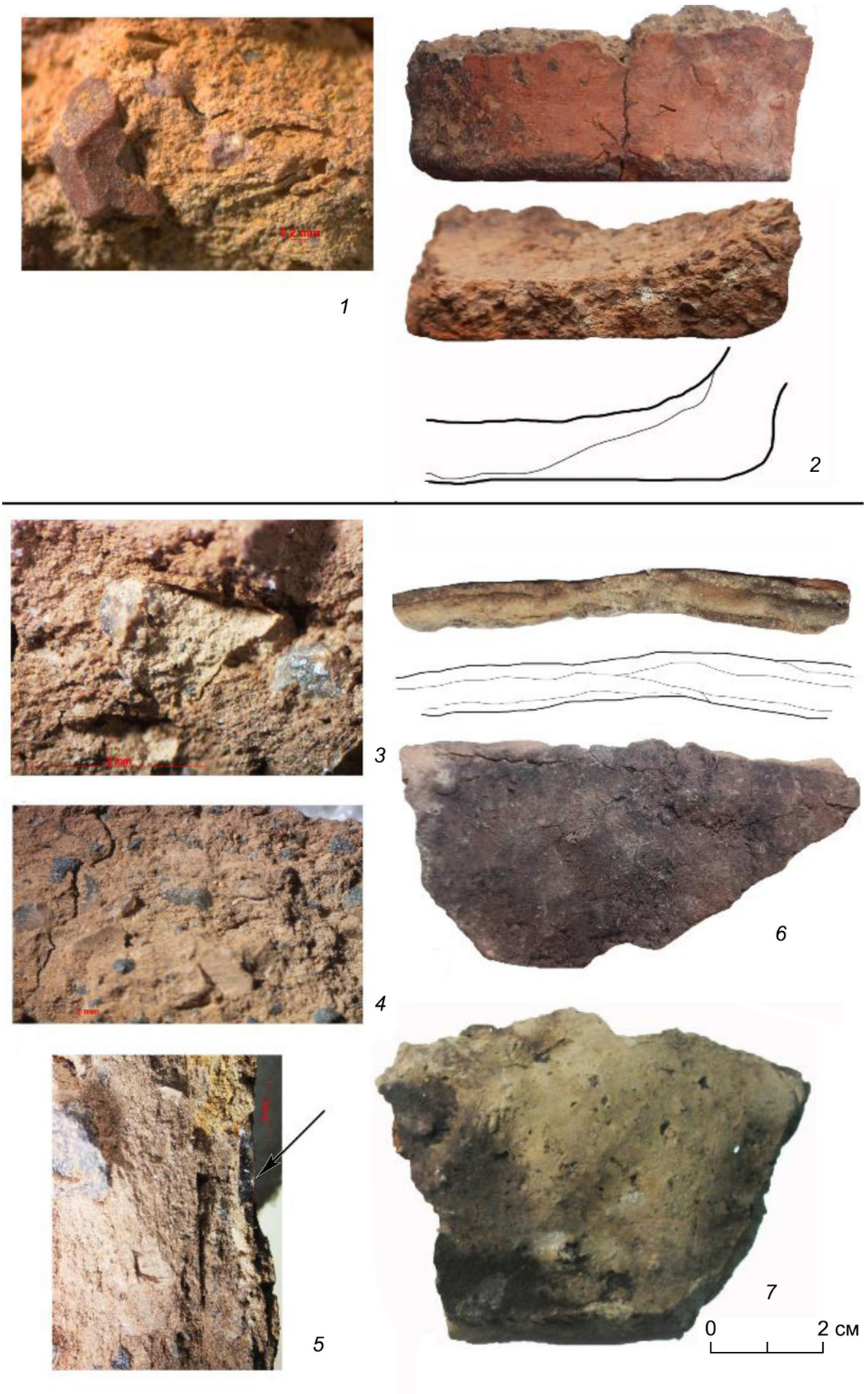


Рис. 7. Керамика горизонта 1-4 поселения Геой-тепе с минеральными примесями:
1, 4-5 – микрофото примеси базальта и обсидиана (5 – отмечен стрелочкой); *6* – внешняя поверхность вытянутого лоскута в изломе стенки; *6-7* – слой дополнительной глиняной обмазки поверхности

Fig. 7 Ceramics 1-4 horizons of the Göytepe settlement with mineral admixtures:
1, 4-5 – microphotos of basalt and obsidian admixtures (5 – marked with an arrow);
6 – outer surface of the elongated slab in the cross-section of the wall;
6-7 – a layer of additional clay coating on the surface

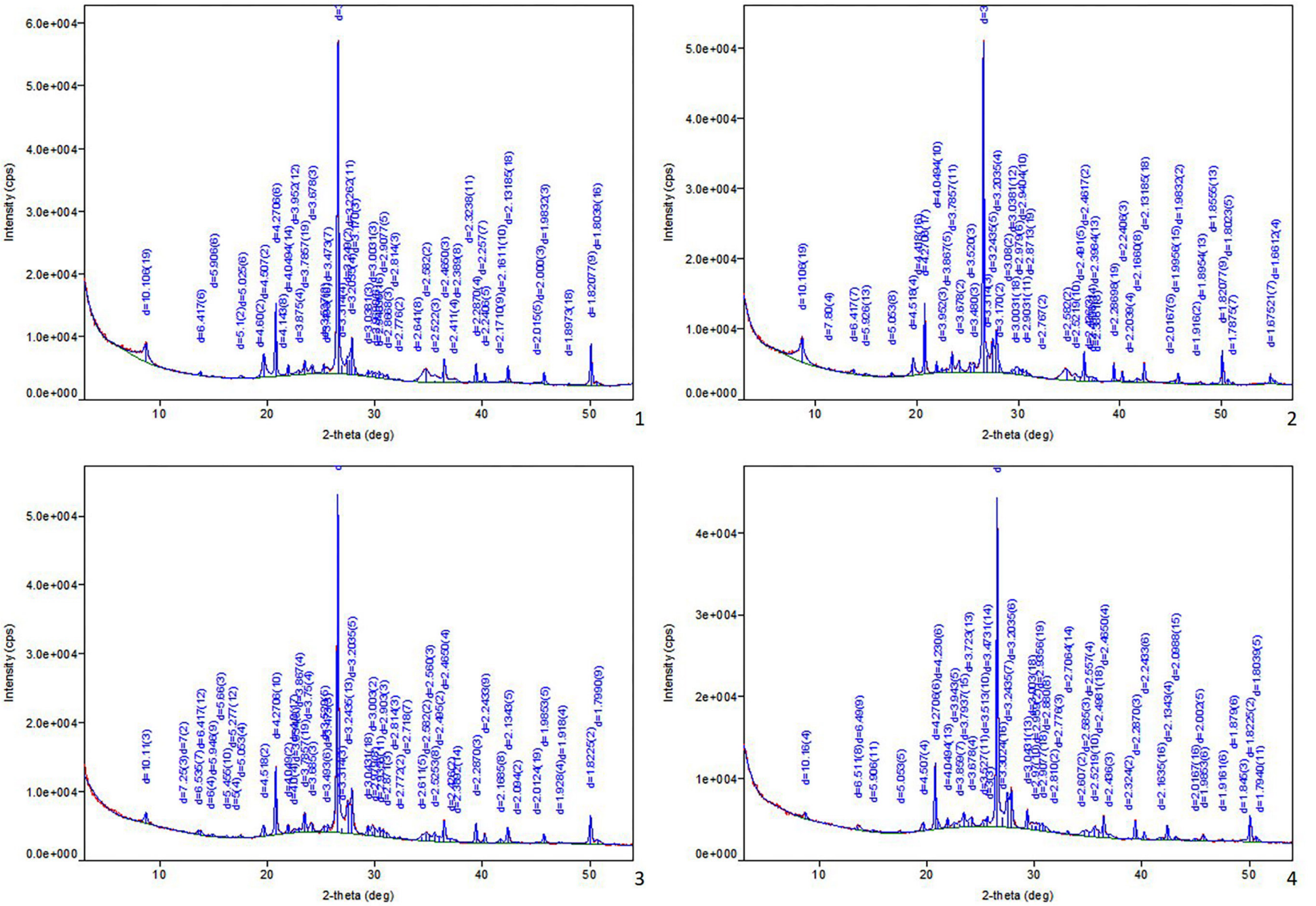


Рис. 8. Дифрактограммы образцов: неолитической керамики Чох-Н-2 (1), Чох-Н-10 (2); керамики бронзового века Чох-Б-1(3), Чох-Б-3(4)

Fig. 8 Diffraction patterns of samples: Neolithic ceramics Chokh-N-2 (1), Chokh-N-10 (2); Bronze Age ceramics Chokh-B-1(3), Chokh-B-3(4)

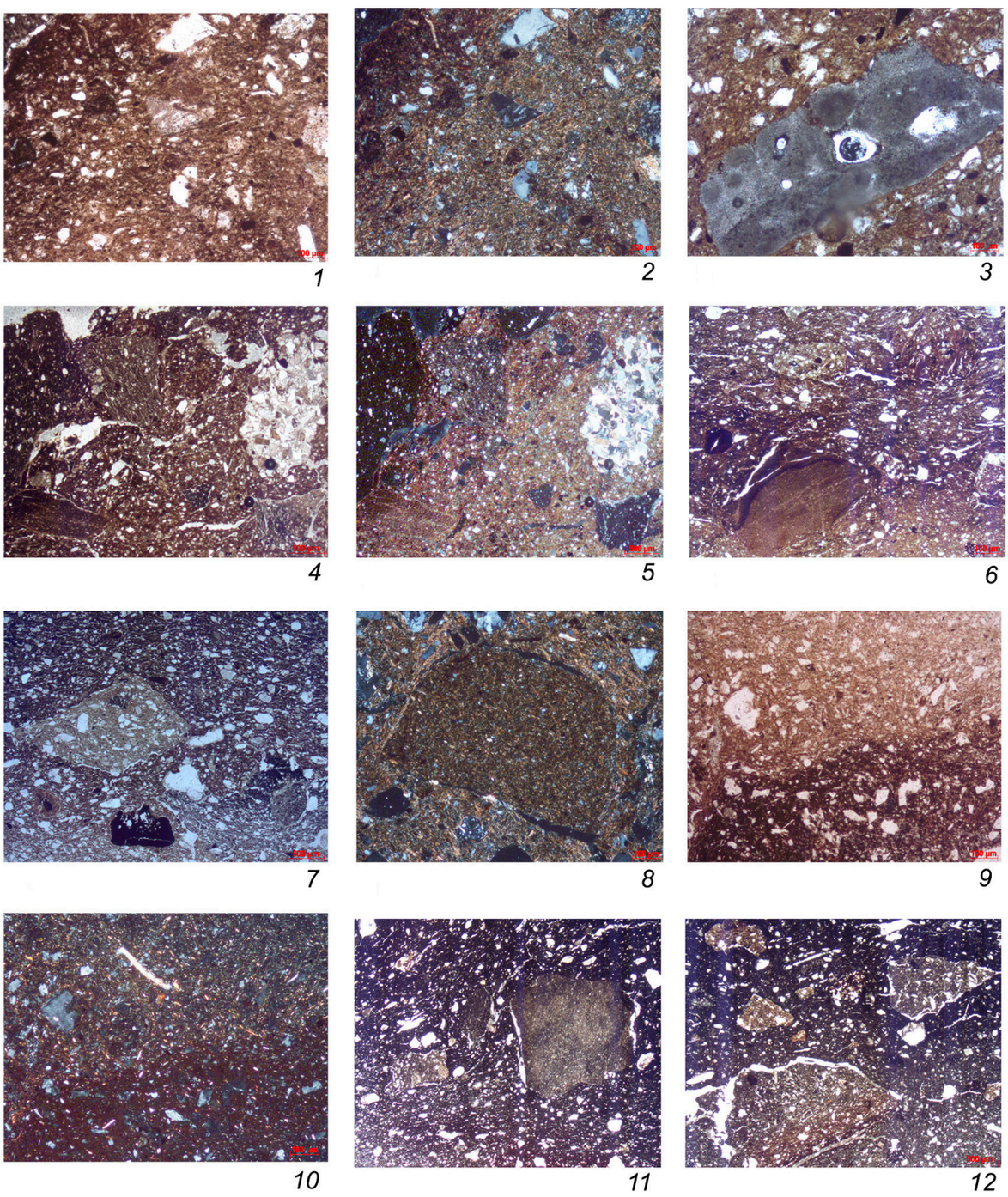


Рис. 9. Фотографии шлифов неолитической керамики поселения Чох.
1-7 – фотографии шлифов неолитической керамики 1 типа: *1, 2* – структура сырья 1 типа, искусственная добавка (кварц, ортоклаз, обломок кислого эффузива) шлиф Чох-Н-4, увеличение 100^{x}, анализатор – (1), + (2). *3* – обломок бактериально-водорослевого известняка, шлиф Чох-12, увеличение 25^{x}, анализатор –. *4, 5* – обломок песчаника с кальцитовым цементом; 2 типа шамота (интракластовый и чужеродный), шлиф Чох-11, увеличение 25^{x}, анализатор – (4), + (5). *6* – 2 типа шамота (интракластовый и чужеродный); сгусток, предположительно, ОВ. Шлиф Чох-Н-6, увеличение 25^{x}, анализатор –. *7* – 2 типа шамота (интракластовый и чужеродный); сгусток, предположительно, ОВ. Шлиф Чох-Н-2, увеличение 25^{x}, анализатор –. *8-12* – фотографии шлифов неолитической керамики 2 типа: *8* – чужеродный шамот, шлиф Чох-Н-10, увеличение 100х, анализатор +. *9,10* – структура сырья 2 типа, темные и светлые полосы – разные степени обжига, шлиф Чох-Н-8, увеличение 100^{x}, анализатор – (9), + (10). 11,12 – разные типы шамота, шлифы Чох-Н-8 (11), Чох-Н-9 (12), увеличение 25х, анализатор –

Fig. 9 Photographs of thin sections of Neolithic ceramics from the Chokh settlement.
9.1-9.7 – photographs of thin sections of Neolithic ceramics of type 1: 1, 2 – structure of raw material of type 1, artificial additive (quartz, orthoclase, fragment of acid effusive) thin section Chokh-N-4, magnification 100x, analyzer – (1), + (2). 3 – fragment of bacterial-algal limestone, thin section Chokh-12, magnification 25x, analyzer –. 4,5 – fragment of sandstone with calcite cement; 2 types of grog (intraclastic and alien), thin section Chokh-11, magnification 25x, analyzer – (4), + (5). 6 – 2 types of grog (intraclastic and alien); clot, presumably, OM. Chokh-N-6 thin section, 25x magnification, analyzer – 7 – 2 types of grog (intraclast and alien); clot, presumably, OV. Chokh-N-2 thin section, 25x magnification, analyzer –. 9.8-9.12 – photographs of thin sections of Neolithic ceramics of type 2: 8 – alien grog, Chokh-N-10 thin section, 100x magnification, analyzer +. 9,10 – structure of raw material of type 2, dark and light stripes – different degrees of firing, Chokh-N-8 thin section, 100x magnification, analyzer – (9), + (10). 11,12 – different types of chamotte, Chokh-N-8 (11), Chokh-N-9 (12) thin sections, 25x magnification, analyzer -

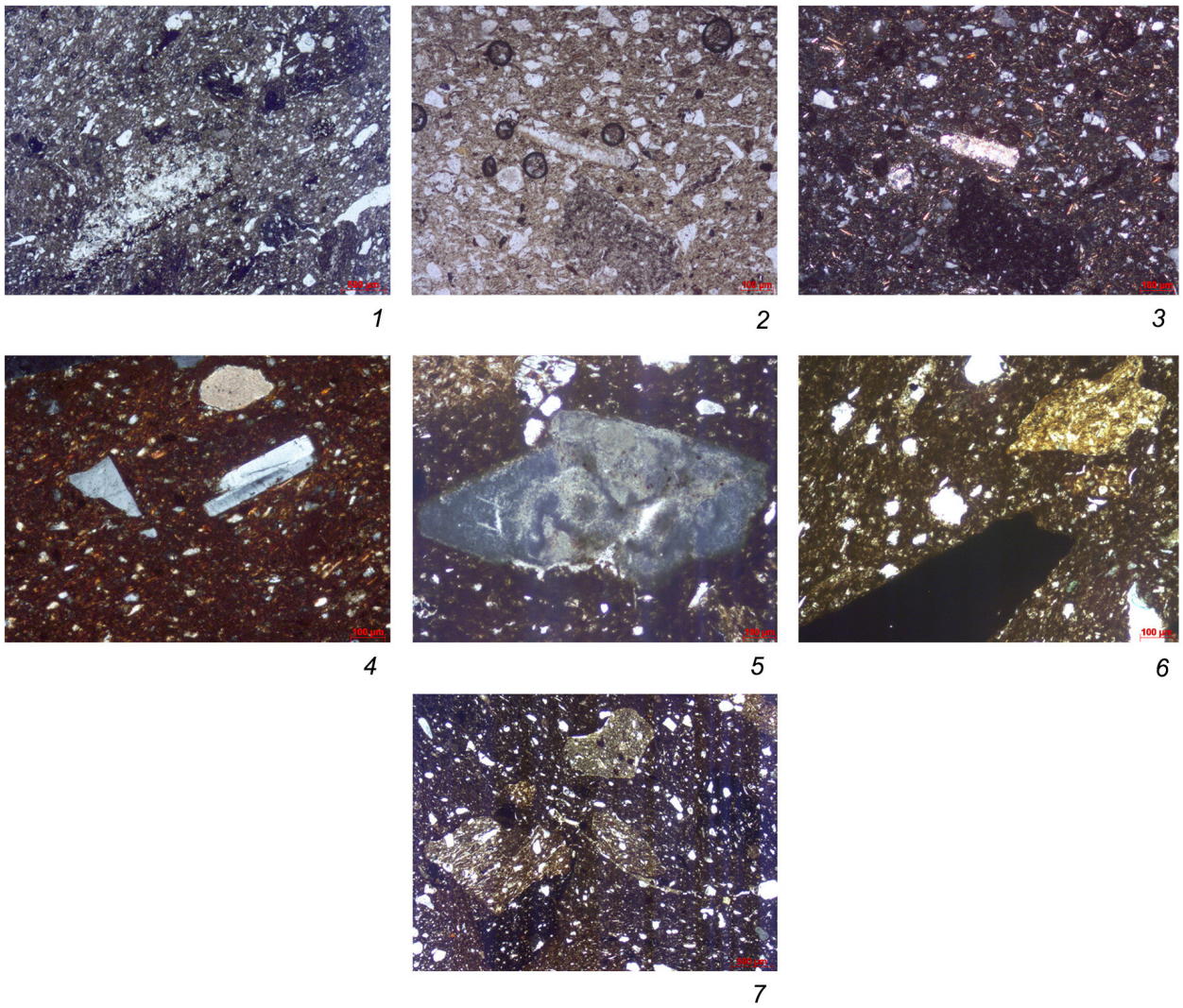


Рис. 10. Фотографии шлифа керамики бронзового века поселения Чох.
1-3: фотографии шлифа образца Чох-Б-1: 1 – алевро-пелитовая структура сырья; искусственные добавки: обломок алевролита, обломок глинистого сланца, интракластовый шамот. Увеличение 25^{x}, анализатор –. *2, 3* – обломок раковинного детрита, обломок глинистого сланца. Увеличение 100^{x}, анализатор – (2), + (3).
4-7: фотографии шлифа образца Чох-Б-3. *4* – колломорфно-пелитовая структура сырья; искусственные добавки: обломок микритового известняка, обломок кварца, плагиоклаза. Увеличение 100^{x}, анализатор +. *5* – обломок бактериально-водорослевого известняка. Увеличение 100^{x}, анализатор –. *6* – компонент органического вещества, интракластовый шамот. Увеличение 100^{x}, анализатор –. *7* – интракластовый и чужеродный шамот. Увеличение 100^{x}, анализатор –

Fig. 10 Photographs of a thin sections of ceramics from the Bronze Age settlement of Chokh.
10.1-10.3: photographs of a thin section of sample Chokh-B-1: 1 - silt-pelitic structure of raw material; artificial additives: fragment of siltstone, fragment of clay shale, intraclastic grog. Magnification 25x, analyzer -. 2,3 - fragment of shell detritus, fragment of clay shale. Magnification 100x, analyzer - (2), + (3).
10.4-10.7: photographs of a thin section of sample Chokh-B-3. 4 - colloform-pelitic structure of raw material; artificial additives: fragment of micritic limestone, fragment of quartz, plagioclase. Magnification 100x, analyzer +. 5 - fragment of bacterial-algal limestone. Magnification 100x, analyzer -. 6 - component of organic matter, intraclastic grog. Magnification 100x, analyzer -. 7 – intraclast and foreign grog. Magnification 100x, analyzer -

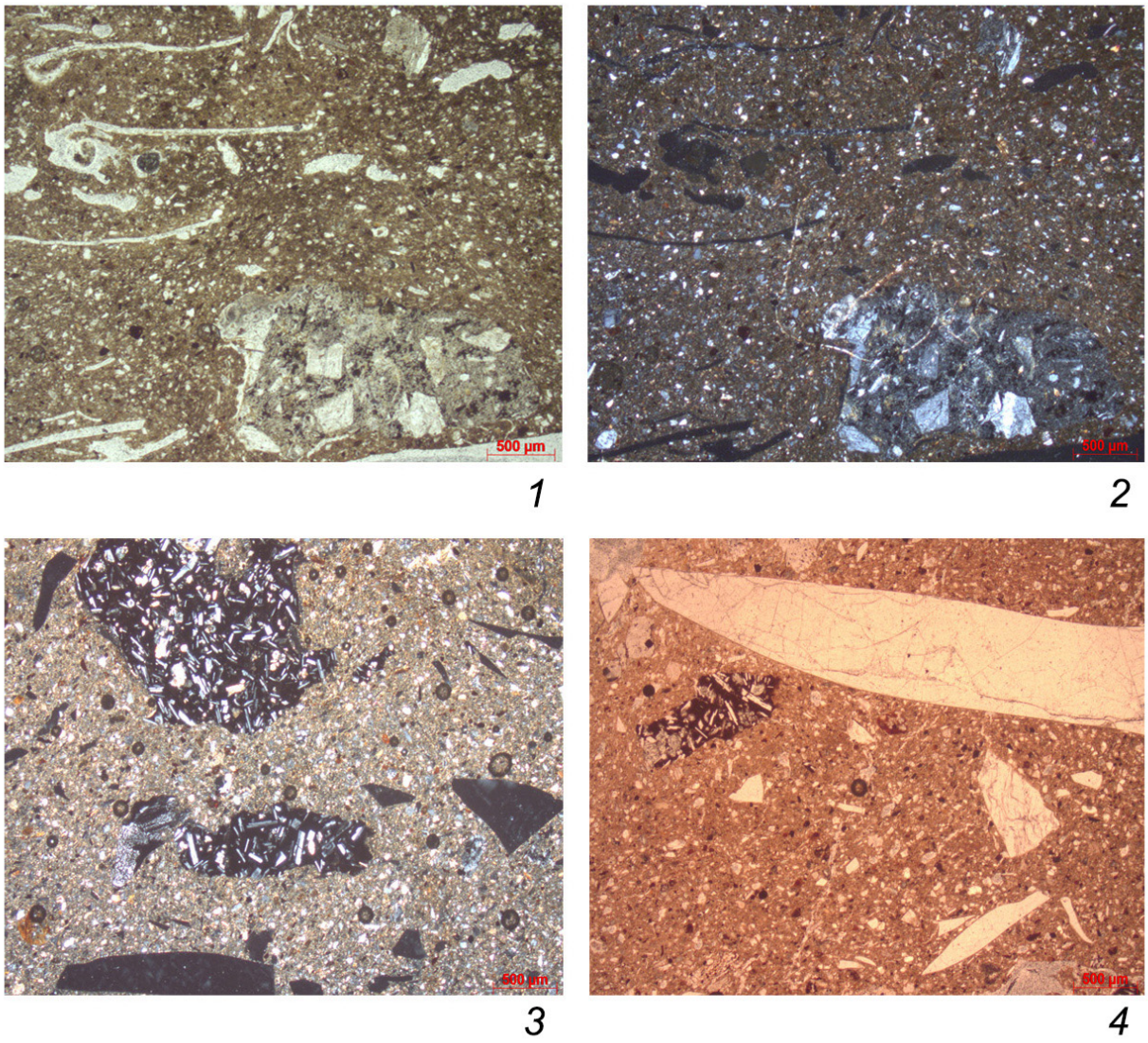


Рис. 11. Фотографии шлифов керамики Геой-Тепе.
1, 2 – крючковатые типы пустот; обломок риолита, шлиф 13, увеличение 25х, анализатор – (1), + (2).
3 – кальцитизированное алевро-пелитовое сырье; обломки базальта; обломки обсидиана (черное), шлиф 14, увеличение 25х, анализатор +. *4* – обломок базальта, множественные обломки обсидиана (белое), шлиф 14, увеличение 25х, анализатор –

Fig. 11. Photographs of thin sections of Göytepe ceramics: 1-2 – hooked types of voids; fragment of rhyolite, thin section 13, magnification 25x, analyzer – (1), + (2); 3 – calcitized silty-pelite raw material; basalt fragments; fragments of obsidian (black), thin section 14, magnification 25x, analyzer +; 4 – basalt fragment, multiple obsidian fragments, thin section 14, magnification 25x, analyzer –

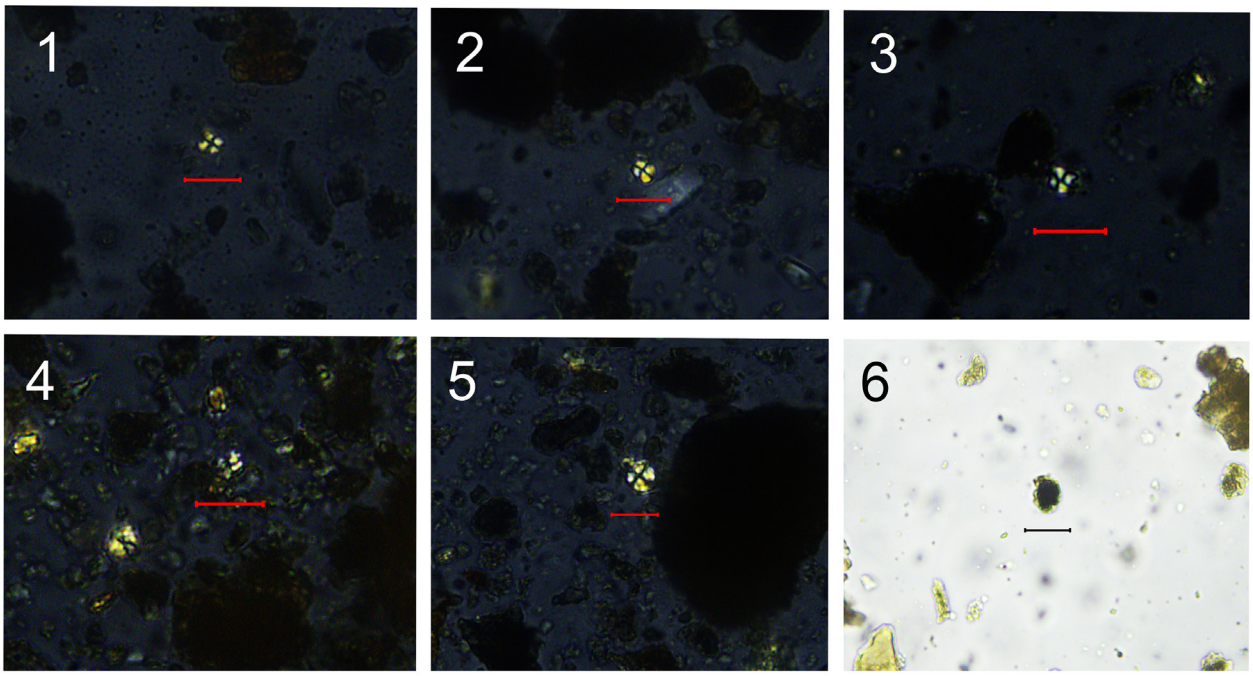


Рис. 12. Сферулиты из керамики неолитического периода (1-3) и бронзового времени (4) поселения Чох и неолитической керамики поселения Геой тепе (5, 6); 5 – увеличенный в размере из-за термического воздействия, 6 – потемневший сферулит. *1-5* – вид в кросс-поляризованном свете, *6* – вид в поляризованном свете. Масштабный отрезок 15 мкм

Fig. 12. Spherulites from Neolithic (1, 2, 3) and Bronze Age (4) ceramics from the Chokh settlement and Neolithic ceramics from the Göytepe settlement (5, 6); 5 - enlarged due to thermal exposure, 6 - darkened spherulite. 1-5 - view in cross-polarized light, 6 - view in polarized light. Scale bar 15 μm

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М: Наука. 1975. – 414с.

2. *Нариманов И.Г.* Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку: Элм, 1987. – 260 с.

3. *Chataigner Ch., Badalyan R., Arimura M.* The Neolithic of the Caucasus // Oxford Handbooks Online. 2014 DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935413.013.13

4. *Lyonnet B., Guliyev F., Helwing B., Aliyev T., Hansen S., Mirtskhulava G.* Ancient Kura Project 2010–2012: The first two seasons of joint field work in the Southern Caucasus // Archaologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2012. №44. Pp. 1–190.

5. *Helwing B., Aliev T.* Same but different: a comparison of 6th millennium BCE communities in Southern Caucasia and Northwestern Iran // Origini. XLI. 2018. Pp. 55–82.

6. *Özdoğan M.* Some considerations on the emergence of Neolithic way of life in the Caucasus // Context and connection. Studies on the Archaeology of the Ancient Near East in honour of Antonio Sagona. Batmaz A., Bedianashvili

REFERENCES

1. Munchaev R.M. *The Caucasus at the dawn of the Bronze Age. Neolithic, Chalcolithic, Early Bronze Age.* Moscow: Nauka, 1975. (In Russ)

2. Narimanov I.G. *Culture of the ancient agricultural and pastoral population of Azerbaijan.* Baku: Elm, 1987. (In Russ)

3. Chataigner Ch., Badalyan R., Arimura M. The Neolithic of the Caucasus. *Oxford Handbooks Online.* 2014 DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935413.013.13

4. Lyonnet B., Guliyev F., Helwing B., Aliyev T., Hansen S., Mirtskhulava G., Ancient Kura Project 2010–2012: The first two seasons of joint field work in the Southern Caucasus. *Archaologische Mitteilungen aus Iran und Turan.* 2012, 44: 1-190.

5. Helwing B., Aliev T. Same but different: a comparison of 6th millennium BCE communities in Southern Caucasia and Northwestern Iran. *Origini.* 2018, XLI: 55-82.

6. Özdoğan M. Some considerations on the emergence of Neolithic way of life in the Caucasus. In: Batmaz A., Bedianashvili G., Michalewicz A., Robinson A. (eds.). *Context*

G., Michalewicz A., Robinson A. (eds.). Leuven-Paris-Bristol: Peeters. 2018. Pp. 15–28.

7. *Nishiaki Y., Guliev F., Kadowaki S. (eds.)* Haci Elamxanli Tepe. The archaeological investigations of an Early Neolithic settlements in West Azerbaijan. Berlin: Ex oriente. 2021. – 236 p.

8. *Nishiaki Y., Guliev F.* (eds.) Göytepe. Neolithic excavations in the middle Kura valley, Azerbaijan. Oxford: Archaeopress publishing LTD. 2020, 366p.

9. *Lyonnet B., Guliev F., Bouquet L., Bruley-Chabot G., Samzun A., Pecqueur L., Jovenet E., Baudouin E., Fontugne M., Raymond P., Degorre E., Astruc L., Guilbeau D., Le Dosseur G., Benecke N., Hamon C., Poulmarc'h M., Courcier A.* Mentesh Tepe, an early settlement of the Shomu-Shulaveri culture in Azerbaijan // Quarternary International. 2016. №395. Pp. 170–183. doi. org/10.1016/j.quaint.2015.02.038

10. *Hamon C., Jalabadze M., Apagishvili T., Baudouin E., Koridze I., Massager E.* Gadachrili Gora: Architecture and Organisation of a Neolithic Settlement in the Middle Kura Valley (6th Millennium BC, Georgia) // Quaternary International. 2016. 395. Pp. 154–169.

11. *Kiguradze T.* Neolitische Siedlungen von Kwemo-Kartli, Georgien. Munchen: C.H. Beck, 1986. – 118 p.

12. *Kavtaradze G.* The Chronology of Georgian Aeneolithic Bronze Age Archaeological cultures in the light of new data. Tbilisi: Metsienereba, 1981. 157 p. (in Georg., summary in Engl. and Russ.).

13. *Джапаридзе Щ.М., Джавахишвили А.И.* Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси, 1971. – 107 с. (на груз. яз.)

14. *Hansen S., Mirtskhulava G.* The Neolithic Settlement of Aruchlo: Report on the Excavations in 2009-2011. In Ancient Kura 2010-2011: The First Two Seasons of Joint Field Work in the Southern Caucasus // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin: Deutsches Archäol. Inst., 2012. Vol. 44. P. 58–86.

15. *Торосян Р.М. Раннеземледельческое* поселение Техута IV *тыс. до н. э.* Серия «Археологические раскопки в Армении». № 14. *Ереван,1976.* – 144 с. (На *арм. яз.*).

16. *Бадалян Р., Аветисян П., Ломбард П., Шатенье К.* Поселение Араташен (неолитический памятник в Араратской равнине) // Культура древней Армении. Материалы республиканской научной сессии. Вып. XIII. Ереван: Мугни, 2005. С. 34–41.

17. *Badalyan R., Chataigner Ch., Harutyunyan A. (eds.)* The Neolithic settlement of Aknashen (Ararat valley, Armenia). Excavation seasons 2004-2015. Oxford: Archaeopress publishing LTD, 2022. 308 p.

18. *Абибуллаев О.А.* Некоторые итоги изучения холма Куль-Тепе // Советская археология. 1963. № 3. С. 157–167.

19. *Aliev V.T., Helwing B.* Kamiltepe in der Milebene. Archäologische Untersuchunges 2009 // Archäologische mitteilungen aus Iran und Turan. 2009. №41. Pp. 23–45.

20. *Амирханов Х.А.* Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите Горного Дагестана. М., 1987. – 224 с.

21. *Miki T., Shimogama K.* Pottery from Haci Elamxanli Tepe. First Farmers in the Southern Caucasus // Neolithic Excavations at Hacı Elamxanlı Tepe, West Azerbaijan. Edited by Y. Nishiaki, F. Guliyev, S. Kadowaki. Berlin: Ex oriente, 2021. Pp. 133–152.

and connection. Studies on the Archaeology of the Ancient Near East in honor of Antonio Sagona. Leuven-Paris-Bristol: Peeters, 2018: 15-28.

7. Nishiaki Y., Guliev F., Kadowaki S. (eds.) *Hacı Elamxanlı Tepe. The archaeological investigations of an Early Neolithic settlements in West Azerbaijan.* Berlin: Ex oriente, 2021.

8. Nishiaki Y., Guliev F. (eds.). *Göytepe. Neolithic excavations in the middle Kura valley, Azerbaijan.* Oxford: Archaeopress publishing LTD, 2020.

9. Lyonnet B., Guliev F., Bouquet L., Bruley-Chabot G., Samzun A., Pecqueur L., Jovenet E., Baudouin E., Fontugne M., Raymond P., Degorre E., Astruc L., Guilbeau D., Le Dosseur G., Benecke N., Hamon C., Poulmarc'h M., Courcier A. Mentesh Tepe, an early settlement of the Shomu-Shulaveri culture in Azerbaijan. *Quarternary International.* 2016, 395: 170-183. DOI: doi.org/10.1016/j.quaint.2015.02.038

10. Hamon C., Jalabadze M., Apagishvili T., Baudouin E., Koridze I., Massager E., Gadachrili Gora: Architecture and Organization of a Neolithic Settlement in the Middle Kura Valley (6th Millennium BC, Georgia). *Quaternary International.* 2016, 395: 154-169.

11. Kiguradze T. *Neolitische Siedlungen von Kwemo-Kartli, Georgien*. Munchen: CH Beck, 1986.

12. Kavtaradze G. *The Chronology of Georgian Aeneolithic, Bronze Age Archaeological cultures in the light of new data.* Tbilisi: Metsienereba, 1981. (in Georgian, summary – in Eng. and Rus.).

13. Japaridze ShM., Javakhishvili AI. *Culture of the most ancient agricultural population on the territory of Georgia*. 1971. (in Georgian).

14. Hansen S., Mirtskhulava G. The Neolithic Settlement of Aruchlo: Report on the Excavations in 2009-2011. In Ancient Kura 2010-2011: The First Two Seasons of Joint Field Work in the Southern Caucasus. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Berlin: Deutsches Archäol. Inst. 2012, 44: 58-86.

15. Torosyan PM. Early agricultural settlement of Teghut 4th millennium BCE. Series Archaeological excavations in Armenia, №14. Yerevan, 1976. (in *Armenian*).

16. Badalyan R., Avetisyan P., Lombard P., Chatenier K. Settlement of Aratashen (Neolithic site in the Ararat plain). *Culture of ancient Armenia. XIII. Proceedings of the republican scientific session*. Yerevan: Mughni. 2005, 13: 34-41. (In Russ)

17. Badalyan R., Chataigner Ch., Harutyunyan A. (eds.) *The Neolithic settlement of Aknashen (Ararat valley, Armenia). Excavation seasons 2004-2015.* Oxford: Archaeopress publishing LTD, 2022.

18. Abibullaev O.A. Some results of the study of the Kul-Tepe hill. Sovetskaya Arheologiya. 1963, 3: 157-167.

19. Aliev V.T., Helwing B. Kamiltepe in der Milebene. Archäologische Untersuchunges. *Archäologische mitteilungen aus Iran und Turan*. 2009, 41: 23-45.

20. Amirkhanov Kh.A. *Chokh settlement. Man, and his culture in the Mesolithic and Neolithic of Mountain Dagestan*. Moscow, 1987. (In Russ)

21. Miki T., Shimogama K. Pottery from Hacı Elamxanlı Tepe. In: Y. Nishiaki, F. Guliyev, S. Kadowaki (eds.). *First Farmers in the Southern Caucasus – Neolithic Excava-*

22. *Ахундов Т.И.-О.* У истоков кавказской цивилизации. Неолит Азербайджана. Кн. I. Шомутепе. Баку: Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, 2012. – 386 с.

23. *Алекперов В.А.* Развитие технологии изготовления неолитической керамики в Гёйтепе (Западный Азербайджан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. №3. С. 22–31. DOI: 10.17746/1563-0110.2018.46.3.022-031.

24. *Akyuz S., Guliev F., Celik S., Ozel A.E., Alakbarov V.* Investigations of the Neolithic potteries of 6th millenium BC from Göytepe – Azerbaijan by vibrational spectroscopy and chemometric techniques // Vibrational spectroscopy. 2019. № 105. Pp. 1–11. doi.org/10.1016/j.vibspec.2019.102980.

25. *Alakbarov V.* Pottery production at Neolithic Göytepe (West Azerbaijan) // Hileya. 2015. № 102 (11). P. 166–169.

26. *Arimatsu Y., Odaka T.* Neolithic pottery from Göytepe // Nishiaki Y., Guliev F. (eds.) 2020. Göytepe. Neolithic excavations in the middle Kura valley, Azerbaijan. Oxford: Archaeopress publishing LTD. 2020. Pp. 261–286.

27. *Iserlis M.* Local dynamics and the emergence of pottery traditions in the Neolithic Southern Caucasus // Archäologische Mitteilungen aus Iran and Turan. 2020. № 49. Pp. 1–48.

28. *Nishiaki Y., Guliyev F., and Kadowaki S.* Chronological contexts of the earliest Pottery Neolithic in the South Caucasus: Radiocarbon dates for Goytepe and Hacı Elamxanlı Tepe, Azerbaijan // American Journal of Archaeology. 2015. №119(3). P. 279–294.

29. *Амиров Ш.Н.* Дагестан. Культурный процесс в свете климатических колебаний // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 252. С. 47–66.

30. *Амирханов Х.А.* Чохская археологическая культура: состав и структура базовых компонентов // Краткие сообщения Института археологии. 2023. Вып. 271. С. 7–23.

31. *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. – 264с.

32. *Котович В.Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.

33. *Мунчаев Р.М.* Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. 1958. Вып. 71. С. 41–52.

34. *Сайпудинов М.Ш.* Керамика Ирганайского I поселения эпохи средней бронзы: анализ исходного сырья и составов формовочных масс // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 258. С. 278–293.

35. *Амирханов Х.А.* Формирование, тафономия и проблема датировки неолитического слоя Чохского поселения: взгляд полвека спустя // История, археология, этнография Кавказа. 2021. Т. 17. № 3. С. 638–657.

36. *Амирханов Х.А.* Хронология культурных отложений Чохского многослойного поселения (по данным на 2022 год) // История, археология, этнография Кавказа. Том 18, № 3. 2022, С. 715–728.

37. *Guliyev F., Nishiaki Y.* Excavations at the Neolithic Settlement of Göytepe, West Azerbaijan, 2010–2011 // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. II: Excavation and Progress Reports, Posters. Wiesbaden: Harrassowitz Verl., 2014. P. 3–16.

tions at Hacı Elamxanlı Tepe, West Azerbaijan. Berlin: Ex oriente, 2021: 133-152.

22. Akhundov T.I-O. *At the origins of Caucasian civilization. Neolithic of Azerbaijan. Book one. Shomutepe*. Baku: Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, 2012. (In Russ)

23. Alakbarov VA. Technological Development of the Neolithic pottery at Göytepe (West Azerbaijan). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2018, 46(3): 22-31. DOI: 10.17746/1563-0110.2018.46.3.022-031. (In Russ)

24. Akyuz S., Guliev F., Celik S., Ozel A.E., Alakbarov V. Investigations of the Neolithic potteries of 6th millennium BC from Göytepe – Azerbaijan by vibrational spectroscopy and chemometric techniques. *Vibrational spectroscopy*. 2019, 105: 1-11. doi.org/10.1016/j.vibspec.2019.102980.

25. Alakbarov VA. Pottery production at Neolithic Göytepe (West Azerbaijan). *Hileya*. 2015, 102(11): 166-169.

26. Arimatsu Y., Odaka T. Neolithic pottery from Göytepe. In: Nishiaki Y., Guliev F. (eds.). *Göytepe. Neolithic excavations in the middle Kura valley, Azerbaijan*. Oxford: Archaeopress publishing LTD, 2020: 261-286.

27. Iserlis M. Local dynamics and the emergence of pottery traditions in the Neolithic Southern Caucasus. *Archäologische Mitteilungen aus Iran and Turan*. 2020, 49: 1-48.

28. Nishiaki Y., Guliyev F., and Kadowaki S. Chronological contexts of the earliest Pottery Neolithic in the South Caucasus: radiocarbon dates for Goytepe and Hacı Elamxanlı Tepe, Azerbaijan. *American Journal of Archaeology*. 2015, 119(3): 279-294.

29. Amirov ShN. Dagestan. Cultural process in the light of climate fluctuations. *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 2018, 252: 47-66. (In Russ)

30. Amirkhanov KhA. Chokh archaeological culture: composition and structure of basic components. *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 2023, 271: 7-23. (In Russ)

31. Gadzhiev M.G. *Early agricultural culture of the North-Eastern Caucasus (Chalcolithic and Early Bronze Ages)*. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ)

32. Kotovich VG. *Stone Age of Dagestan*. Makhachkala, 1964. (In Russ)

33. Munchaev RM. Archaeological research in mountainous Dagestan in 1954. *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 1958, 71: 41-52. (In Russ)

34. Saypudinov MSh. Ceramics from bronze age settlement Irganay I: analysis of feedstock and compositions of forming masses. *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 2020, 258: 278-293. (In Russ)

35. Amirkhanov KhA. Formation, taphonomy and dating of the Neolithic layer of the Chokh settlement: data revision. *History, archeology, ethnography of the Caucasus*. 2021, 3: 638-657. (In Russ)

36. Amirkhanov KhA. Chronology of cultural deposits of the Chokh multilayered settlement (according to 2022 data). *History, archeology, ethnography of the Caucasus*. 2022, 3: 715-728.

37. Guliyev F., Nishiaki Y. Excavations at the Neolithic Settlement of Göytepe, West Azerbaijan, 2010–2011. *Proceedings of the 8th International Congress on the Archeology of the Ancient Near East. – 2014. – Vol. II: Excavation*

38. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. – 272 с.

39. Бобринский *А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Под редакцией А.А. Бобринского. Самара: СамГПУ, 1999, С. 5–109.

40. *Petrova N.* The Dung among others temper in Zagros and Mesopotamia Neolithic pottery // The Epipalaeolithic and Neolithic in the Eastern Fertile Crescent. Revisiting the Hilly Flanks. Eds. Richter T., Darabi H. Routledge: London and New York. 2024. Pp. 279–307.

41. *Quin P.S.* Thin section petrography, geochemistry and scanning electron microscopy of archaeological ceramics. Oxford: Archaeopress, 2022. – 466 p.

42. *Бабенко А.Н., Петрова Н.Ю.* Комплексное изучение примеси навоза в керамике (по материалам неолитического поселения Ярым-тепе I, Северная Месопотамия) // Вестник «История керамики». 2021. № 3. С. 211–225.

43. *Biton R., Goren Y., Goring-Morris A.N.* Ceramics in the Levantine Pre-Pottery Neolithic B: evidence from Kfar HaHoresh, Israel // Journal of Archaeological Science. 2014. № 41. Pp. 740–748.

44. *Canti M.G., Nicosia C.* Formation, morphology and interpretation of darkened faecal spherulites // Journal of Archaeological Science. 2018. № 89. Pp. 32-45.

and Progress Reports, Posters. Wiesbaden: Harrassowitz Verl., 2014: 3-16.

38. Bobrinsky AA. *Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study*. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ)

39. Bobrinsky AA. Pottery technology as an object of historical and cultural study. In: A.A. Bobrinsky (ed.). *Current problems in the study of ancient pottery (collective monograph)*. Samara: SamSPU, 1999: 5-109. (In Russ)

40. Petrova N. The dung among others temper in Zagros and Mesopotamia Neolithic pottery. In: Richter T., Darabi H. (eds.). *The Epipalaeolithic and Neolithic in the Eastern Fertile Crescent. Revisiting the Hilly Flanks*. Routledge: London and New York, 2024. pp. 279–307.

41. Quin PS. *Thin section petrography, geochemistry and scanning electron microscopy of archaeological ceramics*. Oxford: Archaeopress, 2022.

42. Babenko A.N., Petrova N.Yu. Comprehensive study of dung admixtures in ceramics (based on materials from the Neolithic settlement of Yarym-Tepe I, Northern Mesopotamia). *Bulletin "History of Ceramics"*. 2021, 3: 211-225. (In Russ)

43. Biton R., Goren Y., Goring-Morris A.N. Ceramics in the Levantine Pre-Pottery Neolithic B: evidence from Kfar HaHoresh, Israel. *Journal of Archaeological Science*. 2014, 41: 740-748.

44. Canti M.G., Nicosia C. Formation, morphology and interpretation of darkened faecal spherulites. *Journal of Archaeological Science*. 2018, 89: 32-45.

Поступила в редакцию 11.04.2024 г.
Принята в печать 02.05.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 11.04.2024
Accepted 02.05.2024
Published 15.06.2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202342-353

Исследовательская статья

Глазов Константин Анатольевич,
младший научный сотрудник,
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
paradoxsochi@yandex.ru

Кудин Михаил Иванович,
внештатный научный сотрудник,
Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева, Майкоп, Россия
mixail-sochi@mail.ru

Кизилов Андрей Сергеевич,
к. пед. н, старший научный сотрудник,
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
kiziloff2014@mail.ru

БАРЕЛЬЕФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ДОЛЬМЕНЕ ГРУППЫ КАПИБГЕ-1 В ОКРЕСТНОСТЯХ БОЛЬШОГО СОЧИ

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования комплекса барельефных изображений, обнаруженных на дольмене группы Капибге-1, расположенной в окрестностях хребта Мизегух на северной окраине Большого Сочи. Целью данной работы является введение в научный оборот уникального для Западного Кавказа сюжетного барельефа, изображенного на фасаде дольмена, не включённого в реестр краевого управления государственной охраны объектов культурного наследия. Изображения выполнены в технике барельефа с выборкой фона пикетажем и представляют олениху с детенышем, преследуемых собакой, двух охотников с луками, трех пар антропоморфных фигур и пяти птицеобразных изображений. В результате анализа известных изображений в древних культурах Кавказа и Крыма обосновывается возможность принадлежности барельефа к дольменной культуре. Исследование изображений было проведено с применением фотограмметрии с последующей 3D-обработкой, позволяющей развить методику исследования петроглифов и барельефов с помощью теневой картины, формируемой виртуальными источниками света. На примере данного памятника были опробованы некоторые приемы постобработки итоговой 3D-модели, основанные на применении виртуальных материалов с различными оптическими свойствами для подбора нужной теневой и бликовой картины, а также градиентных процедурных карт, что позволило четче проявить барельефные изображения и выявить их плохо сохранившиеся фрагменты. Барельефные изображения были обнаружены в процессе мониторинга археологических памятников историко-культурного наследия Черноморского побережья Кавказа на выборочном полигоне – территории Большого Сочи. В задачи мониторинга входят составление реестра и каталога объектов археологии и последующая разработка технологий их сохранения и использования, а также предотвращение утраты объектов историко-культурного наследия в зонах развития рекреационного потенциала.

Ключевые слова: дольмен; историко-культурное наследие; барельефные петроглифы; антропоморфные изображения; зооморфные изображения; фотограмметрия; 3D-обработка; Черноморское побережье Кавказа

Для цитирования: Глазов К.А., Кудин М.И., Кизилов А.С. Барельефные изображения на дольмене группы Капибгу-1 в окрестнгостях Большого Сочи // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 342-353. doi.org/10.32653/CH202342-353

© Глазов К.А., Кудин М.И., Кизилов А.С., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202342-353

CC BY

Research paper

Konstantin A. Glazov,
Junior Researcher,
Subtropical Scientific Center of RAS, Sochi, Russia
paradoxsochi@yandex.ru

Mikhail I. Kudin,
Freelance Researcher,
Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies
them. T.M. Kerasheva, Maykop, Russia
mixail-sochi@mail.ru

Andrei S. Kizilov,
Cand. Sci. (Pedagogy), Senior Researcher,
Subtropical Scientific Center of RAS, Sochi, Russia
kiziloff2014@mail.ru

BAS-RELIEF IMAGES ON THE DOLMEN OF THE KAPIBGE-1 GROUP IN THE VICINITY OF GREATER SOCHI

Annotation. The article presents the results of a study of a complex of bas-relief images found on the dolmen of the Kapibge-1 group, located in the vicinity of the Mizegukh ridge on the northern outskirts of Greater Sochi. The purpose of this work is to introduce into scientific circulation a story bas-relief unique to the Western Caucasus, depicted on the facade of a dolmen that is not included in the register of the regional department of state protection of cultural heritage objects. The images are made in bas-relief technique with background picketing and represent a doe with a cub, chased by a dog, two hunters with bows, three pairs of anthropomorphic figures and five bird-like images. As a result of the analysis of well-known images in the ancient cultures of the Caucasus and Crimea, the possibility of the bas-relief belonging to the dolmen culture is substantiated. The study of the images was carried out using photogrammetry followed by 3D processing, which allows us to develop a technique for studying petroglyphs and bas-reliefs using a shadow pattern formed by virtual light sources. Using the example of this monument, some post-processing techniques of the final 3D model were tested, based on the use of virtual materials with different optical properties to select the desired shadow and glare pattern, as well as gradient procedural maps, which allowed the bas-relief images to be clearer and their poorly preserved fragments to be revealed. The bas-relief images were discovered during the monitoring of archaeological sites of the historical and cultural heritage of the Black Sea coast of the Caucasus at a selective polygon – the territory of Greater Sochi. The monitoring objectives are to compile a register and catalog of archaeological sites and the subsequent development of technologies for their conservation and use, as well as to prevent the loss of historical and cultural heritage sites in recreational potential development zones.

Keywords: dolmen; historical and cultural heritage; bas-relief petroglyphs; anthropomorphic; zoomorphic images; photogrammetry; 3D processing; Black Sea coast of the Caucasus.

For citation: K.A. Glazov, M.I. Kudin, A.S. Kizilov. Bas-relief images on the dolmen of the Kapibge-1 group in the vicinity of Greater Sochi. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 342-353. doi.org/10.32653/CH202342-353

© K.A. Glazov, M.I. Kudin, A.S. Kizilov, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

Группа Капибге-1 входит в один из самых интересных дольменных макроансамблей на территории Большого Сочи, расположенный вокруг хребта Мизегух в междуречье Макопсе – Аше (рис. 1). Макроансамбль Мизегух включает в себя 8 дольменных групп и два одиночных дольмена – всего 34 памятника, что составляет 8,5% от общего числа дольменов, зафиксированных на территории Большого Сочи [1, с. 38–49].

В июле 2023 г. в рамках работы по каталогизации памятников дольменной культуры, расположенных в границах Большого Сочи (государственное задание № FGRW-2024-0002), на фасаде ложнопортального корытообразного дольмена группы Капибге-1 DK155 при боковом освещении фонарем были обнаружены хорошо сохранившиеся изображения, выполненные в технике барельефа (рис. 2) [2].

При доследовании этого объекта в декабре 2023 г. была проведена тщательная фотограмметрическая съемка поверхности фасада, позволившая подробно изучить особенности рельефа поверхности и выявить частично утраченные элементы композиции.

Следует отметить, что абстрактные изображения на дольменах в виде геометрического орнамента (зигзагов, солярных знаков, декора и т.п.) встречаются очень редко. Еще реже обнаруживаются схематичные фигуративные зоо- и антропоморфные изображения. Впервые на дольменах Западного Кавказа они были зафиксированы в 2006 г. на блоках ограждения дворика дольмена Джубга Западно-Кавказской экспедицией ИИМК РАН под руководством В.А. Трифонова. На нижнем блоке был обнаружен фриз с изображением шести расположенных в ряд фигур, иллюстрирующих некий древний мифологический сюжет. На другом блоке дворика были обнаружены две зеркально-симметричные антропоморфные фигуры «близнецов». Еще одна антропоморфная фигура с одной рукой на поясе и второй, вытянутой прямо, изображена на другой стороне этого блока [3, с. 115–118, рис. 4].

В 2007 г. Северо-Кавказской экспедицией Института археологии РАН на одной из плит дольмена А группы Шизе-IV обнаружено изображение в виде «пляшущих человечков» [4, с. 296, рис. 2].

В передней части дольмена Грузинка XI найден обломок плиты, покрытой выбитыми пикетажем лунками, между которыми изображена змея [5, с. 411].

В 2019 г. в бассейне р. Цуцхвадж М.И. Кудин рядом с корытообразным дольменом с ложным входом обнаружил на боковой поверхности валуна, напоминающего морду собаки (волка), вырезанное схематичное изображение бегущего животного с чашевидным солярным знаком перед мордой [6, с. 143, рис. 21, *1*].

Возможно, к дольменной культуре относятся и петроглифы на плите из Лоо. Там, среди схематичных знаков, также имеется изображение благородного оленя [7, с. 104].

Обнаруженные нами барельефные изображения на фасаде дольмена DK155 группы Капибге-1 дополняют этот ряд, хотя и имеют принципиальные отличия: все перечисленные выше изображения являются врезанными, а сами фигуры – схематичными, в то время как изображения, описываемые в этой статье, выполненные в барельефной технике, обнаружены на дольмене впервые.

Материалы и методы

При каталогизации дольменных памятников Большого Сочи для получения качественных чертежей, планов и разрезов нами широко применяется фотограмметрия [8]. Поэтому для документирования найденных барельефных изображений также было решено использовать данную технологию.

Традиционно применяемые в классической археологии с XX в. контактные методы фиксации петроглифов постепенно уходят в прошлое, так как непосредственно воздействуют на исследуемую поверхность и могут нанести непоправимый ущерб памятнику [9]. Поэтому в последние годы чаще применяются бесконтактные методы документирования, такие как фотофиксация, фотограмметрия и лазерное сканирование [10]. При этом фотограмметрия имеет ряд неоспоримых преимуществ в полевых условиях:

- не требует постановки искусственного или естественного освещения;
- не требует дорогостоящего оборудования;
- технология съемки проста и не требует высокой квалификации;
- последующая обработка в 3D-редакторах позволяет выявить детали, не фиксируемые при непосредственном обследовании;
- при соблюдении определенных условий качество итоговой 3D-модели не уступает лазерному сканированию.

Методика применения данной технологии для документирования петроглифов окончательно еще не сформировалась, поэтому этот процесс допускает определенную вариативность. На примере данного памятника мы опробовали некоторые приемы постобработки итоговой 3D-модели исследуемой поверхности с применением материалов с заданными оптическими свойствами для подбора нужной теневой и бликовой картины, градиентных процедурных карт, что позволило четче проявить барельефные изображения и выявить их плохо сохранившиеся фрагменты.

При датировке изображений учитывались технология их изготовления, а также стилистические, композиционные и сюжетные особенности.

Результаты и обсуждение

Дольмен DK155 находится на оползневом краю русла сухого ручья, вследствие чего покосился и частично съехал вниз по склону (рис. 3). Памятник высечен в глыбе песчаника. Он относится к полумонолитному корытообразному типу с изображением на фасаде ложной пробки входного отверстия. Настоящее входное отверстие расположено в противоположной фасаду задней стене дольмена (рис. 3, *4*).

Прежняя его ориентация на местности сейчас не восстановима, но, вероятно, дольмен был направлен главным фасадом в восточную сторону горизонта. Плоскость главного фасада имеет высоту 126 см, ширину в верхней части – 153 см, снизу – 180 см. С боков и снизу она ограничена портальной площадкой глубиной 15 см и портальными выступами глубиной 14–18 см. Передние грани их хорошо обработаны и закруглены. Толщина обоих портальных выступов – 10 см по всей высоте.

На расстоянии 68 см от верхнего обреза фасадной плоскости расположена шляпка фальшивой пробки диаметром 25 см. Сохранившаяся часть сейчас выступает над

плоскостью фасада на 5 см, а оригинальная высота была, вероятно, 8 см. Полное описание и обмеры дольмена опубликованы [11, с. 67–87].

В июле 2023 г., при проведении осмотра фасадной плоскости с целью выявления особенностей технологии обработки поверхности, в косых лучах мощного фонаря неожиданно была обнаружена барельефная композиция, изображающая сцену загонной охоты на оленей. В декабре того же года для выявления и документирования найденных изображений была проведена ее детальная фотограмметрия. Полученная 3D-модель поверхности исследовалась на платформе 3DsMax путем подбора текстур и материалов с оптимальными оптическими свойствами. Это позволило получить качественную теневую и бликовую картину в косых лучах искусственных источников света, подчеркивающую особенности рельефа. Применение градиентных процедурных карт дало возможность выявить едва заметные, почти утраченные элементы композиции.

Изображения выполнены в технике низкого барельефа, путем обработки поверхности фасада пикетажем на глубину 2–5 мм. Из-за небольшой высоты рельефа и малой контрастности петроглифы практически не различимы при обычном освещении и проявились только при рисующем свете.

Изображения расположены на верхней половине фасадной плоскости над фальшивой шляпкой и занимают площадь около 0,8 кв. м (рис. 4).

Ниже уровня шляпки первичная поверхность уничтожена эрозией, поэтому невозможно сказать были там изображения или нет.

Можно выделить четыре группы изображений:

Группа из 3 животных, включающая изображения оленихи с детенышем (длина фигур – 26 см и 13 см, высота – 20 см и 8 см соответственно) и собаки (длина – 19 см, высота – 14 см);

Группа из двух антропоморфных фигур с луками. Высота фигур – 26 см;

Группа из трех пар антропомофных фигур высотой около 25 см каждая;

Группа из пяти птицеобразных изображений высотой 21–22 см.

Взаимное расположение групп изображений и их атрибуты позволяют предположить сюжеты композиций.

Один из них, вероятно, представляет сцену загонной охоты, включающей олениху с детенышем, преследуемых собакой, и развернутых к ним навстречу двух антропоморфных фигур с луками. На фигурах охотников заметны утолщения на бедрах с выступом спереди, возможно, изображающие узел набедренной повязки. Эта деталь напоминает подобные повязки на фигурках борцов с крюка из мегалитической гробницы (дольмена) у ст. Царской, исследованной Н.И. Веселовским в 1898 г. [12, с. 28, рис. 2–3].

Охотники держат в руках ненатянутые луки с надетой на кибить тетивой, стрелы уложены на луки, люди готовы к стрельбе. Ноги фигур сохранились хуже, но, тем не менее, хорошо просматриваются по всему контуру. Композиция далека от схематичности и отличается реализмом. Контуры как животных, так и людей хорошо проработаны анатомически – тела оленей имеют плавные характерные изгибы, на ногах выделены суставы, показаны мелкие детали в виде коротких хвостов и ушей. Фигуры людей также изображены реалистично, показана выпуклая грудь, прогиб поясницы, плечи и шея.

Второй сюжет представлен тремя парами антропоморфных существ в зеркально-симметричной позе. Одна рука каждого персонажа опирается на пояс, а вторая поднята вверх и держится за руку другой фигуры. Они обращены друг к другу и, вероятно, изображены в танце. На поясе каждой фигуры угадываются такие же повязки, как и у лучников.

Левее расположены еще две подобные танцующие пары, но худшей сохранности. Крайняя пара почти полностью уничтожена эрозией и читается только при использовании градиентных процедурных карт.

Две пары танцующих «близнецов», расположенные слева от фальшивой пробки, композиционно уравновешены справа пятью птицеобразными фигурами, сидящими в ряд друг за другом. Эта часть композиции сохранилась хуже, высота рельефа меньше, а первичная поверхность подверглась большей эрозии. Тем не менее, у данных фигур читаются характерные для птиц лапы с суставом, изгибающимся назад, и пальцами, направленными в противоположные стороны. Толщина ног у них заметно меньше, чем у антропоморфных фигур композиции (рис. 5).

Аналогии подобным изображениям птиц на дольменах нам пока не известны.

У изображений на дольмене в группе Капибге-1 есть ряд стилистических и композиционных признаков, по которым можно судить о датировке и культурной атрибуции изображений.

На возможность датировки изображений временем строительства или использования дольмена указывает, в первую очередь, присутствие стилистически и композиционно аналогичных изображений животных и антропоморфных фигур на блоках стен двора дольмена в Джубге. Возможно, центральным элементом композиции на фасаде дольмена DK155 являются фигуры оленихи с детенышем, расположенные в центре и выше всех остальных (рис. 5). На петроглифах двора дольмена в Джубге также видно, что наиболее крупной, тщательно проработанной и, возможно, центральной фигурой является олень [3, с. 116]. Можно предположить, что на дольмене DK155 изображена сцена космической охоты на копытных, сюжета, широко распространенного с глубокой древности на всей территории Евразии[1].

Сцены охоты лучника на оленей известны на территориях Дагестана и Южного Закавказья. Многочисленные изображения благородного оленя встречаются среди петроглифов Гобустана, датированных энеолитом (VI–IV тыс. до н.э.) и бронзовым веком (IV–III тыс. до н.э.) [13]. А.Т. Салимова связывает эти сюжеты с богиней-матерью – оленихой, имеющей солярный характер [14, с. 376]. Изображения лучников, охотящихся на солярных оленей, часто встречаются среди петроглифов Дагестана, Чечни [15, p. 151–194] и Азербайджана [16, p. 178–209]. Тема охоты лучников на оленихи с олененком присутствует на кавказских бронзовых поясах [17].

К эпохе ранней бронзы относится изображение оленя у мирового дерева на гагатовой цилиндрической печати из погребения майкопской культуры у села Красногвардейское, свидетельствующее о связях майкопской культуры с Северной Месопотамией [18, с. 247, рис. 3, *1*].

1. *Березкин Ю.Е. Дувакин Е.Н.* Мотив B42. Космическая охота. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: http://www.ruthenia.ru/ folklore/ berezkin/114-52.htm [дата обращения: 14. 07. 2023].

А.А. Иессен отмечал, что в древних культурах Кавказа изображение оленя является одним из преобладающих, если не наиболее часто и постоянно встречающихся элементов [19, с. 16].

Еще одним ярким маркерным элементом рассматриваемой композиции являются расположенные под оленями фигуры танцующих «близнецов». Ближайшие аналоги этому сюжету можно встретить на дольменных памятниках Кавказа. Сюда можно отнести уже упомянутые петроглифы на блоках дворика дольмена в Джубге, где встречаются как парные, так и одиночные фигуры в аналогичных позах – одна рука у всех изображений согнута в локте и опущена к поясу, а в некоторых случаях, установлена на пояс, другая вытянута вперед или поднята вверх [3, с. 116–118, рис. 4].

Похожие танцующие фигуры изображены и на плите дольмена Шизе IV. На ней центральная антропоморфная фигура изображена в той же позе, что и на дольмене Джубга, а две фигуры по бокам держат обе руки на поясе [4, с. 296].

Следует отметить, что сюжет танцующих «близнецов» встречается не только на дольменах, но и на других памятниках Кавказа и сопредельных территорий, датируемых эпохой бронзы. Как и в случае с рассмотренным выше сюжетом охоты на оленей, очень близкие аналогии петроглифам, изображающих танцующих «близнецов», имеются в Южном Закавказье. Они встречаются в Гобустане (Азербайджан), Гегамских горах (Армения), Сонгуне, Заррине и Асо (Иран) [20, p. 87, fig. 13]. Сцены с повторяющимися сюжетами и позами фигур отражают процесс культурной диффузии в доисторические времена на пересечении Анатолии, Кавказа, Загроса и центрального плато Ирана [21, p. 205–206].

Близкие параллели по стилю и барельефной технике исполнения были найдены на антропоморфных стелах из Ак Чокрак и Верхоречья (п-ов Крым) [22, p. 82–83, fig. 1, 2, 10], где позы танцующих персонажей точно повторяют изображения на дольмене группы Капибге-1, что указывает на несомненное родство изображаемого мифологического сюжета.

Барельефная техника изображений особенно характерна для памятников дольменной культуры, расположенных на Черноморском побережье Кавказа [23]. Из объектов, расположенных на территории Большого Сочи, к ним относится барельефная календарная композиция на фасаде дольмена в урочище Черноморка, выпуклый несимметричный крест на перекрытии дольмена в окрестностях п. Татьяновка. На девяти памятниках Черноморского побережья имеются барельефные изображения парных полусфер. На передней стене шести памятников входное отверстие обрамляет дополнительное барельефное изображение фасада дольмена [6, с. 137–139].

В этот же ряд можно поставить фигурные фальшивые шляпки пробок, выполненные концентрическими уступами на дольменах бассейна р. Неожиданной и Аше. Более того, оформление фасадов корытообразных сооружений – не что иное, как барельефное изображение классической плиточной конструкции. Другими словами, изображения в барельефной технике на дольмене DK155 вполне могли быть выполнены непосредственно его строителями.

Если исходить из результатов радиоуглеродного датирования дольмена в Джубге [3, с. 159], а также стилистической и композиционной близости изображений на нем с изображениями на дольмене DK155 в группе Капибге-1, то последние можно датировать второй половиной III тыс. до н.э.

Заключение

Сравнительный анализ зооморфных и антропоморфных изображений на фасаде дольмена DK155 группы Капибге-1 показал, что только часть из них находит стилистические, композиционные и, возможно, сюжетные аналогии с другими изображениями на дольменах Кавказа. Состав и композиция изображений на дольмене DK155 остается уникальной. Впервые в репертуаре изображений на кавказских дольменах появились птицеобразные существа. Их сюжетная связь с изображениями других животных и людей пока неясна. В целом, открытие петроглифов на дольмене в окрестностях Большого Сочи является существенным вкладом в современные представления о разнообразии изобразительного искусства дольменной культуры эпохи бронзы.

Открытие петроглифов на дольмене в группе Капибге-1 указывает на перспективность применения использованной методики фотограмметрии с последующей 3D-обработкой для систематического изучения поверхностей дольменов с целью выявления плохо сохранившихся изображений, в том числе, на уже известных мегалитических памятниках Западного Кавказа.

Для сохранения уникального дольмена от возможного разрушения необходимо его внесение в реестр памятников археологического историко-культурного наследия Краснодарского края.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ СНЦ РАН FGRW-2024-0002, № госрегистрации 124022000096-2

Acknowledgments. The study was funded by the state assignment research of FRC SSC RAS FGRW-2024-0002, project No. 124022000096-2

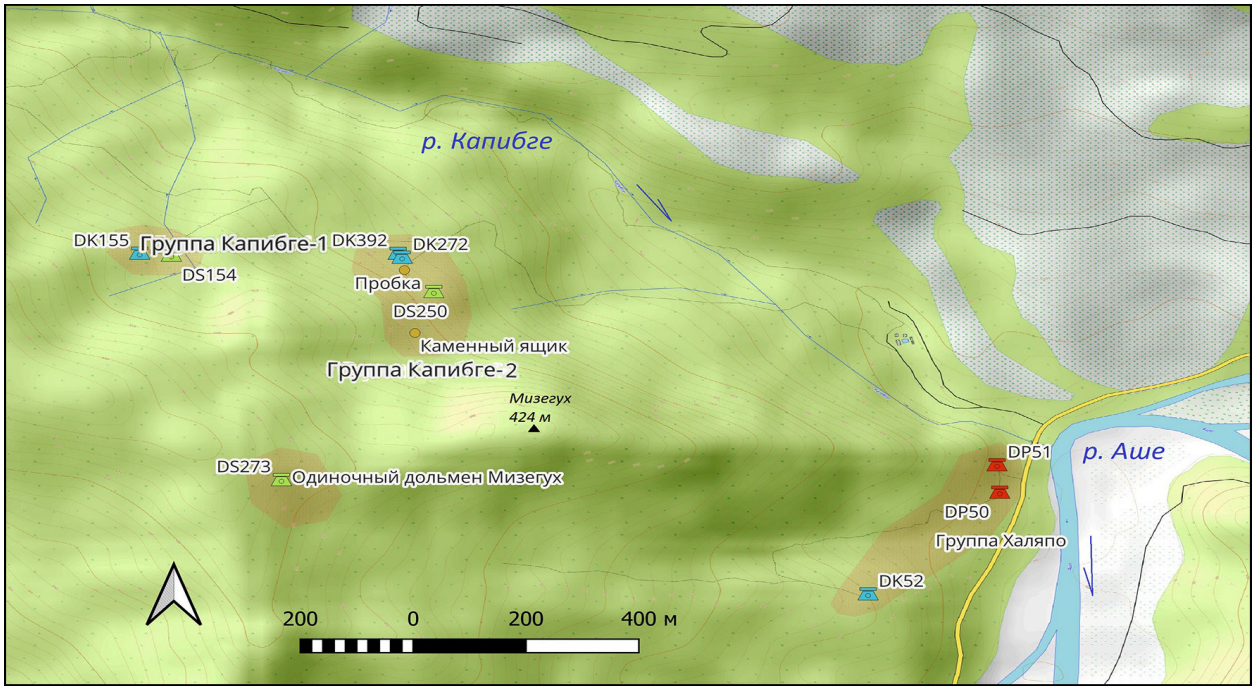


Рис. 1. Карта дольменных групп в северо-восточной части хребта Мизегух

Fig. 1. Map of dolmen groups in the northeastern part of the Mizegukh range

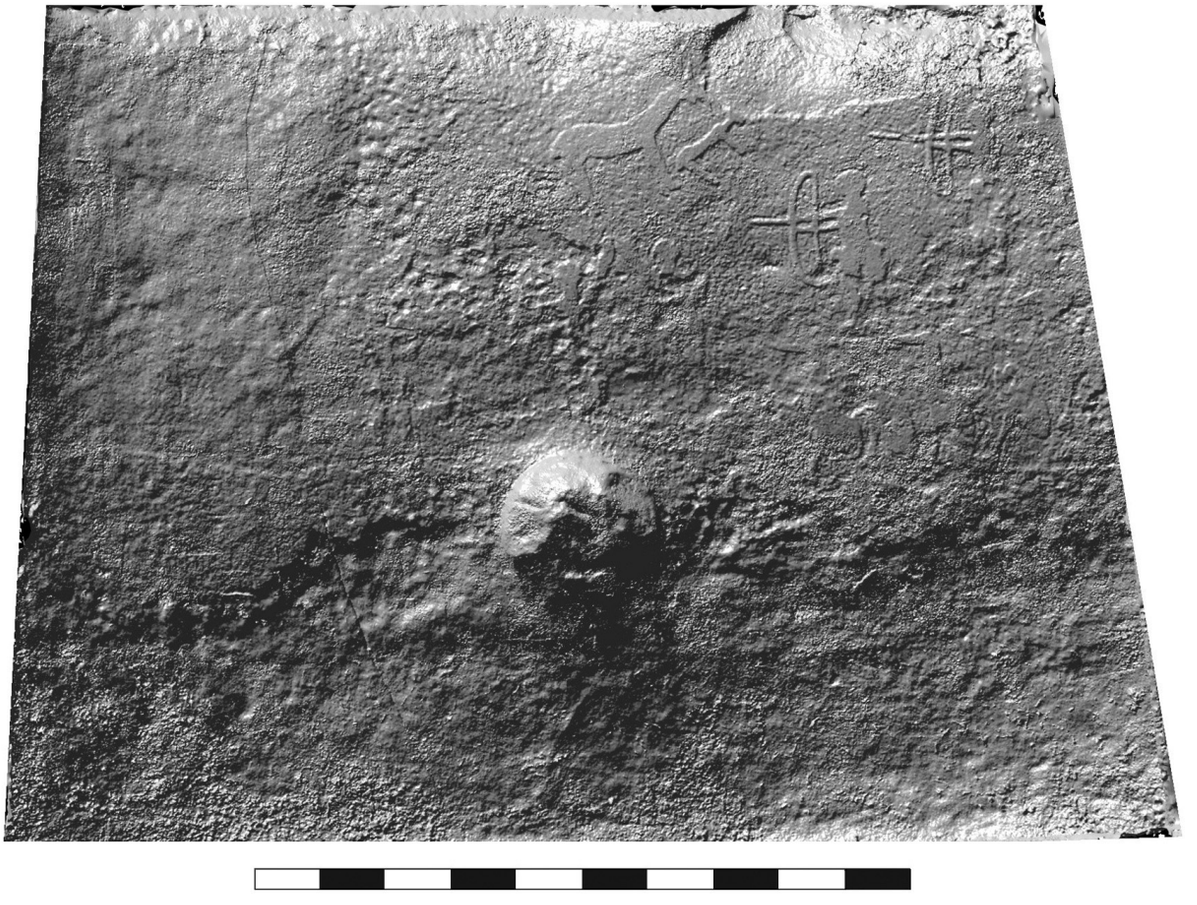


Рис. 2. Фрагмент фасада ложнопортального корытообразного дольмена DK155 дольменной группы Капибге-1

Fig. 2. Fragment of the facade of the false portal trough-shaped dolmen DK155 of the Kapibge-1 dolmen group

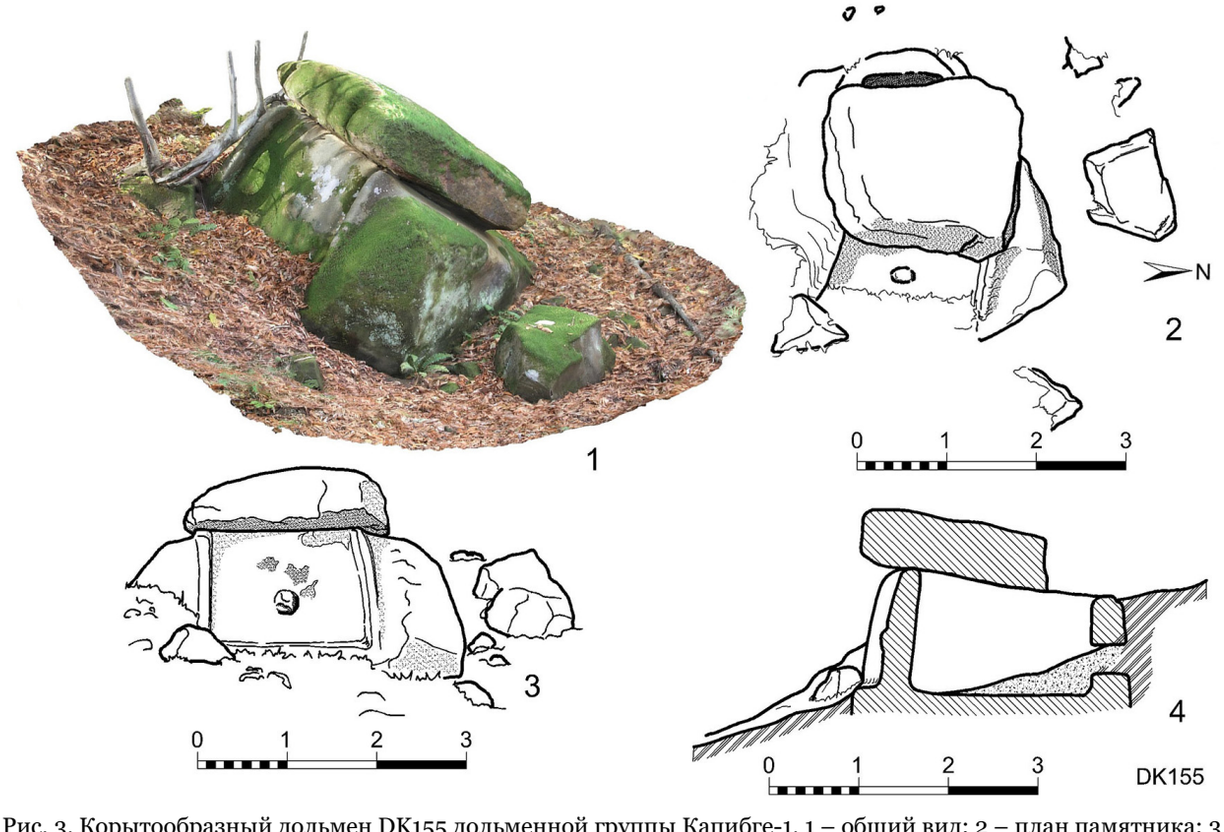


Рис. 3. Корытообразный дольмен DK155 дольменной группы Капибге-1. 1 – общий вид; 2 – план памятника; 3 – фасадная проекция (выровнена согласно первоначальному положению); 4 – продольный разрез

Fig. 3. Trough-shaped dolmen DK155 of the Kapibge-1 dolmen group. 1 – general view; 2 – plan of the monument; 3 – facade projection (aligned according to the original position); 4 – longitudinal section

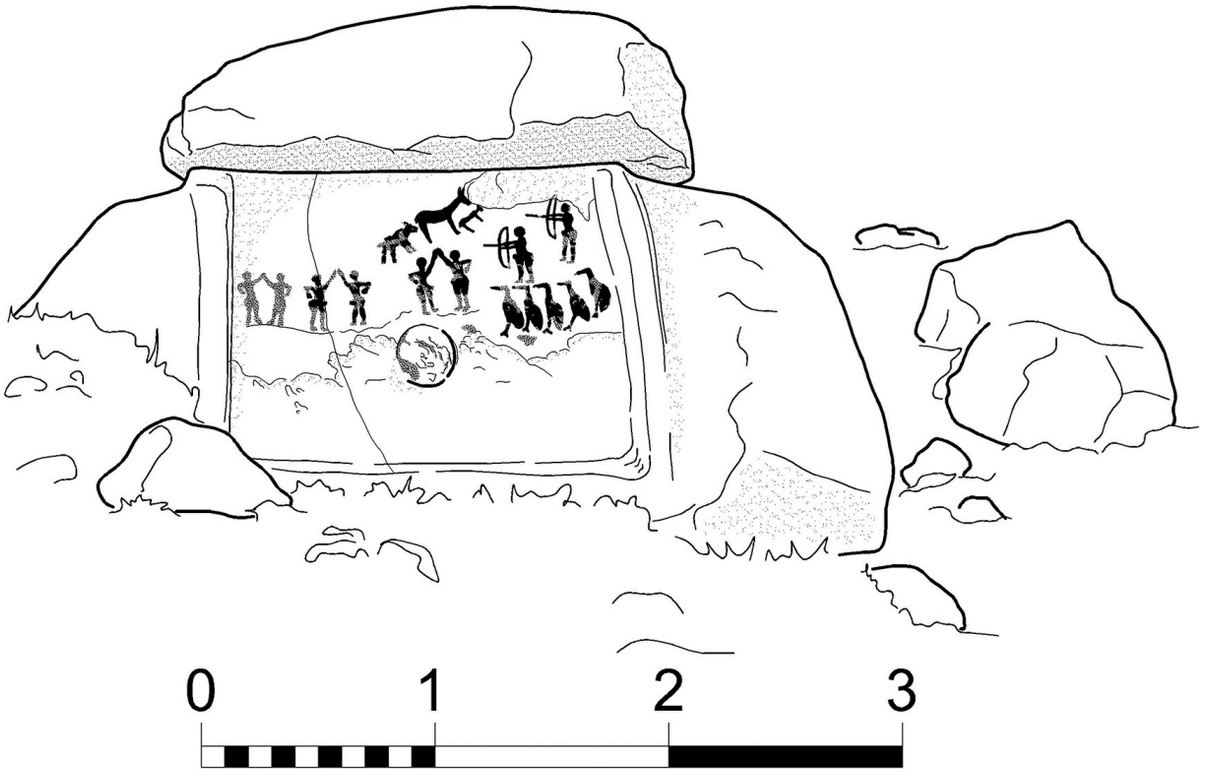


Рис. 4. Фасад дольмена DK155 с барельефной композицией

Fig. 4. The facade of the DK155 dolmen with a bas-relief composition

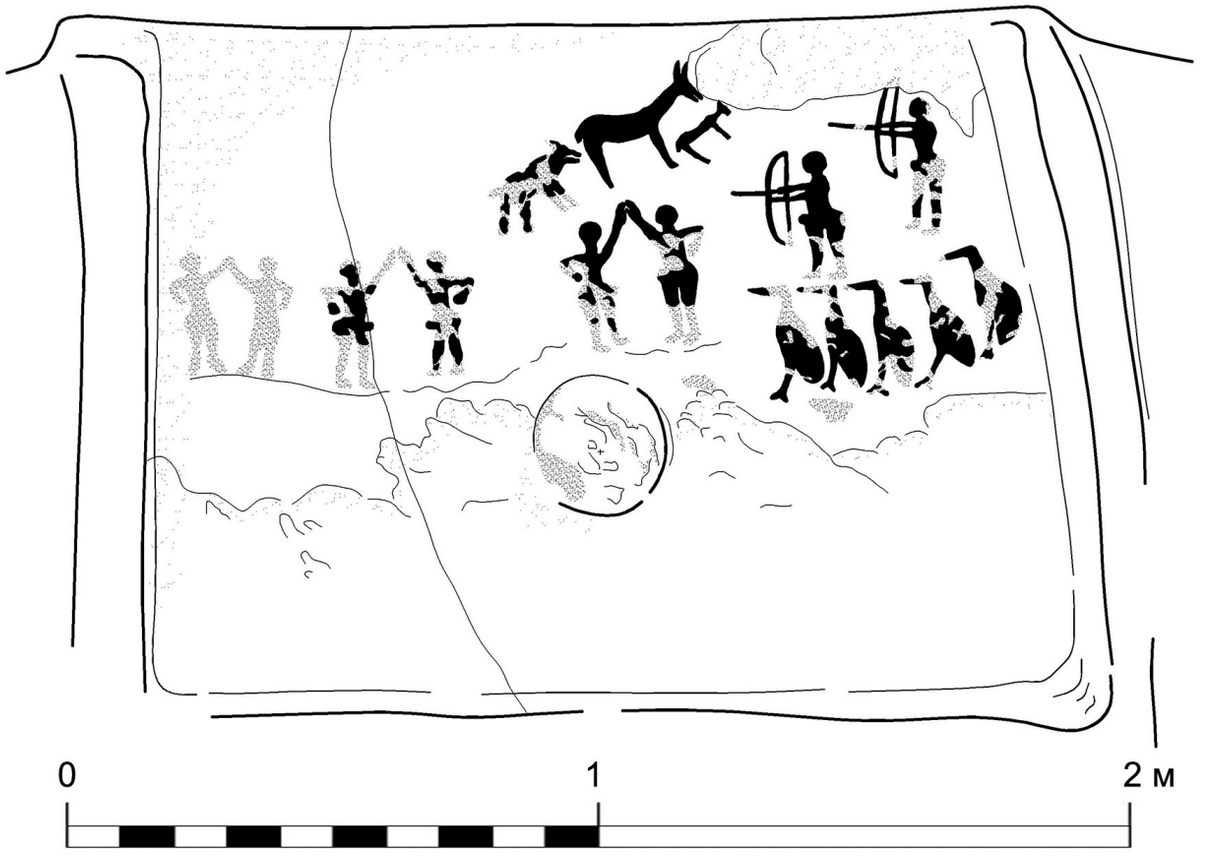


Рис.5. Барельефная композиция на главном фасаде дольмена DK155.
Точечной штриховкой показаны участки, практически уничтоженные эрозией

Fig.5. Bas-relief composition on the main facade of the dolmen DK155.
Dotted shading shows areas almost destroyed by erosion

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Глазов К.А.* Количественное и типологическое распределение дольменов на территории Большого Сочи // Известия Субтропического научного центра РАН. № 2. 2023. С. 38–49.

2. *Глазов К.А., Кудин М.И.* Петроглифы на дольмене группы Капибге-1 дольменного макроансамбля Мизегух (предварительное сообщение) // Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций: Материалы научно-практической конференции XI Анфимовские чтения, Анапа, 25–28 сентября 2023 г. Сборник статей / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар – М.: Традиция; Центр палеоэтнологических исследований, 2023. С. 9–14.

3. *Трифонов В.А.* Дольмен Джубга на Черноморском побережье Кавказа // Записки Института истории материальной культуры. № 10. 2014. С. 104–131.

4. *Гей А.Н.* Исследования дольменных памятников Западного Кавказа в 2005-2007 гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 294–298.

5. *Черкасов А.Н.* Исследование мегалитических памятников Грузинка-XI и Шизе-VI в долине р. Абин // Материалы Пятой Кубанской археологической конференции (Отв. ред. И.И. Марченко). Краснодар, 2009. 475 с.

6. *Кудин М.И.* Орнаментация дольменов. Основные мотивы и новые находки // Древности Кубани. Вып. 25. (редкол.: С.Б. Вальчак и др.) Краснодарский гос. историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицина. Краснодар: Кубаньпроектресурс. 2022. С. 129–171.

7. *Ловпаче Н.Г.* Петроглифы Лоупской плиты // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. Вып. 23 (47). Майкоп: АРИГИ. 2020. С. 101–106.

8. *Глазов К.А.* Применение GIS-технологий и фотограмметрии в исследовании дольменов на примере макрогруппы Мизегух // Дольмены Западного Кавказа: новые и традиционные подходы к изучению. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Майкоп, 17 октября 2023 г.) (Ред.-сост. Голубев Л.Э.) Майкоп: ИП Магарин О.Г., 2023. С. 104-112.

9. *Дэвлет М.А.* О методике полевого изучения наскальных изображений // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 202. 1990. С. 83–89.

10. *Лихачев В.А.* Документирование петроглифов Канозера: от контактных методик к фотограмметрии. // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2021. С. 145–164.

11. *Глазов К.А., Кудин М.И., Марков Д.Н.* Северо-восточная и восточная часть дольменного макроансамбля хребта Мизегух // Вопросы археологии Адыгеи. Сборник научных трудов. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2023. С. 67–87.

12. *Трифонов В.А., Шишлина Н.И., Лобода А.Ю., Хвостиков В.А.* Крюк с изображением сцены кулачного поединка из дольмена Майкопской культуры, станица Царская, Северо-Западный Кавказ // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 251. 2018. С. 25–42.

REFERENCES

1. Glazov KA. Quantitative and typological distribution of dolmens on the territory of Greater Sochi. *News of the Subtropical Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2023; 2: 38-49. (In Russ)

2. Glazov KA., Kudin MI. Petroglyphs on the dolmen of the Kapibge-1 group of the Mizegukh dolmen macroensemble (preliminary report). *Western Caucasus in the context of contacts of cultures, peoples and civilizations: proceedings of the scientific and practical conference XI Anfimov Readings, Anapa, September 25-28, 2023. Collection of articles. Raev B.A. (ed.)*. Krasnodar – Moscow: Traditsii; Center for Paleoethological Research, 2023:9-14. (In Russ)

3. Trifonov VA. Dolmen Dzhubga on the Black Sea coast of the Caucasus. *Notes of the Institute of the History of Material Culture*. 2014, 10: 104-131. (In Russ)

4. Gey AN. Research of dolmen monuments of the Western Caucasus in 2005–2007. *Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal*. Vol. I. Moscow: IA RAS, 2008: 294-298. (In Russ)

5. Cherkasov AN. Study of the megalithic monuments Gruzinka-XI and Shize-VI in the valley of the river Abin. *Proceedings of the Fifth Kuban Archaeological Conference. Ed. Marchenko I.I.* Krasnodar, 2009. (In Russ)

6. Kudin MI. Dolmen ornamentation. Main motives and new finds. *Antiquities of Kuban. Vol. 25. Ed. Valchak S.B.* Krasnodar: Kubanproektresurs, 2022: 129-171. (In Russ)

7. Lovpache NG. Petroglyphs of the Loup plate. *Vestnik of the Adygea Republic Institute for Humanitarian Research named after T.M. Kerashev*. Maykop: ARIGA. 2020, 23(47): 101-106. (In Russ)

8. Glazov KA. Application of GIS technologies and photogrammetry in the study of dolmens using the example of the Mizegukh macrogroup. *Dolmens of the Western Caucasus: new and traditional approaches to study. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Maykop, October 17, 2023). Ed. Golubev L.E.* Maykop: IP Magarin O.G, 2023: 104-112. (In Russ)

9. Devlet M.A. On the methodology of field study of rock carvings. *Brief communications of the Institute of Archeology*. Moscow: Nauka. 1990, 202: 83-89. (In Russ)

10. Likhachev VA. Documentation of Kanozero petroglyphs: from contact techniques to photogrammetry. *Problems of history, philology, culture*. 2021, 2: 145-164. (In Russ)

11. Glazov KA., Kudin MI., Markov DN. The northeastern and eastern part of the dolmen macroensemble of the Mizegukh ridge. *Questions of archeology of Adygea. Collection of scientific papers*. Maykop: Magarin O.G., 2023: 67-87. (In Russ)

12. Trifonov VA., Shishlina NI., Loboda AYu., Khvostikov VA. Hook depicting a scene of a fist fight from a dolmen of the Maikop culture, Tsarskaya village, North-Western Caucasus. *Brief communications of the Institute of Archeology*. 2018, 251: 25-42. (In Russ)

13. Farajova M. Reconstruction of the archaeological landscape of the western shore of the Caspian Sea at the end of the Upper Pleistocene and Holocene. *Art of the Orient*. 2018, 7: 63-82. (In Russ)

13. Farajova M. Reconstruction of the archaeological landscape of the western shore of the Caspian Sea at the end of the Upper Pleistocene and Holocene // Art of the Orient. Vol. 7. 2018: 63–82.

14. *Салимова А.Т.* Архетипы коня и оленя в культуре Азербайджана // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2020. Т. XV. С. 371–380.

15. *Petherbridge G., Ismailov A.M., Gadzhiev A.A., Rabadanov M.R., Abdulaev A.M., Murtuzalieva M.M., Saipov D.M., Isaev S. M., Daudova M.G.* The Solar Stag of the Chamalals and Tindals and other masonry petroglyphs in the upper Andiiskoe Koisu region of Dagestan and their relationships to similar phenomena in the mountain communities of the Caucasus: Socio-ecological and historical perspectives // South of Russia: ecology, development. Vol. 17. № 2. 2022. Pp. 150–209.

16. *Rzayeva S.* The Symbol of Deer in the Ancient and Early Medieval Cultures of Azerbaijan // Peregrinations. Journal of Medieval Art & Architecture. Vol. 3. Iss. 2. 2011. Pp. 178–209.

17. *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: Наука, 1977. – 240 с.

18. *Нехаев А.А.* Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское // Советская археология. 1986. № 1. С. 244–247.

19. *Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии (Значение древних памятников Республики) // МИА. № 3. Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. 1941. С. 7–50.

20. *Ghorbani H. Sadeghi S.* The Newfound Petroglyphs at Aso, Birjand, Eastern Iran // Iranian Journal of Archaeological Studies. № 8. 2018. Pp. 79–92.

21. Rafifar J. Some indications of shamanism in Arasbaran rock carvings // Documenta Praehistorica XXXIV. 14 Neolithic studies. Ljubjana, 2007: 203-213.

22. *Trifonov V.* Representation, par similitude, de l,art megalithigui dans le Caucase occidental, en Crimee et en Europe occidentale // Statues-menhirs et pierres levees du Neolithigue a aujourd,hui. Actes du 3e collogue international sur la statuaire megalithegue, Saint-Pons-de-Thomieres, du 12 au 16 septembre 2012. Saint-Pons-de-Thomières: Imprimerie Maraval. 2015. Pp. 81–88.

23. *Кизилов А.С.* Барельефная орнаментация плит дольменов – древнейшее монументальное искусство Кавказа. Анализ локализации и технологий изготовления // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. № 15 (39). 2018. С. 74–83.

Поступила в редакцию 28.02.2024 г.
Принята в печать 17.04.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

14. Salimova AT. Archetypes of the horse and deer in the culture of Azerbaijan. *Balandinsky readings: a collection of articles of scientific readings in memory of S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts*. 2020, 15: 371-380. (In Russ)

15. Petherbridge G., Ismailov AM., Gadzhiev AA., Rabadanov MR., Abdulaev AM., Murtuzalieva MM., Saipov DM., Isaev SM., Daudova MG. The Solar Stag of the Chamalals and Tindals and other masonry petroglyphs in the upper Andiiskoe Koisu region of Dagestan and their relationships to similar phenomena in the mountain communities of the Caucasus: Socio-ecological and historical perspectives. *South of Russia: ecology, development*. 2022, 17(2): 150-209.

16. Rzayeva S. The Symbol of Deer in the Ancient and Early Medieval Cultures of Azerbaijan. *Peregrinations. Journal of Medieval Art & Architecture*. 2011, 3(2): 178-209.

17. Tekhov BV. *Central Caucasus in the 16th – 10th centuries BC*. Moscow: Nauka, 1977. (In Russ)

18. Nekhaev AA. Burial of the Maikop culture from a mound near the village of Krasnogvardeyskoye. *Sovetskaya Arheologiya*. 1986, 1: 244-247. (In Russ)

19. Yessen AA. Archaeological monuments of Kabardino-Balkaria (The significance of the ancient monuments of the Republic). *MIA. Materials on the archeology of Kabardino-Balkaria*. 1941, 3: 7-50. (In Russ)

20. Ghorbani H. Sadeghi S. The Newfound Petroglyphs at Aso, Birjand, Eastern Iran. *Iranian Journal of Archaeological Studies*. 2018, 8: 79-92.

21. Rafifar J. Some indications of shamanism in Arasbaran rock carvings. *Documenta Praehistorica XXXIV. 14. Neolithic studies*, 2007: 203-213.

22. Trifonov V. Representation, par similitude, de l'art megalithigui dans le Caucase occidental, en Crimee et en Europe occidentale. *Statues-menhirs et pierres levees du Neolithigue a aujourd'hui. Actes du 3e collogue international sur la statuaire megalithegue, Saint-Pons-de-Thomières, du 12 au 16 September 2012*. Saint-Pons-de-Thomières: Imprimerie Maraval. 2015: 81-88.

23. Kizilov AS. Bas-relief ornamentation of dolmen slabs is the oldest monumental art of the Caucasus. Analysis of localization and manufacturing technologies. *Bulletin of science of the Adyghe Republic Institute of Humanitarian Research named after T.M. Kerashev*. 2018, 15(39): 74-83. (In Russ)

Received 28.02.2024
Accepted 17.04.2024
Published 15.06.2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202354-366

CC BY

Research paper

Hasmik H. Hmayakyan
PhD, Associate Professor, Senior Researcher
Institute of Oriental Studies
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia
hhmayakyan@yahoo.com

Monika H. Mirzoyan
Senior Laboratory Assistant
Institute of Oriental Studies,
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia
monika.mirzoya7@gmail.com

ON THE ICONOGRAPHY OF LIONS AND LEOPARDS ON THE GOBLET OF KARASHAMB

Abstract. The Goblet of Karashamb (c. 22nd-21st centuries BC, stored in the History Museum of Armenia, HMA 3183-206) is considered one of the most renowned archaeological artifacts in Armenia. The iconographic features of the goblet have already been discussed by researchers. Various opinions, parallels, and comparisons mentioned by them highlight that the Goblet of Karashamb synthesizes the iconography and jewelry styles distinctive to Mesopotamia, Asia Minor, and the South Caucasus. While concurring with this assessment, this study focuses specifically on the depictions of lions and leopards on the goblet, exploring potential parallels in Asia Minor culture. For the first time, these depictions are examined within the context of preserved Hittite sources, correlating their role with the attributes and proceedings of the Hittite KI.LAM festival (the "Festival of the Gate") of Hattian origin. Certain aspects of the Goblet of Karashamb's iconography suggest connections to early Hittite or pre-Hittite periods. The iconography of lions and leopards represents an ancient tradition in Asia Minor, exemplified by the Lion Gate of Hattusa. A notable instance of royal association with these animals appears in the Annals of Ḫattušilis I (c. 1650-1620 BCE), one of the earliest Hittite kings. The analyzed attributes of the KI.LAM festival, contextualized within the goblet's iconography, have ancient Hattian roots and likely trace back to the early Hittite period. This interpretation is further supported by Anitta's text (c. 1790-1750 BCE) from the early Hittite period, which scholars have compared to the KI.LAM festival description. Notably, the animals captured during the royal hunt in this text correspond to those depicted on the Goblet of Karashamb.

Keywords: Goblet of Karashamb, iconography, lions, leopards, Hittites, KI.LAM festival, Hattian

For citation: H.H. Hmayakyan, M.H. Mirzoyan. On the iconography of lions and leopards on the Goblet of Karashamb. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 354-366 doi.org/10.32653/CH202354-366

© H.H. Hmayakyan, M.H. Mirzoyan, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202354-366

Исследовательская статья

Амаякян Асмик Арутюновна
к.и.н, доцент, старший научный сотрудник
Институт востоковедения
Национальная академия наук Армении, Ереван, Армения
hhmayakyan@yahoo.com

Мирзоян Моника Овиковна
старший лаборант
Институт востоковедения
Национальная академия наук Армении, Ереван, Армения
monika.mirzoyan7@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ИКОНОГРАФИИ ЛЬВОВ И ЛЕОПАРДОВ НА КУБКЕ ИЗ КАРАШАМБА

Аннотация. Кубок из Карашамба (XXII–XXI вв. до н.э.) – один из самых значимых археологических артефактов, найденных в Армении. Иконографические особенности кубка затрагивались также другими исследователями, и приведенные параллели, сравнения и высказанные ими мнения позволяют нам утверждать, что кубок из Карашамба является синтезом иконографии и ювелирных стилей, присущих Месопотамии, Малой Азии, а также Южному Кавказу. Полностью соглашаясь с их точкой зрения, мы рассматриваем изображения львов и леопардов на карашамбском кубке, указывая на их возможные параллели в культурах Малой Азии, впервые анализируя их в контексте материалов, сохранившихся в хеттских источниках, а также делая некоторые сопоставления их изображений с ходом и атрибутами хеттского праздника KI.LAM – «Праздника ворот», имеющего хеттское происхождение. Некоторые аспекты, относящиеся к кубку из Карашамба восходят к ранне- и дохеттскому периодам. Иконография львов и леопардов – древняя традиция Малой Азии (напр. Львиные ворота Хаттусы), а самым ярким примером сравнения царя со львами и леопардами является Летопись Хаттусили I (ок. 1650–1620 гг. до н.э.), одного из первых хеттских царей. Атрибутика хеттского праздника KI.LAM, которую мы рассмотрели в контексте иконографии кубка, имеет древние хаттские корни и, вероятно, также восходит к раннехеттским временам. То же самое верно для текста царя Анниты (ок. 1790–1750 гг. до н.э.), относящегося к древнехеттскому периоду, который ученые сравнивают с описанием праздника KI.LAM, в ходе которого царские охотники вылавливали животных, сопоставимых с изображениями на кубке из Карашамба.

Ключевые слова: кубок из Карашамба; иконография; львы; леопарды; хетты; праздник KI.LAM; хеттский

Для цитирования: Амаякян А.А., Мирзоян М.О. К вопросу об иконографии львов и леопардов на кубке из Карашамба // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 354-366 doi.org/10.32653/CH202354-366

© Амаякян А.А., Мирзоян М.О., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

The iconography of leopards and lions was widespread in the ancient world, with particularly deep-rooted traditions in the Armenian Highlands. These animals feature prominently in archaeological artifacts from various epochs and in rock art throughout the region. In rock paintings of Armenia, leopards are often depicted masked and adorned, surrounded by hunters wielding large bows and arrows or surrounded by other animals [1, p. 22]. Notably, these representations display remarkable accuracy in the animals' proportions, with leopard tails depicted as longer than half the body length [1, p. 43]. Lion imagery is also abundant in Armenian rock carvings, predominantly featured in hunting scenes [1, p. 34].

Depictions of various figures on bronze belts wearing lion masks as well as other arcaheological objects found from Armenia are also noteworthy [2, p. 166, 42b].

Figurines of lions have been found from a late bronze burial No. 17 in Shirakavan [3, p. 40], a sculpture from Oshakan (c. 17-16 BC) [4, p. 117] (Fig. 1), a gold goblet dating to c. 17-16 BC from Vanadzor with a row of three pairs of lions [4, p. 109] (Fig. 2). An illustration of a winged-lion on a sheath was excavated from Lori Berd [5, p. 169–176] (Fig. 3).

The Goblet of Karashamb (Fig. 4) features depictions of lions and leopards, which will be the focus of exploration in this article.

The iconography showing leopards and lions has been an ancient tradition in Asia Minor starting from the neolithic times [6, p. 82], evidenced by a depiction of a pair of lions/leopards near a sitting goddess of Çatal Höyük [7, p. 54, Plate XII, Figs. 7, 8], images of leopards facing each other [8, Plate 2/a-c; 9, p. 141–142]. Illustrations of leopard furs from the neolithic period are also of interest [10, p. 4]. There was a customary tradition of sacrificing various animals in Hatti, including leopards [11, p. 9], which also is characteristic for Armenia's culture: leopard and lion furs have been found from various burials across Armenia, particularly one found on the floor of Nerkin Naver royal tomb No.1 [12, p. 47].

The images of lions were far more numerous in the Hittite culture. While having no intention to cover them all, we would like just to mention that according to the Hittite beliefs the gods endow kings with mystical abilities and strength: "His body was made of pewter, with eyes of an eagle, his teeth of a lion" [13, p. 33; 14, p. 553–554]. The kings were associating themselves with lions, even with their actions. A remarkable example is the Hittite king Hattušili I who writes in his annals that he overthrew Hassuwa like "a lion with its paws" [15, p. 44]. As Hoffner justly states, the lions were inseparable part of the Hittite royal ideology [16, p. 297]. In some Hittite texts the lions are called *šiunnaš ḫuitar* ("animals of the gods"), only Ḫattušili I calls himself a lion [17, p. 131]. And this has its reasons as this king still paid a great tribute to Hattian traditions [18, p. 19] and faced a challenge of consolidating his power.

The Hittite beliefs associated lions not only with kings but also with some gods. It should be emphasized that they were associated but not depicted as lions, with the exception of "dagger god" [19, p. 210] carved among the rock reliefs at Yazılıkaya. Among different views expressed, Gurny believes that the dagger god symbolizes "Nergal, the god of war and of the nether world" [20, p. 168; 21, p. 238]. Collins also points out to another god which is described as Waššezzili [18, p. 19–20].

As mentioned, lions and leopards were associated with king and his power, and this symbolism denoted the elite, who compared themselves with powerful predators of nature, and this was the way how kings accentuated their military power [15, p. 43].

In this article, we are particularly interested in the inter-connection of leopard and lion

and their link with the king and royal power that appear in a number of the Hittite rituals, which can be seen in the iconography of the Goblet of Karashamb excavated in Armenia.

For instance, the Hittite written sources preserve descriptions of the rite linked with the construction of the New Palace. The first of these describes the one performed on top of the mountain prior to the king's settlement in the new palace. The rite was accompanied by the following expressions: "Come you eagle. Go! My one charm has died out. Go to the funeral pyres and bring a pottery vessel. In the pottery vessel intertwine a lion's *sisai* – and a leopard's *šišai* – and hold them. Unite them and make them one and take them to the heart of the man. (Thus) let the soul of the king with his heart be united" [18, p. 18]. Here the lion and the leopard clearly symbolize king's heart and soul. Medicine made from animal hair, blood and excrement for a particular disease or phenomenon were common in the Hittite society. For example, medicine made from lion or horse hair were believed to be able to cure fever. Another medical recipe includes a medicine made from the blood of several animals such as lion, dog and wolf and others [22, p. 68].

Other undated group of Old Kingdom texts, called the Benedictions of Labarna, according to Collins, shows significant commonalities with the above rite in this part: "Take that of the lion. Take that of the leopard. Bring [...]. What Labarna, the king, desires with respect to his soul (and) [h]is [heart], let those (things) be brought to him. [And wha]t Tawananna, the queen desires with respect to her soul (and) her heart, let [those] (things) be brought to her" [18, p. 19; 23, p. 46] Here, too, the connection of the lion and the leopard with the king's soul and heart can be noticed.

As mentioned, lions and leopards are depicted together on the Goblet of Karashamb (c. 22-21 BC), which is considered one of the most remarkable Armenian archaeological finds, discovered in autumn of 1987 by Vahan Hovhannisyan, a researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography of Academy of Sciences of Armenia. He made the first extensive study on the goblet addressing its iconography peculiarities, its possible ancient Eastern and ancient Indo-European parallels, analysis of composition and scenery, mythological context. He then concludes that it is a "local produce, typical of the Armenian Highlands and Asia Minor culture region" [24, p. 161]. It should be noted that Vahan Hovhannisyan views the iconography of the goblet as the iconography of an ancient Indo-European mythological narrative related to the Indo-European myth of boar hunting, which has its parallels in the myths of a number of peoples [24, p. 156-160], and this viewpoint has been also accepted and discussed by other researchers [25, p. 55; 26, p. 132]. Boehmer and Kossack, who addressed in details the iconographic features of the goblet, noticed the influence of Mesopotamian and, in some respects, of the Hittite iconography [27]. As a result of the different points of view expressed, the parallels and comparisons drawn allow us to observe the synthesis of the stylistic features of Mesopotamian. An evident Sumerian influence on the goblet iconography is out of question: we can see among other details a depiction of Sumero-Accadian bird-god Anzû on the third frieze standing en face [28, p. 92] and Asia Minor iconography and the jewelry designs of the Caucasus region in the iconography of the Goblet of Karashamb [28, p. 92].

Turning to the depictions of lions and leopards on the goblet, it should be noted that the latter not only have common iconography with that of Asia Minor culture, which the above-mentioned researchers[1] have referred to, but also, in our opinion, ideologically, relat-

1. Hovhannesyan V. has compared the iconograpy of lions and leopards on the Goblest of Karashamb with those found in Çatal Höyük, Hacilar, which is justified in our opinion

ed to the royal power. Their depictions appear on the first frieze of this six-frieze decorated goblet, the main scene of which is a boar-hunt. In it, a hunter kneeling on his right leg shoots an arrow that hit the boar's body, a lion is depicted in front of the wounded boar, a leopard behind it, while a dog on a leash stands behind the hunter.

The third frieze shows a lion tearing apart a goat; in the fourth frieze, four lions and five leopards march leftward, while the sixth frieze of the goblet demonstrates a single lion and pairs of lions as well as leopards behind him (Fig. 5).

We assume that the simultaneous appearance of leopards and lions in the the Goblet of Karashamb iconography is not accidental, especially the depiction of a lion in a leopard's fur (Fig. 6), which seems simply repeating the idea of fusion of the two in the above-mentioned Hittite text. We should also notice that the third frieze of the goblet reveals the king himself, sitting on the throne, holding an ax, and a disk symbolizing the sun and power above his head, which again leads us to the Hittite perceptions and presents a royal symbolism, a reference to royal symbols in the Hittite world. Exploring the storyline as a single narrative we can see the themes of struggle, royal victory, where those securing the victory, the guards of heart and soul just as in the Hittite rite above appear to be lions and leopards, the symbols of the royal power.

As appears, the second frieze of the Goblet of Karashamb is a proof of the above formulations, where a lion tears apart a goat, a king on throne, with an axe on his hand and tropheys in front of him, enemy's decapitated heads with the scenes of enemy's disarmament and a strike against it displayed on the left and right sides (Fig. 7). It is also noteworthy that the iconographical narrative of the goblet starts with the boar hunting scene, where lions and leopards are placed next to the boar wounded by the king, while the sixth frieze similarly ends with their images.

In general, the royal hunt is an important iconographic theme being common across the ancient world and had both household and symbolic connotations. Interestingly, the animals present in the iconography of the Goblet of Karashamb appear in the earliest Hittite text attributed to King Anitta, one of the plots of which is the royal hunt, in which Anitta boasts: "On the first day I brought to my city Nesa two lions, seventy pigs, sixty wild boar, and 120 (other) wild animals, (among them) bears, leopards, lions, deer, gazelle and [wild goats]" [29, p. 250].

The researchers have drawn attention to the fact that almost all of same animals get involved in KI.LAM festival [29, p. 250].

According to our observations, the course, ritual features of the above-mentioned KI.LAM festival of Hattian origin [30, p. 748; 31, p. 42–43] performed by the Hittites resemble a number of iconographic and narrative attributes of the goblet to a great degree. This festival dedicated to fertility was probably celebrated during the springtime [32, p. 31]: it was a tour by the royal family through the capital of the Hittite kingdom.

Here we would like to describe the main features and attributes of the festival by separate points, regarding the latter in the context of the Goblet of Karashamb iconography.

The main features of the festival were as follows:

1. The use of many sculptures of wild animals, including a silver leopard, a golden lion, wild boars made of silver and lapis lazuli, and a silver bear [31, p. 42], wild ram/wild goat [33, p. 60–61], images of the latter, with the exception of bear, are also met on the Goblet of Karashamb.

2. The role played by the leopard during the festival. As mentioned, figures of various

animals were carried during this ritual, the first of which was the leopard, then as narrated by the description, the ritual dances were performed in front of the king, who was standing at the gates, while these ritual dances resembled the leopard dance. “They were spinning in place and dancing like a leopard, raising their hands and clapping their hands” [34, p. 29].

3. The role of spear and axe. When the whole procession would pass through the big gates with the animal figures, the chariot would approach the king, but before the king’s getting into it, “the son spearman of the court” would hand a ritually clean spear to the king, and the chief of the sons of the court would hand him what literally means “the iron spear-axe” showing a side with the image of the Thunder God [34, p. 30]. As it can be seen from the scenes of duels and fights on the Goblet of Karashamb, the spearmen win over the swordsmen, especially this is seen in the third frieze, which shows the victory culmination where the spearman defeats his rival (Fig. 8). Then there come the images of weapons and severed heads of the defeated, probably severed by the enthroned king himself with the same ax in his hand, as mentioned in the text, while the sun disc above his head symbolizes the royal power (Fig. 7).

4. According to the researchers, the KI.LAM festival structurally resembles the king’s coronation ceremony, during which the three ritual actions performed by him are similar to the king’s three sittings during the KI.LAM festival, which ends with a visit to the “fiefs” and taking oath from his subordinates [34, p. 39]. Also, officials from a number of towns get introduced to the king in front of their warehouses as a sign of symbolic loyalty to the king and the royal control over the state redistributive system [35, p. 113].

The theme of struggle and victory presented on the Goblet of Karashamb, in addition to the ritual content, to all probability is to assert the king’s hegemony over his subjects, who initially shown seated without the royal symbols while after the victory he is shown ascended the throne, this time with the symbolic heads and defeated enemies’ heads in front and the captured weapons in front of him with an ax in his hand. The symbolic sun above his head symbolizes his royal power. In this regard, it is interesting to mention that the researchers who have explored the objects with a good deal of iconography on them, i.e. depicting ritual feasts, sacrifices, war scenes, including the Goblet of Karashamb, believe that these objects have been crafted in different places and by different societies at the times when major social changes took place in them and new forming elites were in strong need of legitimization and strengthening their authority in this manner [36, p. 185].

The iconography of lions and leopards trace back to the ancient traditions of Minor Asia. The most remarkable case of comparing king with lion and leopard is linked with Annals of Ḫattušilis I (c. 1650-1620 BC), who was one of the first Hittite kings.

The various ritual aspects of the KI.LAM festival that we have considered in the context of the Goblet of Karashamb also rooted in ancient Hattian traditions and can be traced back to early Hittite times. The iconography of the goblet having Mesopotamian and Caucasus characters, according to our observations, indeed carry the traces of Asia Minor and particularly showing Hattian and Hittite influences.

As known, the Hattians are considered to be the most ancient natives of Minor Asia, while the Hittite peoples, according to widely accepted views, emerged in the Hittite State already at the end of 3rd millennium BC. The preliminary region from where the Hittites spread into Minor Asia is believed to be the vast area between Cilician Gates to Upper Euphrates, where the first Hittite state – Kussara Kingdom – might have existed [37, p. 13]. According to the researchers, during the Bronze or Minoyan Age, the regions of Aegean Sea, Minor Asia and

South Caucasus have been involved in very active inter-relations which is reflected in all fields of the material culture. These inter-relations come to the light mainly due to iconography on the metallic and ceramic objects, such as silver goblets of Trełk‘ and Karashamb [38, p. 246–247].

Fig. 1. A bronze statuette of a lion (c. 17-16 BC). Oshakan, Armenia // Source: [4, с. 69]

Рис. 1. Бронзовая статуэтка льва, Ошакан, Армения (XVII–XXVI вв. до н.э.) // Источник [4, с. 69]

Fig. 2. A row of three pairs of lions. Gold Goblet, Vanadzor, Armenia (c. 17-16 BC) // Source [4, c. 16]

Рис. 2. Группа из трех пар львов. Золотой кубок, Ванадзор, Армения (XVII–XXVI вв. до н.э.) // Источник: [4, с. 16]

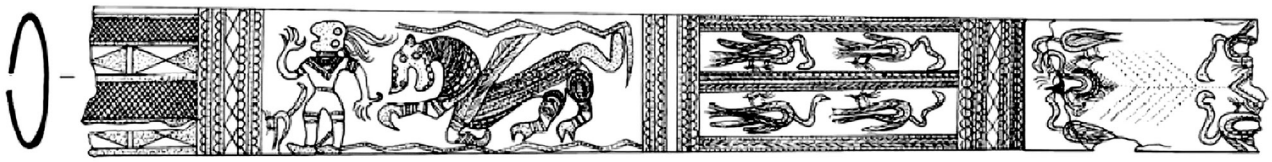


Fig. 3. A winged-lion on a sheath. Lori-Berd, Armenia (c. 7-6 BC). Source: [5, p. 174]

Рис. 3. Крылатый лев, изображение на ножне, Лори-Берд (Гробница 62), Армения (VII–VI вв. до н.э.). Источник // [5, с. 174]

Fig. 4. The Goblet of Karashamb, Armenia (c. 22-21 BC) // Sources: *a* – [27, p. 41, Abb. 4]; *b*, *c* – Armenia. Legend of life: a country radiating all circles of history: [exhibition: catalogue]. Moscow: Editorial and Publishing Department of the State Historical Museum, 2016

Рис. 4. Кубок из Карашамба, Армения (XXII–XXI вв. до н.э.). Источники: a – [27, p. 41, Abb. 4]; b, c – Армения. Легенда бытия: страна, излучающая все круги истории: [выставка: каталог]. Москва: Редакционно-издательский отдел ГИМ, 2016.

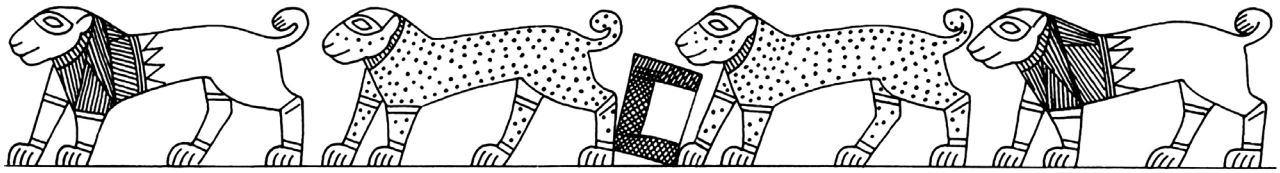


Fig. 5. Pairs of lions and leopards. Goblet of Karashamb, Armenia (c. 22-21 BC) // Source:[27]

Рис. 5. Пары львов и леопардов, Кубок из Карашамба, Армения (XXII–XXI вв. до н.э.). // Источник [27]

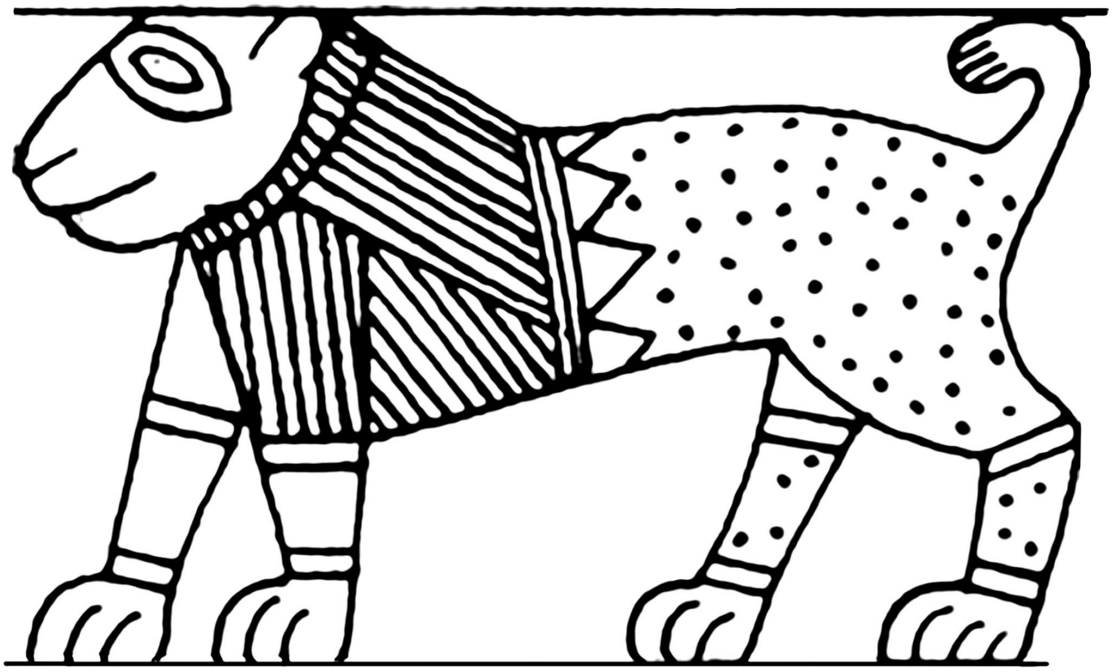


Fig. 6. A lion in a leopard's fur. Goblet of Karashamb, Armenia (c. 22-21 BC). Source: [27]

Рис. 6. Лев в шкуре леопарда, кубок из Карашамба, Армения (XXII–XXI вв. до н.э.). Источник: [27]

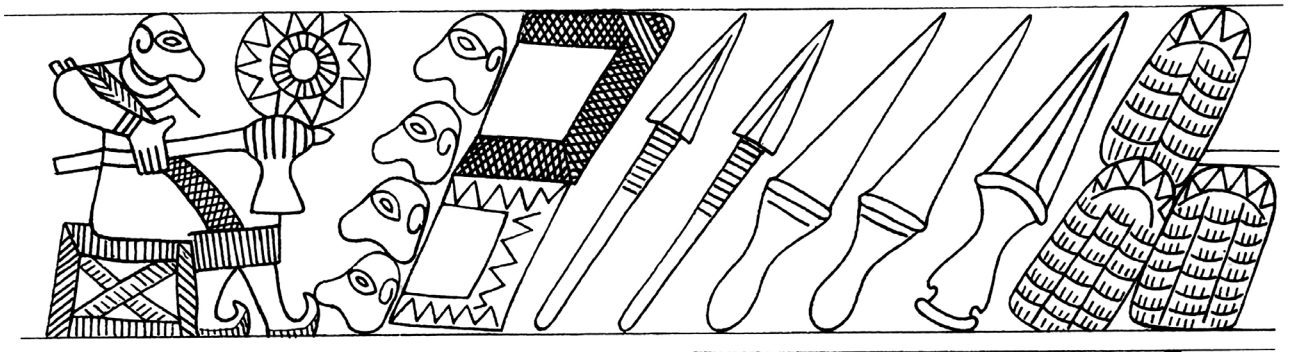


Fig. 7. A king sitting on a throne with an axe in his hand. Goblet of Karashamb, Armenia (c. 22-21 BC) // Source [27]

Рис. 7. Царь, сидящий на троне с топором в руке. Кубок из Карашамба, Армения (XXII–XXI вв. до н.э.) // Источник [27]

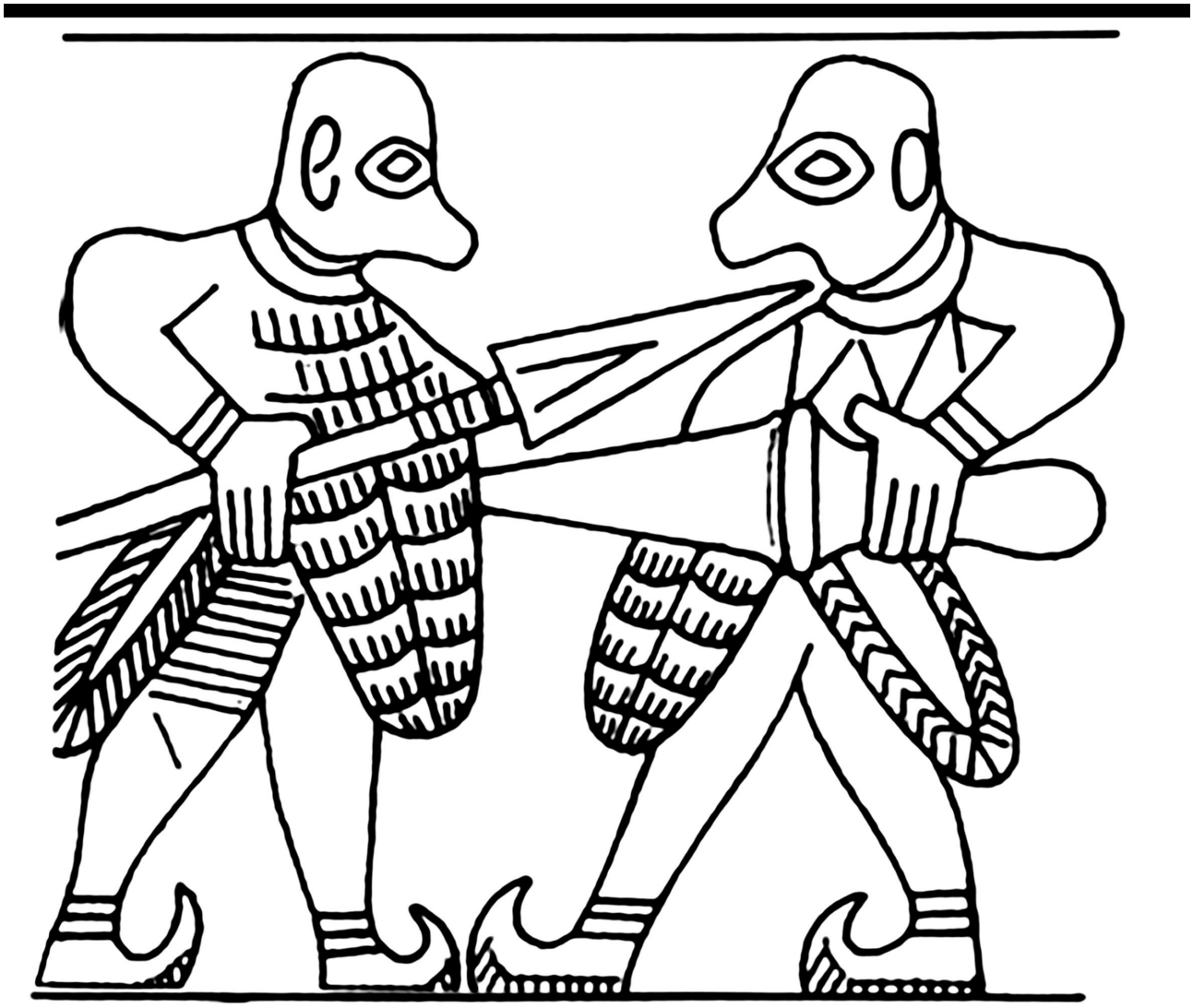


Fig. 8. A spearman defeating a swordsman. Goblet of Karashamb, Armenia (c. 22-21 BC) // Source: [27]

Рис. 8. Копьеносец побеждает меченосца, кубок из Карашамба, Армения (XXII–XXI вв. до н.э.). // Источник: [27]

REFERENCES

1. Martirossian HA. *The Rock Carvings of Gegham Mountain Range, Archaeological Monuments of Armenia 11, Rock Carvings, Issue III*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1981. (In Arm.).

2. Esayan SA. Gürtelbleche der älteren Einsenzeit in Armenien. *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. München, 1984, 6: 97-197.

3. Piliposyan AS. Late bronze age standart at Shirakavan. *Heritage and Modern Times*. 2022; 5(1): 37-47. (In Rus.).

4. A Glance from the Bronze Age. Findings from the Bronze Age Burial Mounds in Armenia IV-I Millennia B.C. from the Collections of the History Museum of Armenia, Catalogue-Album. Yerevan: Printinfo, 2010.

5. Devejyan S., Hobosyan S. The Reflection of Cosmological Notions on Archaeological Artifacts from Lori Berd. *Historical-Philological Journal*. Yerevan, 2015; 3: 168-181. (In Arm.).

6. Gunter A. Animals in Anatolian Art. *A History of the Animal World in the Ancient Near East*. Leiden: Brill, 2002: 77-96.

7. Mellaart J., Hirch U., Balpinar B. *The Goddess from Anatolia*. Adenau: Eskenazi, 1989; 1.

8. Mellaart J. Excavations at Çatal Hüyük, 1963, Third Preliminary Report. *Anatolian Studies*. 1964; 14: 39-119.

9. Hodder I. *Çatalhöyük: The Leopard's Tale: Revealing the Mysteries of Turkey's Ancient 'Town'*. New York: Thames & Hudson Publ., 2006; 13: 288.

10. Meece S. A Bird's Eye View – of A Leopard's Spots. The Çatalhöyük 'Map' and the Development of Cartographic Representation in Prehistory. *Anatolian Studies*. 2006; 56: 1-16.

11. Beckman G. The Hittites Serve Their Gods. In: Samuel E. Balentine (ed.). *The Oxford Handbook of Ritual and Worship in the Hebrew Bible*. New York: Oxford University Press, 2020: 37-52.

12. Simonyan H. Royal Tomb N1 at the Necropolis Nerkin Naver [Nerk'in Naveri N1 "ark'ayakan" dambaranə]. *Hushardzan*. Annual. 2021; 16: 9-84. (In Arm.).

13. Collins BJ. *A Statue for the Deity: Cult Images in Hittite Anatolia, in Cult Images and Divine Representation in the Ancient Near East*. Boston, MA: American School of Oriental Research, 2005.

14. Johnston SI. *Religions of the Ancient World, A Guide*. Abusch T, Assmann J, Attridge HW, Beard M, Collins JJ, Graf F, Lincoln B, Wright DP, editors; Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 2004.

15. Arbuckle BS. Symbolic Uses of Animals in Ancient Anatolia. *Actual Archaeology Magazine*, 2015: 37-45.

16. Hoffner H. Histories and Historians of the Ancient Near East: The Hittites. *Orientalia*. 1980; 49: 283-332.

17. Lorenz J., Schrakamp I. Hittite Military and Warfare. In: H. Genz, D. P. Mielke (Hg.). *Insights into Hittite History and Archaeology* (Colloquia Antiqua 2). Leuven-Paris-Walpole, MA: Peeters, 2011: 125-151.

18. Collins B.J. Ḫattušili I, The Lion King. *Journal of Cuneiform Studies*. 1998; 50: 15-20.

19. Strawn B.A. *What Is Stronger than a Lion? Leonine Image and Metaphor in the Hebrew Bible and the Ancient Near East*. Fribourg: Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, 2005.

20. Gurny O.R. *The Hittites*. London: Penguin, 1990.

21. Keel O. *The Symbolism of the Biblical World: Ancient Near Eastern Iconography and the Book of Psalms*. German: Eisenbrauns, 1997.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мартиросян А.А.* Наскальные изображения Гегамских гор, Археологические памятники Армении 11, Наскальные изображения, Выпуск III. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1981. -127 с. (на арм. яз.).

2. *Esayan S.A.* Gürtelbleche der älteren Einsenzeit in Armenien. Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, 6 (1984), München. Pp. 97–197.

3. *Пилипосян А.С.* Штандарт позднебронзового периода из Ширакавана // Наследие и современность. 2022. №5 (1). Pp. 37–47.

4. Взгляд из бронзового века. Находки с гробниц бронзового века Армении IV–I тысячелетие до Р.Х. Из коллекции Музея истории Армении. Каталог-альбом. Ереван: Принтинфо, 2010. – 123 с (на арм. яз.)

5. *Деведжян С., Обосян С.* Отражение космологических представлений на археологических предметах из Лори Берда // Историко-филологический журнал, Ереван. 2015. №3. С. 168–181 (на арм. яз.)

6. *Gunter A.* Animals in Anatolian Art, A History of the Animal World in the Ancient Near East. Leiden: Brill, 2002. Pp. 77-96.

7. *Mellaart J., Hirch U., Balpinar B.* The Goddess from Anatolia, vol. 1, Adenau: Eskenazi, 1989. 105 p.

8. *Mellaart J.* Excavations at Çatal Hüyük, 1963, Third Preliminary Report, Anatolian Studies. Vol. 14. 1964. Pp. 39–119

9. *Hodder I.* Çatalhöyük: The Leopard's Tale: Revealing the Mysteries of Turkey's Ancient 'Town'. New York: "Thames & Hudson" Publ., 2006. Vol. 13.

10. *Meece S.* A Bird's Eye View – of A Leopard's Spots. The Çatalhöyük 'Map' and the Development of Cartographic Representation in Prehistory. Anatolian Studies. 2006. №56. Pp. 1–16.

11. *Beckman G.* The Hittites Serve Their Gods. Samuel E. Balentine (ed.). *The Oxford Handbook of Ritual and Worship in the Hebrew Bible*. New York: Oxford University Press, 2020. Pp. 37–52.

12. *Симонян А.* Царская гробница N 1 могильника Неркин Навер // Ушардзан. Ежегодник. 2021. №16. С. 9–84 (на арм. яз).

13. *Collins B.J.* A Statue for the Deity: Cult Images in Hittite Anatolia, in Cult Images and Divine Representation in the Ancient Near East. Boston, MA: American School of Oriental Research, 2005.

14. *Johnston S. I.* Religions of the Ancient World, A Guide. Abusch T, Assmann J, Attridge HW, Beard M, Collins JJ, Graf F, Lincoln B, Wright DP, editors; Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 2004.

15. *Arbuckle BS.*, Symbolic Uses of Animals in Ancient Anatolia. Actual Archaeology Magazine. 2015. Pp. 37–45.

16. *Hoffner H.* "Histories and Historians of the Ancient Near East: The Hittites," *Orientalia*. 1980. № 49. Pp. 283–332.

17. *Lorenz J., Schrakamp I.* Hittite Military and Warfare, in H. Genz/D. P. Mielke (Hg.), Insights into Hittite History and Archaeology (Colloquia Antiqua 2), Leuven-Paris-Walpole, MA: Peeters 2011. Pp. 125–151.

18. Collins B. J. Ḫattušili I, The Lion King. *Journal of Cuneiform Studies*. 1998. Vol. 50. Pp. 15–20.

19. *Strawn B.A.* What Is Stronger than a Lion? Leonine Image and Metaphor in the Hebrew Bible and the Ancient Near East. Fribourg: Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, 2005. P. 587.

22. Chalendar V. *Animals and Their Relation to Gods, Humans and Things in the Ancient World*. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2019.

23. Marcuson H. *"Word of the Old Woman": Studies in Female Ritual Practice in Hittite Anatolia*. Chicago, Illinois: 2016.

24. Oganesyan V. Silver cup from Karashamb. *Historical-Philological Journal*. 1988; 4: 156–160. (In Rus.).

25. Petrosyan A. The Myth of Aram in the Context of Indo-European Mythology and the Problem of Armenian Ethnogenesis [*Arami ar'aspelə hndevropakan ar'aspelabanut'yan hamatek'stum ev hayoc' azgacagman xndirə)*. Yerevan: Van Aryan, 1997. (In Arm.).

26. Hovhannisyan S. Around Interpretation of Animal Pictorial Friezes of the Silver Goblet of Karashamb's Large Burial Field. *[K'arašambi mec dambanablri arcat'e gavat'i kendanakan patkeragotineri meknabanman šurǰ*]. *Kantegh*. 2002; 5: 127–133. (In Arm.).

27. Boehmer R., Kossack G. Der figürlich verzierte Becher von Karašamb: Umfeld, Interpretation und Zeitstellung. *Variatio Delectat, Iran und der Westen / Alter Orient und Alter Testament*. Münster: Ugarit-Verlag, 2000; 272: 9–71.

28. Avetisyan P., Piliposyan A. Karashamb, The Gold of Ancient Armenia (III mill. BC – XIV cent. AD) [*K'arašamb, Hayastani voskin vał ev mijin bronzi darašrjannerum, Hin Hayastani voskin*]. *Gitutyun*. Yerevan, 2007. pp. 89–98. (In Arm.).

29. Collins B.J. Animals in the Religions of Ancient Anatolia in A History of the Animal World in the Ancient Near East. *Handbook of Oriental Studies. Section 1 The Near and Middle East*. Brill, 2002; 64: 237–250.

30. Haas V. Geschichte des Hethitischen Religion. *Handbook of Oriental Studies*. Leiden: Brill, 1994; 1(15): 1–11.

31. Taracha P. *Religions of Second Millenium Anatolia*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009.

32. Gurny O. *Some Aspects of Hittite Religion*. Oxford: Oxford University Press, 1977.

33. Collins B.J. Hero, Field Master, King: Animal Mastery in Hittite Texts and Iconography. *The Master of Animals in Old World Iconography*. Edited by Derek B. Counts and Bettina Arnold, Budapest, 2010; 10: 59–71.

34. Ardzinba V.G. *Rituals and Myths of Ancient Anatolia*. Moscow: Nauka, 1982. (In Rus.).

35. Collins J.C. *Hittites and Their World*. Atlanta: SBL Press, 2007.

36. Boroffka N., Boroffka R. Auf, singet und trinket den köstlichen Trank! Gedanken zur Darstellung von Festen in der Ur- und Frühgeschichte. In: C. von Carnap-Bornheim, W. Dörfler, W. Kirleis, J. Müller, U. Müller (Hrsg.). *Von Sylt bis Kastanas. Festschrift für Helmut Johannes Kroll zum 65. Geburtstag (Offa 69/70)*. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2013. pp. 171–188.

37. Kosyan A. *The Hittite Kingdom (Political History)* [*Xet'akan t'agavorut'yun*]. Yerevan: Copy-Print Publ., 2022. (In Arm.).

38. Bobokhyan A, Gevorgyan A. The Golden Fleece-Vishap Stones: from Legend to Archaeology [*Voske Gełm-višapak'ar. aŕapelic' depi hnagitut'yun*]. Armen Petrosyan, Arsen Bobokhyan (eds.). *The Vishap Stone Stelae*. Yerevan: Gitutyun Publ., 2015: 246-247. (In Arm.).

20. *Gurny O.R.* The Hittites. London: Penguin, 1990.

21. *Keel O.* The Symbolism of the Biblical World: Ancient Near Eastern Iconography and the Book of Psalms. German: Eisenbrauns, 1997.

22. *Chalendar V.* Animals and Their Relation to Gods, Humans and Things in the Ancient World, Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2019.

23. *Marcuson H.* "Word of the Old Woman": Studies in Female Ritual Practice in Hittite Anatolia. Chicago, Illinois, 2016.

24. *Оганесян В.* Серебрянный кубок из Карашамба, Историко-филологический журнал, 4. 1988. 156-160. (на арм. яз.).

25. *Петросян А.* Миф об Араме в контексте индоевропейской мифологии и проблема армянского этногенеза. Ереван: Ван Арян,1997. – 208 с. (на арм. яз.)

26. *Ованнисян С.* К трактовке полос с изображениями животных на серебряной чаше Великой гробницы Карашамб // Кантех. 5. 2002. С. 127–133. (на арм. яз.).

27. *Boehmer R., Kossack G.* Der figürlich verzierte Becher von Karašamb: Umfeld, Interpretation und Zeitstellung. // Variatio Delectat, Iran und der Westen / Alter Orient und Alter Testament. Band 272. Münster: Ugarit-Verlag, 2000. Pp. 9–71.

28. *Аветисян П., Пилипосян А.* Карашамб: Золото Армении в раннем и среднем бронзовом веке – Золото Древней Армении (III тыс. до н.э. – XIV века) // Гитутюн. 2007. С. 89–98 (на арм. яз.).

29. *Collins B.J.* Animals in the Religions of Ancient Anatolia in A History of the Animal World in the Ancient Near East // Handbook of Oriental Studies. Section 1. The Near and Middle East. Brill, 2002. № (64). Pp. 304–337.

30. *Haas V.* Geschichte des Hethitischen Religion // Handbook of Oriental Studies. Leiden: Brill 1994. № 1(15). Pp. I–XI.

31. *Taracha P.* Religions of Second Millenium Anatolia. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. - 232 p.

32. *Gurny O.* Some Aspects of Hittite Religion. Oxford: Oxford University Press, 1977: VIII + 80p. + 9 pls.

33. *Collins B.J.* Hero, Field Master, King: Animal Mastery in Hittite Texts and Iconography, The Master of Animals in Old World Iconography / Edited by Derek B. Counts and Bettina Arnold. Budapest. 2010. № 10. Pp. 59–71.

34. *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982. – 252 с.

35. Collins J.C. Hittites and Their World. Atlanta: SBL Press, 2007.

36. *Boroffka N., Boroffka R.* Auf, singet und trinket den köstlichen Trank! Gedanken zur Darstellung von Festen in der Urund Frühgeschichte, in: C. von Carnap-Bornheim, W. Dörfler, W. Kirleis, J. Müller, U. Müller (Hrsg.), Von Sylt bis Kastanas. Festschrift für Helmut Johannes Kroll zum 65. Geburtstag (Offa 69/70). Neumünster: Wachholtz Verlag, 2013. Pp. 171–188.

37. *Косян А.В.* Хеттское царство (политическая история). Ереван: Копи-Принт, 2022. – 252 с. (на арм. яз.).

38. *Бобохян А., Геворгян А.* Золотое руно-вишап: от легенды к археологии. Каменные стеллы вишапы / под ред.: А. Бобохян, А. Геворгян. Ереван: Издательство «Гитутюн», 2015. С. 241–247 (на арм. яз.)

Поступила в редакцию 11.10.2023 г.
Принята в печать 20.12.2023 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 11.10.2023
Accepted 20.12.2023
Published 15.06.2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202367-383

Исследовательская статья

Потравнов Александр Леонидович
независимый исследователь
Проект «Регионавтика», Санкт-Петербург, Россия
canonir7@gmail.com

Хмельник Татьяна Юрьевна
независимый исследователь
Проект «Регионавтика», Санкт-Петербург, Россия
regionavtica@gmail.com

О ДВУХ КАМЕННЫХ КРЕСТАХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН ИМ. А. ТАХО-ГОДИ

Аннотация. На территории республики Дагестан в музейных экспозициях, а также в полевых условиях сохранились христианские каменные кресты разнообразных форм. На некоторых из них имеются надписи или иные изображения, которые, благодаря палеографическому анализу или археологическому контексту обнаружения, позволяют датировать эти артефакты в относительно узком диапазоне. Атрибуция других каменных крестов, на которых нет явных датирующих признаков, обычно встречает серьёзные затруднения. При изучении каменных крестов Дагестана, в рамках реализации проекта по созданию сводного каталога подобных объектов на территории России, у авторов статьи возникли сомнения в корректности атрибуции двух каменных крестов из коллекции Национального музея Дагестана им. А. Тахо-Годи. В ходе исследования авторы использовали подход, применённый ими ранее на других артефактах, выявленных на территориях России и Западной Европы. Анализ внешнего вида каменных крестов, включая формы лопастей, особенности нанесённых изображений и сравнение с аналогами в совокупности с иными сведениями, позволяет выявить направление векторов культурно-религиозного влияния, в том числе и их временной диапазон. При этом особенности контекста обнаружения этих артефактов прошлого дают дополнительную возможность уточнить рассматриваемые версии. В статье представлен результат проведенного авторами исследования опубликованных источников и изысканий на местности в 2023 г. и предложена новая версия по уточнению атрибуции двух каменных крестов из коллекции Национального музея республики Дагестан им. А. Тахо-Годи. Представлена карта с нанесёнными местами обнаружения каменных крестов Дагестана, в соответствии с разработанной авторами статьи типологией каменных крестов.

Ключевые слова: христианство; каменный крест; Дагестан; Кубачи; Хунзах; Кахиб

Для цитирования: Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю. О двух каменных крестах из коллекции Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 367-383. doi.org/10.32653/CH202367-383

© Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202367-383

CC BY

Research paper

Alexander L. Potravnov,
Independent Researcher
Project "Regionavtika", St. Petersburg, Russia
canonir7@gmail.com

Tatiana Yu. Khmelnik,
Independent Researcher
Project "Regionavtika", St. Petersburg, Russia
regionavtica@gmail.com

TWO STONE CROSSES FROM THE COLLECTION OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Abstract. Research into the hybrid and syncretic cults of the Black Sea Adyghe-Shapsugs inevitably faces the issue of interpretation of the prayer crosses-jors as ritual elements of a bygone tradition. These crosses come in three forms: T-shaped, Y-shaped, and Byzantine-Caucasian Christian. The first and last types have been documented since at least the 18th century through travelers' descriptions. The T-shaped variant, however, is only mentioned in texts, while almost all drawings depict Byzantine-Caucasian Christian crosses. Y-shaped crosses were identified by researchers in the 1930s during ethnographic expeditions. Initially, they were simplistically categorized as "pagan fetishes" due to the political context, leading to their neglect in museum storage and academic study for many years. A revised interpretation provides a fresh perspective on the prayer crosses-jors. This article explores various interpretations of their symbolism within the sacred narratives of folk Christianity, which have been preserved in the culture of the Black Sea Adyghe-Shapsugs. Additionally, the article offers a new interpretation of the well-known tapshi staff among the Circassians (Adyghe), which had been erroneously identified as a cross-jor. The author draws on samples of crosses-jors stored in the MAE RAS and photographs taken in 1939 by Evgeny Shilling and Sergey Tokarev in the Black Sea Shapsugia. These photographs are introduced into scientific circulation for the first time with the permission of the MAE RAS.

Keywords: Christianity; stone cross; Dagestan; Kubachi; Khunzakh; Kahib

For citation: A.L. Potravnov, T.Yu. Khmelnik. Two stone crosses from the collection of the National museum of the Republic of Dagestan. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 367-383. doi.org/10.32653/CH202367-383

© A.L. Potravnov, T.Yu. Khmelnik, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

В коллекции Национального музея республики Дагестан им. А. Тахо-Годи имеется несколько каменных крестов, которые, даже при весьма беглом взгляде, оказываются весьма непохожи друг на друга.

На лицевой стороне одного креста замысловатой формы (рис. 1а) (номер в Госкаталоге: 34309826, номер по КП (ГИК): КМД КП-7018)[1], нанесена надпись на грузино-аварском языке [1, с. 324–325]. Крест весьма небольшого размера (22×17 см). Лопасти у него расширяются от центра и завершаются не прямой, а ломаной линией, формирующей образ тройного окончания. Подобные окончания напоминают, в одних случаях, символическое изображение набухшей генеративной (вегетативной) почки растения, а в других – цветка лилии с тремя лепестками. Подобную форму окончания лопастей у крестов мы условно называем «криновидной».

Ещё один каменный крест (рис. 1б) (номер в Госкаталоге 15281999, номер по КП (ГИК): КМД КП-6593)[2], который также размещён в зале основной экспозиции, заметно отличается от описанного выше не только размерами (48×52 см) и формой своих прямоугольных лопастей, но и тем, что вместо надписи в средокрестии вырезано изображение четырёхконечного креста с утолщениями на концах. По сведениям, указанным в Госкаталоге, этот крест происходит из сел. Кубачи.

Третий каменный крест (56×25 см) (рис. 1в) (номер в Госкаталоге 12997519, номер по КП (ГИК): КМД КП-6617)[3], с отломанной одной горизонтальной лопастью и изображением узора в средокрестии находится в запасниках музея. О дате поступления этих крестов в коллекцию Национального музея можно сказать следующее. В «Описи вещей и научных материалов, собранных Дагестанскими экспедициями Северно-Кавказского Комитета и передаваемых Дагестанской С.С.Р.»[4] составленной в 1920-х гг., указано два каменных креста (без размеров): «Крест высеченный, упаковка № 13» и «Крест обломанный с рельефом, упаковка № 24». При этом крест с грузино-аварской надписью, место обнаружения которого было неизвестно, в экспозицию музея им. А. Тахо-Годи поступил, по данным А. Чикобавы, в 1933 г. [1, с. 324].

Именно такую атрибуцию каменных крестов мы учитывали при составлении разрабатываемого нами сводного каталога каменных крестов РФ с отметкой на карте (используется геоинформационная система QGIS) мест обнаружения артефактов. На территории Дагестана мы также отметили и другие каменные кресты, известные нам по литературе [2, с. 131, 167, 169, 192; 3; 4, с. 42–45; 5, с. 198–202; 6, с. 31, 122–124; 7, с. 188–191] и результатам личного осмотра. Для наглядности и удобства изучения перед нанесением на карту мест обнаружения каменных крестов мы предварительно группируем артефакты по подгруппам, в соответствии с ранее разработанной базовой типологией [8, с. 67–69], отмечая принадлежность каждого артефакта к той или иной подгруппе разными условными обозначениями.

Предварительный анализ этой карты позволяет увидеть, что большинство каменных крестов зафиксированы на территории бывшего царства Сарир, впоследствии Хунзахского нуцальства (Аварского ханства), относительно недалеко от его

1. https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15385031 (Дата обращения 17.01.2023 г.)
2. https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15385031 (Дата обращения 17.01.2023 г.)
3. https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=13120173 (Дата обращения 17.01.2023 г.)
4. Опись хранится в архиве сектора учета Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи.

столицы – Хунзаха. Ещё несколько мест расположены уже довольно далеко (более 60 км по прямой) от Хунзаха:

– Кубачи, где были обнаружены кресты, находящиеся в Национальном музее Дагестана им. А. Тахо-Годи;

– Верхний Чирюрт, где в ходе раскопок были обнаружены обломки каменных крестов [7, с. 188–191];

– Ленинаул (Акташ–Аух), где в ходе раскопок могильника Н.А. Нарышкиным еще в XIX в. был также обнаружен «высеченный из камня крест» [9, с. 185].

Сравнивая все эти обнаруженные артефакты прошлого, внешний вид которых мы хорошо знаем по прорисовкам или фотографиям, с каменными крестами из соседних территорий (Грузия, Армения, Чечня, Кабарда и т.д.), мы, в ряде случаев, можем увидеть явные аналогии и зависимости.

Например, каменные кресты по своему внешнему виду и форме лопастей, аналогичные артефакту из раскопок на Чирюртовском могильнике, датируемому VI–VII вв. [7, с. 198], были обнаружены на территории современной Армении, в частности, в населенных пунктах Двин [10, с. 146] и Джрвеж [11, с. 44], а также на изображениях многих армянских хачкаров [12]. Практически тождественный по своей форме вышеуказанным объектам обломок от лопасти креста можно увидеть и в центре сел. Хунзах.

Во внешнем облике некоторых каменных крестов с «криновидным» окончанием лопастей (рис. 2б), или с вырезанным на них растительным («криновидным») узором (рис. 2а), находящихся в экспозиции Хунзахского историко-краеведческого музея (филиал Национального музея Дагестана им. Тахо-Годи), прослеживаются общие стилистические черты с крестами из селений Болниси [13, с. 41–45] и Дманиси [14, с. 144–147; 15, с. 62–63] (современная Грузия), а также из сел. Кохб (Армения) [16, с. 235][5].

Возможно, что из-за этого сходства стоит уделить более пристальное внимание атрибуции некоторых каменных крестов их Хунзаха.

Формы каменных крестов с вырезанными геометрическими узорами из Кудутля скорее напоминают некоторые кресты, найденные в центральной и западных частях Северного Кавказа, нежели кресты с территории современной Грузии.

Таким образом, наличие каменных крестов с определёнными формами лопастей и/или узорами (изображениями) позволяет нам рассматривать возможные направления векторов культурно-религиозного влияния на территории современного Дагестана.

Похожие зависимости в распределении на разных территориях каменных крестов с явно выраженными отличительными признаками во внешнем виде мы выявляли и в других регионах, где была распространена традиция изготовления каменных крестов [17, с. 294].

Ещё одна интересная особенность заключается в том, что в Хунзахе и близлежащих населённых пунктах мы можем увидеть практически все встречающиеся на территории Дагестана формы каменных крестов, в т.ч. и те, которые представляют собой наглядные свидетельства христианского влияния соседних территорий в разное время.

Исходя из вышесказанного и учитывая структуру расположения каменных крестов на территории Дагестана, особенности их внешнего вида и возможные направления

5. Форма креста с «криновидными» окончаниями лопастей, аналогичная изображению на крестах Дманиси, Болниси и др., до сих пор считается традиционным удинским или албанским крестом – напоминанием о бывшей Кавказской Албании.

векторов культурно-религиозного влияния со стороны соседних территорий, опубликованные в Госкаталоге сведения о том, что кресты, находящиеся в музее им. Тахо-Годи (рис. 1б и 1в), были привезены из Кубачи, вызывают у нас определенные сомнения.

Кроме того, в работе М.М. Маммаева прямо отмечается отсутствие известных ему фактов обнаружения каменных крестов в этом населенном пункте: «До сегодняшнего дня не известно ни одного случая нахождения крестов в сел. Кубачи ни при рытье могил, ни при других обстоятельствах» [18, с. 10].

Наличие противоречивых сведений всегда вызывает определённый научный интерес и требует особого внимательного изучения.

В ходе ранее проведённых исследований мы обратили внимание на то, что количество и структура распределения разнообразных свидетельств (материальных и письменных) той или иной религии позволяет судить о длительности и глубине проникновения в повседневную жизнь населения соответствующих религиозных устоев. Поскольку монументальные каменные кресты, в своем подавляющем большинстве, относятся к самому консервативному обряду – погребально-поминальному, – то их наличие в отрыве от иных сохранившихся свидетельств христианства того же периода времени встречается весьма редко.

В связи с этим рассмотрим упоминания о различных свидетельствах, касающихся средневековой религиозной жизни в сел. Кубачи и ближайших окрестностях.

Почти все зафиксированные находки немусульманских средневековых надписей на территории Дагестана, где не использовался арабский шрифт, были сделаны либо в Аварии, либо в окрестностях Дербента [19, с. 18]. То есть на территории Кубачи таких надписей зафиксировано не было. При этом в Кубачи отмечались надписи, выполненные арабским куфическим шрифтом, но на неизвестном языке (т.е. они до сих пор не расшифрованы) [19, с. 18].

Арабские надписи XI–XV вв. встречаются как в Кубачах, так и в близлежащих населенных пунктах (Уркарах, Кала-Корейш, Сулевкент) [19, с. 49–50]. Весьма информативна следующая надпись на камне, зафиксированная в 1861 г.: «И построено это благородное медресе в дни поражения этой страны чумой, в восемьсот седьмом году. Установления и устои жизни – религия Аллаха» [19, с. 129]. Этот текст позволяет предположить, что к 1405 г. ислам в Кубачи и ближайших окрестностях уже занял прочные позиции и требовалась подготовка новой мусульманской духовной элиты – знатоков мусульманского права, богословия и различных светских наук.

Таким образом, в Кубачи, вероятнее всего, к нач. XV в., другие, отличные от ислама, религиозные воззрения, включая христианство и зороастризм, стали приходить в явный упадок.

О зороастризме, а точнее о погребальном обряде, характерном для этой религии, на территории Кубачи или, как его тогда называли, Зирихгеран, упоминали некоторые средневековые авторы [18, с. 37].

Сведения о христианстве жителей Кубачи также известны из письменных источников и этнографических записей, сделанных со слов местных жителей [20, с. 11–13]. В книге С. Броневского дается выписка из архивного дела от 5 мая 1805 г. о поездке в 1781 г. двух братьев Сарепского общества в Кубачи, чтобы проверить опубликованные Гильденштедтом сведения о переселении в Кавказские горы богемцев в результате гонения на христианскую веру. Приехавшие братья убедились, что к богемцам

кубачинцы не относятся и это «доказывается азиатским их телосложением и чертами лица, языком их, в коем не примечается ни малейшего следа немецкого языка…». При этом они обратили внимание: «Что сии Кубечинцы происходят от христиан, тому служат доказательством собственные их предания и остатки церквей» [21, с. 325].

Также указывалось, что «и в сей церкви находятся камни с надписями, коих никто из них разобрать не умел. У Кубечинцев нет ни древних книг, ни других письменных известий. … утверждали только, что предки их были христиане, но что более уже 300 лет, как они приняли магометанский закон…» [21, с. 323–324].

Подробного описания этих церквей, рисунков и прорисовок «загадочных» надписей сделано не было. При дальнейших многочисленных научных экспедициях никаких обоснованных подтверждений о существовании в Кубачи христианских церквей и надписей на камнях, имевших бы отношение к христианству, также получено не было.

В работе Дорна [22], в которой приводятся примеры камней с изображениями и текстами из Кубачи, нет примеров с ярко выраженной христианской символикой. Только на одном рисунке К.Г. Гиппиуса можно увидеть намогильные памятники, напоминающие по внешнему виду монументальные кресты [22, с. 31]. Однако, учитывая отсутствие в текстах исследователей сведений о монументальных крестах в Кубачи и то, что это рисунок, а не фотография, можно предположить, что, будучи художником и архитектором, Карл Гиппиус достаточно вольно изобразил антропоморфные стелы на мусульманских захоронениях.

Об отсутствии материальных следов христианства в Кубачи в ходе экспедиции 1924 г. писал и Н.Ф. Яковлев: «Прямых следов христианства на вещественных памятниках, в виде изображений крестов, или надписей, экспедицией найдено не было, а многочисленные барельефы с изображениями похожих на рыцарей воинов, людей, животных, грифонов и пр. часто с куфическими надписями (или орнаментальными подражаниями им) несомненно относятся уже ко времени мусульманства и были созданы, по всей вероятности, под персидским влиянием…» [23, с. 131–132].

Е.М. Шиллинг, полагая, что многочисленные кубачинские рельефные изображения на камнях были доисламского периода, тем не менее, отмечал, что «пережитки христианства, иудаизма и зороастризма в быту в с. Кубачи теперь не прослеживаются» [20, с. 13].

Таким образом, никто из исследователей, побывавших на территории сел. Кубачи, не указывал на существование явных христианских символов в виде монументальных каменных крестов или изображений крестов (рельефных или гравированных) на камнях в стенах домов или на отдельно стоящих стелах. Также нам не известно о находках каких-либо иных материальных свидетельств, имеющих прямое отношение к распространению христианского культа в Кубачи.

В ходе своих посещений сел. Кубачи в мае и октябре 2023 г. мы также не обнаружили никаких христианских символов ни на стенах домов, ни на намогильных стелах, ни в каменных оградах осмотренных старых кладбищ.

При этом в других местностях горного Дагестана, где были обнаружены каменные кресты, можно встретить и другие материальные свидетельства христианства и, в частности, камни с изображением крестов.

В ходе проведения раскопок могильника, датированного X–XIV вв. у сел. Урада Шамильского района (территория общества Гидатль) в 1957–59 гг. были обнаружены два

каменных креста [4, с. 42, 45]. Исходя из опубликованных прорисовок, можно сделать вывод, что оба объекта относятся к подгруппе крестов с прямоугольными лопастями (несмотря на следы явных повреждений одного из них). На одном артефакте в средокрестии вырезан четырёхконечный крестик с удлиненной «ногой». Кроме этих находок явно христианского толка, как в сел. Урада, так и в других населенных пунктах Гидатля, также отмечаются многочисленные изображения крестов, высеченные на камнях [6, с. 104–106]. Во время наших посещений в 2023 г. этих сёл (Урада, Мачада, Тлях) мы тоже видели многие изображения, которые связаны с христианской символикой. Кроме того, важно упомянуть и о расположении в 10 км (по прямой) от сел. Урада сохранившейся христианской церкви около сел. Датуна, которая ориентировочно датируется концом X–XI в. [5, с. 201].

По данным П.М. Дебирова, в сел. Цулда Чародинского района (общество Карах) находился каменный крест с вырезанным изображением в виде крестообразно соединенных между собой спиралей [6, с. 124]. Фотография подобного каменного креста с похожими спиралями из сел. Тлярош была опубликована Ш. Хапизовым [24, с. 52][6].

При личном осмотре построек в ближайших населенных пунктах (Сачада, Гонтлоб) в октябре 2023 г. мы обнаружили высеченные на камнях изображения крестов. При опросе местные жители считали эти камни стелами со старых христианских кладбищ, места расположения которых они охотно показывали. Одно из таких «кладбищ» находится между населенными пунктами Цулда и Гонтлоб в откосе старой дороги, где видны небольшие сооружения, напоминающие засыпанные землей каменные ящики, в которых видны фрагменты костей.

В ходе археологических раскопок в окрестностях Верхнего Чирюрта и Хунзаха, где были обнаружены каменные кресты, также были найдены различные предметы, имеющие явное отношение к христианскому культу [25, с. 97; 5, с. 201; 26, с. 134].

Таким образом, оказывается, что рядом с местами обнаружения каменных крестов на территории Дагестана встречаются и иные материальные объекты, либо имеющие прямое отношение к христианскому наследию, либо несущие на себе образцы христианской символики. Единственным исключением из этого правила оставались рассматриваемые нами два каменных креста из коллекции музея им. А. Тахо-Годи.

В ходе дополнительного изучения письменных источников мы обратили внимание на опубликованный в журнале «Новый Восток» в 1924 г. предварительный отчёт Н.Ф. Яковлева о работе Дагестано-Чеченской экспедиции 1923 г. в Дагестане [27]. В данном отчёте, в частности, отмечалось следующее: «Внизу, непосредственно под обрывом плато, на котором стоит Хунзах, находятся хутора Ххини (на карте Хинна). Разведка и раскопки здесь проф. А.С. Башкирова обнаружили следы старого поселения, глубоко уходящие в землю фундаменты зданий, очевидно дававшие жителям материал для современных построек. Так, в одной из каменных оград был найден большой (102*52 см), очевидно, намогильный крест хорошей работы из прекрасного белого известняка с гравированным на нем изображением креста с округлыми утолщениями на концах. Жители пытались объяснить его происхождение существованием при крепости Хунзах современного русского кладбища, которое было разграблено во время гражданской войны» [27, с. 246].

6. К сожалению, в результате нашего осмотра сел Тлярош и Цулда в октябре 2023 г., в т.ч. с помощью местного населения, мы не смогли найти оригиналы этих каменных крестов. В связи с этим остается открытым вопрос о дальнейшей судьбе описываемых средневековых артефактов.

При этом, по преданиям местных жителей, в Хини когда-то находилась христианская церковь [28, с. 175].

Указанные в данном сообщении размер по ширине, описание рисунка в средокрестии и материал, из которого изготовлен крест, совпадают с параметрами одного из каменных крестов, хранящегося в Национальном музее Дагестана им. А. Тахо-Годи. Вполне возможно, что нижняя часть этого креста была отломана при перевозке, в результате чего его высота оказалась меньше на 54 см. Крест по форме своих лопастей похож на некоторые другие кресты, которые находятся в краеведческом музее в сел. Хунзах (филиал Национального музея им. Тахо-Годи), но при этом значительно отличается от них своими большими размерами.

Форма креста (с прямоугольными лопастями) использовалась в разное время – и в Средневековье, и в более поздние периоды. Более того, такая форма каменных крестов, датированных концом XIX — началом XX в., нами фиксировалась и на территориях казацких поселений на территории современных Ставропольского и Краснодарского краёв, откуда могли быть родом солдаты 81-го пехотного Апшеронского полка, Кавказского линейного и Кубанского пластунского батальонов, которые в разное время составляли гарнизон Хунзахского укрепления. В средокрестиях этих каменных крестов вместо поясняющих надписей (кто и когда умер) мы также отмечали вырезанные четырехконечные крестики, в т.ч. и с округлыми утолщениями на концах (напр., сел. Труновское Ставропольского края) (рис. 3а). В экспозиции краеведческого музея г. Кисловодска, размещённого во дворе старого военного укрепления, также находится похожий по внешнему виду каменный крест, датированный XIX в., он был перенесен со старого Солдатского кладбища. Встречаются похожие каменные кресты и в Северной Осетии (сел. Лисри, Мамисонское ущелье) (рис. 3б).

С другой стороны, изображение четырёхконечного креста в средокрестии на рассматриваемом нами артефакте похоже на изображение с фрагмента крестообразной стелы, обнаруженной около сел. Ашильта Унцукульского района (рис. 3в), а также на стеле из сел. Сачада Чародинского района.

То есть, в рассматриваемом нами случае, форма каменного креста и изображение в его средокрестии не может выступать четким критерием для датировки этого артефакта прошлого в достаточно узком диапазоне. В этой связи, для определения наиболее вероятного диапазона датировки и назначения объекта важно учитывать не только его внешний вид и наличие аналогов, но и другие факторы, включая контекст обнаружения.

Таким образом, опираясь на наличие аналогов в регионах, откуда в Хунзах могли прибыть носители традиции изготовления и установки каменных крестов, считаем высказанное жителями в 1923 г. объяснение о связи данного каменного креста с русским кладбищем у Хунзахского укрепления (Аранинская крепость) вполне возможным.

С учетом вышеизложенного, в результате анализа всей совокупности данных и учитывая отличие рассматриваемого артефакта по размерам от других крестов, обнаруженных при раскопках в окрестностях Хунзаха и, безусловно, контекст находки, включая зафиксированное объяснение местных жителей, версия позднего (конец XIX – нач. XX в.) происхождения этого каменного креста, по нашему мнению, оказывается предпочтительнее гипотезы о его средневековой датировке.

Известная совокупность фактов позволяет нам предложить следующую версию по корректировке атрибуции данного каменного креста:

– происхождение объекта: из сел. Хини Хунзахского района Республики Дагестан; экспедиция Н.Ф. Яковлева, 1923 г.

– возможный диапазон времени изготовления объекта: конец XIX – начало XX в.

Ещё одно упоминание о находке каменного креста в результате экспедиции 1923 г. мы встречаем на последующих страницах упомянутого отчета экспедиции Яковлева: «В Кахибе, являющемся религиозным центром почитателей шейха Хаджи-Удората, сами жители охотно доставили нам недавно найденные ими при земляных работах в ауле: намогильный, украшенный орнаментом, крест (54*25 см) из желтого песчаника, и фрагмент рельефного растительного орнамента, хорошей работы (розовый песчаник)» [27, с. 251].

Размеры этого креста, упоминание материала и орнамента позволяют нам предположить, что и в этом случае речь идет о еще одном каменном кресте с отломанной лопастью из коллекции Национального музея Дагестана. Единственное и серьёзное отличие между описанным крестом и тем, который находится в музее, – отсутствие одной лопасти на музейном экземпляре. Но учитывая краткий информационный характер сообщения Яковлева без подробного инвентарного описания (Н.Ф. Яковлев был всё-таки лингвистом, а не археологом) и вполне явственное восприятие этого объекта как каменного креста, мы полагаем, что отсутствие в тексте упоминания об отломанной лопасти в той ситуации было вполне допустимым. При этом в упоминаемой ранее «Описи передаваемых вещей…» 1920-х гг. как раз отмечается один обломанный крест с рельефом.

В связи с этим обратим внимание на орнамент, нанесенный на крест, и сравним его с известными нам изображениями из Кахиба и других селений, находящихся неподалеку. Рельефное изображение на кресте представляет собой расположенные по сторонам от центральной оси спирали, преходящие в нижнее изображение спирали, поврежденное вертикальной бороздой. Верхняя часть изображения также представляет собой спираль с расположенным над ней наконечником, напоминающим один из элементов кубачинского орнамента «*тутта*» (*истамбул-бикь*) [20, с. 104], но также встречающимся в орнаментах и на других территориях. При этом правая и верхняя спирали закручены против часовой стрелки, а левая и нижняя – по часовой. Получаются две пары соединённых и разносторонне закрученных спиралей, расположенных крестообразно с чёткой демонстрацией верха и низа (рис. 4а).

Точных копий такого орнамента мы ранее нигде не встречали. Но вот спиралевидные узоры в достаточно значительном количестве можно увидеть на территории обществ Гидатль и Карах, в т.ч. и на каменных крестах из селений Цулда (рис. 4в) и Тлярош [24, с. 52]. На этих двух каменных крестах тоже отбито по одной лопасти, и по этой причине на каждом объекте сохранились только по три спирали, которые, в отличие от музейного экспоната, все закручены в одну сторону, образуя в конечном итоге вариант стилизованной свастики.

Изображения стилизованной спиралевидной свастики часто встречаются на стенах домов селений указанных обществ и, в частности, в Кахибе (рис. 4б) и Цулда (рис. 4г).

В отличие от заимствованных из других территорий узоров, которые встречаются иногда на каменных крестах, в данных примерах мы видим использование местных, весьма характерных орнаментов, широко распространенных и на других

материальных объектах. Поэтому вполне логично полагать, что рассматриваемый каменный крест из коллекции Национального музея должен происходить из региона, где распространены аналогичные изображения на схожих по своему сакральному смыслу объектах.

При этом на некоторых камнях, которые вложены в стены полуразрушенных зданий Кахиба, мы также можем увидеть разнообразные изображения крестов, имеющие явное отношение к христианству.

Таким образом, учитывая размеры креста с отломанной лопастью из Национального музея Дагестана, особенности его формы, материала и нанесенного изображения, мы с высокой степенью вероятности можем предположить, что он соответствует описанию креста из сообщения Н.Ф. Яковлева.

Исходя из вышесказанного наша версия по корректировке атрибуции данного каменного креста из коллекции Национального музея республики Дагестан им. А. Тахо-Годи:

– происхождение объекта – из сел. Кахиб Шамильского района Республики Дагестан; экспедиция Н.Ф. Яковлева, 1923 г;

– возможный диапазон времени изготовления объекта – XIV–XV вв.

Учитывая высказанные в настоящей статье предложения по атрибуции двух каменных крестов из коллекции Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи, мы внесли соответствующие изменения в уточненную редакцию карты с указанием мест обнаружения каменных крестов на территории Республики Дагестан (рис. 5).

На данной карте отдельными значками мы показываем места находок крестов с прямоугольными лопастями, с расширяющимися лопастями и крестов прочих форм (в этой подгруппе учитываются кресты, имеющие сложную и редкую форму), а отдельным символом – места обнаружения каменных крестов, опубликованные без приложения прорисовок, фотографий или подробного словесного описания находки – их мы назвали «кресты неизвестных форм».

Мы понимаем, что сведения на представленной карте не претендуют на всеобъемлемость и окончательность. Но надеемся, что продолжение наших исследований сможет пополнить этот перечень новыми объектами, что позволит более точно и аргументированно продолжить изучение традиции создания и распространения каменных крестов не только на территории Дагестана, но и других регионов Кавказа.

В заключение, мы выражаем искреннюю признательность сотрудникам Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи – П.О. Магомедову, З.Г. Кильдеевой и А.В. Самарской – за помощь при проведении нашей работы по изучению каменных крестов на территории республики Дагестан.

а) б) в)

Рис. 1. Каменные кресты из коллекции Национального музея республики Дагестан им. А. Тахо-Годи. Фото: Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю.

Fig. 1. Stone crosses from the collection of the National Museum of the Republic of Dagestan named after A. Taho-Godi. Photo: Potravnov A.L., Khmelnik T.Yu.

а) б)

Рис. 2. Каменные кресты из Хунзахского историко-краеведческого музея (филиал Национального музея Дагестана им. А.Тахо-Годи). Фото: Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю.

Fig. 2. Stone crosses from the Khunzakh Museum of History and Local Lore (branch of the National Museum of Dagestan). Photo by: Potravnov A.L., Khmelnik T.Yu.

а) б) в)

Рис. 3. Каменные кресты с изображением крестика с закругленными окончаниями. а) сел. Труновское Ставропольский край, б) сел. Лисри, Северная Осетия, в) стела с крестом с. Ашильта, Дагестан, Унцукульский район. Фото: а) и б) – Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю., в) – Дебиров [6, с. 130]

Fig.3. Stone crosses with the image of a cross with rounded lobes. a) Trunovskoye, Stavropol Territory, b) Lisri, North Ossetia, c) stele with a cross, Ashilta, Untsukulsky district, Dagestan. Photo by: a) and b) – Potravnov A.L., Khmelnik T.Y., c) – Debirov [6, p. 130]

а) б) в) г)

Рис. 4. Каменные кресты и спиралевидные узоры на камнях: а) – музей им А. Тахо-Годи, б) сел. Кахиб, в) сел. Цулда (рисунок Дебирова [6, с. 124]), г) сел. Цулда. Фото: Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю.

Fig. 4. Stone crosses and spiral patterns on stones: a) National Museum of Dagestan, b) Kahib, c) Tsulda (drawing by Debirov [6, p. 124]), d) Tsulda. Photo by: Potravnov A.L., Khmelnik T.Y.

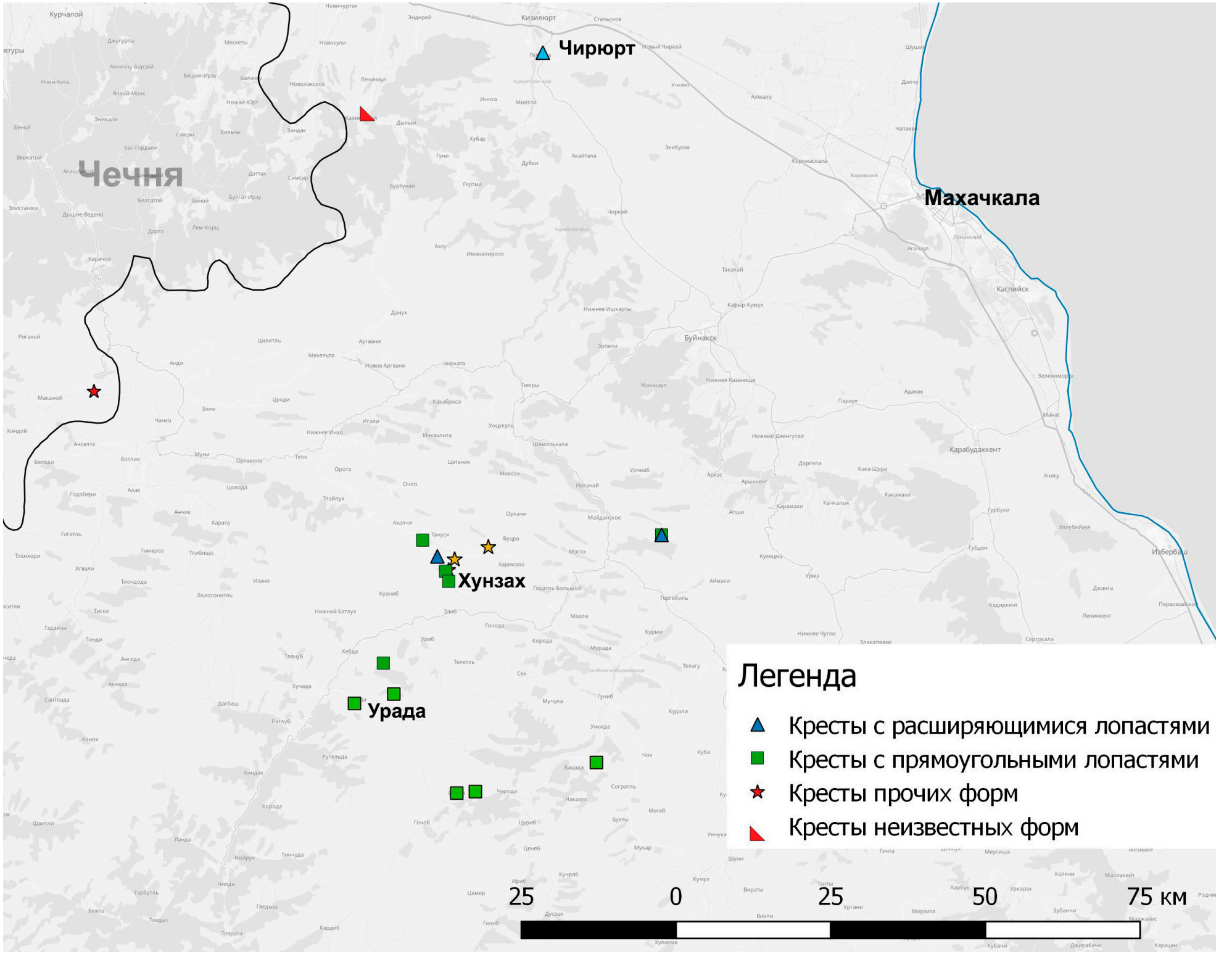


Рис. 5. Уточненная карта мест обнаружения каменных крестов на территории республики Дагестан

Fig.5. Updated map with indications of stone crosses discovered on the territory of the Republic of Dagestan

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чикобава А.С.* Грузино-аварская надпись XIV в. из Дагестана // Сообщения Грузинского филиала АН СССР. Т. I. № 4. Тбилиси, 1940. С. 321–327. (на груз. языке, с рус. резюме).

2. *Абакаров А.И., Даудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. М: Наука,1993. – 325 с.

3. *Атаев Д.М.* Каменные кресты из окрестностей Хунзаха // Материалы по археологии Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1959. С. 182–185.

4. *Котович В.Г.* Археологические работы в горном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана. Т. 2. Махачкала, 1959. С. 5–56.

5. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. – 254 с.

6. *Дебиров П.М.* Резьба по камню в Дагестане. М: Наука, 1966. – 208 с.

7. *Магомедов М.Г.* Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта // Советская археология. 1979. № 3. С. 186–202.

8. *Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю.* О географии распространения монументальных каменных крестов на северо-западе России // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (73). М.: Индрик, 2018. С. 64–76.

9. Записки Общества любителей Кавказской археологии. Кн. I. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1875. – 188 с.

10. *Акопян З.А.* К вопросу о происхождении четырёхгранных стел и мемориальных колонн в раннесредневековом искусстве Армении // Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвящённой памяти А.В. Банк (1906–1984). Труды Государственного Эрмитажа. Т. XCIX. СПб, 2019. С. 133–158.

11. *Токарский Н.М.* Джрвеж II Вохджаберд. Результаты раскопок 1958-1962 гг. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1964. – 113с.

12. *Якобсон А.Л.* Армянские хачкары. Ереван: Айастан, 1986. – 102 с. 91 илл.

13. *Чубинашвили Н.Г.* Стелы-кресты Квемо Картли // Дзегли Мегобари. № 30. Тбилиси. 1972. С. 34–49 (на груз.яз., резюме на рус. яз.).

14. *Kakhiani K., Chanishvili G., Kopaliani J., Machabeli K., Aleksidze Z., Ghlighvashvili E., Pataridze N.* The Early Christian period Church complex from Dmanisi. Tbilisi: Nekeri, 2012. – 202 p.

15. *Machabeli K.* Early Medieval Georgian Stone Crosses. Tbilisi, 2008. – 36 p.

16. *Мнацаканян С.* Мемориальные памятники раннесредневековой Армении. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1982. – 261 с. (На арм. языке, с рус. резюме).

17. *Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю.* Каменные кресты балтийского региона // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые международные Шёгреновские чтения. СПб: Инкери, 2018. С. 286–295.

18. *Маммаев М.М.* Зирихгеран-Кубачи очерки по истории и культуре. Махачкала, 2005. – 252 с.

19. *Лавров Л.И.* Эпиграфические надписи Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–VII вв. М., 1966. – 300 с.

REFERENCES

1. Chikobava AS. Georgian-Avar inscription of the 14th century from Dagestan. *Proceedings of the Georgian branch of the USSR Academy of Sciences*. Tbilisi. 1940, 4(1): 321-327. (In Georgian, with Rus. summary).

2. Abakarov AI., Daudov OM. *Archaeological map of Dagestan*. Moscow: Nauka, 1993. (In Russ)

3. Ataev DM. Stone crosses from the vicinity of Khunzakh. *Materials on Dagestan archeology*. Vol. I. Makhachkala, 1959: 175-182. (In Russ)

4. Kotovich VG. Archaeological Works in Mountain Dagestan. *Materials on Dagestan archeology*. Vol. II. Makhachkala, 1961: 5-57. (In Russ)

5. Ataev DM. *Nagorno-Dagestan in the early Middle Ages (based on archaeological excavations of Avaria)*. Makhachkala, 1963. (In Russ)

6. Debirov P.M. *Stone carving in Dagestan*. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ)

7. Magomedov MG. Early medieval churches of Verkhnyi Chiryurt. *Sovetskaya arkheologiya*. 1979, 3: 186-202. (In Russ)

8. Potravnov AL., Khmelnik TY. On the geography of distribution of monumental stone crosses in the north-west Russia. *Drevnyaya Rus. Voprosy midievistiki*. Moscow: Indrik. 2018, 3(73): 64-76. (In Russ)

9. *Notes of the Society of Lovers of Caucasian Archeology*. Book 1. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1875. (In Russ)

10. Hakobyan ZA. On the issue of the genesis of tetrahedral stelae and memorial columns in the early medieval art of Armenia. *Byzantium within the context of world culture. Proceedings of the conference dedicated to the memory of Alisa Vladimirovna Bank 1906–1984. Materials of the State Hermitage Museum*. Vol. XCIX. St. Petersburg: State Hermitage Publ., 2019: 133-158. (In Russ)

11. Tokarsky NM. *Jrvezh II Voghjaberd. Results of excavations of 1958-1962*. Erevan: AN Armenian SSR, 1964. (In Russ)

12. Yakobson AL. *Armenian khachkars*. Erevan: Ajastan, 1986. (In Russ)

13. Chubinashvili NG. Stele-crosses of Kvemo Kartli. *Dzegli Megobari*. Tbilisi, 1972, 30: 34-49 (in Georgian).

14. Kakhiani K., Chanishvili G., Kopaliani J., Machabeli K., Aleksidze Z., Ghlighvashvili E., Pataridze N. *The Early Christian period Church complex from Dmanisi*. Tbilisi: Nekeri, 2012.

15. Machabeli K. *Early Medieval Georgian Stone Crosses*. Tbilisi, 2008.

16. Mnatsakanyan S. *Memorial monuments of early medieval Armenia*. Erevan: AS Armenian SSR, 1982: 261. (In Armenian, with Rus. summary).

17. Potravnov AL., Khmelnik TY. Stone crosses of the Baltic region. *North-West: Ethno-Confessional History, Historical and Cultural Landscape. The 7th Sjögren's Readings*. Saint-Petersburg: Inkeri, 2018: 286-295.

18. Mammaev MM. *Zirikhgeran-Kubachi: Essays on history and culture*. Makhachkala: DSC RAS, 2005.

19. Lavrov LI. *Epigraphic inscriptions of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1. Inscriptions of the X-XVII centuries*. Moscow: Nauka, 1966.

20. *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 223 с.

21. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические извести о Кавказе. Ч. 2. М., 1823. – 471 с.

22. *Дорн Б.А.* Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. СПб.: Имп. Рус. археолог. об-во, 1895. – 44 с.

23. *Яковлев Н.Ф.* Ювелирная кустарно-художественная промышленность в селении Кубачах // Дагестанский сборник. Т. III. Махачкала, 1927. С.131–148.

24. *Хапизов Ш.М.,* Шехмагомедов *М.Г.* Карах в XII – нач. XX в. исторические и этнографические очерки. Махачкала, 2019. – 655 с.

25. *Гмыря Л.Б.* Атрибуты раннехристианских погребений с территории Дагестана // Вестник института истории, археологии и этнографии. Т.2. № 1. 2006. С. 95–119.

26. *Гамбашидзе Г.Г., Абиев А.К.* Христианские могильники горного Дагестана (по материалам дагестано-грузинской объединенной археологической экспедиции) // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 1. С. 129–144.

27. *Яковлев Н.Ф.* Новое в изучении Северного Кавказа // Новый Восток. 1924. № 5. С. 238–254.

28. *Атаев Д.М.* Христианские древности Аварии // Ученые записки Института истории, языка и литературы. Т. IV. Махачкала, 1958. С. 161–182.

20. Shilling EM. *Kubachi people and their culture: Historical and ethnographic studies.* Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1949. (In Russ)

21. Bronevsky S. *The latest geographical and historical news about the Caucasus. Part 2.* Moscow, 1823. (In Russ)

22. Dorn BA. *Atlas for the journey of B.A. Dorn along the Caucasus and the southern coast of the Caspian Sea.* St. Petersburg: Imp. Rus. Arkh. Obshchestvo, 1895. (In Russ)

23. Yakovlev NF. Jewelry handicraft industry in the village of Kubachi. *Dagestanskiy sbornik*. Makhachkala, 1927, 3: 131-148. (In Russ)

24. Khapizov ShM., Shekhmagomedov MG. *Karakh in XII – early XX centuries (historical and ethnographic essays).* Makhachkala: IHAE DSC RAS, 2019. (In Russ)

25. Gmyrya LB. Attributes of early Christian burials from the territory of Dagestan. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2006, 2(1): 95-119. (In Russ)

26. Gambashidze GG., Abiev AK. Christian burial grounds of Mountain Dagestan (based on the joint Dagestan–Georgian archeological expedition). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2020, 16(1): 129-144. (In Russ)

27. Yakovlev NF. New in the study of the North Caucasus. *Novyy Vostok*. Moscow, 1924, 5: 238-254. (In Russ)

28. Ataev DM. Christian antiquities of Avaria. *Uchenyye zapiski instituta istorii, yazyka i literatury*. Makhachkala, 1958, 4: 61-182. (In Russ)

Поступила в редакцию 19.01.2024 г.
Принята в печать 19.03.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 19.01.2024
Accepted 19.03.2024
Published 15.06.2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202384-397

Исследовательская статья

Алексанян Тигран Александович
научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии
Национальная академия наук Республики Армения, Ереван, Армения
tigranalexanyan@yandex.ru

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РЕГИОНА АРМЕНИИ: ОБЩИЙ ОБЗОР

Аннотация. Статья посвящена исследованию средневековой фортификации северо-восточной части (ныне Бердский, бывш. Шамшадинский район) Республики Армения. Исследуемый регион на юге граничит с Чамбараком, на западе – с Иджеваном, а на севере и востоке – с Казахским, Товузским и Гетабекским районом Азербайджана. Исследование основано на результатах раскопок крепости Тавуш, проведенные нами в 2020–2022 гг., полевых разведочных работ на территории других средневековых укреплений исследуемого района, а также письменных источников и архивных материалов. Следует отметить, что средневековые оборонительные сооружения исследуемого региона немногочисленны, их всего пять: Нор-берд, Кацарет, Ергеванк, Мацнаберд и крепость Тавуш. Являясь важными пунктами оборонной системы региона, в письменных источниках они практически всегда упоминаются вместе и в связи с одними и теми же событиями. Точная дата основания сооружений не известна, но судя по историческим и археологическим данным, постройки датируются X–XIII вв. Вышеуказанные крепости сильно пострадали в результате монгольских нашествий, после чего постепенно были заброшены. Результаты работ показывают, что принцип фортификации северо-восточной части Армении был довольно распространен в Средневековье и характерен как для других регионов Армении, так и для соседних Азербайджана и Грузии. Представленный обзор демонстрирует необходимость всестороннего историко-архитектурного и археологического изучения памятников оборонительной архитектуры, в которых заложена важная информация, позволяющая пролить новый свет на самые различные стороны истории, культуры, архитектуры средневековой Армении и Южного Кавказа в целом.

Ключевые слова: Кавказ; Армения; Бердский район; Средневековье; фортификация; крепость; оборонительная система; монастырь.

Для цитирования: Алексанян Т.А. Средневековая фортификация северо-восточного региона Армении: общий обзор // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 384-397. doi.org/10.32653/CH202384-397

© Алексанян Т.А., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202384-397

Research paper

Tigran A. Aleksanyan,
Researcher
Institute of Archeology and Ethnography
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Erevan, Armenia
tigranalexanyan@yandex.ru

MEDIEVAL FORTIFICATION OF THE NORTHEASTERN REGION OF ARMENIA: A GENERAL REVIEW

Abstract. This article examines the medieval fortifications of the northeastern part of the Republic of Armenia, specifically the Berd region (formerly Shamshadin district). The study area borders Chambarak to the south, Ijevan to the west, and the Kazakh, Tovuz, and Getabek regions of Azerbaijan to the north and east. The research draws on excavations of Tavush fortress conducted from 2020 to 2022, field surveys of other medieval fortifications in the region, written sources, and archival materials. The medieval defensive structures in the study area are few, comprising only five fortifications: Nor-berd, Katsaret, Yergevank, Matsnaberd, and Tavush fortress. As crucial components of the region's defense system, these fortifications are typically mentioned together in written sources and in connection with the same historical events. While the exact dates of their construction remain unknown, historical and archaeological evidence suggests they were built between the 10th and 13th centuries. These fortresses suffered significant damage during the Mongol invasions and were subsequently abandoned. The findings indicate that the fortification principles employed in northeastern Armenia were widespread in the medieval period and characteristic of other regions in Armenia, as well as neighboring Azerbaijan and Georgia. This review highlights the need for comprehensive historical, architectural, and archaeological studies of defensive architecture monuments. Such research can shed light onto various aspects of the history, culture, and architecture of medieval Armenia and the South Caucasus as a whole.

Keywords: Caucasus; Armenia; Berd; Middle Ages; fortification; fortress; defensive system; monastery.

For citation: T.A. Aleksanyan. medieval fortification of the northeastern region of armenia: a general review. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 384-397. doi. org/10.32653/CH202384-397

© T.A. Aleksanyan, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

В Раннем Средневековье изменения общественного строя и установление феодальных отношений в Армении повлекли за собой изменения в строительстве оборонительных сооружений и системе обороны. Установление феодальных отношений, а позднее и образование мелких княжеств вызвало необходимость создания фортификации отдельных регионов. В результате Армения покрылась сетью небольших крепостей, призванных контролировать передвижение людей и противника, а также защищать отдельные регионы. Анализ имеющихся материалов свидетельствует, что этот процесс особенно усилился начиная с X в., когда вновь восстановилась независимая армянская государственность во главе с династией Багратидов, и затем с распадом централизованного Армянского царства и образованием ряда самостоятельных княжеств, перед которыми возникала необходимость самостоятельной обороны.

Оборонительные сооружения Бердского района хронологически делятся на два этапа: ранний период – VII–VI вв. до н.э. [1, с. 80–88; 2, с. 289–292], и средневековый период – X–XIII вв. Исследования показывают, что некоторые средневековые крепости были построены на месте более ранних укреплений. Среди обсуждаемых памятников таковыми являются крепости Тавуш и Мацнаберд, при раскопках которых были обнаружены керамические изделия VII–VI вв. до н.э. [3, с. 297–307]. К сожалению, на других памятниках оборонительной архитектуры археологические исследования до сих пор не проводились, и о них мы можем судить по визуальным обследованиям.

Предыдущие исследования

Первые исследования средневековых крепостей северо-восточного региона Армении инициировал путешественник и топограф XIX в., выдающийся исследователь армянских памятников епископ Макар Бархударянц. В своей известной работе «Арцах» в числе сохранившихся исторических памятников региона автор кратко описывает крепости Тавуш, Ергеванк, Кацарет и Нор-Берд, сооружения системы обороны. Сообщения М. Бархударянца довольно сильно отличаются от сведений средневековых историков. Они являются важным источником для изучения упомянутых памятников, так как являются свидетельством очевидца [4, с. 357–359].

Среди работ XIX в., посвященных исследованию крепостей рассматриваемого региона, выделяется книга «Крепости Армении» Микаела Ованнисяна, члена Мхитарянского ордена, видного исследователя крепостей исторической Армении. Он использовал многочисленные библиографические источники, связанные с упомянутыми крепостями, подверг их анализу и предоставил соответствующие выводы [5, с. 495–515].

Дальнейшие исследования средневековых оборонительных сооружений исследуемой территории относятся к советскому периоду. В 1935 г. с целью составления списка исторических памятников региона, их фотографирования, расшифровки и копирования сохранившихся лапидарных надписей была организована научная экспедиция под руководством археолога Каро Кафадаряна. В ходе экспедиции исследовательский

коллектив посетил практически все населенные пункты региона и документировал сохранившиеся памятники [6, с. 231–307].

Для изучения фортификационных сооружений Бердского региона особую важность имеют и материалы историка, фольклориста Исраэля Чангляна. Будучи родом из села Айгедзор Бердского района, он знал древности родного края, расположенные в лесистых горах и долинах. Заметки автора достоверны и имеют большую научную ценность [7, с. 24–31].

Первые археологические исследования средневековых крепостей исследуемого района были предприняты в 1980-х гг. археологом Айком Есаяном. Под его руководством, в частности, были осуществлены разведочные раскопки в цитадели крепости Тавуш, а также кратковременные раскопки на территории крепости Мацнаберд (автор именует ее Айгедзор). Основной целью предпринятых работ было выяснение стратиграфической картины памятников, а также хронологических границ сохранившихся сооружений [8, с. 132–141; 9, с. 164–171].

Обсуждение

Судя по имеющимся данным, в средневековой Армении для строительства крепостей выбирались господствующие и труднодоступные высоты, подавляющее большинство которых располагалось вблизи дорог и водных источников. Они контролировали дороги, обеспечивая безопасность торговли и транспортных передвижений, которые играли важною роль в экономике страны. В то же время, дороги являлись основными путями и направлениями движения войск и возможного проникновения противника в глубь страны.

Как отмечено выше, после установления и развития феодальных отношений в Армении сформировались системы военно-стратегических пунктов, защищающих отдельные регионы страны. Они состояли из центрального, или главного, оборонительного сооружения и построенных вокруг него мелких укрепленных фортов-спутников. Главная крепость, составлявшая ядро оборонительной системы, являлась одновременно административным центром, главной резиденцией князя или наместника. Естественно, по размерам и стратегической значимости центральное укрепление было больше остальных, здесь размещался постоянный гарнизон, своей военной мощью готовый отразить атаки неприятеля. Другие форты были относительно небольшими укрепленными пунктами, выполнявшими наблюдательно-сторожевые функции. Они располагались недалеко от центральной крепости, имели задачу сообщить о надвигающейся опасности противника и принять на себя его первые удары, чтобы остановить или максимально замедлить его продвижение. Из оборонительных сооружений рассматриваемого региона таковыми выступают, например, форты Кацарет (рис. 2) для крепости Тавуш, и Ергеванк для крепости Мацнаберд (рис. 3). О функции передачи информации этими военными поселениями писал историк и фольклорист И. Чанглян: «О входе противника из Хоранашата (монастырский комплекс) сообщали в Ергеванк, отсюда в Хзникар под Эридзором, отсюда в Ахчкаберд (т.е. Мацнаберд. – *прим. Т.А.*), отсюда в форт Манук, отсюда в Парисос и т.д.» [7, с. 26].

В летописных источниках средневековые укрепления иследуемого района однозначно упоминаются как крепости-форты. Однако наши исследования по теме дают

основание ввести определенное различие между терминами «крепость» и «форт». Термин «крепость» более применим к центральным оборонительным сооружениям, выделяющимся своими размерами, мощными стенами и башнями. Форты – более мелкие фортификационные сооружения, являющиеся звеном оборонительной цепи крепостей, индивидуально не имеющие большого стратегического значения [10, с. 227].

Укрепления, входившие в единую оборонительную систему, располагались на видимом расстоянии и держали связь друг с другом с помощью световых сигналов [11, с. 148]. Для этой цели служили дозорные площадки и сторожевые башни, которые отличались от других по устройству и полю обзора. Подобные сооружения зафиксированы и в расматриваемом регионе, например, в крепости Тавуш (рис. 4) и в других областях Армении [12, с. 91], в Нагорном Карабахе [13, с. 21, 96], а также на территории Киликийского армянского царства [14, с. 47; 15, с. 10–17].

Такая группа сооружений создавала своеобразную оборонительную систему, и чтобы нейтрализовать ее противник должен был захватить все пункты, входящие в ее состав. Возможно, этим следует объяснить и тот факт, что описывая крепости данного региона, средневековые историки почти всегда упоминают их вместе. Исследования свидетельствуют, что некоторые из небольших фортов также служили укрытиями, где в случае опасности собирались жители окрестных поселений. Об этом свидетельствует и историк Киракос Гандзакеци (XIII в.), описывая защиту Хасан-Джалалом, ишханом Хачена, крепости Хоханаберд, расположенной близ села Ванклу (Вангли) на горе Тарханасар: «Этот мудрый князь собрал всех жителей своего края в крепости, называемой по-персидски Хоханаберд» [16, с. 269].

Наряду с крепостями в средневековой Армении оборонительными сооружениями укреплялись и монастыри. Они обводились мощными стенами, не отличавшимися от оборонительных стен средневековых крепостей, и были построены по тому же принципу: с достаточной для защиты высотой и толщиной, с круглыми в плане башнями.

Сочетание укрепленных монастырей и оборонительных сооружений было широко распространено и предстает характерным явлением в средневековой Армении в условиях частой военной опасности. По словам А. Заряна, они образовывали своеобразную оборонительную систему, состоящую из крепости и монастыря [17, с. 61]. Мхитар Айриванеци (XIII в.), описывая вторжение монголов в страны Кавказа, свидетельствует о разрушении ими крепостей и защищенных оборонительными сооружениями монастырей: «Они (монголы. – *прим. Т.А.*) разрушили все крепости и укрепленные монастыри Армении, Грузии и Албании» [18, с. 82].

Судя по топографическим данным, очевидно, что большинство монастырей средневековой Армении построены в пределах видимости крепостей, поблизости от них. В Бердском районе это явление проявляется на примерах крепости Нор-берд и монастыря Варагаванк, а также крепости Ергеванк и монастыря Хоранашат (рис. 5). Об этом косвенно свидетельствуют и сообщения Киракоса Гандзакеци, согласно сведениям которого Нор-берд находился недалеко от Варагаванка, а крепость Ергеванк – перед монастырем Хоранашат [16, с. 153, 244].

Варагаванк (также известный как Нор Варагаванк, Анапати Ванк) расположен в 3,5 км к юго-западу от сел. Варагаван, на восточном склоне лесистой горы. Оборонительные стены всего комплекса не сохранились, но по информации К. Кафадаряна, в 1930-х гг. они все еще были видны [5, с. 247]. Монастырь Хоранашат расположен

в 2,5 км к северо-востоку от сел. Чинари, на западном склоне лесистой горы, как представляет Киракос Гандзакеци, прямо напротив крепости Ергеванк. На фотографии, сделанной К. Кафадаряном в 1935 г., запечатлены оборонительные стены этого монастыря (рис. 5).

В ряду средневековых крепостей рассматриваемого региона особое значение имеет крепость Тавуш. В отличие от других крепостей, она выделяется своими размерами и относительно хорошей сохранностью. Кроме того, это единственное укрепленное сооружение, где были проведены археологические и архитектурные исследования, результаты которых очень важны для изучения как самостоятельного фортификационного укрепления, так и оборонительной системы региона в целом.

Крепость расположена в юго-восточной части города Берд, на скалистом холме. На территории городища сохранились северные стены цитадели, некоторые части стен нижней крепости, а также руины церкви Св. Богородицы.

Цитадель крепости занимает площадь около 500 кв. м, с северной стороны построены мощные стены с тремя полукруглыми в плане башнями, южная часть защищена обрывом высокой скалы, а в восточной и западной частях, помимо естественной труднодоступности, были построены и дополнительные оборонительные сооружения (рис. 6). Стены крепости Тавуш построены из грубоотесанных камней, уложенных на известковом растворе. Чтобы придать стенам дополнительную прочность, при строительстве в них горизонтально укладывали деревянные бревна, остатки которых до сих пор сохранились.

Результаты археологических исследований крепости Тавуш доказывают, что старая дорога, ведущая к цитадели, располагалась на месте нынешней тропы. В ходе разведочных раскопок, проведенных на этом участке, были обнаружены и остатки оборонительных стен, фиксирующие второй пояс обороны. Этот факт дает основание сделать вывод, что восточный склон цитадели также был обведен стенами, образуя огороженную территорию перед входом в цитадель (рис. 7).

Подобный принцип был довольно распространен при строительстве крепостей в том числе и в средневековой Армении и являлся одним из важных элементов оборонительной системы. Таким образом создавалось дополнительное препятствие для достижения цитадели. Преодолев внешний вход, выступавший первым рубежом обороны, противник не сразу достигал входа в цитадель, а оказывался на окруженном стенами пространстве, где со всех сторон попадал под атаку защитников крепости. И только преодолев этот участок, можно было войти в цитадель через второй (внутренний) проход.

Необходимость противостоять противнику диктовала и применение технических уловок. Для этого два входа в цитадель были построены не на одной оси, что создавало дополнительные трудности на пути к цитадели. Этот принцип организации входов также был широко распространен и использовался как в Армении (крепости Лори, Бжни, Амберд), так и в средневековых крепостях соседних регионов (Дманиси, Самшвилде, Нахичеван) [12, с. 88–89; 19, с. 81–82].

Еще одно важное обстоятельство было обусловлено вооружением средневекового воина. Как известно, в левой рукой они держали щит, а правой – меч или копье, оставляя правую сторону относительно незащищенной и уязвимой. Учитывая этот факт, вход в цитадель был устроен таким образом, что приближающиеся воины противника вынуждены были двигаться влево вдоль укрепления и как можно дольше проходили

под стенами, подставляя слабозащищенный правый бок и попадая под обстрел осажденных. Это помогало им в обороне крепости и существенно усложняло задачу нападающих.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют, что строительство средневековых крепостей и создание оборонительных систем на территории Северо-Восточной Армении осуществлялось по распространенным принципам и находит параллели среди синхронных укреплений соседних регионов и стран. Как и большинство средневековых оборонительных сооружений Армении, приведенные памятники сооружены на господствующих скалистых вершинах. Планировка крепостей была обусловлена крутым рельефом местности, приспособлена к нему, и это обеспечивало более высокую степень обороны. По мнению выдающегося исследователя армянской архитектуры Т. Тороманяна, выбор скалистых высот для строительства крепостей был обусловлен двумя обстоятельствами: во-первых, необходимый для строительства камень был доступен на месте и, во-вторых, во время осады со скалы могли срезать крупные камни, которые использовали для поражения осаждающего противника [20, с. 12].

Представленный общий обзор памятников фортификации демонстрирует их все еще слабую изученность как в архитектурном, так и в археологическом аспектах. Вместе с тем, крутой горный рельеф и густая растительность на современном этапе существенно повреждают памятники и ускоряют их разрушение. Сказанное демонстрирует необходимость всестороннего историко-архитектурного и археологического изучения памятников оборонительной архитектуры, в которых заложена важная информация, позволяющая пролить новый свет на самые различные стороны истории, культуры, архитектуры средневековой Армении и Южного Кавказа в целом.

Рис. 1. Средневековые крепости северо-восточного региона Армении

Fig. 1. Medieval Fortresses of Northeastern Armenia

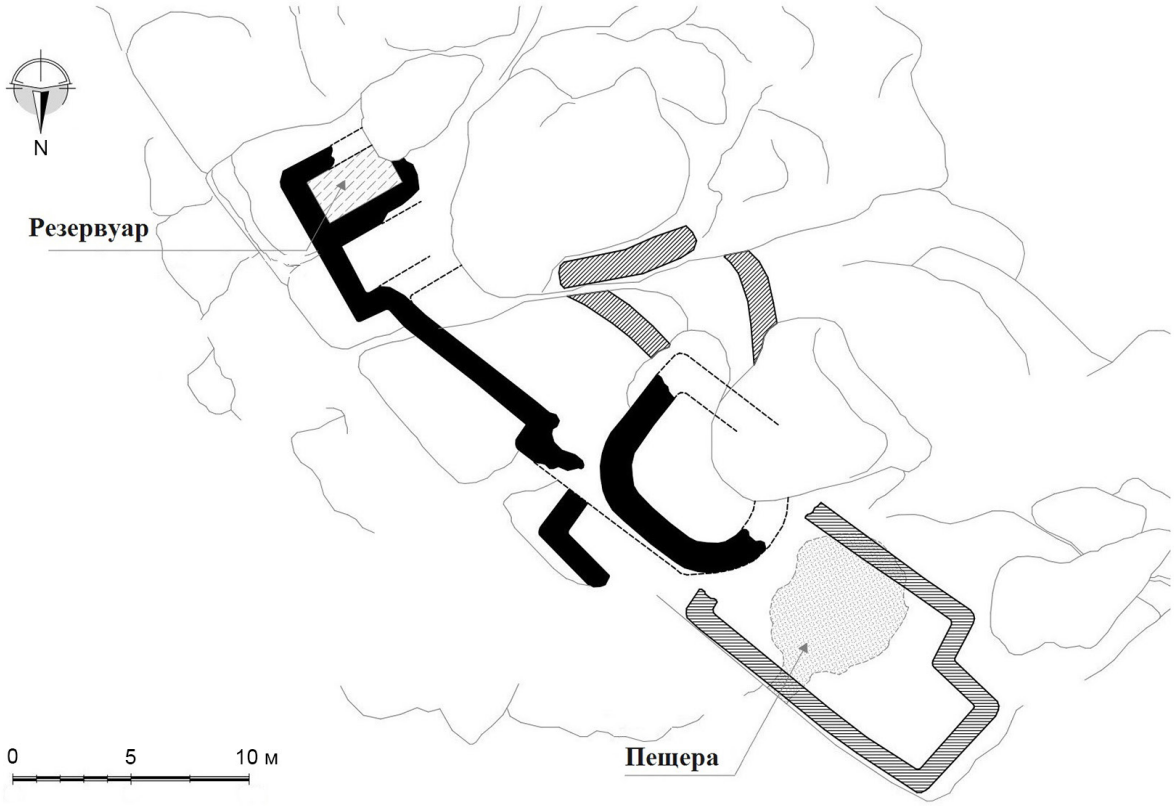


Рис. 2. Форт Кацарет (фото Л. Мкртчяна, обмер А. Ахвердяна)

Fig. 2. Katzaret Fort (photo by L. Mkrtchyan, measurements by A. Hakhverdyan)

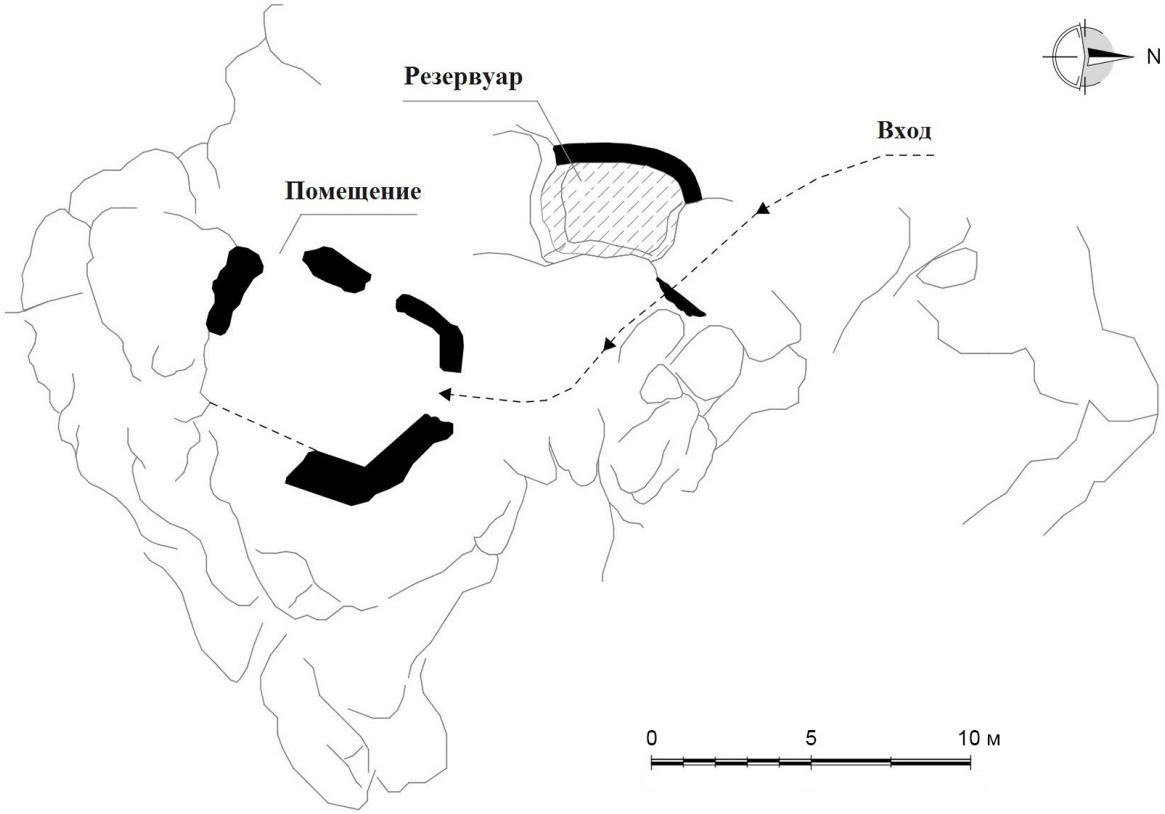


Рис. 3. Цитадель крепости Мацнаберд (фото Л. Мкртчяна, обмер А. Ахвердяна)

Fig. 3. Citadel of Matsnaberd Fortress (photo by L. Mkrtchyan, measurements by A. Hakhverdyan)

Рис. 4. Цитадель и сторожевая башня крепости Тавуш (фото Л. Мкртчяна)

Fig. 4. Citadel and watchtower of Tavush Fortress (photo by L. Mkrtchyan)

Рис. 5. Монастырь Хоранашат (фото К. Кафадаряна, 1935 г.)

Fig. 5. Khoranashat Monastery (photo by K. Kafadaryan, 1935)

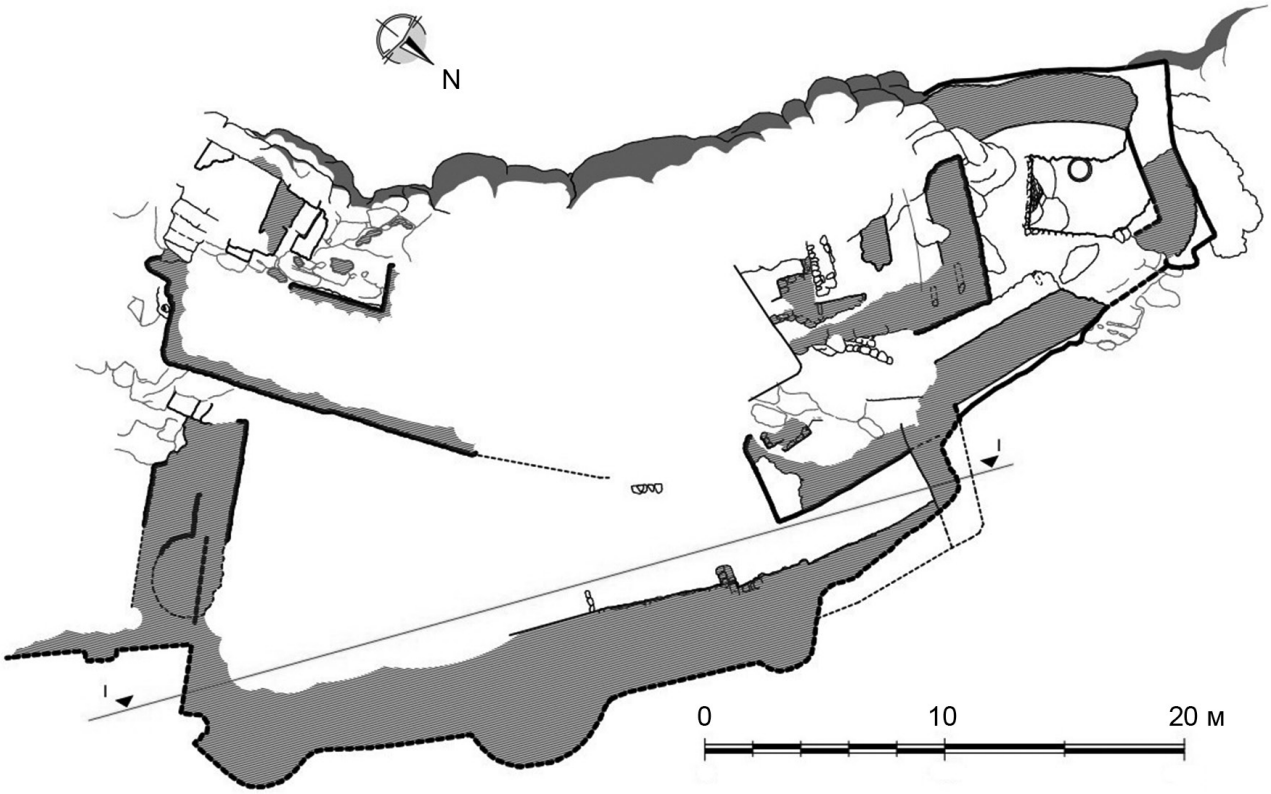


Рис. 6. План цитаделя крепости Тавуш (обмер А. Ахвердяна)

Fig. 6. Plan of Tavush fortress Citadel (measurements by A. Hakhverdyan)

Рис. 7. Детали оборонительной системы крепости Тавуш

Fig. 7. Details of the defensive system of Tavush Fortress

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есаян С.А., Кафадарян К.Г. О некоторых циклопических крепостях Шамшадина // Известия АН Арм. ССР. 1965. № 11. С. 80–88 (на арм. яз.).

2. Микаелян Г.А., Есаян С.А. Циклопические крепости Шамшадинского и Красносельского районов // Историко-филологический журнал. 1968. № 3. С. 289–296 (на арм. яз.).

3. Алексанян Т.А., Бадалян А.Н., Ахвердян А.С. Ритуальные сосуды из крепости Тавуш // Вестник общественных наук. № 3. 2023. С. 297–307 (на арм. яз.).

4. Бархударьянц М. Арцах. Баку: Арор, 1895. – 461 с. (на арм. яз.).

5. Ованесян М. Крепости Армении. Венеция: Изд-во Св. Лазаря, 1870. 1006 с.

6. Кафадарян К.Г. Археологическая экспедиция в Шамшадина в 1935г. // Страницы истории и культуры армянского средневековья. Ереван: Гитутюн, 2007. С. 231–307 (на арм. яз.).

7. Чанглян И.А. Шамшадин: Исторические сведения. Ереван: Егея, 2011. – 288 с. (на арм. яз.).

8. Есаян Г.С., Сагумян С.Т., Шахназарян А.И. Раскопки крепости Тавуш // Вестник общественных наук. № 2. 1991. С. 132–141 (на арм. яз.).

9. Есаян Г.С. Раскопки крепостей Тавуш и Айгедзор и вопрос найденных изразцов // Вестник Ереванского Университета. № 1. 1994. С. 164–171.

10. Зарян А.А. О некоторых принципах строительства крепостей в Сюнике // Историко-филологический журнал. № 1. 1988. С. 224–232 (на арм. яз.).

11. Халпахчьян О.Х. Композиционные особенности планировки оборонительных сооружений Армении // Архитектурное наследство. № 19. 1972. С. 146–166.

12. Гарибян И.Г. Город-Крепость Лорэ и его раскопки. Ереван: Гитутюн, 2009. 290 с. (на арм. яз.).

13. Мкртчян Ш.М. Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ереван: Айастан, 1988. 360 с.

14. Халпахчьян О.Х. Архитектура армянского царства Киликии // Эчмиадзин. № 11. 1961. С. 44–59. (на арм. яз.).

15. Edwards R.W. The fortifications of Armenian Cilicia. Dumbarton Oaks Studies XXIII. Washington, 1987. 288 p.

16. Киракос Гандзакеци. История Армении. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1961. – 427 с. (на арм. яз.).

17. Зарян А.А. Оборонительная система Воротнаберд-Воротнаванк // Вестник общественных наук. № 10. 1986. С. 61–69 (на арм. яз.).

18. Мхитар Айриванеци. Хронологическая история. СПб., 1867. 94 с. (на арм. яз.).

19. Нагиев Г.Г. Оборонительные сооружения средневековых городов Азербайджана: пути развития и особенности эволюции // Вестник МГПУ, серия «Исторические науки». № 4. 2016. С. 75–87.

20. Тораманян Т.А. Материалы по истории армянской архитектуры. Ереван: Армфан, 1942. – 403 с.

REFERENCES

1. Yesayan SA., Kafadaryan KG. Some Cyclopean fortresses of Shamshadin. *Newsletter of Academy of Sciences of the Armenian SSR*. 1976, 11: 80-88. (In Arm.).

2. Mikayelyan GA., Yesayan SA. Cyclopean fortresses of Shamshadinand Krasnoselsk regions. *Historical-philological journal*. 1968, 3: 289-296. (In Arm.).

3. Aleksanyan TA., Badalyan HN., Hakhverdyan AS. Ritual vessels from Tavush fortress. *Herald of Social Sciences*. 2023, 3: 297-307. (In Arm.).

4. Barkhudaryants M. *Artsakh*. Baku: Aror, 1895. (In Arm.).

5. Hovhannesyan M. *Fortresses of Armenia*. Venice: St. Lazarus, 1870.

6. Kafadaryan KG. Archaeological expedition in Shamshadin in 1935. *Pages of history and culture of the Armenian Middle Ages*. Yerevan: Gitutyun, 2007: 231-307. (In Arm.).

7. Changlyan IA. *Shamshadin, Historical information*. Yerevan: Egea, 2011. (In Arm.).

8. Yesayan HS., Saghumyan ST., Shahnazaryan AI. The Excavations of Tavush fortress. *Herald of Social Sciences*. 1991, 2: 132–141. (In Arm.).

9. Yesayan HS. The Excavations of Tavush and Aygedzor fortresses and the problem of glazed tiles. *Bulletin of Yerevan University*. 1994, 1: 164-171.

10. Zaryan AA. Some principles of building of fortresses in Syunik. *Historical-philological journal*. 1988, 1: 224-232. (In Arm.).

11. Khalpakhchyan HKh. Compositional features of the layout of defensive structures in Armenia. *Arhitekturnoe nasledstvo*. 1972, 19: 146-166.

12. Gharibyan IG. *The fortress town Lore' and its Excavations*. Yerevan: Gitutyun, 2009. (In Arm.).

13. Mkrtchyan ShM. *Historical-architectural monuments of Nagorno-Karabakh*. Yerevan: Hayastan, 1988. (In Russ.).

14. Khalpakhchyan HKh. The Architecture of Armenian Kingdom in Kilikia. *Etchmiadzin*. 1961, 11: 44–59. (In Arm.).

15. Edwards RW. *The fortifications of Armenian Cilicia. Dumbarton Oaks Studies XXIII*. Washington, 1987.

16. Kirakos Gandzaketsi. *History of Armenia*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1961. (In Arm.).

17. Zaryan AA. Defense system of Vorotnaberd-Vorotnavank. *Herald of Social Sciences*. 1986, 10: 61–69. (In Arm.).

18. Mkhitar Ayrivanetsi. *Chronological History*. St. Petersburg, 1867. (In Arm.).

19. Nagiev GG. Defensive Structures of Medieval Cities of Azerbaijan: The ways of Development and Features of Evolution. *Bulletin of Moscow Pedagogical University*. 2016, 4: 75–87. (In Russ.).

20. Toromanyan TA. *Materials on History of Armenian Architecture*. Yerevan: Armfan, 1942. (In Russ.).

Поступила в редакцию 26.12.2023 г.
Принята в печать 04.03.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 26.12.2023
Accepted 04.03.2024
Published 15.06.2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202398-416

Исследовательская статья

Чернецов Алексей Владимирович
д.и.н, профессор, главный научный сотрудник,
Институт археологии РАН, Москва, Россия
avchernets@yandex.ru

ТУРИЙ РОГ ИЗ ЧЕРНОЙ МОГИЛЫ (ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕКОРА)

Аннотация: Статья посвящена сюжетным изображениям на серебряной оковке пиршественного турьего рога из кургана X в. Черная Могила, находящегося на территории современного Чернигова. Судя по исключительному богатству инвентаря, памятник связан с представителями княжеского рода, культурой элитарной воинской среды эпохи формирования Древнерусского государства накануне принятия христианства. Эта культура отмечена синкретическим характером, включавшим, наряду с элементами скандинавской традиции, следы влияния Востока, принесенные кочевниками евразийских степей. Наиболее развернутая трактовка декора, предложенная Б.А. Рыбаковым (1949), предлагает видеть в нем иллюстрацию к сюжету русской былины. Интерпретация представляется неприемлемой по ряду существенных соображений. Отмеченный исследователем мотив поражения одного из персонажей собственной стрелой находит соответствие в магической формуле, входившей в состав языческих клятв X в. Автор данной статьи предлагает истолкование изображению на оковке как сцены, связанной со скандинавским мифом о гибели богов. На это указывает фигура чудовищного волка Фенрира, перекусывающего волшебные узы, от которого убегают антропоморфные персонажи. Образ петуха отражает строки Старшей Эдды, где пение этой птицы возвещает начало событий. На скандинавский характер изобразительных мотивов указывают выразительные аналогии – металлическая подвеска с парой изогнувшихся хищников, мотив птицы со сложенными за спиной крыльями на одном из готландских камней и ряд стилистических особенностей. То, что на оковке рога опознается центральный мотив скандинавской мифопоэтической традиции, весьма существенно для историко-искусствоведческой, этнокультурной и социально-политической характеристики эпохи формирования Древнерусского государства.

Ключевые слова: Черная Могила; погребение X в.; оковка пиршественного рога; мотив скандинавской мифологии – «гибель богов».

Для цитирования: Чернецов А.В. Турий рог из Черной Могилы (опыт интерпретации декора) // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 398-416. doi.org/10.32653/CH202398-416

© Чернецов А.В., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202398-416

Research paper

Alexey V. Chernetsov,
Dr. Sci., Prof., Chief Researcher
Institute of Archeology, RAS, Moscow, Russia
avchernets@yandex.ru

AUROCHS' DRINKING HORN FROM THE CHERNAYA MOGILA KURGAN: AN INTERPRETATION OF DECORATIONS

Abstract. This article examines the narrative images on the silver binding plate of the aurochs' drinking-horn from the Chernaya Mogila kurgan ("Black Grave"), located in modern Chernigov and dated to the 10th century. The exceptional wealth of grave goods suggests it belonged to a princely dynasty, reflecting the cultural features of military elites on the eve of the Medieval Rus' State's foundation, just prior to Christianization. This culture exhibited a syncretism of Scandinavian traditions and Oriental elements introduced by Eurasian steppe nomads. B.A. Rybakov's 1949 interpretation suggests that the decorations illustrate a motif from a Russian epic song (bylina). However, this view is contested due to some considerable reasons. The researcher notes that the anthropomorphic figure struck by its own arrow finds parallels in a magical formula from a 10th-century pagan oath. This study proposes an alternative interpretation associating the horn's imagery with Scandinavian mythology, specifically the Ragnarök motif. The decoration appears to depict the monstrous wolf Fenrir breaking his fetters and anthropomorphic figures fleeing from him. A rooster, possibly linked to Elder Edda texts, may herald the onset of dramatic events. The Scandinavian nature of the decoration is supported by notable parallels, including a symmetrical pair of twisted beasts of prey on a pendant-medallion and a bird with crossed wings on a Gotland stone, along with various stylistic details. The interpretation of the drinking horn's decorations as representing a central episode in Scandinavian mythological and poetic traditions holds significant implications for understanding the art historical, ethno-cultural, social, and political features of the Medieval Rus' State's formative period.

Keywords: Chernaya Mogila; kurgan of the 10th c.; binding plate; drinking horn; Scandinavian mythological motif – Ragnarök

For citation: A.V. Chernetsov. Aurochs' drinking horn from the Chernaya Mogila kurgan: an interpretation of decorations. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 398-416. doi.org/10.32653/CH202398-416

© A.V. Chernetsov, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Турий рог из знаменитого погребения в Черной Могиле, серебряная оковка которого украшена сюжетными изображениями, а также орнаментальными мотивами (рис. 1, *1-3*), неоднократно привлекал внимание исследователей [1, с. 48–51; 2, с. 80–82; 3, с. 622–626].

Эта находка связана с богатейшим (очевидно, княжеским) погребением, относящимся к эпохе формирования так называемой «империи Рюриковичей». Она характеризует финальную стадию развития языческих традиций на ее территории накануне крещения Руси. Декор оковки представляет собой выдающееся произведение восточноевропейского художественного ремесла своего времени, всесторонняя оценка которого имеет ключевое значение для объективной оценки истоков прикладного искусства Киевской Руси.

Я впервые высказался по поводу интерпретации сюжетных изображений серебряной оковки рога в Чернигове на конференции в 1985 г. [4]. Более подробно мои построения изложены в статье, опубликованной в 1988 г. [5]. Эта трактовка не получила признания со стороны большинства специалистов и, по-видимому, была отнесена к числу недостаточно обоснованных гипотез. При этом, представляется, что скептически настроенные исследователи не обратили внимания на то, что мои аргументы, каждый из которых, взятый по отдельности, может быть оспорен, представляют собой систему, в которой ряд тезисов подкрепляют друг друга.

В статье 1988 г. многие положения были изложены недостаточно подробно. В некоторых случаях мне удалось найти дополнительные аргументы в пользу предлагаемых построений. Кроме того, за прошедшие десятилетия был опубликован ряд научных работ, имеющих прямое или косвенное отношение к интерпретации рассматриваемых изображений. Это побуждает меня вернуться к сюжету, к которому я уже обращался.

Поскольку в данном случае статья публикуется в научном журнале широкого профиля, не адресованном преимущественно археологам-славистам, считаю необходимым предварить основное изложение краткой справкой о находке, погребальном комплексе, с которым она связана, наконец, о типе курганных могильников, в которых встречаются погребения, имеющие черты сходства с рассматриваемым.

Курган, известный под названием «Черная Могила» [6], находится в черте современного г. Чернигова. Он расположен за пределами городских укреплений, существовавших ко времени сооружения кургана, неподалеку от них. По преданию, в кургане похоронен легендарный князь Черный, по имени которого город получил название. Черная Могила как ориентир упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 г. [7, стб. 537; 8].

Курганная насыпь очень велика, не сопоставима с размерами курганов рядового сельского населения. Ее высота составляла ок. 11 м, диаметр ок. 40 м. Курган был раскопан в 1872-73 гг. Д.Я. Самоквасовым (1843–1911). Материалы опубликованы исследователем в ряде публикаций, в частности в известной книге «Могилы русской земли» [9, с. 197–201]. Основная часть находок хранится в ГИМ.

Насыпь сооружена на месте погребального костра, в котором, предположительно, сожжены останки трех погребенных: взрослого мужчины, молодого мужчины (подростка?) и женщины. Сохранились остатки прямоугольного погребального сооружения, не заглубленного в землю, и разнообразный инвентарь, включающий предметы вооружения, украшения, а также такие находки как серпы (10 экз.!), остатки более

десяти небольших деревянных ведер с железными обручами и дужками. Важнейшие предметы вооружения (кольчуги, шлемы, мечи) представлены парами. Этот факт подтверждает, что двое погребенных были мужского пола.

После сожжения была сооружена насыпь 7-метровой высоты, на вершине которой поместили извлеченные из кострища останки покойных и обгоревшие предметы вооружения. В ходе заупокойного ритуала к ним добавили не побывавшие в огне железный котел с черепом и костями мелкого рогатого скота, а также птиц, небольшой бронзовый идол в сидячей позе и два ритона для питья, изготовленные из рогов тура (*Bos primigenius*), украшенные в верхней части серебряными оковками. В числе находок этой части комплекса две золотые византийские монеты (половина еще одной такой разрубленной монеты сохранилась на кострище). Затем процесс сооружения насыпи был завершен, причем она достигла 11 м в высоту.

Византийские монеты, а также факт совершения столь богатого погребения по очевидно языческому обряду указывают на дату ок. 960 г., во всяком случае, до 988 г. – времени официального принятия христианства, события, безусловно, актуального для крупнейших центров южной части Древней Руси.

Черная Могила входит в круг памятников, связанных с так называемыми дружинными древностями, курганами и могильниками [10, с. 248–256; 11]. Под этим названием известны крупные (несопоставимые с обычными сельскими) курганные могильники, в которых встречаются элитарные захоронения воинов с предметами вооружения, дорогими украшениями и находками, связанными с торговлей. Среди импортных вещей заметны изделия скандинавского происхождения или подражания им. Значительную часть подобных находок составляют женские украшения.

Название «дружинные могильники» может порождать не совсем правильные представления об их социальной природе. В каждом из крупных могильников такого рода преобладают безынвентарные или малоинвентарные погребения с небольшими насыпями, которые вполне могли принадлежать рядовому местному населению (или челяди, зависимой от знатных воинов). Часть подобных погребений могла быть связана с не менее знатными дружинниками, чем те, которые захоронены в богатых курганах с крупными насыпями. Это могло касаться покойников, у которых на момент погребения в пределах досягаемости не нашлось зажиточных родичей, способных обеспечить дорогостоящий погребальный обряд.

Самый крупный дружинный курганный могильник находится в Гнёздово, под Смоленском. В Ярославском Поволжье известны три подобных могильника меньших размеров – Тимеревский, Петровский и Михайловский. Очень крупный курганный могильник подобного типа находится на Черниговщине – Шестовица. Имеются курганные захоронения подобного рода также на Псковщине. Остатки сходного могильника выявлены в Киеве. К древнерусским дружинным древностям нередко относят курганы Приладожья эпохи викингов. Эта территория входила в сферу влияния Древнерусского государства, однако эти могильники нельзя назвать славяно-скандинавскими, поскольку они оставлены преимущественно скандинавами и западно-финским населением.

Черная Могила представляет собой отдельно стоящий одиночный курган. Однако в ближайшей округе Чернигова существует еще несколько подобных курганов, а также сравнительно небольшие курганные группы, отмеченные особенностями дружинных могильников [1, с. 11, рис. 1].

Элитарные захоронения в дружинных курганах являются предметом давней дискуссии об их этнической принадлежности. Споры ведутся не только по поводу интерпретации отдельных находок и погребальных комплексов, но также об их роли в общей характеристике социальной структуры Руси раннесредневекового периода. Роль варягов в составе дружин первых киевских князей ярко отразилась в Начальной летописи, где в тексте договоров Руси с греками (911 и 945 гг.) в качестве представителей «от рода русского» выступают знатные воины, по преимуществу носящие скандинавские имена [12, стб. 33, 46, 47].

Полиэтничность древнерусских дружинных могильников не представляет собой уникальной черты для своей эпохи. Можно указать на несколько более ранние, территориально близкие и сходные по своей этнической и социальной природе славяно-аварские могильники Паннонии и сопредельных регионов [13, с. 109–137; 14].

Турий рог, которому посвящено дальнейшее изложение, украшен в верхней части серебряной оковкой. Ее декор выполнен в техниках чеканки, гравировки, позолоты и тиснения.

Сосуды для питья, изготовленные из роговых чехлов полорогих копытных, имели широкое распространение в древнем мире и в эпоху Средневековья, и встречаются в употреблении в позднейшем времени. Уже в древности известны сосуды, сохраняющие форму рога, но изготовленные из других материалов (керамики, металла, слоновой кости). Античные ритоны могут также иметь иную форму (нижний конец нередко оформлен в виде головы животного), но обычно сохраняют расширяющуюся кверху воронкообразную горловину [15]. Сосуды подобного рода, изготовленные как из натуральных рогов, так и из других материалов нередко украшались богатым декором. Таковы, например, сохраняющие форму рога ритоны из слоновой кости, найденные в древней столице Парфянского царства Нисе (Туркмения) [16]. В верхней части они несут рельефные изображения, а снизу завершаются скульптурными мотивами, исполненными в традициях эллинистического искусства. В Скандинавии традиция использования рогов для питья (или сосудов в форме рога) сохраняется до эпохи зрелого Средневековья [17, с. 96, 97].

Рога животных использовались также для изготовления музыкальных инструментов, охотничьих и сигнальных рожков. Подобные изделия также могли быть сделаны из других материалов. В армии древнего Рима боевые трубы в виде изогнутого рога (*cornu, bucina*) обычно были сделаны из металла [18, с. 421], хотя первое название в переводе означает просто «рог». В Средние века получают распространение парадные крупные сигнальные и охотничьи рога из бивней слонов, известные под соответствующим названием «олифанты». Многие экземпляры олифантов богато украшены резьбой. Подобные рога по происхождению преимущественно связаны с исламским миром, Византией и Южной Европой. Существуют свидетельства письменных источников, что олифанты в ряде случаев могли служить также рогами для питья [19, 20, 21, с. 181, 182, рис. 279, с. 197, рис. 305]. Использование рогов (рожков) для вскармливания младенцев известно, во всяком случае, с эпохи раннего Средневековья; в позднейшее время в рожках (или вместилищах, повторяющих их форму) хранили табак, порох и т.п.

Отдельный сюжет, связанный с представлениями о роге, соотносится с фантастическим образом единорога. Рогу этого сказочного существа приписывали чудесные свойства. В качестве рога единорога в Средние века получает распространение бивень (зуб) морского млекопитающего – нарвала (*Monodon monoceros*). Этот «рог», значительной

длины, имеет спиралевидную, витую поверхность. Соответственно, на многих средневековых, в том числе, некоторых древнерусских, изображениях единорог имеет вид коня с раздвоенными копытами и витым рогом. Бивень нарвала ценился очень высоко. Известно, в частности, что Иван Грозный владел посохом из «рога единорога» и демонстрировал его чудесные свойства [22, с. 405, 526]. В собрании Оружейной палаты хранится один посох, значительная часть которого изготовлена из бивня нарвала [23, с. 63, № 113]. Любопытно, что на древнерусских посохах конца XV в., украшенных резным моржовым клыком (былинным «рыбьим зубом»), имеются детали, включающие спиралевидный мотив, а среди зооморфных образов представлен единорог [24, с. 36, табл. 2, с. 44, табл. 6, с. 49, табл. 9, с. 50, табл. 10, с. 52, табл. 11, с. 58, 59, табл. 13].

Рога для питья, иногда имеющие дополнительные декоративные элементы, встречены в нескольких древнерусских погребениях. При этом оба ритона из черниговского кургана выделяются исключительным богатством и художественными достоинствами отделки.

Наиболее детальная интерпретация декора оковки рога из Черной Могилы была предложена в 1949 г. Б.А. Рыбаковым [1, с. 48–51]. По его мнению, ряд изображений иллюстрирует черниговский эпос – былину об Иване Годиновиче. Антропоморфные фигуры представляют «неверного» царя Кащея и невесту Ивана – Настасью (Марью). Кащей стреляет в вещую птицу, пророчащую ему смерть, стрелы возвращаются и поражают самого лучника. Наблюдательный исследователь справедливо указывает, что декор отражает повествовательный сюжет. Весьма существенным представляется отмеченный им мотив возвращающихся стрел, и его связь с языческой клятвой, приведенной в тексте договора Руси с греками 945 г. («да не ущитятся щиты своими и да посечени будуть мечи своими, от стрел и от иного оружья своего…») [12, стб. 48]. Существенно, что при этом упомянуты стрелы. Наглядное изображение стрелы, направленной в стрелка, а также близость хронологии текста и погребения, позволяют считать указанную параллель неслучайной.

Предложенная Б.А. Рыбаковым трактовка, несомненно, свидетельствует о наблюдательности и таланте исследователя. Тем не менее, она отмечена чертами, не позволяющими считать ее вполне убедительной. Прежде всего, сомнение вызывает попытка увидеть в рассматриваемом декоре отражение эпоса. Главным действующим лицом эпоса выступает человек (герой). Единичный эпический сюжет в изобразительном искусстве всегда представляет победу героя над противником (зверем, чудовищем, человеком). Между тем на оковке рога, если принимать интерпретацию Рыбакова, главного героя вообще нет. Антропоморфные фигуры представлены униженными, убегающими от опасности. Сцена, иллюстрирующая эпос с отсутствующим главным героем, возможна лишь в случае, если допустить, что рог был составной частью целого набора престижных объектов, несущих изображения отдельных эпизодов одного рассказа. Такое допущение крайне маловероятно. Более обоснованным представляется допущение, что сцена, в которой представлено бегство главных антропоморфных персонажей, связана не с эпосом, а с мифологией.

По-видимому, сомнения подобного рода впоследствии приходили в голову исследователя, и он предложил считать изображения на оковке отражением не позднейшей версии эпического сказания, а мифологического сюжета, положенного в основу позднейшей былины [25, с. 317–347]. При этом былинные Кащей и Настасья сближаются с античными Аидом (Плутоном) и Персефоной. Подобные уточнения, однако, не снимают всех вопросов и сомнений.

Сомнения вызывает целый ряд других особенностей декора. «Вещая птица», в которую по Б.А. Рыбакову, пытался стрелять Кащей, не является причиной бегства персонажей – они бегут в ее сторону. Выпущенные стрелы расположены за спиной бегущих, они были выпущены в другом направлении. Птица не смотрит на людей, напротив, она представлена отвернувшейся от них.

Б.А. Рыбаков считает, что правая фигура изображает невесту героя. Между тем, персонаж представлен в штанах (?) с боевым оружием. Не ясен мотив, рассматриваемый ученым как женская коса. Исследователь, по-видимому, считал, что голова персонажа, которого он посчитал женщиной, изображена сзади, с затылка. Но подобные ракурсы совершенно необычны для средневековых изображений. Вероятно, голова показана анфас, в небольшом ракурсе. При рассмотрении изображения в деталях, угадываются очертания носа и двух глаз. Условный характер трактовки фигуры не позволяет говорить об этом с полной уверенностью. Возможно, представлена не коса, а заплетенная борода. Такие бороды можно видеть у некоторых скандинавских идолов [26, с. 182]. Если все же это коса, то она — не безусловный признак женщины, поскольку в Восточной Европе косы были распространены у мужчин (прежде всего у кочевников).

Реконструируемая Б.А. Рыбаковым композиция включает три фигуры [1, с. 48, рис. 20]. Однако скорее она должна быть расширена влево, куда были посланы стрелы, и откуда происходит опасность, обусловившая бегство антропоморфных фигур. Маркерами, ограничивающими сюжетную композицию, являются две пары зооморфных образов (симметрия – основополагающий признак орнаментальных, декоративных мотивов). Соответственно, композицию следует дополнить изображениями волка и петуха.

Перед тем, как непосредственно обратиться к вопросу о смысловом значении декора оковки, остановимся на его стилистических особенностях. Ученые оценивают их не однозначно. Дело в том, что в декоре присутствуют разнохарактерные черты. Растительные побеги и пальметты обнаруживают восточное происхождение (напоминают древневенгерские мотивы и орнаментику второго, меньшего рога из того же погребения – рис. 2, 1).

Характерный растительный орнамент, обычный на произведениях художественного ремесла Паннонии и сопредельных территорий так называемой эпохи обретения (венграми) отечества, представляет собой специфическую изощренную разновидность прикладного искусства кочевников, испытавших сильное влияние сасанидских образцов (рис. 1, *7*; 2, *3*) [27, с. 172, рис. 169; 28, фото 17]. На Руси известны образцы подобной орнаментики, но лишь как редкое, нетипичное исключение (рис. 2, *2*) [27, с. 164, рис 133]. Между тем, на территории Венгрии такие находки чрезвычайно многочисленны. Любопытно, что образчик подобного растительного декора можно встретить на позднейших трансильванских пороховницах из рога оленя (рис. 2, *4*) [29, с. 53, рис. на с. 48]. Очевидно, этот феномен отражает зарождение романтического отношения к отечественной старине, включавшего использование ремесленниками антиквариата в качестве образца.

Растительные мотивы – не единственный след знакомства мастеров, изготовивших оковку, с наследием искусства евразийских кочевников. В верхней ее части помещен ряд декоративных фестонов, несомненно являющихся подражаниями кочевническим металлическим поясным накладкам, украшенным характерной растительной

орнаментикой (рис. 1, *5*, *6*) [1, с. 39, рис. 13; 27, с. 132, рис. 175b]. Пояса с такими украшениями являлись престижной принадлежностью костюма знатных воинов полиэтничных дружин эпохи [30–32].

Восточные черты прослеживаются не только на некоторых произведениях художественного ремесла из Черной Могилы. Они присутствуют и в наборе предметов вооружения. Среди них, наряду с мечами западноевропейских типов, ранняя, слабоизогнутая сабля – новшество, пришедшее в Восточную Европу от кочевников евразийских степей; шлемы-шишаки, имеющие ассирийские прототипы, наконец, остатки кольчуг, появившихся на Востоке и в Восточной Европе раньше, чем на Западе.

Между тем основные изображения антропо- и зооморфных фигур на той же оковке отражают традиции, чуждые искусству кочевников. Для этих мотивов характерно совмещение зооморфных образов с декоративными плетениями, которые соединяют и обвивают фигуры петуха и волка, а также ближайшую чудовищную птицу, составляющую симметричную пару с другой, подобной, а эту последнюю с орлом, атакующим небольших зверьков. Мотивы переплетений не ограничиваются использованием декоративной ленты. Переплетаются крылья, сложенные за спиной левой чудовищной птицы, а также шеи симметричной пары волков.

В этой связи, казалось бы, естественно вспомнить так называемый «тератологический (чудовищный) орнамент», широко представленный не только в древнерусской книжной орнаментике XII–XIV вв., но и в ряде выразительных образцов художественного ремесла [2; 33; 34]. Основные элементы этого орнамента – фигуры животных и чудовищ, переплетенные между собой и связанные лентами/ремнями, нередко завершающимися головками змей (а также птиц) или растительными побегами. Тератологические мотивы можно рассматривать как наиболее самобытное проявление средневековой русской орнаментики.

Вместе с тем, подобные декоративные мотивы можно найти в Западной Европе, особенно – в Скандинавии и Ирландии [35]. Встречаются они и у южных славян. Очевидна связь звериной орнаментики этого типа с общеевропейскими традициями эпохи Великого переселения народов.

Происхождение древнерусской тератологии представляет значительный интерес и в культурно-историческом, и в искусствоведческом плане. Генезис подобного декора связан с синкретическим народным мифопоэтическим мировоззрением и его языческими корнями. Между тем он распространяется в рукописной традиции в эпоху безусловного преобладания христианства. Древнейшие русские рукописи украшены иными мотивами, воспроизводящими византийские образцы.

Скудость ранних материалов затрудняет построение эволюционных цепочек, позволяющих проследить истоки восточнославянской тератологии. При этом североевропейские, прежде всего скандинавские, материалы наглядно демонстрируют языческое происхождение сходного декора, его связь с наследием эпохи Великого переселения народов.

Оковка рога из Черной Могилы, происходящая из, несомненно, языческого погребения и отмеченная такими важнейшими чертами тератологии, как сочетание плетений с зооморфными мотивами, представляется особенно важным памятником. Ее декор достаточно своеобразен. Хотя ленточные плетения играют в нем заметную роль, они значительно уступают по сложности встречающимся на наиболее выразительных памятниках скандинавского прикладного искусства; конечности животных, как правило,

не опутаны замысловатыми переплетениями. Мотив плетения включает не только ленты, но и части тел животных, в двух случаях как бы «прорезающих» одна другую. Так сплетены сложенные за спиной крылья левой птицы (в составе симметричной пары) и шеи у пары изогнувшихся волков. Подобные разрезы совершенно не свойственны древнерусскому тератологическому орнаменту, но широко распространены в скандинавском зооморфном декоре. Еще одна характерная особенность декора оковки – двойные контуры, очерчивающие фигуры животных. Они представляют собой как бы самостоятельные ленты, которые могут переплетаться с другими ленточными мотивами. Эта черта также встречается в скандинавском прикладном искусстве и неизвестна в древнерусском. Можно также отметить оскаленные пасти зверей, хищно изогнутые клювы птиц и некоторую угловатость образов животных – особенности, обычно подчеркнутые на скандинавских памятниках и смягченные в древнерусском материале.

Редкий и, очевидно, многозначительный мотив – птицы с перекрещивающимися за спиной крыльями – находит себе аналогию на готландском камне, где таким образом представлена птица, которую приносят в жертву (рис. 3,*2*) [36; 37, с. 287]. На скандинавские черты в декоре оковки указывали В. Борн [2, с. 80–82], *В.М. Василенко* [38, с. 149] и *Г.Ф. Корзухина* [3, с. 625, 626]. Существенно, что В. Борн указал достаточно близкую аналогию набору образов на оковке [2, табл. IX, *1*]. Это часть резной повозки из Усебергского погребения, на которой можно видеть человеческие фигурки, затерявшиеся среди зооморфных плетений, и рядом симметричную пару четвероногих, шеи которых перекрещены (рис. 3,*1*). Важная аналогия второму из этих мотивов была указана *Б.А. Рыбаковым* – подвеска из Гнёздова с парой четвероногих [1, с. 47, сноска 97; 39, табл. IV, *1*], относящаяся к произведениям скандинавского круга. Подвески-медальоны с симметричными изображениями пары хищников с S-образно изогнутыми телами известны в Скандинавии (рис. 1, *4*) [26, с. 137]. Близкая аналогия скандинавскому медальону происходит из Гнёздова [10, с. 281, табл. LVIII, 2].

Обращение к скандинавским аналогиям изображений на ритоне из Черной Могилы тем более правомерно, что в свете реставрационных работ был выявлен скандинавский облик идола, найденного в этом же погребении [40]. Идол был найден сильно корродированным, так что читалась в основном лишь его сидячая форма. Д.Я. Самоквасов считал возможным писать о его сходстве со статуэтками Будды. Первоначальная реставрация позволила сблизить идола из Черной Могилы с рядом подобных фигурок скандинавского происхождения. В дальнейшем оказалось, что эта реставрация осталась незавершенной, и теперь, наконец, можно рассмотреть фигурку в деталях (рис. 4,*1*) [41]. Общий облик сидящего божка, держащего себя за бороду, подтверждает приведенные ранее скандинавские аналогии, хотя детали декоративной отделки, возможно, свидетельствуют о том, что скульптура была изготовлена мастером не скандинавского (восточного?) происхождения.

Наряду с прояснением ряда деталей облика идола, к настоящему времени появились новые трактовки его назначения. Ряд скандинавских исследователей, которым свойствен повышенный скептицизм по отношению к древностям, связываемым с языческой мифологией и культом, высказали предположение, что подобные фигурки не являлись идолами, а использовались для настольных игр, которые, действительно были известны у скандинавов [26, с. 126, 182; 42]. На это можно возразить, что о связи подобных фигурок с играми можно было бы говорить с уверенностью только в случае их находок в составе представительных наборов объектов, связанных с той же игрой. Идол

из Черной Могилы представлен единичной фигуркой в составе культового жертвенного комплекса, так что его религиозное назначение представляется наиболее обоснованным. Скандинавские письменные источники сообщают о бытовании подобных «карманных божков», которых носили в небольших подсумках на поясе [43, с. 125, 128].

Едва ли могли использовать для игр такие фигурки, как бронзовое изображение Тора, сидящего на престоле, со стилизованным молотом, или фаллическую фигурку божества плодородия (Фрейра?). Достаточно вероятно, что часть подобных фигурок могла использоваться также для игр. При этом очевидно, что типологическими предшественниками этих скульптурных изображений были языческие идолы. Настольные игры упоминаются в Старшей Эдде как занятие богов-асов и даже их грядущих наследников после «гибели богов» [44, с. 25, 37].

Еще одна новая интерпретация, предлагающая видеть в сидячих бородатых фигурах музыкантов, играющих на духовых инструментах (в случаях раздвоенной бороды – сходными с античным двойным авлосом!), представляется явной натяжкой [43, с. 125]. Эту трактовку опровергает, в частности, существование фигурки с витой (заплетенной?) бородой (рис. 4,*5*).

В числе находок из погребений Гнёздовского могильника наличествует миниатюрный идол, соответствующий по размерам представлениям о «карманных божках» [43]. К сожалению, его примитивный облик лишен отчетливых этноопределяющих признаков.

Еще один признак скандинавского облика погребений в Черной Могиле – наличие среди находок железных ладейных заклепок, что позволяет отнести этот комплекс к числу объединяемых под условным названием «погребений в ладье» (точнее, погребений, включающих фрагменты ладей) [45, с. 363]. Отметим, что у восточнославянского населения ладьи с такими заклепками не были распространены.

Погребение в Черной Могиле датируется кануном официального крещения Руси. Между тем, Начальная летопись отмечает, что еще в 945 г. среди скандинавов в войске Игоря было много христиан [12, стб. 54]. Возникает вопрос, сохранились ли в составе комплекса находки, отражающие влияние христианства? Можно ответить, что следы знакомства с христианством, несомненно, присутствуют. Это, во-первых, три золотые византийские монеты, несущие на одной стороне изображение Христа. Кроме того, в ходе сравнительно недавней реставрации удалось выявить серебряную насечку в виде креста на втулке одного из наконечников копий [46].

Вместе с тем, невозможно представить себе богатейшее погребение по языческому обряду кремации для представителя высшей знати, принявшей крещение, если только не предположить, что обряд был совершен вопреки воле покойных их языческими приближенными. Об отношении к священным для христиан изображениям ясно свидетельствует разрубленная византийская золотая монета, на которой лик Христа оказался рассеченным. Очевидно, монета использовалась для торговых расчетов; наличие священного христианского образа не было существенным для участников сделки. Византийские монеты попали в языческий погребальный комплекс не потому, что на них было изображение Спасителя, а в связи с языческим представлением о сакральном значении золота.

Комбинация разнородных художественных особенностей декора оковки свидетельствует о синкретизме культурных импульсов, обусловивших создание памятника (и, тем самым, о его местном происхождении). Напомню предположение Р.С. Орлова о существовании здесь школ металлообработки для изготовления элитарных

украшений, продукция которых включала и рог из Черной Могилы [47]. Бытование таких «гибридных» изделий в Древней Руси хорошо известно. Напомню мнение Т. Арне, который еще в 1914 г. отмечал, что «найденные в России предметы, по сути скандинавского типа, имеют определенный местный колорит, определенные особенности, происходящие из-за влияния восточных или византийских традиций» [27, с. 101]. Ни синкретическая стилистика рассматриваемого декора, ни наличие в нем каких-либо компонентов, ни связь с местной ремесленной традицией не позволяют однозначно оценить происхождение как мастера, так и погребенных. Напомню о находке в Киеве литейной формы X в. с арабской надписью, изготовленной из волынского шиферного сланца [48, с. 307, рис. 134].

Для понимания значения сцены, представленной на оковке, ключевую роль играет вопрос, в кого направлялись выпущенные стрелы, и от кого убегают антропоморфные персонажи. Расположение стрел и позы бегущих свидетельствуют, что угроза находится слева от них. Здесь, непосредственно рядом, изображен петух. Вряд ли опасность могла быть связана с этой птицей. При этом, крик петуха мог являться предзнаменованием важных событий, предупреждать об угрозе. За петухом помещено изображение волка, который бежит в сторону антропоморфных персонажей. За ним находятся симметричные изображения пары сказочных птиц. Это, по выражению Б.А. Рыбакова, своего рода «деклинационный знак» [1, с. 47], маркирующий границу сюжетной композиции, не входящий в число ее персонажей. В соответствии с ракурсом большей части персонажей и направлением их движения волк находится на первом месте. Это дополнительно указывает на важную роль данного образа.

Чудовищный волк Фенрир – важнейший персонаж скандинавской мифологии. Он многократно упоминается в Старшей Эдде как наиболее страшный противник асов, победитель Одина, похититель небесных светил. До конца света («гибели богов») волк скован чудесными узами [44, с. 34, 35; 50, с. 48–52, 89–91]. Фенрир, освобождающийся от уз – известный сюжет скандинавской мифологии, рефрен «узы расторгнуты, вырвался волк» не раз используется в «Прорицании вельвы». На оковке волк опутан плетениями, захватывающими его поднятую лапу и шею. Продолжение ленты выходит из пасти хищника и оканчивается растительным побегом. Очевидно, мастер хотел изобразить, как волк перекусывает оковы.

Справа от волка помещено изображение поющего петуха. Оно также соответствует строкам Старшей Эдды. Рассказ о конце света начинается словами о криках петухов. Птицы поют, вторя друг другу, в обители богов, в мире людей и в преисподней:

Распевал
на деревьях лесных
кочет багряный
по имени Фьялар.

Запел над асами
Гуллинкамби (Золотой Гребешок),
он будит героев
Отца Дружин (Одина),
другой под землей
первому вторит

петух черно-красный
У Хель чертога [44, с. 33].

Пение петуха являлось в скандинавской поэтике не только предвестием конца света, но и сигналом к началу сражения. Перед началом последней для него битвы при Стикластадире (1030) Олаф Святой обращается к своему соратнику Тормоду скальду с просьбой исполнить какую-нибудь старинную песнь, с целью поднять боевой дух войска. Тот исполняет «Древнюю песнь о Бьярки», начинающуюся словами:

«Близится день,
Бьет крылами петел <…>.
Вставайте, вставайте,
Друзья первейшие <…>.
Вы доброго рода,
Не дрогнете духом.
Вас зову не на пир,
Не на встречу с подругой,
Зову вас на бранные
Игры валькирий» [49, с. 352].

Антропоморфные персонажи на оковке рога могли рассматриваться как образы богов-асов, потерпевших поражение. Может быть, изображать богов в подобной роли было не принято, и в данном контексте их замещают воины – эйнхерии. Убегающие персонажи, вероятно, отражают эддические стихи, в которых упомянуто, что Тор (храбрейший и сильнейший среди богов) в последней битве должен будет отступить [44, с. 36]. Луки в руках антропоморфных персонажей (вместо богатырского оружия – мечей и копий), возможно, отражают слова о том, что во время «гибели богов» Фрейр будет вынужден сражаться без меча [44, с. 132; 50, с. 58].

Скандинавская поэтика, установки которой могли оказывать влияние на изображения, посвященные мифологическим сюжетам, включала взвешенное отношение к трактовке эпизодов, в которых божества попадают в унизительные ситуации. В Младшей Эдде имеется выразительный пассаж, посвященный этому.

«“А не приходилось ли Тору встречать на пути превосходящую его силу?” <…> “Мало кто, думаю, сможет рассказать о таком <…> Но хоть бы и случилось Тору встречаться с силой, которой он не мог одолеть, негоже о таком рассказывать, ибо примеров тому немало, а всем надлежит верить, что нет никого сильнее Тора” <…> “Ему очень хочется узнать про те события, хоть и не дело о них рассказывать”» [50, с. 65, 66].

Автор статьи не настаивает ни на атрибуции человеческих фигур на оковке в качестве конкретных божеств скандинавского пантеона, ни на том, что эти фигуры вообще изображают богов-асов. Его концепция включает только признание основным сюжетом декора скандинавскую версию конца света (Рагнарёк). Человеческие фигуры могли изображать различных персонажей, выступавших как взаимозаменяемые, но включенные в один ассоциативный ряд. Ремесленники, создавшие декор, могли сознательно допускать двусмысленность, альтернативное прочтение мотивов.

То, что на декоре оковки турьего рога из богатейшего погребального комплекса дохристианской Руси опознается центральный мотив скандинавской мифопоэтической традиции представляется весьма существенным для историко-искусствоведческой,

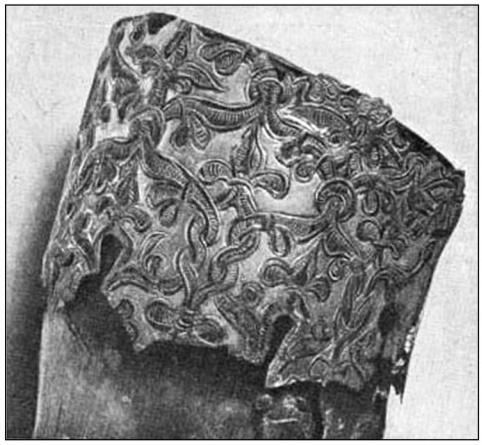
этнокультурной и социально-политической характеристики эпохи. Дополнительной аргументации в пользу выдвигаемых положений, а также их обобщающей оценке в историческом контексте автор предполагает посвятить отдельную публикацию.

Финансирование: Работа выполнена в рамках темы НИОКТР № 122011200266-3

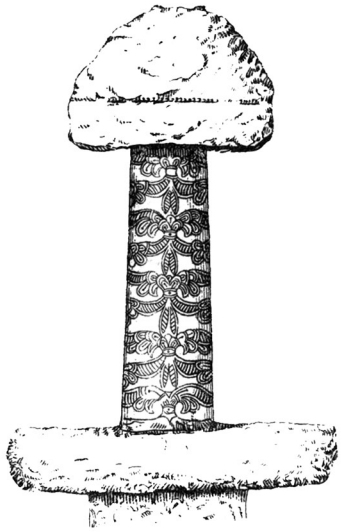
Acknowledgements. The study was conducted within the framework of the NIOKTR (Research and development work) project no. 122011200266-3

Рис. 1. Декор оковки турьего рога из Черной Могилы и некоторые аналогии: 1 – Развертка декора оковки; 2 – Прорись фигур сюжетной композиции; 3 – Деталь оковки; 4 – Подвеска с изображением симметричной пары хищников с S-образным изгибом тел. Ворбю, Швеция; 5, 6 – поясные бляшки; 5 – из погребения в кургане Гульбище, окрестности Чернигова; 6 – находка кавказского происхождения, Музей истории, Стокгольм; 7 – деталь ножен сабли, Тарцаль, Венгрия; 1-3, 5 – по Б.А. Рыбакову; 4 – по Г.Ф. Корзухиной; 6, 7 – по Т. Арне

Fig. 1. Decoration of the aurochs' horn binding from the Chernaya Mogila and analogies: 1 – Full view of the binding plate decoration; 2 – Contour drawing of the plot composition figures; 3 – Binding plate detail; 4 – Pendant depicting a symmetrical pair of predators with S-shaped body bends (Warby, Sweden); 5 – Belt plaque from a burial in the Gulbishche mound, near Chernigov; 6 – Belt plaque of Caucasian origin (History Museum, Stockholm); 7 – Detail of a saber scabbard (Tarcal, Hungary). After: 1-3, 5 – B.A. Rybakov; 4 – G.F. Korzukhina; 6, 7 – T. Arne



1



2

3

4

Рис. 2. Растительные мотивы, характерные для венгерских древностей эпохи обретения отечества:
1 – Черная Могила. Оковка второго (меньшего) рога; 2 – Киев. Серебряная оправа рукояти меча; 3 – Накладка на кошелек (кисет), Кишкунфеледьхаза, Венгрия; 4 – Декор пороховницы XVII–XVIII вв. Трансильвания, олений рог, гравировка; 1, 2 – по Б.А. Рыбакову; 3 – по И. Динешу; 4 – по Б. Боршошу

Fig 2. Floral motifs characteristic of Hungarian antiquities from the Hungarian Conquest era:
1 – Chernaya Mogila. Binding plate of the second (smaller) horn; 2 – Kyiv. Silver binding of the sword hilt; 3 – Purse (pouch) plate (Kiskunfelegyháza, Hungary); 4 – Decor of a 17th-18th century powder flask, deer antler, engraving (Transylvania). After: 1, 2 – B.A. Rybakov; 3 – I. Dienes; 4 – B. Borsos

1

2

Рис. 3. Сюжетные композиции в скандинавском искусстве эпохи викингов:
1 – Деталь повозки. Резное дерево. Усебергское погребение, Норвегия, IX в.; 2 – Сцена жертвоприношения. Готландский камень, Стора Хаммерс, VIII–IX вв.; 1 – по В. Борну. 2 – по Е.М. Мелетинскому и А.Я. Гуревичу

Fig. 3. Subject compositions in Scandinavian art of the Viking Age:
1 – Detail of a wagon, carved wood (Oseberg burial, Norway, 9th century);
2 – Scene of sacrifice (Gotland stone, Stora Hammars, 8th-9th centuries).
After: 1 – W. Born; 2 – E.M. Meletinsky and A.Ya. Gurevich

Рис. 4. Фигурки идолов скандинавских божеств: 1 – Черная Могила; 2 – Гнёздово; 3 – Исландия, бронза, ок. 1000 г.; 4 – Исландия, китовая кость; 5 – Лунд, Швеция, моржовый клык; 6 – Бог плодородия Фрейр (?). Рэллинге Швеция, бронза; 1, 2 – по В.В. Мурашовой; 3 – по М.М. Стеблин-Каменскому; 4–6 – по Дж. Грэхем-Кэмпбеллу

Fig. 4. Figurines of idols of Scandinavian deities: 1 – Chernaya Mogila; 2 – Gnezdovo; 3 – Iceland, bronze, ca. 1000; 4 – Iceland, whalebone; 5 – Lund, Sweden, walrus tusk;
6 – God of fertility Frey(?) from Rällinge, Sweden, bronze. After: 1, 2 – V.V. Murashova; 3 – M.M. Steblin-Kamensky; 4-6 – J. Graham-Campbell

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I. МИА. № 11. М.;Л.: АН СССР, 1949 С. 7–102.

2. *Born W.* Das Tiergeflecht in der Nordrussischem Buchmalerei // Seminarium Kondakovianum. Praha: Institut Kondakov. 1932 Vol. 5. S. 62–95.

3. *Корзухина Г.Ф.* Турьи рога черниговских курганов // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой / Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. СПб.: ИИМК РАН; ООО «Невская Книжная Типография», 2017. С. 620–646.

4. *Чернецов А.В.* К характеристике языческой дружинной культуры Черниговщины // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» (15–18 апреля 1985 г.). Тезисы докладов. Чернигов. 1985. С. 55–58.

5. *Чернецов А.В.* О языческой дружинной культуре Черниговщины // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев: Наукова думка, 1988. С. 143–152.

6. *Даркевич В.П.* Черная Могила // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. С. 874–876.

7. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. 938 стб.

8. *Щавелев А.С.* Известие Ипатьевской летописи о Черной Могиле (К вопросу об имени погребенного князя) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. О.Б. Коваленко (відп. ред.). Чернігів: Деснянська правда, 2007. С. 100–106.

9. *Самоквасов Д.Я.* Могилы русской земли. М.: Синодальная типография. 1908. 276 с.

10. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982 (Археология СССР). 328 с.

11. Фетисов А.А. Дружинные курганы // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. С. 265–267.

12. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. 580 с.

13. *Седов В.В.* Славяне в раннем Средневековье. М.: НПБО «Фонд археологии». 1995. 416 с.

14. Čilinská Z. Slawisch-awarischen Gräberfeld in Nové Zámky. Bratislava: Vyd-vo Slovenskej akad. vied. 1966. 327 c.

15. *Manassero N.* Rhita e corni potori dall'Eta del Ferro all'epoca sasanide. Libagioni pure e misticismo tra la Grecia e il mondo iranic / BAR International Series 1750. 2008. 279 p.

16. *Массон М.Е., Пугаченкова Г.А.* Парфянские ритоны Нисы. Альбом иллюстраций. Из культурного наследия туркменского народа (Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР. Т. 4). М.: Издательство АН СССР, 1956. 266 с.

17. *Янсон И., Мельникова Е.А., Тегнер Ё., Панова Т.Д.* Наследие варягов – диалог культур. М., Стокгольм: Centraltryckeriet, 1996. 120 с.

REFERENCES

1. Rybakov B.A. Antiquities of Chernigov. *Materials and Studies of Medieval Russian Cities. MIA*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 1949, 11(1): 7-102. (In Russ)

2. *Born W.* Das Tiergeflecht in der Nordrussischem Buchmalerei. *Seminarium Kondakovianum*. Praha: Institut Kondakov. 1932, 5: 62-95. (In German).

3. Korzukhina GF. Aurochs' Drinking-Horns from Chernigov Kurgans. *In Stone and Bronze. Collected papers in the honour of Anna Peskova. Proceedings of the Institute of History of Material Culture RAS*. Saint-Petersburg: Nevskaya Knizhnaya Tipografiya, 2017, 48: 620-646. (In Russ)

4. Chernetsov AV. On the Character of the Pagan Culture of Warriors of Chernigov Land. *Historical and Archaeological Seminar "Chernigov and its Vicinities in 9-13th cent." (1985, April 15-18). Abstracts of Reports*. Chernigov, 1985: 55-58. (In Russ)

5. Chernetsov AV. On the Pagan Culture of Warriors of Chernigov Land. *Chernigov and its Vicinities in 9-13th cent*. Kiev: Naukova dumka; 1988: 143-152 . (In Russ)

6. Darkevich V.P. Chernaya Mogila. *Ancient Rus' in the Medieval World. Encyclopedia*. Moscow: Ladomir, 2014: 874-876. (In Russ)

7. Complete Collection of the Russian Chronicles. Vol. 2. *Ipatievskaya Chronicle*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 1962. (In Russ)

8. Shchavelev AS. The Entry of Ipatievskaya Chronicle on Chernaya Mogila. *Chernigov in the Medieval and Early Modern History of Central and Eastern Europe. A Collection of Scientific articles Devoted to the 1100th Anniversary of the First Chronical Entry on Chernigov*. Ed. Kovalenko O.B. Chernigiv: Desnianska pravda, 2007: 100-106. (In Russ)

9. Samokvasov DYa. *Tombs of the Russian Land*. Moscow: Sinodalnaya tipografiya, 1908. (In Russ)

10. Sedov VV. *Eastern Slavs in 6th-13th centuries*. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ)

11. Fetisov AA. Kurgans of Warriors. *Drevniaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopedia*. Moscow: Ladomir, 2014: 265-267. (In Russ)

12. *Complete Collection of the Russian Chronicles. Lavrentievskaya Chronicle and Suzdal Chronicle after Academic Manuscript*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 1962. (In Russ)

13. Sedov VV. *Slavs in the Early Middle Ages*. Moscow: Fond arkheologii, 1995. (In Russ)

14. Čilinská Z. *Slawisch-awarischen Gräberfeld in Nové Zámky*. Bratislava: Vyd-vo Slovenskej akad. vied. 1966. (In German).

15. Manassero N. *Rhita e corni potori dall'Eta del Ferro all'epoca sasanide. Libagioni pure e misticismo tra la Grecia e il mondo iranic*. BAR International Series 1750, 2008. (In Italian).

16. Masson ME., Pugachenkova GA. Parthian Rhyta from Nysa. Album of Illustration. Cultural Heritage of Turkmen People. *Proceedings of the South Turkmenistan Complex Archaeological Expedition of the Academy of Sciences of Turkmen SSR*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Vol. 4, 1956. (In Russ)

18. Музыка // Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. Т. 2. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. 512 с.

19. *Kühnel E.* Die sarazenischen Olifanthörner // Jahrbuch der Berliner Museen, N.F., des Jahrbuchs der Preussischen Kunstsammlungen, 1959. Vol. 1. S. 33–50, 21 figs.

20. *Falke O.* Elfenbeinhörner. Byzanz // Panthéon. Bd. 5. Nr. 1. München, 1930.

21. *Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. М.: Искусство, 1975. 350 с.

22. *Райан В.Ф.* Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России / Серия Historia Rossica. Отв. ред. тома А.В. Чернецов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 720 с.

23. Опись Московской Оружейной палаты. М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1884. Альбом. Ч. I. 139 с.

24. *Чернецов А.В.* Резные посохи XV в. (работа кремлевских мастеров) / Отв. ред. В.П. Даркевич. М.: Наука, 1987. 80 с.

25. *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 784 с.

26. *Graham-Campbell J.* The Viking World. London, Frances Lincoln Publishers, 1980. 220 p.

27. *Арне Т.* Швеция и Восток. Археологические исследования взаимоотношений Швеции и Востока в эпоху викингов. М.: ИА РАН, 2023. 296 с.

28. *Dienes I.* The Hungarians at the Time of the Conquest and their Ancient Beliefs // Ancient Cultures of the Uralian Peoples. (P. Hajdú, ed.). Budapest, Corvina Press, 1976. P. 79–114.

29. *Borsos B.* Staghorn Powder-flasks. Budapest, Corvina Kiadó, 1982. 96 p.

30. Мурашева В.В. Наборные пояса Гнёздова (проблемы реконструкции) // Общество, экономика, культура и искусство славян / Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М.: Эдиториал УРСС, 1998 .Т. 4. С. 252–257.

31. *Мурашева В.В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.

32. *Стрикалов И.Ю.* Детали поясной гарнитуры XI в. из находок последних лет в Старой Рязани // Старая Рязань: крупный городской центр на международных торговых путях. Материалы научной конференции. М.: ИА РАН, 2020. С. 23–27.

33. *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пг.: Отд. рус. яз. и словесности Акад. Наук, 1917. 216 с.

34. *Ильина Т.В.* Декоративное оформление древнерусских книг. Новгород и Псков XII-XV вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 176 с.

35. *Salin B.* Die Altgermanische Thierornamentik. Stockholm: K.L. Beckmans Buchdruckerei. 1904. 383 S.

36. *Lindqvist S.* Gotlands Bildsteine. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie und Antikvitetens Akademie (Wahlstrom & Widstrand), 1942. Bd. 2. 148 S.

37. *Мелетинский Е.М., Гуревич А.Я.* Германо-скандинавская мифология // Мифы народов мира.

17. Jansson I., Melnikova EA., Tegner G., Panova TD. *The Viking Heritage: a dialogue between Cultures*. Moscow, Stockholm: Centraltryckeriet, 1996. (In Russ., Eng.).

18. Music. *Lübker F. (Comp.). Real Dictionary of Classical Antiquities*. Vol. 2. Moscow: «OLMA-PRESS», 2001. (In Russ)

19. Kühnel E. Die sarazenischen Olifanthörner. *Jahrbuch der Berliner Museen, N.F., des Jahrbuchs der Preussischen Kunstsammlungen*, 1959, 1: 33–50, 21 figs. (In German).

20. Falke O. Elfenbeinhörner. Byzanz. *Panthéon*. München: 1930, 5(1). (In German).

21. Darkevich VP. *Secular Art of Byzantium. Objects of Byzantine Artistic Craft in Eastern Europe of 10-13th cent*. Moscow: Iskusstvo, 1975. (In Russ)

22. Ryan WF. The Bathhouse at Midnight. An Historical Survey of Magic and Divination in Russia. *Series Historia Rossica*. Chernetsov A.V., editor. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2006. (In Russ)

23. *Register of the Moscow State Armory. Album*. Part I. Moscow: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 1884.

24. Chernetsov AV. *Carved Staves of 15th cent. (Manufactured by Artisans of Moscow Kremlin)*. Darkevich V.P., ed. Moscow: Nauka, 1987. (In Rus., Eng.).

25. Rybakov B.A. *Paganism of Ancient Russia*. Moscow: Nauka, 1987. (In Russ)

26. Graham-Campbell J. *The Viking World*. London: Frances Lincoln Publ., 1980.

27. Arne T. *Sweden and Orient. Archaeological Research of Interrelations between Sweden and Orient in the Viking Age*. Moscow: IA RAN, 2023. (In Russ)

28. Dienes I. The Hungarians at the Time of the Conquest and their Ancient Beliefs. In: Hajdú P. (ed.). *Ancient Cultures of the Uralian Peoples*. Budapest: Corvina Press, 1976. pp. 79–114.

29. Borsos B. *Staghorn Powder-flasks*. Budapest: Corvina Kiadó, 1982.

30. Murasheva VV. Composite belts of Gnezdovo (Issues of Reconstruction). *Society, Economy, Culture and Art of Slavs. Proceedings of the VI International Congress of Slavic Archaeology*. Moscow: Editorial URSS. 1998, 4: 252-257. (In Russ)

31. Murasheva VV. *Ancient Russian Strap Composite Decorations (10-13th cc.)*. Moscow: Editorial URSS, 2000. (In Russ)

32. Strikalov IYu. Belt Set Details of 11th cent. Recent Finds from Staraya Ryazan. *Staraya Ryazan: Major Urban Centre on International Trade Routes. Proceedings of Scientific Conference*. Moscow: IA RAN, 2020:23-27. (In Russ)

33. Buslaev FI. *Historical Essays on Russian Manuscript Ornament*. Petrograd: Otdel russkogo yazyka i slovesnosti Akademii Nauk, 1917. (In Russ)

34. Il'ina TV. *Decoration of Old Russian Books. Novgorod and Pskov, 12-15th cc.* Leningrad: LGU Publ., 1978. (In Russ)

35. Salin B. Die *Altgermanische Thierornamentik*. Stockholm: K.L. Beckmans Buchdruckerei, 1904. (In German).

36. Lindqvist S. *Gotlands Bildsteine. Stockholm: Kungl.* Vitterhets Historie und Antikvitetens Akademie (Wahlstrom & Widstrand), Vol. 2., 1942. (In German).

Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 284–292.

38. *Василенко В.М.* Русское прикладное искусство. Истоки и становление. М.: Искусство, 1977. 464 с.

39. *Сизов В.И.* Курганы Смоленской губернии. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1902. Вып. 1. 134 с.

40. *Пушкина Т.А.* Бронзовый идол из Черной Могилы // Вестник МГУ. Сер. 8. История, 1984. № 3. С. 86, 87.

41. *Мурашева В.В., Орфинская О.В., Лобода А.Ю.* «Новая история» «идола» из кургана Черная могила (X в.) // Российская археология. 2019. № 1. С. 73–86.

42. *Хамайко Н.В.* Тавлейные короли X в. // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2012 г. / Сост. О. А. Щеглова, науч. ред. В.М. Горюнова. СПб.: Соло, 2012. С. 284–288.

43. *Мурашева В.В.* «Идол» из Гнездова // Российская археология. 2005 № 1. С. 124-129.

44. Старшая Эдда: Эпос / Пер. А.И. Корсуна. СПб.: Азбука-классика, 2001. 464 с.

45. *Стальсберг А.* Интерпретация скандинавских погребений с ладьей, происходящих с территории Древней Руси // Общество, экономика, культура и искусство славян / Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М.: Эдиториал УРСС. 1998. Т. 4. С. 362-371.

46. *Каинов С.Ю., Щавелев А.С.* Изображение креста на наконечнике копья из Черной Могилы (Технология и семантика) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Восточная литература, 2005. С. 83–90.

47. *Орлов Р.С.* Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М.: Наука, 1984. С. 32-52.

48. Новое в археологии Киева. Киев, Наукова думка, 1981. 456 с.

49. *Снорри Стурлусон.* Круг земной / Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. 688 с.

50. Младшая Эдда / Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский, пер. *О.А. Смирницкой.* Л.: Наука, 1970. 256 с.

37. Meletinskiy EM., Gurevich AYa. Germanic-Scandinavian Mythology. In: Tokarev S.A (ed.). *Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, Vol. 1, 1991: 284-292. (In Russ)

38. Vasilenko VM. *Russian Applied Art. Origins and Formation*. Moscow: Iskusstvo, 1977. (In Russ)

39. Sizov VI. *Kurgans of Smolensk Province*. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, Issue 1, 1902. (In Russ)

40. Pushkina TA. Bronze Idol from Chernaya Mogila. *Vestnik MSU. Series 8. History*. 1984, 3: 86, 87. (In Russ)

41. Murasheva VV., Orfinskaya OV., Loboda AYu. New Story of the «Idol» from the Kurgan Chernaya Mogila (10th c.). *Rossiyskaya Arkheologiya*. 2019, 1: 73–86. (In Russ)

42. Khamayko NV. Tavley Kings of the 10th cent. The S*lavs of Eastern Europe on the eve of Foundation of Ancient Russian State. Proceedings of International Conference in honor of 110 anniversary of Ivan Ivanovich Lyapushkin (1902-1968). Saint Petersburg, December 3-5, 2012. Saint Petersburg, 3–5 dekabrya 2012 g.]. Shcheglova O.A., Goryunova V.M. (eds.)*. Saint-Petersburg: Solo, 2012: 284-288. (In Russ)

43. Murasheva VV. «Idol» from Gnezdovo. *Rossiyskaya Arkheologiya*. 2005, 1: 124-129. (In Russ)

44. *Elder (Poetic) Edda: Epic*. Transl. by Korsun A.N. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika, 2001. (In Russ)

45. Stalsberg A. Interpretation of Scandinavian Burials in a Boat from Territory of Ancient Russia. *Society, Economy, Culture and Art of Slavs. Proceedings of the VI International Congress of Slavic Archaeology. Vol. 4*. Moscow: Editorial URSS, 1998: 362-371. (In Russ)

46. Kainov SYu., Shchavelev AS. The Image of a Cross on Spearhead from Chernaya Mogila (Technology and Semantics). In: *Dzhakson T.N. (ed.). The Earliest States of Eastern Europe. 2003. Fictitious Realities in Classical and Medieval*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005: 83-90. (In Russ)

47. Orlov RS. Middle Dnieper Tradition of Artistic Metalwork in 10th – 11th cc. *Culture and Art of Medieval City*. Moscow: Nauka, 1984: 32-52. (In Russ)

48. *New in Archaeology of Kiev*. Kiev: Naukova dumka, 1981. (In Russ)

49. Steblin-Kamenskiy MI. (ed.). *Snorri Sturluson*. Heimskringla. Moscow: Nauka, 1980. (In Russ)

50. Steblin-Kamenskiy MI. (ed.). *Younger Edda*. Leningrad: Nauka, 1970. (In Russ)

Поступила в редакцию 12.03.2024 г.
Принята в печать 04.03.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 12.03.2024
Accepted 04.03.2024
Published 15.06.2024

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202417-426

Исследовательская статья

Амирханов Хизри Амирханович
д.и.н., профессор, академик РАН
Институт археологии РАН, Москва, Россия
amirkhanov@rambler.ru

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМОВ *БУРТИ* И *СУЬЛИ*

Аннотация. Этногенез и этническая история народов Северо-Восточного Кавказа – увлекательное и до сих пор малоосвоенное направление исторического кавказоведения. В данной статье обосновывается версия возникновения у чеченцев этнонима для обозначения дагестанцев (в частности, аварцев) – *суьли* и встречного со стороны аварцев этнонаименования чеченцев – *бурти*. Автор выводит происхождение этнического термина *суьли* от названия народа салов (саларов), часть которых, примерно, до конца XV в., т.е. времени распада Золотой орды, обитала в предгорьях Северного Дагестана в прямом соприкосновении с аварским этническим массивом и позже на месте своего традиционного обитания была ассимилирована последним. Осколки этого народа, жившего оседло в северных предгорьях Дагестана, в процессе своего «рассеивания» укоренились, в частности, на традиционной территории обитания аварцев и их субэтноса – андийцев, «растворившись» в них. Но название их в форме *суьли* сохранилось у чеченцев для обозначения дагестанцев. Этническая идентификация народов Северо-Восточного Кавказа в рассматриваемое время строилась, как правило, на перенесении названий конкретных, соседствующих друг с другом частей той или иной этнической общности (племен, общин) на весь народ. В случае, рассматриваемом в данной статье, соседями чеченцев (в указанное время такого этнонима еще не существовало) на юге и востоке от них были аварцы. Конкретной общностью, с которой происходило взаимодействие последних с чеченцами должна была быть этническая группа (тейп?, тухкум?) с корнем *бут* в своем названии (вероятное полное звучание – *бутой*). Отсюда происходит и аваро-андийское наименование чеченцев – *буртиял (бутурул)*. Аварцы также использовали со второй половины XVII в. и используют сейчас этноним *чачанал* (чеченцы). Но до сих пор не забыт ими и предшествовавший ему этноним *буртиял*. Точно так же и у чеченцев применительно к аварцам сохранилось этническое наименование *суьли*, имеющее, казалось бы, историю темную и интригующую, но, думается, поддающуюся освещению.

Ключевые слова: историческая этнонимия; этнонаименования; салы (салары); суьли; буртиял; дагестанцы, аварцы, чеченцы.

Для цитирования: Амирханов Х.А. О происхождении этнонимов бурти и суьли // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 417-426. doi.org/10.32653/CH202417-426

© Амирханов Х.А., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

ETHNOGRAPHY

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202417-426

Research paper

Hizri A. Amirkhanov,
Dr. Sci., Prof., Acad. of RAS
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
amirkhanov@rambler.ru

THE ORIGIN OF THE ETHNONYMS BURTI AND SULI

Abstract. The ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the North-Eastern Caucasus remain a fascinating yet underexplored area of historical Caucasian studies. This article proposes a hypothesis regarding the origin of two ethnonyms: suli, used by the Chechens to designate Dagestanis (particularly Avars), and burti, employed by the Avars to refer to the Chechens. The author posits that the ethnonym suli derives from the Sal (Salar) people, who resided in the foothills of Northern Dagestan until approximately the late 15th century, during the decline of the Golden Horde. This group maintained direct contact with the Avar ethnic community before being assimilated into the latter's traditional habitat. Fragments of the Sal people, who had settled in the northern Dagestani foothills, gradually integrated into the Avar and Andi (an Avar subethnic group) territories. While the Sal were eventually absorbed, their name persisted in the form suli, used by the Chechens to denote Dagestanis. Ethnic identification in the North-Eastern Caucasus during this period typically involved extending the names of specific adjacent segments of an ethnic community (tribes, clans) to the entire people. In this case, the Avars were the southern and eastern neighbors of the Chechens (in the indicated period, though, this ethnonym did not yet exist). The specific community with which the latter interacted with the Chechens should have been an ethnic group (teip?, tukhkum?) with the root but in its name (possibly pronounced as butoi). This interaction gave rise to the Avar-Andi designation for the Chechens: burtiyal (or buturul). From the second half of the 17th century, the Avars began using the ethnonym chachanal (Chechens) alongside burtiyal, though the latter has not been entirely forgotten. Similarly, the Chechens retained the ethnonym suli for the Avars, which, despite its seemingly obscure history, appears to be explicable through this analysis.

Keywords: historical ethnonymy; ethnic naming; Sals (Salars); suli; burtiyal; Dagestanis; Avars; Chechens.

For citation: H.A. Amirkhanov. The origin of the ethnonyms burti and suli. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 417-426. doi.org/10.32653/CH202417-426

© H.A. Amirkhanov, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

Салы (самоназвание во множественном числе варьируется: салар, солор, салур, салгур) – народ, составлявший изначально важную часть в огузском племенном союзе. Последний же, как известно, оставил весьма заметный след в средневековой истории огромных территорий, от Нижнего Подунавья и Анатолии до Западного Китая. Название салов отражено в знаменитом огузском эпосе «Огуз-наме». Согласно тексту последнего, род салур (салгур) играл ведущую роль в государстве огузов. Верховные правители всего племенного объединения огузов в IX – середине X в. происходили именно из салов.

Название этого народа, насколько известно автору, практически не фигурирует в исследованиях по средневековой истории Предкавказья и Прикаспийских степей. Хотя, в связи с ним возникают некоторые ассоциации с названием широко известных средневековых древностей, распространённых в степях от Нижней Волги до Дона, а также на территории Прикаспийского Дагестана. Речь идет о древностях, названных исследователями салтовской археологической культурой. Этническая атрибуция последней и ее локальных вариантов до сих пор не конкретизированы до названий определенных племен и народов, ее создавших. В широком смысле, она соотносится с хазарским культурным миром [1; 2; 3].

Исходные данные и обсуждение

Само название народа салов, сохранившегося от Средневековья до наших дней в неизменной форме *сал* (мн.ч. – *салар*) [4], вызывает стойкую ассоциацию с названием реки Сал, протекающей в современной Ростовской области. Это могло бы рассматриваться как простое совпадение, если бы не тот факт, что многие тюркские этнонимы Северного Кавказа совпадают по звучанию с названиями тех или иных местных рек. Произошли ли этнонимы от последних, или, наоборот, названия рек в свое время «мигрировали» вместе с кочевыми народами, осевшими на новой для них территории – вопрос, который требует специального изучения. Но бесспорным остается совпадение местных гидронимов с этнонимами народов, населяющих или населявших прежде бассейны рек предгорий и предкавказских степей. Примеры на поверхности: р. Карачай – карачаевцы, р. Малка – балкарцы, р. Тюменка[1] (Тюмен) – тюмены, р. Кума – по всей вероятности, кумыки[2],

1. Исчезнувшая к нашему времени река в дельте Терека в районе нынешнего города Кизляра. На рубеже XVI–XVII вв. на ней располагался город Терки, основанный российскими властями. В своих заметках «О путешествии из Москвы в Персидское царство, из Персии в Турецкую землю, в Индию и в Урмуз на Белом море, куда немцы приплывают на кораблях» московский купец Федор Котов дал относительно подробное описание городу и реке Тюменке. «А Терек город деревянный, небольшой, но хороший стоит на реке Тюменке, на низком месте. Базары, храмы и дома находятся в крепости, а за ней – один монастырь. За рекою, напротив крепости, раскинулись большие слободы – Черкесская слобода, Окоцкая и слобода новокрещенных черкесов. Через реку Тюменку построен деревянный высокий мост на козлах, под ним можно проезжать на лодках … Если вода невысока, это место пересыхает; в такое лето вода в Тюменке застаивается и загнивает … Около города Терека много садов, а в садах много всяких овощей. В море напротив устья Терека находится остров Чечень, – идти до него под парусом полдня, – этот остров большой, и около него много рыбы, на нем терские жители, тарковские кумыки и горские черкесы ловят рыбу» (Цитируется по [5]).

2. Не исключено, что и имя одного из субэтносов кумыков – *бораган* (*брагуны*) тоже исторически связано с названием какой-нибудь одноименной реки. Во всяком случае, на территории расселения кумыков одна такая речка существует (р. Бараган-озень протекает рядом с селом Верхнее Казанище Буйнакского района Республики Дагестан). В месте же современного проживания брагунов в Чеченской республике протекает река с тюркским

р. Бораган – брагуны. В этот ряд органично вписывается и предположение о связи этнонима *сал* с рекой с аналогичным названием, протекающей в Предкавказье. При этом все приведенные этнонимы являются не только внешними названиями, но и эндоэтнонимами названных народов.

В X в. часть огузских племен (салов), как и другие народы, населявшие в это время степи каспийско-черноморского региона и Предкавказье, состояли в союзнических или, скорее всего, вассальных отношениях с хазарами. Волна половецкого вторжения в предкавказские степи в XI в. застает салов-огузов, в частности, в низовьях Волги и, по-видимому, в Северо-Западном Прикаспии. Естественно предположить, что в новых военно-политических обстоятельствах этот племенной (этнический) массив не мог не подвергнуться своеобразному рассеиванию, при котором один из путей пролегал в сторону предгорий Северо-Восточного Кавказа, как это случалось всегда и с другими кочевыми народами при аналогичных исторических катаклизмах. Нельзя исключить, что именно к указанному выше отрезку истории салов относятся некоторые драматические эпизоды, красочно описываемые в «Китаби деде Коркуд» – составной части эпоса «Огуз-наме», относящейся к XV в. [6].

Из слов прорицателя, восхваляющего хана салов Салор-Казана, ясно, что место обитания его орды окружают «снежные черные горы», тенистые деревья и «вечно текущая, прекрасная река», ... «с шумом несущаяся со скал» [6]. Хан со своими беками часто развлекается конной охотой и временами воюет с войском «людей нечистой веры, которые сидят у прохода в Грузию» [6]. В этом ему помогают «удалой Дундаз, сын Кыян-Сельджука, сокрушивший и взявший железные ворота в Дербендском ущелье» [6] и «сын Кара-Гюне Кара Будаг, сокрушивший крепости Хамид (город в Месопотамии – Х.А.) и Мардин, (город в Месопотами. – *прим. Х.А.*), заставивший изрыгать кровь вооруженного железным луком царя Кипчака» [6].

Интересно существование в приморской низменности и в предгорной зоне Дагестана антропонимов салов, известных по тексту «Книги моего деда Коркута» и встречающихся здесь в виде топонимов. Таковы, например, названия: Караман, Турали, Кара-Будаг (-кент) и, возможно, другие.

Названия рек Сал и Аксай (оба – левобережные притоки р. Дон) в современной Ростовской области дублируются в названиях предгорных рек на севере Дагестана в виде названий с основой *сал* – Сала-су (аварский вариант – *Сала-гIор*) и без изменения – Аксай. Последние «мигрировали» именно на территорию Дагестана, а не наоборот, учитывая среднеазиатскую географию названия Аксай. Естественно, эти гидронимы «перемещались» вместе с населением, которое их использовало и прежде. В неизвестный нам сейчас точно исторический момент сал (*салар*) могли быть одним из племен, мигрировавших в предгорья Северного Дагестана. Во всяком случае, претендовать на роль того, кто привнес сюда эти названия, не может никакой другой народ с большим основанием, чем салы. Названия рек с окончанием *-сай, -чай*, все-таки, органичны для ареала в отличие от кипчакского варианта – *су*. Конечно, при подобных рассмотрениях нельзя не учитывать и возможность для на одних и тех же территорий Северного

названием Бора. В материалах XVIII в. упоминается мавзолей Борга-Каш на р. Сунже. Такое же, как Бора название имеет р. Бара – приток р. Аргута на Алтае (Кош-Агачский район). Здесь есть и другие реки с созвучным корнем в начальной части названия: Бар-Бургазы, Бартулдак. А на Дальнем Востоке известна река, которая прямо носит название Бораган.

Кавказа наложений разновременных и разноплеменных языковых пластов, включая имеющих даже единый тюркский корень.

Арабо-хазарские войны, падение хазарского государства и последовавшее затем монгольское нашествие разрушили существовавший ранее относительно размеренный ход исторического процесса на Прикаспийской низменности и в предгорьях Северного Кавказа. Ураган событий разметал по свету многие народы и племена. Основная часть уходила под натиском пришлой орды, как и в предшествующие века, на запад, в Подунавье. А кто-то, видимо, уходил, напротив, в сторону востока от Каспия. В XIV в., например, часть салов (саларов) обнаруживается осевшими в районе Самарканда. Видимо в результате начавшихся очередных политических потрясений в конце этого века обитавшая здесь часть саларов мигрировала далее на Северо-Запад Китая, где до сих пор компактно живет в Синьхуа-Саларском автономном уезде провинции Цинхай и Цзишишань-Баоань-Дунсян-Саларском автономном уезде на западе провинции Гансу [4]. Население саларов по переписи 2021 г. составляло 361000 человек. Они сохранили свой исконный (огузский в основе) язык и исповедуют ислам суннитского толка.

Судьбы других частей народа салов сложились по-разному. Часть их вошла в качестве племени в формировавшийся туркменский народ, другие – в этнические образования малоазийских тюрков. Для нас же в рассматриваемом аспекте наибольший интерес представляет то, что какая-то их часть после своего рассеивания нашла прибежище в предгорной части Северного Дагестана. Автор не располагает письменными источниками, подтверждающими это. Однако сам исторический контекст и, более конкретно – топонимия и этнонимия региона, красноречиво свидетельствуют именно об этом. Если говорить об историческом контексте, то в данном регионе (т.е. контактной зоне прикаспийских степей и предгорий) за много сотен лет до описываемых событий сложилась модель, при которой политические катаклизмы и военные столкновения приводили к инфильтрации части обитателей степи в горы и укоренению их там с дальнейшей ассимиляцией местными горскими обществами. В этом смысле исторической науке известны примеры с дагестанскими гуннами, аварами и не только ими.

Если говорить о топонимии той части Северного Дагестана, о которой идет речь, то она чрезвычайно показательна для решения рассматриваемой здесь проблемы. Тут мы находим разнородный куст компактных топонимов, основа которых сводится к названию «сал». Это: *Салатау* (кумыкск. – гора Сала), *Сала меэр* (аварск. – гора Сала), *Сала-гIор* (аварск. – река Сала), *Сала-росо* (аварск. – село Сала). В этом же ряду находится название крупной реки Сулак (аварск. *Сулахъ* – у сулов). В последнем случае аварский суффикс – *ахъ* является указанием на географическую, пространственную или этническую принадлежность. Существует большая вероятность того, что название Гуни – крупного современного аварского села в Салатавии сохранилось со времени салов. Этимология этого слова восходит к обозначению у саларов традиционной территориально-административной единицы.

У кумыков понятие «сала» приобрело статус этносоциальной терминологии. В знаменитом кумыкском селении Эндирей существовал, например, квартал, именуемый Сала [8]. Название *сала-уздени* было здесь комплиментарным и означало принадлежность к более высокому социальному положению, чем обычные уздени. У аварцев же понятие *сала*, во-первых, в некоторых районах распространилось вглубь гор, и не исключено, что смысл его приобрел этнико-ойконимическое содержание.

В Гунибском районе, во Внутреннем Дагестане известны села с названиями Салта и Силта. Существует предание о том, что более многочисленное Салта было переселено сюда откуда-то из предгорий. Это село входило в андаляльский союз сельских общин, но говор его жителей гораздо ближе к северному наречию аварского языка, чем к андаляльским вариантам, как должно было бы быть, если бы данное село было исконным в этом регионе.

Отмеченное выше говорит о том, что, во-первых, если верно предание о миграции жителей в современное место расположения села, то такое перемещение должно было случиться уже после того, когда выделилось северное наречие аварского языка. И, во-вторых, если ойконим *СалтIа* (аварск. – *в местности сал*), как можно предположить, связан с этнонимом *сал*, то указанное диалектное разделение должно было случиться раньше, чем военные и политические события рассеяли салов по миру. Село Салта, как указано выше, в рассматриваемом контексте не единично. Сходство с его названием обнаруживаются и в других наименованиях аварский сел – таких, как Сильда в Цумадинском районе, расположенном в окружении андоязычного массива, и Салда в Тляратинском районе. Выводить напрямую названия этих сел от этнонима *сал*, наверное, было бы натяжкой. Но говорить о такой возможности в отношении названия тухума *Салалал* (основа *–сал*; *-лал* – суффикс множественного числа), существующего в сел. Риквани Ботлихского района можно с уверенностью. По генеалогическому преданию, этот тухум переселился сюда в давние времена из упоминавшегося выше села Эндирей.

В связи с приведенными выше примерами из топонимического материала может возникнуть вопрос – только ли в аварском и реже в кумыкском и чеченском языках существуют разнородные омонимы с основой «сал». Выясняется, что этнонаименования с такой основой известны еще в ингушском (*силу*) и осетинском (*солу*) языках [7, с. 131]. В обоих этих случаях, точно так же, как и суьли в чеченском, они является экзоэтнонимом дагестанцев. Правильно будет предположить, что это название возникло первоначально у той части чеченцев, с которыми их соседи – дагестанские горцы, а именно аварцы, контактировали непосредственно. Далее, от чеченцев этноним перешел к ингушам и осетинам.

Если говорить о чеченцах, то среди множества их тейпов известен и тейп «*салой*». Здесь он воспринимается как пришлый и первоначально инородный для собственно чеченской этнической среды. С другой стороны, присутствие его косвенно говорит о былом соседстве с чеченцами этнического массива, к которому принадлежал тейп *салой*, т.е., собственно, салов. Это соседство должно было быть таким же, каким оно было у салов с аварцами. Соответственно, рассеивание салов могло коснуться и этнической территории чеченцев, хотя, может быть, в меньшей степени, чем на аварских землях.

Перейдем далее к рассмотрению более раннего, чем *чачан (мн. ч. – чачанал),* аварского этнонаименования чеченцев, сохранившегося до наших дней. Таким, исконно аварским этнонимом для обозначения чеченцев является *бурти (мн.ч. – буртиял)*[3]. Слово состоит из основы *«бут»* с инфицированным в него классным показателем «*р*» и с суффиксом множественного числа «*-ял»*.

Аналогичный этноним, применяемый к чеченцам, имеется и у андийцев. Здесь он звучит «*бутурул*». В этом случае отсутствует внедрение, как в аварском варианте,

3. В труде Волковой «Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа», посвященном специально рассматриваемому здесь вопросу, это этническое наименование не упоминается [9].

классного маркера «*р*» в корень слова. Здесь «*р*» является, по существу, вторым суффиксом. По сути, оба названия идентичны, но структурно они сформированы с учетом особенностей словообразования каждого из двух языков – аварского и андийского.

Этноним *буртиял*, (*бутурул*) с большой вероятностью связан с названием чеченского общества *Бутой мохк*, которое обитало достаточно широкой полосой на территории, контактировавшей в древности с андийцами и аварцами. Логично предположить, что общество, носившее это или очень близкое к нему по звучанию наименование, должно было быть в древности достаточно большим, чтобы его имя утвердилось в одинаковой форме и у аварцев, и у андийцев[4].

Ассоциации с рассматриваемым этнонимом вызывает, например, название современного села *Бетти-мохк*, расположенного в пограничном с Дагестаном (в данном случае с аварцами) Ножай-Юртовском районе Чеченской республики. По местным преданиям, наиболее ранние поселенцы этого края являются выходцами из Нахшоя – глубинной, коренной территории современной Чечни. Упомянутое название – *Бутой-мохк* используется в настоящее время для обозначения одного из чеченских горных обществ, обитающих в современном Шатойском районе Чечни – неподалеку от территории расселения андийцев[5].

Что касается этнонима «*чеченцы*», то, насколько известно автору, в письменном виде он впервые отмечен в документах русской администрации на Кавказе, относящихся к XVII в. [12]. Естественно, что взаимные этноразличительные названия должны были существовать у соседствующих народов данного региона и ранее этого времени. Аварцы и чеченцы вошли в особенно активное *политическое* взаимодействие в сороковых годах XVII в., когда представители боковой ветви аварских ханов – Турулавы (в чеченском варианте – Турловы) основались вместе со своей «дружиной» в среднем течении реки Аргун и заложили здесь – в Большой Чечне – первое в истории этого края протогосударственное образование в виде небольшого территориального владения [13; 14] с центром в поселении, получившем (по-видимому, от аварцев), название «чачан». Формирование этого владения не было каким-то исключительным актом политического взаимодействия двух народов. Например, еще до их переселения на берега Аргуна между Турулавами, как правителями области Гумбет на Северо-Востоке Дагестана, и предводителем чеберлоевцев – выходцем из боковой ветви аварских нуцалов Алдановым существовали политические отношения, скреплённые договором, обязывавшим к лояльности друг к другу и взаимной помощи [14]. Кстати, аварский вариант название Чеберлоя – *Тадбурти (ТIадбурти)* означает Верхнее (Высокогорное) Бутри. Связь данного географического названия с этнонимом, имеющим основу *бут* (*бутр*), очевидна.

Географической точкой, где происходило прямое соприкосновение аварского и чеченского этнических компонентов ранее XVII в. (скорее всего, в XV–XVI вв.) были и предгорья современного Северного Дагестана, точнее, район Салатавии. Эти контакты были настолько интенсивными, что сопровождались даже проявлениями взаимной ассимиляции в пределах контактной территории. Примером ассимиляции чеченцев в аварской среде является аваризованное, но чеченское по сути,

4. Возможность связи древнего аварского этнонаименования чеченцев *бурти* с названием племенного ответвления аланов *бурт-ассов* [10; 11], обитавших в Средневековье, по-видимому, и на территории современной Чечни, наверное, тоже нельзя сбрасывать со счетов.

5. В реестре сел Андийского уезда Дагестанской губернии за 1908 г. значилось чеченское село Бути, населенное на 100 % чеченцами.

наименование села Буртунай[6] в Салатавии. В названии этого села, населенного много столетий аварцами, отчетливо проступает звучание этнонима *бурти (буртиял*). Да и окончание названия на *-ай* говорит о морфологии данного слова, свойственного чеченскому языку.

В другом контактном регионе – Чеберлое – реализовалось обратное направление ассимиляции. Здесь аваро-андийское население подверглось частичной ассимиляции, распространившейся сюда, по-видимому, в XV–XVI вв. чеченско-ингушским этническим массивом. Об этом красноречиво говорят, например, фамилии чеберлоевских чеченцев – такие, например, как Лабазановы, Дибировы, Галбацовы, Муцалхановы, Шагьав (чеч. – *Шаа*) и т.д. Изначально аварская принадлежность указанных фамилий не может вызывать сомнений. То же самое относится и к ойконимам типа «Хиндой». Данное название в форме *хьиндалал* с аварского переводится, как *долинные* (в отличие от *маарулал – высокогорные*). В более общем виде это является названием субэтноса аварцев, живущих в речных долинах больших рек Внутреннего Дагестана.

Значение самого топонима «*Чеберлой*» (в андийском звучании – Чарбил (*ЧIарбил*) не находит этимологических корней в чеченском языке, но обнаруживает андийскую семантику. Слово это можно рассматривать, как состоящее из двух основ – аваро-андийского, а, скорее прадагестанского *«чIар»* (сравни: *ЧIа-р-а-да, ЧIо-р-о-да, ЦIцIо-р)* с значением *тучный, изобильный (анд.* чIа-чIи – жирный; дарг. *кIе-ма* – масло, анд *чIа-ми* – сыр). и андийского же *«бил»* – гора. При таком взгляде топоним «Чеберлой» (с метатезой в середине слова) в переводе с праандийского (?) будет означать «тучные горы». Действительно, чеберлоевские горы отличаются наличием исключительно развитого почвенного покрова, пригодного для земледелия, а в весенне-летний сезон – высоким травостоем и обильными альпийскими пастбищами.

Заключение

Рассмотренные данные позволяют обосновать существование изначального аварского названия чеченцев в форме «*буртиял*» и выдвинуть гипотезу о происхождении чеченского этнонаименования дагестанцев (в частности, аварцев) «*суьли*» от названия народа «*сал (мн. ч. – салар*). На рубеже XV–XVI вв. на севере Дагестана, в предгорьях современной Салатавии, обитали представители племенного объединения салов, часть кочевых предков которых с X–XI вв. населяла Нижнее Подонье и Предкавказье. В соответствующие отрезки истории эта часть салов входила в Хазарский каганат и Золотую Орду. В ходе процессов, связанных с разрушением Золотой Орды, произошло, в частности, исчезновение с исторической арены северокавказской ветви салов. В предгорьях северного склона Восточного Кавказа они оказались, в основном, рассеянными и ассимилированными преимущественно в аварской этнической среде. Центральноазиатская же часть салов из области Самарканда мигрировала дальше на восток. Она осела на западе Китая в верховьях бассейна р. Хуанхэ, где обитает в настоящее время. Эту народность называют

6. Народная этимология, возводящая это название к слову «буртина» (войлочный плащ-накидка), относится к разряду наивных. Интересно, кстати, что само слово «буртина» возводится к праиндоевропейскому «*фетр*» – войлок с трансформацией «*ф*» – в «*б*» и с метатезой *р-т.*

иногда «забытые тюрки», но она сохранила свой тюркский (огузский) язык, религию, обычаи и носит название «салары».

Название салов – народа, который со стороны предгорий Дагестана частично граничил с нахским этносом, послужило основой для наименования чеченцами всех дагестанцев – *суьли*. Конкретным, собственно дагестанским народом, с которым контактировали чеченцы, были аварцы, почему на них, в первую очередь, и перешло данное название. К тому же, основная часть салов, обитавших здесь, была ассимилирована в аварском народе.

Происхождение аварского этнического наименования чеченцев – *буртиял* объясняется переходом на весь этнос названия одного из чеченских племен *бутой*, которое соприкасалось непосредственно с чеченской стороны и взаимодействовало с аварцами на протяжении длительного времени.

Возникновение собственных и внешних этнонаименований народов Восточного Кавказа не было каким-то разовым актом. Примеры, рассмотренные в данной работе, лишний раз показывают, что этнонимы, о которых идет речь, не могут рассматриваться вне контекста сложных исторических перипетий, масштаб и проявления которых зачастую остаются скрытыми от взгляда исследователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменных данных. М.: Наука, 1983. 224 с.

2. *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.

3. *Плетнёва С.А.* Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2000. 364 с.

4. *Комиссаров С. А.* Салары // Большая Российская энциклопедия. М.: Науч. изд-во «Большая Росс. энцикл.». 2015. Т. 29. С. 228–229.

5. *Хождение купца* Федота Котова в Персию. М.: Изд. вост. литературы, 1958. – 111 с.

6. *Книга* моего деда Коркута. Огузский героический эпос / Перевод В.В. Бартольда; Издание подготовили: В.М. Жирмунский, А.Н. Кононов. Москва–Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1962. – 299 с.

7. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. М., 1973.

8. Шихалиев Д.М. Рассказ кумыка о кумыках / Предисл. и коммент. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала. Даг. кн. изд-во, 1993. – 140 с.

9. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. – 206 с.

10. *Афанасьев Г.Е.* Этническая территория буртасов во второй половине VIII — начале X в. // Советская этнография. 1984, № 4. С. 28–41.

11. Афанасьев Г.Е. Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры // Советская этнография. 1985. № 3. С. 164–169.

REFERENCES

1. Magomedov MG. *Formation of the Khazar Khaganate. Based on archaeological research and written data*. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ)

2. Afanasyev GE. *Don Alans: Social structures of the Alan-Asso-Burtass population of the Middle Don basin*. Moscow: Nauka, 1993. (In Russ)

3. Pletneva SA. *Essays on Khazar archeology*. Moscow: Mosty Kultury; Jerusalem: Gesharim, 2000. (In Russ)

4. Komissarov SA. *Salars. Great Russian Encyclopedia*. Moscow: Bolshaya Ross. entsicl. 2015, 29: 228-229. (In Russ)

5. *The journey of the merchant Fedot Kotov to Persia*. Moscow: Vosotchnaya Literatura Publ., 1958. (In Russ)

6. *The book of my grandfather Korkut. Oguz heroic epic. Translation by V.V. Bartold; The publication was prepared by: V.M. Zhirmunsky, A.N. Kononov*. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1962. (In Russ)

7. Abaev VI. *Historical and etymological dictionary of the Ossetian language*. Vol. II. Moscow, 1973. (In Russ)

8. Shikhaliev DM. *A Kumyk's story about the Kumyks. Preface and comment. by S.Sh. Gadzhieva*. Makhachkala: Dagknigizdat, 1993. (In Russ)

9. Volkova NG. *Ethnonyms and tribal names of the North Caucasus*. Moscow: Nauka, 1973. (In Russ)

10. Afanasyev GE. Ethnic territory of the Burtases in the second half of the 8th – early 10th centuries. *Sovetskaya etnografiya*. 1984, 4: 28-41. (In Russ)

11. Afanasyev GE. Burtas and the forest-steppe version of the Saltovo-Mayak culture. *Sovetskaya etnografiya*.

12. *Русско-чеченские* отношения. Вторая половина XVI–XVII вв. Перечень документов. Раздел первый. (1586–1600) / Выявление, составление, предисловие, комментарии Е.Н. Кушевой. М.: Восточная литература, 1997. – 416 с.

13. *Айтберов Т.М.* Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые документы XVII в. (Гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2006. – 93 с.

14. *Ахмадов Я.З.* Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009.

1985, 3: 164–169. (In Russ)

12. *Russian-Chechen relations. Second half of the 16th–17th centuries. List of documents. Section one. (1586–1600). Identification, compilation, preface, comments by E.N. Kushevoy*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 1997. (In Russ)

13. Aitberov TM. *Avar-Chechen rulers from the Turlov dynasty and their legal documents of the 17th century (Gumbets in the medieval and modern history of the North-Eastern Caucasus)*. Makhachkala, 2006. (In Russ)

14. Akhmadov YaZ. *Essay on the historical geography and ethnopolitical development of Chechnya in the 16th–18th centuries*. Moscow, 2009. (In Russ)

Поступила в редакцию 12.03.2024 г.
Принята в печать 10.05.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 12.03.2024
Accepted 10.05.2024
Published 15.06.2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202427-439

Исследовательская статья

Штыбин Виталий Владимирович
магистр исторических наук, аспирант
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
v.shtybin@yandex.ru

МОЛИТВЕННЫЕ КРЕСТЫ-*ДЖОРЫ* ПРИЧЕРНОМОРСКИХ АДЫГОВ-ШАПСУГОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ МАЭ РАН

Аннотация: Исследования гибридных и синкретических культов причерноморских адыгов-шапсугов неминуемо сталкиваются с вопросом интерпретации молельных крестов-*джоров* причерноморских адыгов-шапсугов, как ритуальных элементов ушедшей традиции. По форме эти кресты делятся на три варианта: Т-образный, Y-образный и византийско-кавказский христианский. Первый и последний варианты были известны как минимум с XVIII в., когда они впервые появились в описаниях путешественников. Однако, Т-образный вариант присутствует только в текстовых описаниях, тогда как почти все рисунки изображают византийско-кавказские христианские кресты. Y-образные кресты стали известны исследователям с 1930-х годов, когда их обнаружили этнографические экспедиции, но в силу политической конъюнктуры им была дана чересчур однозначная оценка «языческих фетишей», после чего они были помещены в запасники музеев, где на долгое время выпали из поля зрения академической науки. Обновленная интерпретация позволила взглянуть на молельные кресты-*джоры* с другой стороны. Автор рассматривает различные интерпретации их символики в рамках сакральных нарративов народного христианства, долгое время сохранявшихся в культуре причерноморских адыгов-шапсугов. Также в настоящей статье впервые представлена интерпретация известного у черкесов (адыгов) в прошлом жезла *тапши* из Национального музея Адыгеи как объект ошибочно атрибутированный как крест-*джор*. В ряду источников автор опирается на хранящиеся в МАЭ РАН образцы крестов-*джоров*, а также сделанные в 1939 г. Евгением Шиллингом и Сергеем Токаревым в Причерноморской Шапсугии фотографии, впервые вводимые в научный оборот с разрешения МАЭ РАН.

Ключевые слова: Этнография; обряды; Северный Кавказ; адыги; черкесы; народное христианство; *джоры*; крест; история Кавказа; МАЭ РАН; культурная антропология

Для цитирования: Штыбин В.В. Молитвенные кресты-джоры причерноморских адыгов-шапсугов: по материалам МАЭ РАН // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 427-439. doi.org/10.32653/CH202427-439

© Штыбин В.В., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202427-439

CC BY

Research paper

Vitaly V. Shtybin,
Master of History, Postgraduate
Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
v.shtybin@yandex.ru

PRAYER CROSSES-*JORS* OF THE BLACK SEA ADYGS-SHAPSUGS: BASED ON THE MATERIALS OF THE MAE RAS

Abstract. Research into the hybrid and syncretic cults of the Black Sea Adyghe-Shapsugs inevitably faces the issue of interpretation of the prayer crosses-*jors* as ritual elements of a bygone tradition. These crosses come in three forms: T-shaped, Y-shaped, and Byzantine-Caucasian Christian. The first and last types have been documented since at least the 18th century through travelers' descriptions. The T-shaped variant, however, is only mentioned in texts, while almost all drawings depict Byzantine-Caucasian Christian crosses. Y-shaped crosses were identified by researchers in the 1930s during ethnographic expeditions. Initially, they were simplistically categorized as "pagan fetishes" due to the political context, leading to their neglect in museum storage and academic study for many years. A revised interpretation provides a fresh perspective on the prayer crosses-*jors*. This article explores various interpretations of their symbolism within the sacred narratives of folk Christianity, which have been preserved in the culture of the Black Sea Adyghe-Shapsugs. Additionally, the article offers a new interpretation of the well-known tapshi staff among the Circassians (Adyghe), which had been erroneously identified as a cross-*jor*. The author draws on samples of crosses-jors stored in the MAE RAS and photographs taken in 1939 by Evgeny Shilling and Sergey Tokarev in the Black Sea Shapsugia. These photographs are introduced into scientific circulation for the first time with the permission of the MAE RAS.

Keywords: ethnography; rituals; North Caucasus; Adyghe; Circassians; folk Christianity; *jors*; cross; history of the Caucasus; cultural anthropology

For citation: V.V. Shtybin. Prayer crosses-jors of the Black Sea Adygs-Shapsugs: based on the materials of the MAE RAS. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 427-439. doi.org/10.32653/CH202427-439

© V.V. Shtybin, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Первые научные описания деревянных молитвенных крестов-*джоров* или *джюоров*, *джуоров*, в прошлом использовавшихся адыгами-шапсугами Черноморского побережья Кавказа, были сделаны исследователями-путешественниками XVI в. и продолжались вплоть до 1930-х годов. В подавляющем числе они описывают *джоры*, как Т-образные деревянные конструкции около 2 м высотой, стоящие рядом или прислоненные к священным деревьям, которые несли функцию сакральных локусов различных ритуалов, преимущественно связанных с вызыванием дождя [1, с. 31; 2, с. 53; 3, с. 50; 4, с. 477]. Однако, уже в XIX в. в описаниях «*джоров*» мы встречаем некоторые противоречия. Например, французский путешественник Тебу де Мариньи в начале XIX в. описывает их, как Т-образные, но на его собственных рисунках мы видим кресты византийско-кавказского типа, длинные центральные части которых с острым основанием перекрываются трёхконечным перекрестьем, имеющим овальные расширенные ветви [5, с. 10, рис. 83; 6, с. 59–63].

Как Т-образные кресты джоры описывают и другие исследователи того же периода – Л. Люлье и Э. Спенсер [1, с. 31; 7, с. 51], а византийско-кавказскими они зафиксированы на рисунках и в описаниях Дж. Белла [4, с. 91–92].

В 1930-е годы, с началом активных этнографических экспедиций в Причерноморскую Шапсугию, появились новые дополнительные свидетельства о крестах-*джорах*, которые, однако, еще более запутали ситуацию. Исследования, проведенные Л. Лавровым, оставили нам подробные описания форм крестов-*джоров* и связанных с ними ритуалов, а экспедиции Е. Шиллинга и С. Токарева в 1939 г. удалось найти последние сохранившиеся молитвенные кресты-*джоры*, которые имели Y-образную форму [8, с. 97–98; 9, с. 94–95].

Исследователи предпочитают видеть в Т-образных крестах устаревшую или редуцированную форму византийско-кавказского креста, либо вовсе не считают поздние кресты христианскими и видят в них древний фетиш [10, с. 106, 407; 11, с. 200, 209; 12, с. 347]. Безусловно, версия о фетише имеет право на существование, поскольку в древности встречается немало следов Т-образной символики, связанной с идеей мирового древа. Мы не можем подтвердить или опровергнуть такое мнение, поскольку не располагаем достаточной информацией о распространении такой символики на Северо-Западном Кавказе, за исключением крестов, похожих на греческий или юстинианов крест у меотов и зихов в дохристианские времена [10, с. 400; 13, с. 104–106, 186–187]. Тем не менее, такое мнение, помимо явного влияния идеологии атеизма, страдает упущениями [14, с. 111]. Л. Лавров также упоминает, что это последние сохранившиеся *джоры*, привезённые экспедицией Шиллинга, и четко отличает их от обычных хозяйственных вил, на которые они похожи по форме. Сам Шиллинг считал, что именно трехконечные кресты были наиболее распространены в черкесской (адыгской) среде [9, с. 94–95; 11, с. 200; 12, с. 347].

Важно также отметить этимологию названия крестов – *джоры*, имеющую явно грузинские корни. Черкесское (адыгское) слово «*джор*» происходит от грузинского ჯვარი («*джвари*») в значении «крест» [15, с. 81]. И в этом смысле мы можем констатировать явную связь термина с источником распространения христианства в лице грузинских проповедников. Однако, это никак не объясняет Y-образную форму самих крестов.

С распространением христианства в VI–X вв. Северо-Западный Кавказ в духовном отношении подчинялся четырем епархиям, епископы которых назначались

Византией – Фанагории, Метрахе (Таматархе, Тамани), Зихополису и Никопсии. В то же время Абазгийская епархия, существовала на территории Абхазии и части современного Сочи. Кафедра её находилась в древнем городе Себастополисе (Сухум), а крупным опорным центром считался Питиунт (Пицунда). Этим периодом можно отметить появление первых нательных крестов и христианского обряда погребения на Черноморском побережье Кавказа [13, с. 78].

С периодом X–XII вв., исходя из письменных источников и археологических материалов, принято связывать наиболее широкое распространение христианства на Северо-Западном Кавказе [12, с. 22; 13, с. 65, 114–115, 118]. В это время появляется большинство христианских церквей Черноморского побережья в долине реки Мзымта, в Лоо (перестроенная из более ранней) и Хосте, у рек Годлик, Нечепсухо, между Пшадой и Новороссийском. Большая их часть не сохранилась [11, с. 115].

В XI в. Северо-Кавказские христианские кафедры разделились и центром Зихийской архиепископии стал Никопсис. Предки черкесов (адыгов), а также аланы, подверглись в эти века влиянию Грузинской Православной Церкви [11, с. 99–100; 13, с. 74–75, 221–222; 14, с. 98; 15, с. 81; 16, с. 109; 17, с. 151]. Возможно, с этим влиянием связано распространение христианских некрополей между реками Шахэ и Псоу [18, с. 27]. По той же логике, с распространением этого влияния в языки местных сообществ проникала грузинская религиозная терминология, точно также, как это произошло с абхазским языком [19, с. 50–51]. Вероятно, в этот период христианские кресты и напоминающие их по форме сакральные объекты, получили устойчивую связку с термином «*джор*».

В XIII в. Северный Кавказ подвергся монгольскому нашествию. В этот период исчезла объединенная Абазгско-Зихская епархия, и возросла роль новой Зихско-Матрахской, возведенной затем из архиепископии в ранг митрополии [13, с. 81; 15, с. 81].

В XII–XIII вв. на Черноморском побережье к югу от реки Туапсе появляются кочевники, в которых археологи видят либо предков равнинных черкесов (адыгов) – «касогов», либо половцев. Под влиянием монгольского нашествия в степи, культура их распространяется в регионе как минимум до реки Аше, а более всего она представлена между Анапой и Джубгой ещё с XI в. [20, с. 60–62]. Возможно, она встречается и дальше на восток, но археологи пока слабо изучили регион Сочи. С ними вместе разрозненные культовые практики населения Черноморского побережья Кавказа впервые полностью унифицировались и наиболее сильно подверглись влиянию христианства. Это видно по погребениям, в которых с XIII по XIV в. обряды изменяются на близкие к христианским по форме погребения с захоронением в земле (ингумации) под небольшим курганом [21, с. 198–213].

В 1318 г. упоминается самостоятельный митрополит Зихии с титулом «Зихо-Матархского», но падение Византии под ударами крестоносцев и последующий переход акватории Чёрного моря в руки итальянских купцов (а еще позже османов) привели к разрыву связей с православной метрополией [11, с. 347].

Свидетельства о духовных лицах и остаточных ритуалах православного христианства встречаются среди черкесов (адыгов) вплоть до XVI–XVII вв., например, в форме священных книг, превратившихся в фетиши, или отдельных реликтах обычаев, сохранившихся до сих пор [13, с. 98–99].

В более ранних работах мною уже высказывалась версия о том, что Y-образная форма крестов-*джоров* может быть связана с влиянием католицизма, который

распространяли на Северо-Западном Кавказе, в том числе на Черноморском побережье, миссионеры францисканского ордена из расположенных тут же генуэзских и византийских колоний. Об этом косвенно говорит как сама история распространения францисканцами католицизма на Кавказе, основным символом которых был и остается по сей день Т-образный крест с его природным «языческим» контекстом, так и наличие Y-образной формы креста у францисканцев в XIV–XV вв., в эпоху наибольшей активности католического миссионерства среди кавказских народов [8, с. 95–100].

В середине XIV в. в Матрахе (Тамани) появилась католическая епархия, получившая название по итальянскому названию города Матрегской и расширившая пределы уже основанной в Крыму Папой Римским Иоанном XXII Каффской епархии в 1320 г. Первым архиепископом Матреги стал францисканец Иоанн, черкес (адыг) по происхождению, который, будучи невольником в Италии, принял католичество и был освящен в сан лично Папой Римским Климентом VI в 1346 (или 1349) г. в Авиньоне. В то время в Зихии (Черкесии) уже действовал архиепископ и два доминиканских епископа от Каффской епархии, успешно обратившие в католичество зихского князя Верзахта и Керченского (Воспоро) начальника черкеса (адыга) Миллена, которые в свою очередь распространяли католичество среди соседей и подданных. В Кафе и Копе действовали монастыри и миссионерские школы. Распространению католичества помогал запрет грекам (православным) держать рабов, перешедших в католическую веру. Известно, что рабов этих порой заставляли менять веру насильно [11, с. 31–32; 13, с. 93; 14, с. 177; 15, с. 81; 22, с. 13–15].

В ту же эпоху археологи наблюдают изменение форм двурогих стрел в Абхазии, где также активно действовали католические проповедники, размер которых (увеличение до 2 м.) свидетельствовал о явных изменениях формы в пользу сакрализации функции [8, с. 101–102].

Однако, что касается Т-образных крестов, то здесь версия католического влияния может быть учтена лишь как дополнительная, позволяющая говорить о соотнесенности ее с весьма распространенным сакральным символом на Кавказе.

Дальнейшие изыскания позволили дополнить исследование редкими материалами, которые в настоящей статье впервые вводятся в научный оборот.

Речь идет о фотокарточках из коллекции Музея антропологии и этнографии РАН, сделанных во время этнографической экспедиции Е. Шиллинга и С. Токарева в аул Тхагапш Лазаревского микрорайона города Сочи[1] в 1939-м г. [8, с. 29–30, 86–87, 91], публикуемых с разрешения руководства МАЭ РАН, по официальному договору о публикации, заключенному с автором в 2022 г.

На рис. 1, 2 мы видим сложенные друга на друга вертикально Y-образные кресты-*джоры*, два из которых были отобраны Е. Шиллингом и С. Токаревым для передачи в фонды МАЭ РАН. На рис. 2 рядом с ними стоит мужчина, благодаря которому мы можем оценить высоту этих артефактов, равную среднему мужскому росту. Благодаря описаниям коллекции, мы знаем, что высота двух отобранных объектов составляла 230 и 196 см соответственно.

На рис. 3 два отобранных для коллекции креста-*джора* стоят у основания священного дуба, в той позиции, в какой они использовались для проведения ритуалов *Тхатлеу* [23, с. 26, 39–40]. Вероятно, поверхность некоторых из них использовалась для

1. В 1939 г. аул имени Кирова в составе Шапсугского национального района Краснодарского края. По-адыгски он всегда назывался Тхьэгъапшъ, что означает «Под Богом» или «Божья поляна».

накалывания поджаренных частей жертвенных животных[2]. На рис. 4 мы видим вбитые в дерево груши два металлических элемента, верхний из которых представляет собой вилку для накалывания частей жертвенного животного, а нижний – это небольшой трехконечный крест с утолщениями на концах, похожий по типологии на византийско-кавказский тип, какой встречается на упомянутых выше изображениях путешественников XIX в.[3]

Таким образом, в сакральной символике причерноморских адыгов-шапсугов мы также видим сочетание двух символов Y-образного и византийско-кавказского крестов, в то время как упоминаемых устно Т-образных крестов не встречаем. Такое сочетание вполне сообразуется со свойственной народному христианству черкесов (адыгов) синкретической формой сакральных предметов, в которых христианская символика обретает свой собственный смысл. Он может быть связан с символом «молнии-грома Шибле» в Y-образной форме – на это нам намекает сам культ молитвы под священным деревом, вне зависимости от наличия, либо отсутствия креста-*джора* под ним, чаще всего посвященный вызову дождя, либо обращению за покровительством непосредственно к главному божеству Тха, выступавшему у причерноморских адыгов-шапсугов также и в роли громовержца [11, с. 225; 16, с. 45; 24, с. 55].

До недавнего времени путаницу в интерпретацию крестов-*джоров* вносил еще один артефакт. В фондах Национального музея Республики Адыгея хранится экспонат, описываемый как «крест с роговилкой для приношения времен исповедания черкесами христианства».

Описание экспоната сообщает, что крест датирован XVII в. и был найден «в 5 верстах от а. Ачуй на север, на горе Кохутх, вблизи домика Колихо, в старом аулище Нашх». Мы можем установить это место, как окрестности современного аула Агуй-Шапсуг в Туапсинском районе Краснодарского края. К востоку от него действительно есть местечко Колихо, где когда-то находились аулы черкесов (адыгов), уничтоженные в 1862–64 гг. на завершающих этапах Кавказской войны. Однако, экспонат был описан, самое позднее, в начале XX в. и с тех пор находился в запасниках музея. Каких-либо уточнений к его атрибуции сегодня не сохранилось, не знают о нем подробностей и сотрудники музея.

Пристальное исследование фотографии экспоната показало, что перед нами классический *тапши*, похожий на абхазские посохи с металлическим наконечником *алабашьа*.

Из описаний католических миссионеров на Кавказе XVI в. и черкесского (адыгского) исследователя начала XIX в. Султана Хан-Гирея известно, что в прошлом черкесы (адыги) вешали кресты на деревьях, которые высаживали рядом с церквями, после чего такие деревья называли «Древом Господним». Таким образом, храм становился святым местом лишь при наличии рядом с ним священного дерева. Рядом с этой сакральной территорией в землю втыкались деревянные шесты, наподобие пастырских жезлов, называемые тапши. Перед ними снимали шапку, поклонялись

2. Обычно причерноморские адыги-шапсуги в качестве жертвенных животных для ритуалов выбирали козлов с темным оттенком шерсти, что несколько выбивалось из общей адыгской (черкесской) практики использования животных со светлой шерстью. В качестве приносимых в жертву внутренностей заколотого животного чаще всего использовались сердце и печень [10, с. 165; 13, с. 52–53, 112].

3. Описание экспонатов коллекции сделано как на основании представленной к фотографиям атрибуции МАЭ РАН, так и из описания коллекции экспонатов экспедиции 1939 года, сделанной научными сотрудниками музея [9, с. 13].

и молились. Со временем термин *тапши* перерос в *тххапшь*, которым, по словам Султана ХанГирея, обозначали территориальную общину со своим управлением и судом, что приблизительно равнялось понятию прихода, где место церкви заменяла священная роща. Исследователи предполагают, что слово *тапши* может быть производным от латинского *daps, dapis* – «торжественная, культовая трапеза» [25, с. 11–12, 19–20]. Подобного рода посохи по сей день известны в абхазской культуре, как *алабашьа*, в том числе в качестве «национальной и государственной» символики. Они представляют собой деревянный посох с железным наконечником и скобы на верхнем конце в виде естественного ответвления. *Алабашьа* делается из тщательно обработанной молодой ели, клена, красного дерева или кизила. В прошлом главы родов на родовых сходах в знак своего достоинства держали в руках или опирались на *алабашьа*, которые также передавались по наследству, как родовые реликвии [26].

Таким образом, в представленном в Адыгейском национальном музее объекте мы можем видеть уникальный экземпляр сакрального объекта родовой[4] власти *тапши*, функционально схожий с абхазским *алабашьа*, а вовсе не крест-*джор* для поклонений.

Вопрос интерпретации символических свойств и функций крестов-*джоров* все еще остается дискуссионным. Открытие и анализ экспонатов, найденных в начале XX в., пока еще было живо последнее поколение причерноморских адыгов-шапсугов, заставших прежние культурные традиции, исказившиеся или исчезнувшие после мухаджирства большинства их носителей в Османскую империю в 1860-е годы, позволяет переосмыслить значение сакральных локусов, объектов и ритуалов, символическую сеть смыслов и мировоззрение причерноморских адыгов-шапсугов. Найденные экспедицией Е. Шиллинга и С. Токарева в 1939 г. экспонаты не могли быть полноценно интерпретированы в силу давления на исследователей политической конъюнктуры того времени. Сегодня эти полузабытые экспонаты, хранящиеся в запасниках музеев, позволяют вновь открыть их для академической науки в свете современных знаний и взглянуть на этнографическую и онтологическую картину черкесов (адыгов) взглядом, очищенным от внешних установок, выдвигая и проверяя гипотезы, которые ранее казались маргинальными, либо политически неудобными.

В образе крестов-*джоров* мы видим сложное сочетание сакральных смыслов, в которых пришедшая из грузинского религиозного нарратива этимология, переплетается с известными смысловыми структурами и значениями этих крестов, свойственными народному христианству предков причерноморских адыгов-шапсугов. При этом остается открытым вопрос о причинах Y-образной формы этих сакральных объектов культа, которая может в равной мере объясняться как привычной гипотезой «языческого фетиша», высказанной Л. Лавровым и Е. Шиллингом в 1930-50-е годы, так и гипотезой позднейшего наслоения заимствованной у францисканских католических миссионеров сакральной формы, которая подкрепляется свежими открытиями генезиса формы креста францисканского ордена в период расцвета католической миссии на Кавказе [8]. Доказать или опровергнуть эти гипотезы мы сможем после установления полной исторической картины религиозных влияний на представления о сакральном причерноморских адыгов-шапсугов.

4. Судя по описанию Султана Хан-Гирея, это был символ и пастырской власти тоже.

Рис. 1. Молельные кресты-джоры. Район аула Тхагапш (Кирова).
Источник: ©МАЭ РАН 2022 (Оригинал фото – 1939 год)

Fig. 1. Prayer crosses-jors near the aul of Thagapsh.
Source: © MAE RAS 2022 (Original photo – 1939)

Рис. 2. Молельные кресты-джоры и местный житель. Район аула Тхагапш (Кирова).
Источник: ©МАЭ РАН 2022 (Оригинал фото – 1939 год)

Fig. 2. Prayer crosses-jors and a local resident near the aul of Thagapsh.
Source: © MAE RAS 2022 (Original photo – 1939)

Рис. 3. Молельные кресты-джоры под священным дубом. Район аула Тхагапш (Кирова).
Источник: ©МАЭ РАН 2022 (Оригинал фото – 1939 год)

Fig. 3. Prayer crosses-jors under a sacred oak near the aul of Thagapsh.
Source: © MAE RAS 2022 (Original photo – 1939)

Рис. 4. Металлические вилка и крест в ветке грушевого дерева. Район аула Тхагапш (Кирова). Источник: ©МАЭ РАН 2022 (Оригинал фото – 1939 год)

Fig. 4. Metal fork and a cross in the branch of a pear tree near the aul of Thagapsh. Source: © MAE RAS 2022 (Original photo – 1939)

Рис. 5. Крест с роговилкой. XVII в. Металл, ковка. Длина 127 см. Национальный музей Республики Адыгея, г. Майкоп. № Госкаталога 22266067

Fig. 5. Cross with a forked finial, 17th c. Metal, forged. Length – 127 cm. National Museum of the Republic of Adygea, Maykop. State Catalog No. 22266067

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи // Материалы для истории черкесского народа. Краснодар, 1927. Вып. 4. – 47 с.

2. *де Монпере Ф. Дюбуа.* Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму: Перевод с английского / В. М. Аталикова. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. С. 84–264.

3. *Хан-Гирей С.* Избранные труды и документы. Нальчик: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. – 672 с.

4. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии: Перевод с английского / К. А. Мальбахов. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2016. Т. 2. – 407 с.

5. Народы Кавказа / Под ред. М. О. Косвена, Л. И. Лаврова, Г. А. Нерсесова, Х. О. Хашаева. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. Т. 1. – 589 с.

6. Хлудова Л.Н. Христианские памятники Северного Кавказа в графике и живописи конца XVIII–XIX вв. (к постановке проблемы) // Альманах «Теодицея»: Сборник статей. Пятигорск, 2010. № 1. С. 59–63.

7. Спенсер Э. Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 году. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2008. – 256 с.

8. Штыбин В.В. Влияние католицизма на традиционную форму молитвенных крестов причерноморских адыгов-шапсугов. Владикавказ: Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых, 2021. № 26. С. 90–105.

9. Ботяков Ю.М. Архивные и иллюстративные материалы Е.М. Шиллинга по традиционным верованиям адыгов из собрания МАЭ // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 2006. Т. 52. С. 81–95.

10. Шортанов А.Т. Адыгская (черкесская) мифология и культы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2016. – 496 с.

11. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: ГП КБР «Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 556 с.

12. Гревенс Н.Н. Культовые предметы адыгейцев и осетин // Ежегодник музея истории религии и атеизма. О преодолении религии в СССР: Сборник научных трудов. – М., СПб., 1961. Вып. V. С. 339–348.

13. Чамокова С.Т. Религиозные верования адыгов: генезис, динамика развития IV–XVI вв. (историко-социологический аспект). Майкоп: Издательство Адыгейского государственного университета, 2013. – 188 с.

14. Хотко С.Х. Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2017. – 544 с.

15. Остапенко Р.А. Элементы христианства в культуре адыгов по данным этнографических, лингвистических и археологических источников // Наследие веков: Сборник статей. Краснодар, 2019. №1. С. 78–97.

16. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. 1900. Т. 21. Отд. 2. – 92 с.

17. Хрушкова Л.Г. Распространение христианства в Колхиде: письменные источники и свидетельства

REFERENCES

1. Lulye LYa. Circassia. Historical-ethnographic articles. *Materials for the history of the Circassian people*. Issue 4. Krasnodar, 1927. (In Russ)

2. de Monpere F. Dubois. *Journey around the Caucasus among the Circassians and Abkhazians, in Colchis, Georgia, Armenia, and Crimea: Transl. V.M. Atalikov*. Nalchik: El-Fa Publ., 2002: 84–264. (In Russ)

3. Khan-Girey S. *Selected works and documents*. Nalchik: JSC “Polygraph-YUG”, 2009. (In Russ)

4. Bell J. *Diary of a stay in Circassia. Transl. K.A. Malbakhov*. Vol. 2. Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarov, 2016. (In Russ)

5. *Peoples of the Caucasus. Vol. 1. Eds. M.O. Kosven, L.I. Lavrov, G.A. Nersesov, Kh.O. Khashaev*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960. (In Russ)

6. Khlyudova L.N. Christian monuments of the North Caucasus in graphics and painting of the late 18th–19th centuries (setting the problem). *Almanac “Theodicy”: Collection of articles*. Pyatigorsk, 2010, 1: 59-63. (In Russ)

7. Spencer E. *Description of travels in the Western Caucasus in 1836*. Nalchik, 2008. (In Russ)

8. Shtybin VV. The influence of Catholicism on the traditional form of prayer crosses of the Black Sea Adyghe-Shapsugs. *Proceedings of SOIGSI. Young Scientists School*. 2021, 26: 90-105. (In Russ)

9. Botyakov YuM. Archival and illustrative materials of E.M. Shilling on the traditional beliefs of the Adyghe from the collection of MAE. *Cultural heritage of the peoples of Central Asia, Kazakhstan, and the Caucasus*. Saint-Petersburg, 2006, 52: 81-95. (In Russ)

10. Shortanov AT. *Adyghe (Circassian) mythology and cults*. Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarov, 2016. (In Russ)

11. Lavrov LI. *Selected works on the culture of Abazins, Adyghe, Karachais, Balkars*. Nalchik, 2009. (In Russ)

12. Grevens NN. Cult objects of the Adygei and Ossetians. *Annual of the Museum of History of Religion and Atheism. On overcoming religion in the USSR: Collection of scientific works*. Moscow, Saint-Petersburg, 1961, 5: 339-348. (In Russ)

13. Chamokova ST. Religious beliefs of the Adyghe: genesis, development dynamics in IV – XVI centuries (historical–sociological aspect). Maykop: Adyghe State University Publ., 2013. (In Russ)

14. Khotko SKh. Circassia: genesis, ethno-political connections with countries of Eastern Europe and the Middle East (XIII–XVI centuries). Maykop: Adyghe Republican Book Publishing House, 2017. (In Russ)

15. Ostapenko RA. Elements of Christianity in the culture of the Adyghe according to ethnographic, linguistic, and archaeological sources. *Nasledie vekov: Collection of Articles*. Krasnodar, 2019, 1: 78-97. (In Russ)

16. Stal KF. Ethnographic sketch of the Circassian people. Caucasian Collection. 1900, Vol. 21. Part 2. (In Russ)

17. Khrushkova LG. The spread of Christianity in Colchis: written sources and testimonies of monuments. *Orthodoxy in the history and culture of the North Caucasus: issues of source study and historiography. Proceedings of the VII International St. Ignatius Readings: Collection*

памятников // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: вопросы источниковедения и историографии. Материалы VII Международных Свято-Игнатиевских чтений: Сборник статей. Ставрополь: Издательский центр СтДС, 2017. Вып. I. С. 126–173.

18. Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., Хушт М.А. К вопросу о типологии и времени бытования железных крестов византийско-кавказского типа // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: вопросы источниковедения и историографии. Материалы VII Международных Свято-Игнатиевских чтений. Вып. I: сборник статей. Ставрополь: Издательский центр СтДС, 2017. С. 14–25.

19. Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш. Акадак: ежегодное моление линдзавцев (I.-XLVI.) // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. Вып. 4. С. 19–333.

20. Нечипорук А.А. Средневековые курганы на селище Мухортова Поляна 2 // Археологическое наследие: материалы и интерпретации: Сборник статей. Владикавказ, 2019. С. 33–66.

21. Пьянков А.В. Касоги – Касахи – Кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани: Сборник статей. Краснодар, 2001. Вып. 1. С. 198–213.

22. де Галонифонтибус И. Сведения о народах Кавказа // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Составитель В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 13–15.

23. Штыбин В.В. Священные места и гибридные культы причерноморских адыгов-шапсугов // Магистерская диссертация. Кубанский государственный университет. Краснодар, 2021. – 114 с.

24. Рижский М. О культе Шибле у черкесов-шапсугов: материалы шапсугской экспедиции 1939 г. // Сборник научных студенческих работ. М., 1940. Вып. 7. С. 55.

25. Святилища абхазов и святые места адыгов: сравнительнотипологическое исследование: монография // Гл. ред. А.Н. Соколова; Адыгейский государственный университет. Майкоп: Издательство «Магарин О.Г.», 2015. – 174 с.

26. Габниа С.С., Смыр Г.В., Чеснов Я.В. Ритуально-обрядовые функции абхазских посохов // Полевые исследования Института этнографии: 1982. М.: «Наука», 1986. С. 119–127.

of articles. Issue I. Stavropol: Publishing Center of StDS, 2017:126-173. (In Russ)

18. Vasilinenko DE., Pyankov AV, Khusht MA. On the typology and time of existence of iron crosses of the Byzantine-Caucasian type. *Orthodoxy in the history and culture of the North Caucasus: issues of source study and historiography. Proceedings of the VII International St. Ignatius Readings. Collection of articles. Issue I.* Stavropol: Publishing Center of StDS, 2017: 14-25. (In Russ)

19. Kuznetsov IV., Kuznetsova RSh. Akadak: annual prayer of the Lindzavians (I.-XLVI.). *Archaeology and ethnography of the Pontic-Caucasian region*. Krasnodar: Kuban State University, 2016, 4: 19-333. (In Russ)

20. Nechiporuk AA. Medieval burial mounds at the settlement of Mukhortova Polyana 2. *Archaeological Heritage: Materials and Interpretations: Collection of Articles*. Vladikavkaz, 2019: 33-66. (In Russ)

21. Pyankov AV. Kasogi – Kasakhi – Kashaki of written sources and archaeological realities of the North-Western Caucasus. *Materials and research on the archaeology of Kuban: Collection of articles*. Krasnodar, 2001, 1: 198-213. (In Russ)

22. de Galonifontibus I. Information about the peoples of the Caucasus. In: V. Atalikov (comp.). *Caucasus: European Diaries of the XIII–XVIII centuries*. Issue III. Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarov, 2010: 13-15. (In Russ)

23. Shtybin VV. Sacred places and hybrid cults of the Black Sea Adyghe-Shapsugs. Master's thesis. Kuban State University. Krasnodar, 2021. (In Russ)

24. Rizhsky M. On the cult of Shible among the Circassian-Shapsugs: materials of the Shapsug expedition of 1939. *Collection of scientific student works*. Moscow, 1940, 7: 55. (In Russ)

25. Sanctuaries of the Abkhazians and holy places of the Adyghe: a comparative typological study: monograph. Chief ed. A.N. Sokolov. Adyghe State University. Maykop: Magarin O.G. Publ., 2015. (In Russ)

26. Gabnia SS., Smyr GV., Chesnov YaV. Ritual and ceremonial functions of Abkhazian staffs. *Field Research of the Institute of Ethnography: 1982*. Moscow: Nauka, 1986: 119-127. (In Russ)

Поступила в редакцию 14.08.2023 г.
Принята в печать 16.01.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 14.08.2023
Accepted 16.01.2024
Published 15.06.2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202440-461

Исследовательская статья

Крюкова Наталья Владиславовна
к.и.н., научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
nkryu@mail.ru

ПОЧИТАНИЕ КНИГ В АРМЯНСКОМ НАРОДНОМ ХРИСТИАНСТВЕ

Аннотация. В некоторых областях Армении существует культ книг-святынь. Объектами почитания становятся старинные книги, среди которых нередко встречаются первопечатные и рукописные экземпляры. Если подобная книга хранится в семье, она, вероятней всего, становится *тан сурбом* – «святым дома». Для такой книги обустраивается святилище, у нее есть свой хранитель, к ней совершаются паломничества, с ней связываются табу и пророческие сны. Таким книгам молятся, им совершают жертвоприношения. Чаще всего это Евангелия, произведения Григора Нарекаци, но также и *хмайилы* – книги в форме свитка магического содержания. Целью проводимого исследования является выявление и описание основных типов и составных элементов общинных и домашних сельских святилищ – *сурбов*. Культ книг-святынь рассматривается сквозь призму характерного для данного региона Армении общего культа сельских *сурбов*. Исследование проведено методом включенного наблюдения и интервью с местными жителями – почитателями сельских сурбов в Апаранском районе Республики Армения в 2016–2023 гг. В ходе исследования было определено, что домашними и общинными святынями в этом регионе зачастую выступают старинные книги религиозного содержания, а также свитки хмайилы. На основе анализа собранного материала и научной литературы в статье дается описание современных представлений и практик почитания данного типа святынь, проводится сравнение с общим культом сельских сурбов изучаемого региона.

Ключевые слова: армяне; Армения; народное христианство; вернакулярный, Евангелие; *сурб*, *хмайил*; *тан сурб*; святилище; святыня; святой

Для цитирования: Крюкова Н.В. Почитание книг в армянском народном христианстве // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 440-461. doi.org/10.32653/CH202440-461

© Крюкова Н.В., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202440-461

Research paper

Natalia V. Kryukova,
Junior Researcher
Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
nkryu@mail.ru

REVERENCE OF BOOKS IN ARMENIAN FOLK CHRISTIANITY

Abstract. In certain regions of Armenia, there exists a unique cult of shrine books. These ancient books, often including early printed and handwritten copies, become objects of veneration. When such a book is kept in a family, it commonly becomes known as *tan surb*, or "saint of the house." A sanctuary is built for the book, it has a dedicated keeper, and pilgrimages are made to it. Various taboos and prophetic dreams are associated with these books, to which people pray and make sacrifices. Most often, these revered books are the Gospels or works by Grigor Narekatsi, but they also include *khmayils* – scrolls with magical content. This research aims to identify and describe the main types and components of community and home rural sanctuaries, known as *surbs*. The cult of shrine books is examined through the broader context of the general cult of rural *surbs*, characteristic of this Armenian region. The study employed participant observation and interviews with local residents – venerators of rural surbs in the Aparan region of the Republic of Armenia – between 2016 and 2023. The findings reveal that home and community shrines in this region often include ancient books of religious content as well as *khmayil* scrolls. Based on an analysis of the collected material and existing scientific literature, this article describes contemporary ideas and practices related to the veneration of these shrines and compares them with the general cult of rural *surbs* in the region.

Keywords: Armenians; Armenia; folk Christianity; vernacular; Gospel; *surb*; *khmayil*; *tan surb*; shrine; saint

For citation: N.V. Kryukova. Reverence of books in Armenian folk christianity. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 440-461. doi.org/10.32653/CH202440-461

© N.V. Kryukova, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

В некоторых сельских областях Армении, к примеру, в селах Арагацотнского и Гегхаркуникского марзов[1] существует культ книг. Чаще всего, объектами почитания становятся старинные книги религиозного содержания, среди которых нередко встречаются первопечатные и рукописные экземпляры, богато иллюстрированные, представляющие большую ценность. Если подобная книга есть в семье, в частном владении, она в большинстве случаев становится объектом поклонения *тан сурбом*– «святым» дома. Книга будет именно святым, а не ассоциированным с какой-либо святой личностью предметом, несущим на себе печать его святости и божественной благодати, как принято в каноническом христианском культе святых.

У такой книги-святыни как правило есть святилище непосредственно в доме или в отдельном строении, есть своя история обретения и чудотворения, свой особый праздник, свой хранитель, к ней совершаются паломничества, с ней связываются табу и пророческие сны. Святыми почитаются Евангелия, произведения Григора Нарекаци, молитвенники, труды Отцов Церкви, а также *хмайилы*[2] и магические или апотропейные сборники [1, p. 22]. В моей полевой работе мне встречались *тан сурбы* Евангелия, *хмайилов* и молитвенников.

Цель, методы, география исследования

Целью проводимого исследования является выявление и описание основных типов и составных элементов общинных и домашних сельских святилищ – *сурбов*. Исследование основано на полевых материалах, значительная часть которых собрана в Апаранском районе Арагацотнского марза Республики Армения (малоизученный регион с богатой вернакулярной религиозной традицией) методом включенного наблюдения и интервью с местными жителями – почитателями сельских *сурбов*. В ходе проведения исследования было определено, что домашними и общинными святынями в этом регионе зачастую выступают старинные книги религиозного содержания, а также свитки *хмайилы*. На основе анализа собранного материала и научной литературы в статье дается описание современных представлений и практик почитания данного типа святынь, проводится сравнение с общим культом сельских *сурбов* изучаемого региона.

Обзор литературы

Тема народной религии в Армении поднималась при изучении дохристианских верований армян, архитектурных, археологических и археографических памятников [4–7]. В работе З.В. Харатяна «Культовые мотивы семейных обычаев и обрядов у армян» книги-святые не выделены в отдельную группу святынь, однако подробно рассматривается восприятие болезни и обряды исцеления, связанные с народными представлениями о святых [8].

Отдельные аспекты народной религиозной традиции в исторической перспективе освещены в работе А. Одабашян, написанной по результатам изучения апотропеических свитков-талисманов *хмайилов* из коллекции Матенадарана и Российской государственной библиотеки [9]. Из немногочисленных современных работ по данной теме следует назвать статью А.А. Рогожиной по проблемам содержания и интерпретации магических сборников в армянской христианской традиции, где автор уделяет отдельное внимание проблеме интерпретации свитков-*хмайилов* [10]. Статья Э. Балицкой-Витаковской и Р. Феникса содержит подробное описание и перевод текста магического свитка из коллекции университета Уппсалы [11]. Д. Газарян проводит разбор миниатюр магических свитков из коллекции Матенадарана и некоторых зарубежных коллекций, делает выводы о типическом характере большей части иллюстраций *хмайилов* [12; 13].

Тема домашних святилищ *сурбов* разрабатывалась А. Марутяном в связи с изучением структуры и функционирования традиционного армянского жилища [14]. Отдельная статья автора посвящена истории и современному состоянию культа *тан сурбов* – семейных и домашних святилищ. В статье приводятся выдержки из художественных и этнографических источников XIX в., также А. Марутян опирается на собранный им в 1980-е гг. полевой этнографический материал [15].

Среди публикаций последних десятилетий следует отметить иллюстрированное издание «Armenian Folk Arts, Culture and Identity» под редакцией Л. Абрамяна и Н. Суизи. В разделе, посвященном письменной традиции, Х. Петросян приводит примеры и описания особо почитаемых книг-святых в Гегхаркуникском марзе [16].

Отдельное внимание практикам почитания домашних книг-святых уделяет С. Мерян в статье, посвященной традиции прикрепления вотивных подношений к переплету особо почитаемых книг [17]. Традиции почитания религиозных манускриптов, в частности Евангелий, посвящена статья К. Шекерски, в которой автор рассказывает о ежегодной практике выноса особо почитаемых Евангелий из Матенадарана для поклонения обычными верующими [18].

Институт археологии и этнографии НАН РА провел серию экспедиций, выявил и собрал данные о находящихся в настоящее время в частном владении 40 манускриптах, которые являются домашними святыми в семьях их владельцев. В 2022 г. по результатам экспедиций опубликован альбом «Home Saint Manuscripts», в который вошли описания 29 рукописей [1]. Том предваряется вступительной аналитической статьей, рассказывающей о традиции почитания священных книг, судьбе книг в советскую эпоху, роли, которую изучаемые манускрипты играют в армянском кодикологическом наследии.

Во всех перечисленных работах, за исключением статьи А. Марутяна [15], описывающего этнографический материал Гегхаркуниксого марза 1980-х гг. и вводной статьи к альбому «Home Saint Manuscripts» [1], дающей сведения о практиках почитания в целом, отсутствует детальный этнографический материал по данной проблеме.

Настоящее исследование опирается на данные приведенных публикаций, а также на полевые этнографические материалы, собранные автором в 2016-2023 гг.

Общие черты в почитании книг-святынь

Книги-святыни, как правило, хранятся скрытыми от глаз в специальной шкатулке, ларе или чемоданчике, завернутыми в несколько *шушп*-конвертов[3]. В той же шкатулке рядом со святыней могут лежать и другие предметы или подношения, которые входят в комплекс *сурба*, являются его частью и наделяются верующими сакральной силой. Это могут быть кресты, литургические предметы или же особые камешки, куски хачкаров, иконы и т.д. К примеру, в комплекс *тан сурба Григора Нарекаци* в селе Л. Апаранского района[4] входит собственно рукописная книга, православный образок, несколько камешков и металлический ключ в форме креста с небольшим крестиком на цепочке. Книга завернута в несколько тканых конвертов *шушп* и хранится в специальной нише в стене в центральной комнате дома. Ниша прикрыта занавеской, рядом расположена полочка-подставка для жертвенных свечей и подношений. Остальные предметы хранятся в деревянной шкатулке в той же нише. Хранительница книги С. была уверена, что книга – произведение Григора Нарекаци[5]. При осмотре книги было выяснено, что перед нами рукописный Новый Завет. Часть текста удалось рассмотреть – это Евангелие от Матфея и Евангелие от Луки. Как и откуда появилась книга в семье информантка точно не знает, ей известно, что предки бежали из Муша, и она предполагает, что книга привезена именно оттуда. В семье был не один подобный *сурб*, но остальные святыни утрачены. Камешки, по словам информантки, обладают целебной силой. Бабушка С. по линии отца имела способность лечить с помощью креста, книги и камней. «Бабушка была портверцнох[6]», – сообщила С.[7]. Она помогала женщинам, которые испытывали трудности при родах, лечила раны, прикладывая к ним камни. С помощью металлического креста она осеняла людей крестным знамением. Бабушка, по словам информантки, имела тесную связь со святыней, от нее она получила дар исцеления.

Прикасаться к книге-святыне и святым предметам позволено лишь одному человеку в семье – С. Она является хранителем и основным медиатором между верующими и святым. Считается, что хранитель чаще других членов семьи видит пророческие, связанные со святыней, сны. В них святой сообщает о том, как надлежит хранить святыню, какие действия можно или нельзя предпринимать по отношению к ней, к примеру, можно ли показывать ее посторонним, о тех или иных событиях, связанных с семьей и ее проблемами. С. видела святого во сне однажды. Она описала его как старика с белыми волосами и в белой одежде. Гораздо чаще хранители и верующие сообщали, что во сне слышат голос *сурба*.

Книга-святой и связанные с ней предметы могут использоваться в совершаемых в святилищах обрядах исцеления и защиты. Такой обряд – это, как правило, чтение книги, отдельных ее глав или отрывков. Далеко не все владельцы и хранители могут прочесть и понять содержание книги. Почитаемые книги чаще всего написаны на грабаре или на смеси грабара[8] и ашхарабара[9]. По свидетельству одной информантки, она может читать книгу, так как все буквы ей знакомы, но слова и текст она понять не может[10]. Мне встретился лишь один человек – брат владельца печатного Евангелия

8. *Грабар* – древнеармянский письменный язык, использовался в качестве литературного языка вплоть до начала XIX в. Язык богослужения Армянской Апостольской Церкви.
9. *Ашхарабар* – современный армянский язык.
10. Полевые материалы автора: интервью с информанткой Н. 60 л., с информанткой А. 26 л., проведенные в 2022 г.

XIX в. в селе Л. Арагацотнского марза, который читает святыню своей семьи и понимает смысл читаемого текста. Чтение является частью целительской практики: посредством чтения книги он лечит испуг, головную боль и другие недуги (рис. 1). Эта книга – наследие прадеда информанта Н., который был последним до начала гонений на Церковь священником в селе. Отец прадеда прибыл в эти края из Эрзерума. В семье считается, что так в село была привезена и книга. В старом доме, где поселился прапрадед обустроили *сурб*. В советское время дом продали и переехали в новый, предварительно сделав *матах*[11] в старом доме и в новом доме, «чтобы *сурб* не злился, что его перенесли». «Не рекомендуется, чтобы *сурбы* без *матаха* и молитв переносили», – сообщает информант Н.[12] Перенос *сурба* на новое место прошел благополучно, у семьи не возникло проблем со святым (святой не прогневался), поскольку «все было сделано правильно». В семье считается, что на прежнем месте, в старом доме, по-прежнему сохраняется святилище, и что «люди должны осторожно обращаться с местом, где раньше находился *сурб*».

Информанты рассказывают, что люди, которые бежали из Муша и Карса во время геноцида привезли с собой много старинных книг и ценных вещей. «Люди, которые прибыли из Муша, хранили эти книги как своих детей. Они были их главной ценностью», – сообщает Н. Информантка А. вспоминает, как ее мать пеленала книги как своих маленьких детей. Раньше и в этой семье был *матур*, где находилось много таких книг, но сохранить удалось лишь одну. В советские времена, особенно во времена Сталина, по словам информантов, к верующим относились плохо, поэтому, чтобы у семьи не было проблем, они отнесли почти все книги в церковь в ближайший город. Дед Н. с помощью книги лечил испуг, головную боль и проблемы с костями. А. рассказывает, что полностью излечилась от сильных головных болей с помощью книги-святого. «Это связано с Божьим словом. Когда читаешь Божье слово, это лечит» – делится А. Книгу в настоящее время может читать только брат Н. – учитель, архитектор. Сны о святом он не видит, но обладает даром лечить людей с помощью книги.

В этом святилище множество вотивных подношений. «Люди приходили лечиться и оставляли картины, кресты, *шушпы* в подарок святому, чтобы исцелиться. Сейчас *шушпы* приносят нечасто <…> Если у кого-то что-то случается плохое, но хорошо кончается, то приходят к *сурбу* и свечки зажигают» – сообщают информанты. Все, что хотят подарить святому, кладут на стол. Посетители могут положить и деньги. Приходящие могут также делать *матах*. Главным образом, приходят родственники, но бывали случаи, когда приходили незнакомые люди, которые видели *сурб* или дом, где он хранится, во сне. Святилище и книга находятся на втором этаже в комнате. Место выбирали специально, оно тихое, в окно виден восход солнца, под окнами не ездят машины, в комнате никто не спит. В святилище несколько раз в месяц убирает невестка, она моет *шушпы* без мыла в тазу, в котором обычно замешивают тесто. Воду после уборки выливают в клумбу с цветами или в корни дерева.

Владельцы подобной святыни, как правило, осознают ее значительную материальную и культурную ценность. По словам информантов, право на владение книгой переходит к хозяевам по наследству, из поколения в поколение. Тот факт, что реликвия когда-то принадлежала предкам, значительно повышает ее символическую ценность. Святыня связана с семейной памятью о дедах и прадедах, которые ее обрели и сумели сохранить, несмотря на тяготы и смертельную опасность. Информанты

рассказывают истории о том, что ради сохранения реликвии в тяжелые времена приходилось жертвовать самым дорогим, в том числе жизнью детей[13].

В советское время *сурбы* и священные книги подвергались гонениям во время антирелигиозных и антицерковных кампаний. Общинные и семейные *сурбы*-святилища закрывались и разрушались наряду с церквями, книги изымались вместе с церковными ценностями. Некоторые книги удавалось сохранить благодаря тому, что удавалось спрятать и сохранить святыню, рискуя жизнью и благополучием семьи. Книги прятали в подвалах, в стенах домов, зарывали в землю. Есть сюжеты о чудесах, сотворенных святыми книгами. К примеру, один из сюжетов повествует о том, что, когда большевики бросали святые книги в огонь, они чудесным образом выходили из пламени и попадали в руки невинного человека, чаще всего ребенка [1, p. 23]. Информанты рассказывают также о том, что гонения не повлияли на почитание святынь. Культ *сурбов* в целом и книг-святынь во времена, когда преемственность армянской церкви была нарушена, оставался, вероятно, одной из немногих доступных верующим форм проявления своей религиозности.

Практики почитания Евангелий

Священные книги Евангелий всегда играли важную роль в армянской христианской традиции. Евангелия – наиболее распространенный текст, дошедший до наших дней в рукописном виде. Евангелия продолжали копироваться вплоть до XVIII в. Затем более популярными и распространенными стали печатные версии. Чтение Евангелия является частью литургии, священники держат Евангелия во время службы и совершают с ним обход алтаря, используют во время религиозных процессий, выставляют в церкви для поклонения верующими, используют для благословления. Текст Евангелия почитается как священный. Евангелие воспринимали и как священную личность. К примеру, колофоны в манускриптах повествуют о том, что книга была похищена неверными, удерживалась ими ради выкупа, и что община собралась вместе, чтобы заплатить выкуп и освободить книгу из плена [20, p. 191].

Старинные книги Евангелия, как и другие религиозные и литургические предметы, могут находиться в частном владении и являются объектами поклонения. В настоящее время число святынь, находящихся в частном владении, уже не столь велико, как в прежние времена. Почитаемые священные книги могут быть в дорогом металлическом переплете с полудрагоценными камнями, украшенном крестами, или в скромном, кожаном, зачастую плохо сохранившемся, переплете на деревянной или картонной основе без украшений.

Книгам-святым поклоняются и преподносят вотивные дары, перед ними зажигают свечи, ладан, молятся, просят о защите и исполнении желания, совершают жертвоприношение. Считается, что подобные *тан сурбы* защищают дом, семью, а некоторые, особо могущественные, защищают и всю деревню от несчастий, болезней и невзгод. Пример такого Евангелия, охраняющего не только семью, владеющую книгой, но и все село – *тан сурб* семьи Согхоян в селе Мартуни в Гегаркуникском марзе [21, p.95]. *Тан сурб* этой семьи – иллюстрированное Евангелие XVI в. Книга хранится обернутой в вышитые *шушпы* в отдельной специальной

13. Я благодарю Ю. Антонян за предоставленную информацию о подобных семейных нарративах.

комнате в традиционном доме. *Сурб* уставлен свечами, наполнен распятиями, висящими *шушпами* с вышитыми или нашитыми крестами, репродукциями с изображениями Иисуса Христа и Девы Марии, изображениями Распятия, Богоматери с младенцем, святых. Этот *тан сурб* называют по имени владельцев Согхи Кармир Аветаран – (Красное Евангелие Согхо). Еще одним примером является *тан сурб* Воскезотс Аветаран (Святое Позолоченное Евангелие) в селе С. Арагацотнского марза. Святая книга находится в специально построенном для нее святилище – прямоугольной часовенке-*матуре* (рис. 2, 3). В северной части расположено алтарное возвышение, на котором стоит деревянный ларь с книгой. Алтарь и стены святилища густо уставлены и завешаны изображениями и предметами на религиозную тему, *шушпами*. По словам информантки Н., книга была привезена из Муша в 1828–1829 гг. В настоящее время прикасаться к ней позволено лишь старшему сыну Н. Книга обладает целебной силой и пользуется большим уважением во всей округе. У нее есть свой особый день почитания. В первое воскресенье августа книгу выносят для почитания и просушивания, обязательно совершают *матах*. Сельчане подносят святыне подарки, кладут деньги[14]. Святыней является рукописное бумажное иллюстрированное цветными миниатюрами Евангелие размером 22×17 см. Для определения даты и места создания этого манускрипта я обратилась в отдел рукописей Матенадарана[15]. По сохранившемуся колофону Д. Казарян определил, что писцом является Карапет Йеретс, а миниатюристом – Сагхак Ванеци. Книга изготовлена в последней трети XVII в. В собрании Матенадарана числится еще девять книг этого миниатюриста [22, с. 634–635]. Миниатюры в книге крупные и красочные. Это Распятие, Положение во Гроб, Сошествие в Ад, Воскресение, Сошествие Святого Духа, Второе Пришествие и т.д. Некоторые из них уникальные, аналоги им не встречаются в других манускриптах.

Тан сурбам приносятся не только символические жертвоприношения в виде зажигания свечей и ладана, но делается *матах*. *Малый матах* с голубем или петухом могут сделать прямо на месте – во дворе дома, где находится почитаемая святыня. Если *матах* делают с бараном, то на месте жертвенному животному надрезают ухо, пускают кровь. Мясо жертвенного животного делится на семь частей и раздается в семь мест.

Традиция почитания *тан сурбов* распространена в наши дни не только в Армении, но и в Грузии – в некоторых местах поселения армян. В частности, в сел. Джала проживает 90 армянских семей, в большинстве – это потомки выходцев из турецкого Эрзерума. Во многих семьях есть святые домов, и один из них – Евангелие, считается покровителем и защитником всего села [17, p. 54].

Информанты рассказывают истории о том, как научные работники или представители церкви просили одолжить святых их домов для выставок, исследования, реставрации, но владельцы отказывали, поскольку считали, что таким образом подвергнут опасности не только свою семью и дом, но и благополучие всего села. Они боялись брать на себя ответственность за бедствия, которые могли произойти даже в том случае, если бы священная книга покинула село временно. У особо почитаемых святынь есть общинные ритуальные функции. К примеру, с упомянутым *Сурбом Воскезотс Аветаран* информант С. проводит ритуал вызова дождя в засуху. Считается, что святыню нельзя выносить из дома, передавать в чужие руки,

14. Полевые материалы автора: интервью с информанткой Н., 64 г., информантом Г., 62 л., проведенные в 2022 г.
15. Матенадаран – Институт древних рукописей им. св. Месропа Маштоца в Ереване.

а тем более продавать. Эти представления останавливают некоторых владельцев от продажи ценной реликвии, от передачи ее в церковь и музей на реставрацию и экспозицию.

К переплетам некоторых Евангелий прикреплены металлические пластины с религиозными мотивами, пластины миндалевидной формы, личные печатки и вставки с полудрагоценными камнями, кресты, вышивки, украшения в виде *хамсы*[16], или «руки Девы Марии». Эти вотивы обычно помещались на книгу без какого-либо особого порядка, часто накладывались друг на друга, прикреплялись к переплету на цепочках. С. Мерян, исследуя происхождение подобных предметов, приходит к выводу, что это – вотивные подношения, одновременно выполняющие функцию оберегов для этих ценных, а значит и подвергающихся особому риску, священных книг. Пластины в форме руки или глаза могли выполнять функции амулета, защищающего книгу от дурного глаза [17, p. 56–86].

Считается, что отдельные книги Евангелия обладают чудодейственной исцеляющей болезни силой. Также как к «сильным» сельским *сурбам* в целом, распространена практика паломничества к наиболее известным и могущественным книгам-святым. Паломники поклоняются им и просят о помощи в невзгодах и исполнения заветного желания – *мураз*.

Примером массово почитаемой книги является Евангелие из Шуришкана. В настоящее время книга выставлена в отдельной витрине в Матенадаране. Это одно из армянских чудотворных Евангелий, которым на протяжении веков приписывались защитные свойства. Для поклонения этому Евангелию совершались и продолжают совершаться дальние паломничества. Около трех с половиной веков рукопись хранилась в селе Шуришкан провинции Перия в Иране, затем она была перевезена в Армению и передана в дар Матенадарану владельцем. Ежегодно в первое воскресенье после Пасхи «Шуришканское Евангелие» выносят из Матенадарана и отвозят в церковь Святого Геворга в селе Мугни Аштаракского района, где проводится литургия и любой желающий может поклониться чудотворной книге.

Еще одно Евангелие – Зоравор Аветаран (Мощное/Сильное Евангелие) ежегодно отправляется из Матенадарана в церковь *Сурб Аствацацин* (Пресвятой Богородицы) 14 мая – в день памяти Мовсеса Татеваци. В начале сентября, в день памяти святых Иоанна Крестителя и Иова Праведного, «Сангибаранское Евангелие» переносится из Матенадарана в церковь святой Шогакат в Эчмиадзине и выставляется для поклонения. Во вторую неделю октября переносится из Матенадарана в церковь *Сурб Месроп Маштоц* в Ошакане «Шухонтское Евангелие». И еще одно безымянное Евангелие перевозится в церковь Сурб Саркис в Ереване во время праздника, посвященного этому святому [18, p. 70].

Практика вывоза особо почитаемых Евангелий для поклонения была введена Армянской Апостольской Церковью в 2010-е гг. Обычно поклонение происходит следующий образом. Рано утром священник приходит в Матенадаран, читает молитву и в сопровождении сотрудника института и сотрудников полиции переносит Евангелие в церковь. Паломники встречают манускрипт и с праздничной процессией сопровождают его в храм. Во время литургии книга лежит на алтаре, после службы ее ставят перед алтарем или в боковом пределе церкви для того, чтобы паломники могли

16. Хамса – защитный амулет в виде ладони.

свободно подойти и поклониться святыне. Люди подходят к книге, читают молитвы. Они стремятся прикоснуться к книге руками или лбом, целуют книгу. Они также приносят с собой четки, кресты, *шушпы*, молитвенники, фотографии больных и нуждающихся в помощи и прикасаются этими предметами к святыне. Люди преподносят Евангелиям обетные дары, чаще всего это изображения религиозного содержания или *шушпы*. Практика прикосновения к святыне для верующих чрезвычайно важна. Считается, что в этом случае часть божественной и исцеляющей силы чудотворной святыни переходит к ним. С паломничеством приходят инвалиды, люди, страдающие от различных заболеваний. Все они приходят к чудотворной святыне с надеждой на исцеление [18, p. 75].

Письменные свитки-амулеты хмайил

Почитаемым святым дома может быть не только книга Евангелия, но и рукописный или печатный свиток. В Армении существует отдельный класс письменных амулетов, так называемые защитные письмена *тухт у гир'* или *гир' пахаран*. К нему относят книги-амулеты, в частности, книги-амулеты в форме свитка – *хмайилы*. В армянской магической традиции письменные амулеты с молитвами и заговорами играют ключевую роль. В прежние времена исполнителями и составителями подобных амулетов могли быть местные целители и священнослужители, владеющие подобным искусством. Их называли *тухт у гир' анох* – букв. «делающий бумагу и письмена» или *грбац* – букв. «развязывающий письмена» [23, с. 327].

Хмайил – букв. означает «волшебное прорицание». Это – особый тип иллюминированных рукописных книг-свитков, выполняющих функции оберега, амулета. Эти свитки из бумаги или пергамента могли быть длиной от 2 до 30 м и шириной от 4 до 20 см. Считалось и продолжает считаться, что *хмайилы*, как и предметные обереги, обладают защитными и лечебными свойствами, дарят удачу, приносят счастье. Армянское *hmayil* восходит к древнеперсидскому *humav* «благословение». Свиток – одна из древнейших форм армянских магических текстов – восходит к ранней магической практике. Согласно ей, свернутые молитвы и заговоры в наименьшей степени подвергаются внешнему воздействию и, в связи с этим, обладают большей силой. Помимо рукописных были также широко распространены печатные свитки-талисманы [13].

Армянские заговорно-заклинательные свитки и сборники – малоизученная традиция. Они дошли до нас в нескольких форматах: в виде небольших кодексов, подразделяющихся в свою очередь на два типа: астрологические сборники *axtarq* и сборники заклинаний *Kiprianos*, а также свитков *hmayil*. Первые два можно характеризовать как магические из-за характера помещенных в них текстов и сопровождающих их изображений. А вот *хмайилы* сложно однозначно классифицировать как магические. Характер их текстов и факт значительности числа дошедших до нас свитков указывает на то, что они были популярной и распространенной практикой, которая, вероятно, не подвергалась однозначному осуждению со стороны представителей церкви. В текстах свитков-талисманов наблюдается нечеткость границ между магическими заклинаниями, заговорами и собственно молитвами и цитатами из Священного Писания. Большинство их текстов – это именно отрывки из Евангелия и молитвы,

которые приписывались наиболее почитаемым святым Армянской Апостольской Церкви [10, с. 88, 91].

Говоря о времени возникновения письменных амулетов, исследователи как правило ссылаются на XXVI проповедь армянского католикоса V в. Ована (Иоанна) Мандакуни. В ней содержатся свидетельства того, что уже во второй половине V в. армяне активно использовали защитные письмена. Его проповедь «О чародеях, колдунах и ворожеях» полностью посвящена магии и колдовству армян. Католикос обличает создателей письменных амулетов, из его слов становится понятно, что к магам и колдунам обращались сами священнослужители, они также принимали участие в их создании [24, с. 58–62][17].

Упоминания о книгах-амулетах можно также найти в судебниках VI–VII вв. Судебники содержат запреты иметь при себе *хмайил*, а в случае неповиновения предписывают наказывать отлучением от церкви. Вера в магическую силу книг-амулетов каралась наряду со лжесвидетельством и ложной клятвой [9, с. 109]. Они украшались изображениями святых, божеств, духов. Написаны они, как правило, на грабаре, реже – на ашхарабаре. Талисманы изготовлялись для нужд и по заказу конкретного человека. Переходя из рук в руки, они постепенно утрачивали первоначальные апотропейные функции и становились святыней семьи. Современные владельцы таких *тан сурбов*, как правило, не могут прочесть содержащиеся в них тексты и не знают, чем именно они владеют. Они почитают свой *хмайил* как христианскую святыню.

Ф. Фейди – исследователь текстов порядка сорока рукописных свитков из Библиотеки мхитаристов в Венеции – опубликовал их перевод на французский язык с обширными комментариями. Он указывает, что письменные амулеты прикреплялись к шее, руке или к пораженной болезнью части тела. Их также можно было сжечь и вдохнуть дым или опустить в воду, которую затем выпивали. Свитки, которые могли достигать в длину двадцать пять метров и более десяти сантиметров в ширину, делались из плотной бумаги, вероятней всего хранились в кармане или под подушкой [25]. Д. Казарян отмечает, что значительная длина свитка может быть свидетельством того, что ими могли обвязывать тело под одеждой с целью защиты[18].

Традиция изготовления письменных амулетов была широко распространена в Западной Армении и восходит, вероятно, к периоду классического, а возможно и Раннего Средневековья, период наибольшего расцвета этой практики – XV–XVII вв. Основная масса свитков дошедших до наших дней относится к XVII–XVIII вв., часть – к XIX в. Самая значительная на сегодняшний день коллекция свитков-амулетов *хмайил* хранится в Институте древних рукописей Матенадаран им. Месропа Маштоца. Всего в этом собрании насчитывается 546 свитков разной степени сохранности[19]. Самый ранний рукописный свиток-амулет, хранящийся в Матена-

17. Подробности описания практик позволяют проследить типологическую связь с магическими текстами и связанными с ними практиками других раннесредневековых культур христианского Востока, в частности, с коптскими и греческими магическими письменами на папирусах. Письменные свитки-амулеты также существуют и в эфиопской магической традиции.

18. Экспертное интервью с Д. Казаряном, проведенное в 2018 г.

19. Еще 46 свитков находится в коллекции Первопрестольного Святого Эчмиадзина, 44 свитка – в Библиотеке Конгрегации мхитаристов на острове Св. Лазаря в Венеции, 43 – в Кафедральном соборе Св. Спасителя в Новой Джульфе в Иране, 13 свитков – в Музее истории Армении в Ереване, 13 свитков – в Британской Библиотеке в Лондоне, 11 свитков – в Библиотеке Конгрегации мхитаристов в Вене, 6 свитков – в Национальной Библиотеке в Париже, 3 единицы – в отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки, несколько свитков-амулетов – в Румынии, а также в Библиотеке Конгресса США [12].

даране, датируется 1428 г. Есть свитки, которые находятся в частных собраниях в Армении и за ее пределами.

Д. Казарян изучил старопечатные армянские свитки-талисманы из собрания Матенадарана. Они представляют собой склеенные полосы плотной бумаги. Свитки имеют типовую структуру и содержание. В них записаны в основном одни и те же молитвы почти в том же порядке. В ряде талисманов присутствуют одинаковые отрывки из четырех Евангелий, например, эпизоды исцелений Иисусом Христом. Как правило, тексты свитков начинаются с отрывка молитвы Нерсеса Шнорхали «Я исповедуюсь с верой», включают в себя части «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци, в частности, «Слово XII» и «Слово XLI» из этого произведения. Общее число молитв в одном свитке может достигать тридцати [13].

Старопечатные талисманы украшены миниатюрами со сценами из Священного Писания: изображениями Девы Марии с младенцем Иисусом на руках, Иоанна Крестителя, Святой Троицы, Рождества и Поклонения Волхвов, Введения во Храм, Распятия, Погребения Господня, Жертвоприношения Исаака, Архангела Гавриила, двенадцати апостолов, портретами четырех евангелистов, как это принято в иконографии армянской миниатюрной живописи, а также портретами святых: Святого Георгия, Григория Просветителя, Нерсеса Шнорхали, святого первомученика Степаноса (Стефана), Григора Нарекаци, святого Саркиса и др. Для свитков характерны типовые иллюстрации, которые, возможно, имели апотропеическое значение. К таким типовым изображениям относится Жертвоприношение Исаака, которое сопровождается типовой же крестообразной решетчатой записью. Этой записью написан отрывок текста Библии Исх. 22., а также многочисленные молитвы Святому Кресту, написанные в противоположном направлении диагонально. В некоторые молитвы добавлены перечисления несчастий и бед, от которых Бог должен оградить владельца амулета, что делает их похожими на заговоры. Среди них и молитвы досточтимым крестам Армянской Апостольской Церкви.

Изображения и надписи в виде решеток встречаются в арамейских заговорно-заклинательных памятниках, а также в эфиопских магических свитках [11, p. 58]. Помимо решетчатых надписей в свитках встречаются и другие элементы, которые исследователи относят к магическим: круги, треугольники и другие геометрические фигуры, небольшие кружки, добавляемые к буквам[20], буквы арабского алфавита, иногда встречаются изображения демонов. Символы и знаки могут быть оформлены в виде особой таблицы – «магического квадрата».

Миниатюры амулетов как правило не имеют перспективы, у них нет прорисованного фона. Фоном выступает естественный цвет пергамента или бумаги. Миниатюры обязательно соотносятся с содержанием текстов. Они представляют авторов и персонажей, которым посвящены тексты. Следование строгим изобразительным канонам в изображениях как правило не прослеживается. В некоторых свитках изображения скорее примитивны. Вероятнее всего миниатюристами в этих экземплярах выступали сами переписчики.

Данный факт очень хорошо иллюстрирует обнаруженный мной рукописный свиток *Сурб Хмайил* (Святой Талисман) в селе Л. Апаранского района, который, по оценке Д. Казаряна, произведен во второй половине XIX в. Определить период изготовления

20. Что роднит их с коптскими магическими папирусами [10, с. 100].

свитка позволяет штамп бумажной фабрики на склеенных листах свитка. Это свиток около 10 м в длину и 8–10 см в ширину. До наших дней он дошел не полностью, колофон утрачен. Изготовитель-переписчик не обладал художественными талантами, стиль миниатюр примитивен и напоминает детские рисунки, для миниатюр использованы те же фиолетовые чернила, что для основного текста. В свитке содержится несколько однотипных портретных изображений, а также «магический квадрат» (рис. 4, 5).

Этот свиток является *тан сурбом* семьи, его привез прадед нынешнего владельца в 1881 г., когда бежал из Муша. Свиток – объект поклонения. Считается, что он хорошо защищает всех членов семьи. Если кто-то в опасности или возникают проблемы, святому дома ставят свечку и молятся. В прежние времена, свиток использовали для лечения и родовспоможения. Нынешние хозяева не используют его для лечения, но они понимают, что он ценен и аккуратно его хранят. К святому обращаются случае необходимости, если, к примеру, в семье кто-то рожает. К *сурбу* подходят, называют имя роженицы и зажигают свечку. Когда жена информанта А. рожала последнего ребенка, роды были очень сложные, и он мог потерять не только ребенка, но и жену. Всей семьей они молились *сурбу*, и святой им помог. По словам А., они молились, ставили свечи, и это придало сил доктору так, что он смог спасти и ребенка, и мать. «*Сурб* с нами всегда» – заключают информанты.[21]

Большая часть обнаруженного мной еще одного рукописного свитка, именуемого *Сурб Григор Нарекаци* (Святой Григор Нарекаци) не сохранилась. Это «святой дома» в одной из семей в селе Л. Арагацотнского марза. Свиток почти полностью сгорел при пожаре в святилище, возникшем от жертвенной свечи. Из огня удалось спасти лишь несколько фрагментов, среди которых часть с решетчатой надписью, изображение жертвоприношения Исаака, текст, помещенный в пересекающиеся окружности, а также фрагменты, который можно идентифицировать как часть изображений Святого Георгия, апостолов и/или евангелистов. Свиток изготовлен из бумаги. Иллюстрации выполнены черными линиями, в миниатюрах, орнаментах и инициалах использованы коричневая, черная и красная краски. Текст нанесен черной, красной и коричневой красками (рис. 6, 7). Идентифицировать сюжеты миниатюр помогает их типичность. Для идентификации изображений я сравнила фрагменты миниатюр с аналогичными миниатюрами свитка-амулета XVIII в., исследованного Д. Казаряном и Л. Саргсян [12].

Святой этой семьи находится на подоконнике в одной из жилых комнат. Он накрыт несколькими *шушпами*. Рядом с *сурбом* лежат различные предметы: шали советских времен, старые фотографии, вырезки из журналов с изображением Моны Лизы, изображения св. Саркиса, св. Георгия, листы с написанными от руки молитвами. На одном из изображений написано «Картинки – подарок от Славика Сурбу Саркису», на другом «От Нвера Сурбу Саркису». По словам информантки Ш., люди оставляют подношения по своему желанию, она не имеет права их трогать, поскольку только незамужним это позволено.

Информантка Ш. и ее муж Д. часто молятся святому за своих детей, которые живут за границей и просят, чтобы они вернулись домой здоровыми. Например, если внукам предстоит сдавать экзамен, они звонят Ш., она идет к святому, молится и за-

21. Полевые материалы автора: интервью с информантом А., 68 лет, с информанткой А., 84 г., проведенные в 2018 г.

жигает свечу. После этого внуки получают на экзамене высокие баллы. Откуда появился *сурб* в доме, информантка не знает, целительством в доме на ее памяти никто не занимался. Ш. считает, что *сурб* перешел к ним по наследству «от дедов». *Шушпы*, подаренные святому, уже два или три года не мыли. По словам Ш., это должны делать незамужние девушки, а таких в семье сейчас нет[22].

Ш. утверждает, что *сурб* достаточно известен в селе, люди в деревне видят его во сне и приходят к ним в дом. Чаще всего это родственники. Однажды их дом посетил священник. Он сказал, что нужно снять все изображения, которые висят в святилище и отнести их вместе со свитком-святым в церковь. Однако, муж Ш. не разрешил ей отнести *сурб* в церковь. *Сурбу* делают *матах*, чаще всего приносят петухов. Животное в дом не заносят, режут на улице возле лестницы. Перед закланием кладут немного освященной соли животному в горло. По словам информантки, *матах* делают, если случаются серьезные проблемы, например, если кому-либо из семьи предстоит медицинская операция. Был случай, когда ребенок засунул руку в розетку, но остался жив, его даже не ударило током. Ш. уверена, что его уберег святой дома. После этого случая в благодарность святому сделали *матах*: сначала зарезали петуха, а потом собралась вся семья и зарезали барашка[23].

Выводы

Традиция почитания книг в Армении насчитывает минимум несколько веков. В вернакулярной христианской традиции к книгам относятся как к святым личностям. Наличие старинной книги в сельской семье почти автоматически означает, что книга является *тан сурбом* – особо почитаемым святым дома и семьи. Для таких святых обустраивают святилища, им молятся, приносят символические и прямые жертвоприношения, к ним совершают паломничества, видят пророческие видения и сны, преподносят вотивные подношения, обращаются за выполнением заветного желания *мураз*. В отношении них как в отношении сакральных объектов существуют особые табу и нормы поведения. Наиболее распространенной книгой-святыней является рукописное или первопечатное Евангелие, однако, верующие могут почитать и другие письменные памятники, такие, как магические апотропейные свитки-талисманы *хмайилы*. Повседневные практики почитания и представления верующих в отношении этих сакральных объектов едины.

Изучив практики и представления о книгах-святынях в изучаемом регионе Армении, мы можем прийти к выводу, что культ книг является частью вернакулярного культа сельских *сурбов*[24], которые могут иметь различную предметную форму. К примеру, *сурбом* помимо книги может быть хачкар, дерево, родник, камень, скала, изображение на религиозную тему, церковные или монастырские постройки в различной степени сохранности. Практики почитания и представления, связанные с книгами-святыми, не отличаются от практик почитания *сурбов* в целом, но есть в их культе ряд специфических черт, связанных с особой материальной формой *сурба*-книги.

22. Полевые материалы автора: интервью с информанткой Ш., 60 лет, проведенные в 2016-2018 гг.
23. Полевые материалы автора: интервью с информанткой Ш., 66 лет, проведенное в 2018 г.
24. Подробнее о культе сельских сурбов [см. 2, 3].

Культ *сурбов* и святых-книг во времена, когда преемственность армянской церкви была нарушена, оставался одной из немногих доступных верующим форм проявления своей религиозности. И в настоящее время культ старинных книг в сельской местности в Армении является актуальным способом отправления христианского культа в народной традиции.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Комитета по науке Республики Армения в рамках научного проекта № 20-59-05004 Арм_а.

Acknowledgements. The study was financially supported by RFFR and Science Committee of the Republic of Armenia within the framework of the scientific project #20-59-05004 Arm_a.

Рис. 1. Владелец с *тан сурбом* Аветаран, село Л., Апаранский р-н. Фото Н. Крюковой

Fig. 1. Owner with an Avetaran *tan surb*, village L., Aparan district. Photo by N. Kryukova

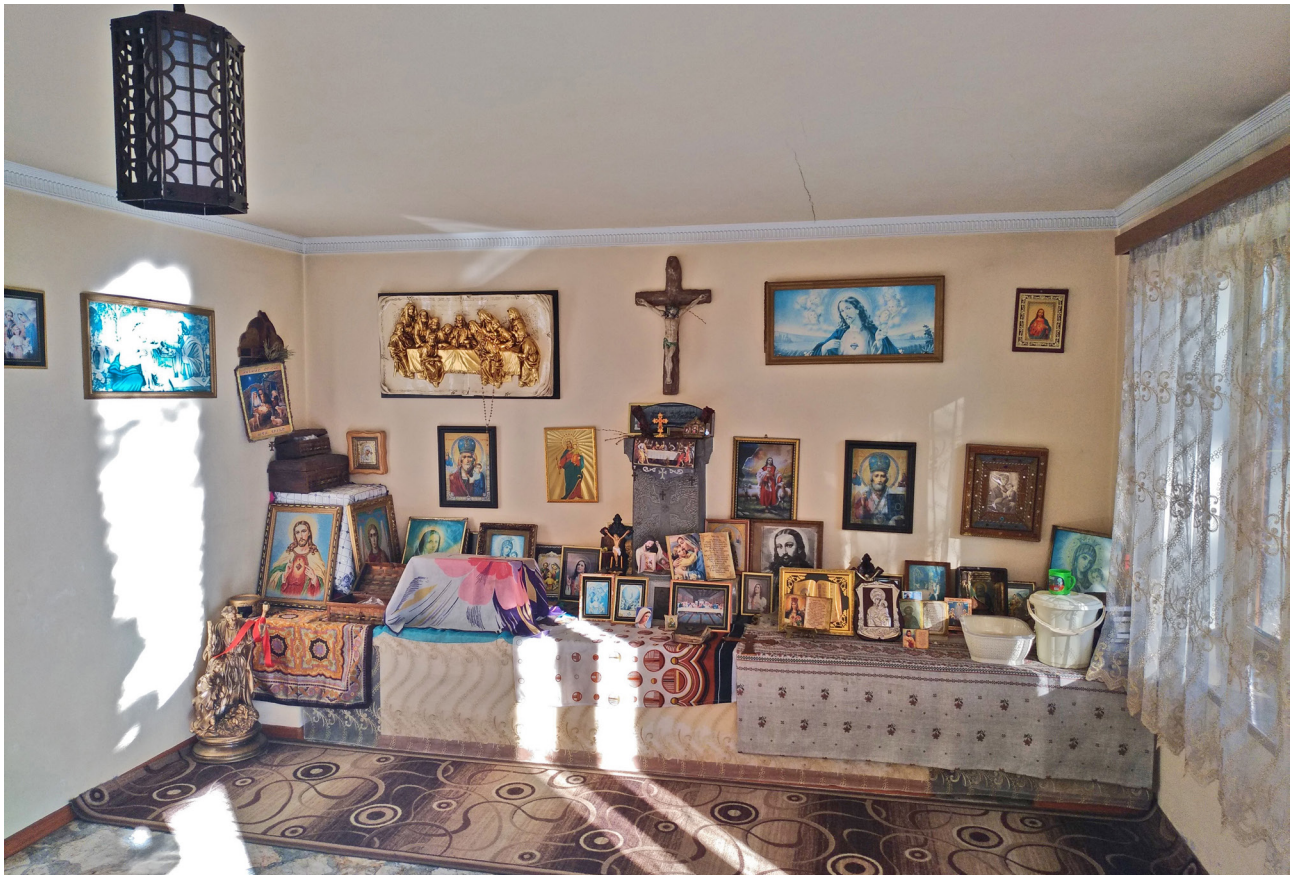


Рис. 2. Святилище *сурба* Воскезотс Аветаран, село С., Апаранский р-н. Фото Н. Крюковой

Fig. 2. Sanctuary of *Surb* Voskezots Avetaran, village S., Aparan district. Photo by N. Kryukova

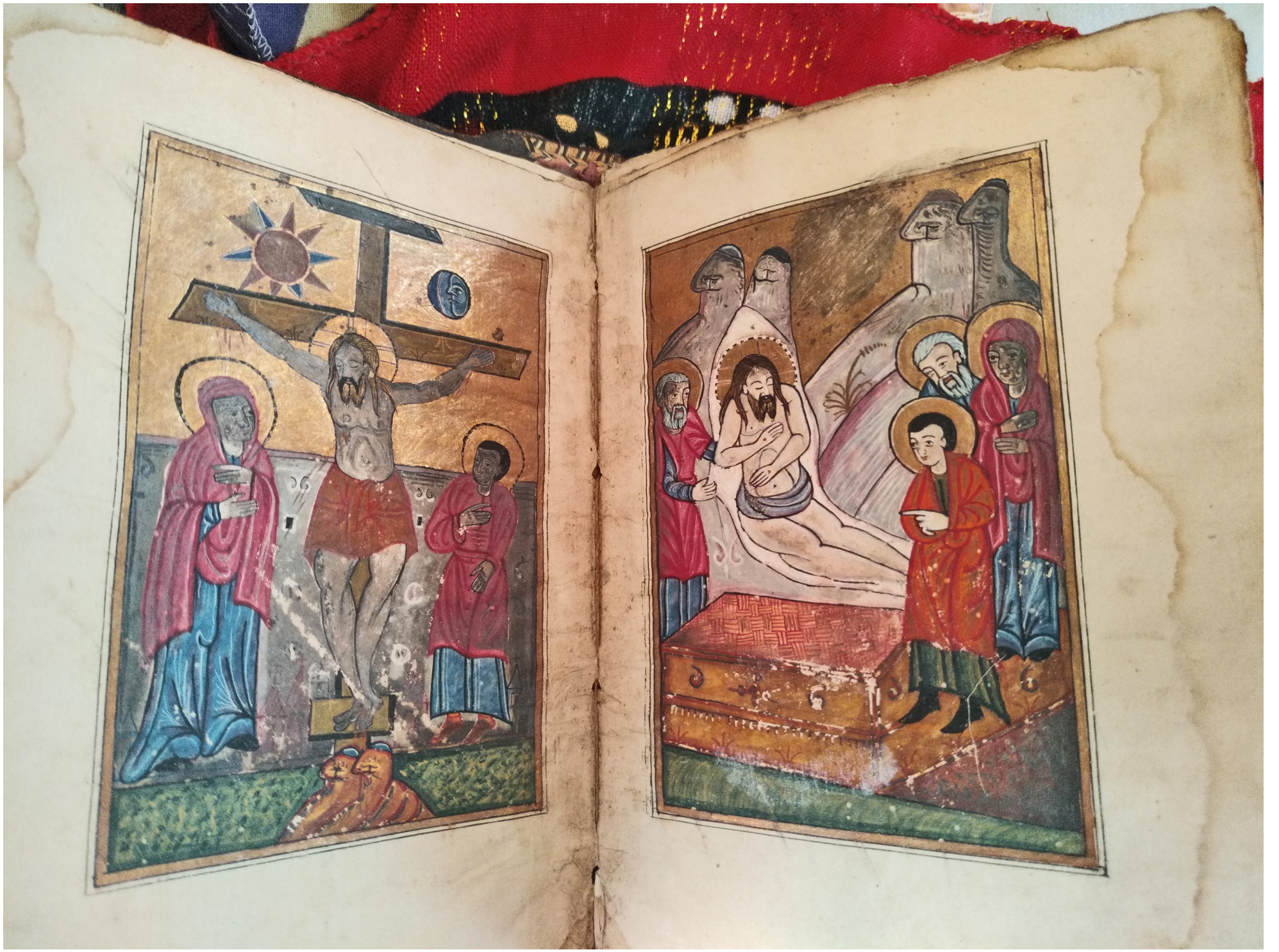


Рис. 3 *Сурб* Воскезотс Аветаран, село С., Апаранский р-н, 2022. Фото Н. Крюковой

Fig. 3. *Surb* Voskezots Avetaran, village S., Aparan district, 2022. Photo by N. Kryukova

Рис. 4 *Сурб Хмайил,* село Л, Апаранский р-н, 2018. Фото Н. Крюковой

Fig. 4. *Surb Khmayil,* village L, Aparan district, 2018. Photo by N. Kryukova

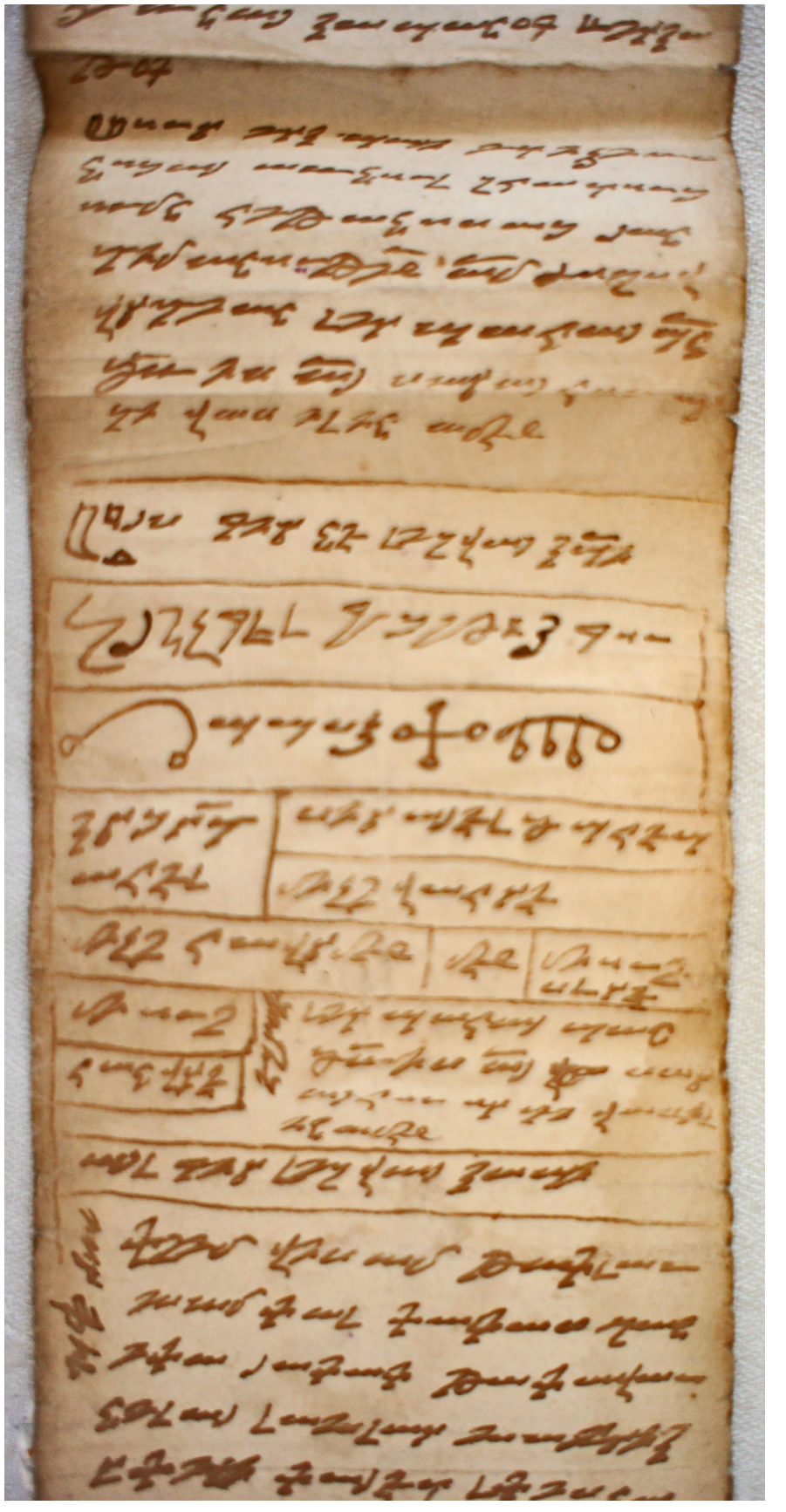


Рис. 5 *Сурб* Хмайил, село Л., Апранский р-н, 2018. Фото Н. Крюковой

Fig. 5. *Surb* Khmayil, village L., Apransky district, 2018. Photo by N. Kryukova

Рис. 6 *Сурб* Григор Нарекаци, село Л., Апаранский р -н, 2016. Фото Н. Крюковой

Fig. 6. *Surb* Grigor Narekatsi, village L., Aparan district, 2016. Photo by N. Kryukova

Рис. 7 *Сурб* Григор Нарекаци, село Л., Апаранский р-н, 2016. Фото Н. Крюковой

Fig. 7. *Surb* Grigor Narekatsi, village L., Aparan district, 2016. Photo by N. Kryukova

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Simonyan L., Hovhannysyan K., Hakobyan H.* Home saint manuscripts. Album. Yerevan, 2022. – 483 p. (На арм. яз.).

2. *Крюкова Н.В.* Народное христианство в Армении: традиции и современность // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 3. С. 80–90.

3. *Крюкова Н.В.* Почитание сельских сурбов в Армении: трансформация традиции // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 1. С. 120–133.

4. *Лисицян С.Д.* «Святыни» у перевалов // Советская этнография. 1936. №4–5. С. 200–212.

5. *Якобсон А.* Армянские хачкары. Ереван: Айастан, 1986. 102 с.

6. *Саакян А.С.* Хачкары—этнокультурные памятники средневековой Армении // Историко-этнографические исследования по фольклору. Сборник памяти Сергея Александровича Токарева. М.: Восточная литература, 1994. С. 214–237.

7. *Петросян Г.* Хачкар: генезис, функции, иконография, семантика. Ереван: Принтинфо, 2008. (на арм. языке).

8. *Харатян З.В.* Культовые мотивы семейных обычаев и обрядов у армян // Армянская этнография и фольклор. Ереван: АН Армянской ССР, 1989. С. 7–64.

9. *Одабашян А.А.* Народные верования армян (по материалам рукописных талисманов XV–XIX вв.) // Кавказский этнографический сборник. Т. VI. М.: Академия наук СССР, 1976. С. 107–130.

10. *Рогожина А.А.* Заклинание или молитва? Магические сборники в армянской христианской традиции: проблемы содержания и интерпретации // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2021. Вып. 69. С. 87–105.

11. *Balicka-Witakowska E., Phenix R.* An Armenian prayer scroll in the collection of the Uppsala University Library // Reflections on Armenia and the Christian orient: studies in honour of Vrej Nersessian / Ed. by C. Esche-Ramshorn. Yerevan: Ankyunacar, 2017. P. 48–78.

12. *Ghazaryan D., Sargsyan L.* Some Armenian Amulets in Scroll from the Romanian Collections (Part I) // Revue Études Sud-Est Europe. 2017. Vol. LIV. P. 13–42.

13. *Ghazaryan D.* Old-Printed Armenian Amulets in Scroll of the Library of the Dudean Cultural House at Armenian Apostolic Patriarchat of Romania in Bucharest // Revue Études Sud-Est Europeennes. 2018. Vol. LVI. Iss. 1–4. P. 69–99.

14. *Марутян А.Т.* Этнография армянского народного жилища (вторая половина XIX – начало XX в.) // Армянская этнография и фольклор. Вып. 17. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1989. С. 65–137.

15. *Marutyan H.* "The Saint of the Home": The Problem of Sources and Present-Day Functioning // Hayots srbere ум srbavayrere [Armenian's Saints and Sacred Places] / Ed. by S. Harutyunyan, A. Kalantaryan. Yerevan: Hayastan Press, 2001. P. 337–346.

16. *Petrosyan H.* Writing and the book // Armenian folk, arts, culture and identity / Ed. L. Abramyan, N. Sweezy. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2001. P. 52–59.

17. *Merian S.L.* Protection against the Evil Eye? Votive offerings on Armenian manuscript bindings // Suave

REFERENCES

1. Simonyan L., Hovhannysyan K., Hakobyan H. *Home saint manuscripts. Album*. Yerevan, 2022. (In Armenian).

2. Kryukova N.V. Folk Christianity in Armenia: traditions and modernity. *Traditsionnaya kultura*. 2018; 19(3): 80-90. (In Russ)

3. Kryukova N.V. Veneration of rural surbs in Armenia: transformation of tradition. *Traditsionnaya kultura*. 2021; 22(1): 120-133. (In Russ)

4. Lisitsyan S.D. "Shrines" near the passes. *Sovetskaya etnografiya*. 1936; 4-5: 200-212. (In Russ)

5. Jacobson A. *Armenian khachkars*. Yerevan: Hayastan, 1986. (In Russ)

6. Sahakyan A.S. Khachkars – ethnocultural monuments of medieval Armenia. *Historical and ethnographic studies on folklore. Collection in memory of Sergei Aleksandrovich Tokarev*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1994: 214-237. (In Russ)

7. Petrosyan G. *Khachkar: genesis, functions, iconography, semantics*. Yerevan: Printinfo, 2008. (In Armenian).

8. Kharatyan Z.V. Cult motives of family customs and rituals among Armenians. *Armenian ethnography and folklore*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1989: 7-64. (In Russ)

9. Odabashyan AA. Folk beliefs of Armenians (based on materials from handwritten talismans of the 15th–19th centuries). *Caucasian ethnographic collection*. Vol. 6. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1976: 107-130. (In Russ)

10. Rogozhina AA. Spell or prayer? Magic collections in the Armenian Christian tradition: problems of content and interpretation. *Bulletin of PSTGU. Series III: Philology*. 2021; 69: 87-105. (In Russ)

11. Balicka-Witakowska E., Phenix R. An Armenian prayer scroll in the collection of the Uppsala University Library. In: C. Esche-Ramshorn (ed.). *Reflections on Armenia and the Christian orient: studies in honor of Vrej Nersessian*. Yerevan: Ankyunacar, 2017: 48-78.

12. Ghazaryan D., Sargsyan L. Some Armenian Amulets in Scroll from the Romanian Collections (Part I). *Revue Études Sud-Est Europeennes*. 2017; 54: 13–42.

13. Ghazaryan D. Old-Printed Armenian Amulets in Scroll of the Library of the Dudean Cultural House at Armenian Apostolic Patriarchate of Romania in Bucharest. *Revue Études Sud-Est Europeennes*. 2018; 54(1–4): 69-99.

14. Marutyan AT. Ethnography of the Armenian folk dwelling (second half of the 19th – beginning of the 20th century). *Armenian ethnography and folklore*. Vol. 17. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1989: 65-137. (In Russ)

15. Marutyan H. "The Saint of the Home": The Problem of Sources and Present-Day Functioning. In: S. Harutyunyan, A. Kalantaryan (eds.). *Hayots srbere mind srbavayrere* [*Armenian's Saints and Sacred Places*]. Yerevan: Hayastan Press, 2001: 337-346.

16. Petrosyan H. Writing and the book. In: L. Abramyan, N. Sweezy (eds.). *Armenian folk, arts, culture and identity*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2001: 52-59.

17. Merian SL. Protection against the Evil Eye? Votive offerings on Armenian manuscript bindings. In: *J. Miller*

mechanicals: essays on the history of bookbindings / Ed. by J. Miller. Vol. 1. Michigan: The Legacy Press; Ann Arbor, 2013. P. 43–93.

18. *Siekierski K.* Gospel books as sacred objects. The veneration of religious manuscripts in Armenian Christianity // Inspiration of God: the one-and-a-half Millennia of the Armenian Bible and religious practice / Ed. by B. Kovács, V. Tachjian. Leipzig: Leipziger Unversitatsverlag; L'Harmattan. P. 68–75.

19. *Ованнисян К.* Использование шушп в народных святилищах // Сион. 2021. № 1-2-3. С. 58–65. (На арм. яз.).

20. *Mathews T.F., Sanjian A.K.* Armenian gospel iconography: the tradition of the Glajor gospel. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1991. – 440 p.

21. *Marutyan H.* Home as the World // Armenian Folk Arts, Culture and Identity / Ed. by L. Abrahamyan, N. Sweezy. Bloomington; Indianopolis: Indiana University Press, 2001. P. 73–97.

22. *Геворкян А.* Армянские миниатюристы. Библиография IX–XIX вв. Матенадаран. Каир, 1998. – 822 с. (На арм. яз.).

23. *Тадевосян Т.В., Коцинян Ш.К.* Армянские амулеты и заговоры против ала и тпхи и Сисиниева легенда // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы / Ред. А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2017. С. 327–372.

24. *Св. Ован Мандакуни.* Избранные речи / Пер. с древнеарм. Л. Степанян. Эчмиадзин: Эчмиадзин, 2008. – 80 с.

25. *Feydit F.* Amulettes de l'Armenie chretienne. Venice: Academie armenienne Saint-Lazare, 1986. – 385 p.

(ed.). *Suave mechanicals: essays on the history of bookbindings*. Vol. 1. Michigan: The Legacy Press; Ann Arbor, 2013: 43-93.

18. Siekierski K. Gospel books as sacred objects. The veneration of religious manuscripts in Armenian Christianity. In: B. Kovács, V. Tachjian (eds.). *Inspiration of God: the one-and-a-half Millennia of the Armenian Bible and religious practice*. Leipzig: Leipziger Unversitatsverlag; L'Harmattan: 68-75.

19. Hovhannisyan K. The use of shushpas in folk sanctuaries. *Zion*. 2021; 1-2-3: 58-65. (In Armenian).

20. Mathews T.F., Sanjian A.K. *Armenian gospel iconography: the tradition of the Glajor gospel*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1991.

21. Marutyan H. Home as the World. In: L. Abrahamyan, N. Sweezy (eds.). *Armenian Folk Arts, Culture and Identity*. Bloomington; Indianopolis: Indiana University Press, 2001: 73-97.

22. Gevorkyan A. *Armenian miniaturists. Bibliography IX–XIX centuries. Matenadaran*. Cairo, 1998. (In Armenian).

23. Tadevosyan TV., Kotsinyan ShK. Armenian amulets and conspiracies against ala and tpkha and the Sisinian legend. In: A.L. Toporkov (ed.). *Sisinian legend in folklore and manuscript traditions of the Middle East, the Balkans and Eastern Europe*. Moscow: Indrik, 2017: 327-372. (In Russ)

24. St. Ovan Mandakuni. Selected speeches. Transl. from ancient Arm. L. Stepanyan. Echmiadzin: Echmiadzin, 2008.

25. Feydit F. *Amulettes de l'Armenie chretienne*. Venice: Academie armenienne Saint-Lazare, 1986.

Поступила в редакцию 02.06.2023 г.
Принята в печать 20.03.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 02.06.2023
Accepted 20.03.2024
Published 15.06.2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202462-473

Исследовательская статья

Баранов Дмитрий Александрович
к.и.н., заведующий отделом этнографии русского народа,
Российский Этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия
dmitry.baranov@list.ru

Шорохов Владимир Андреевич
к.и.н., доцент Института теологии
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
v.shorohov@spbu.ru

«АРМЯНСКАЯ» ТЕМА В УСТНЫХ НАРРАТИВАХ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ НАХИЧЕВАНИ

Аннотация. В статье проанализированы встречающиеся в устных нарративах азербайджанцев Нахичевани «армянские» мотивы. Материалом для исследования послужили интервью, записанные в ходе полевой работы среди нахичеванских азербайджанцев в 2021–2023 гг. В работе были использованы разработанные Я. Ассманом понятия культурной и коммуникативной памяти. В ходе исследования были выявлены и изучены такие, часто встречающиеся в рассказах наших информантов мотивы как представление о неавтохтонности армян в Нахичевани, «албанизация» памятников средневековой материальной культуры, происхождение местных азербайджанцев и армян от общих предков, воспоминания об армянских друзьях и соседях, общих локальных практиках и сакральных местах, а также перебрасывающий мостик между прошлым и настоящим региона мотив «одинокой пожилой армянки». Особняком в этом ряду стоит тема характерного именно для Нахичевани института «кирва» как способе установления «искусственного родства» между армянами и азербайджанцами с целью взаимной поддержки, в результате которой формировались межгрупповые, так называемые «сильные связи». Анализ интервью позволил авторам сделать вывод, что насыщенность нарративов нахичеванских азербайджанцев «армянскими» элементами в определенном смысле отражает их «армяноцентричность». Явное присутствие «армянского» слоя во многих рассказах можно объяснить определенной зависимостью азербайджанского дискурса от армянского, что проявляется в ведении постоянного, имеющего скрытую форму спора с конкурирующими историческими нарративами. В этом смысле, другие, неазербайджанские версии осмысления истории и культурного наследия региона вносят свой, во многом существенный вклад в формирование культурной памяти азербайджанцев Нахичевани.

Ключевые слова: Нахичевань; культурная память; азербайджанцы; коммуникативная память; устный нарратив; идентичность

Для цитирования: Баранов Д.А., Шорохов В.А. «Армянская» тема в устных нарративах азербайджанцев Нахичевани // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 462-473. doi.org/10.32653/CH202462-473

© Баранов Д.А., Шорохов В.А., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202462-473

CC BY

Research paper

Dmitry A. Baranov,
Cand. Sci., Head of the Dep. of Ethnography of the Russian People
Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg, Russia
dmitry.baranov@list.ru

Vladimir A. Shorokhov,
Cand. Sci., Associate Prof. of Institute of Theology
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
v.shorohov@spbu.ru

"ARMENIAN" ELEMENT IN THE ORAL NARRATIVES OF THE AZERBAIJANIS OF NAKHCHIVAN

Abstract. This paper aims to analyze the "Armenian" motifs found in the oral narratives of Azerbaijanis in Nakhchivan. The study is based on interviews recorded during fieldwork among Nakhchivan Azerbaijanis from 2021 to 2023. The research employs the concepts of cultural and communicative memory developed by J. Assman. The study reveals several recurring motifs in the informants' stories: the idea of the non-indigenousness of Armenians in Nakhchivan; the "Albanization" of medieval material culture; the common ancestry of local Azerbaijanis and Armenians; memories of Armenian friends and neighbors; shared local practices and sacred places; and the motif of the "lonely elderly Armenian woman" that bridges the region's past and present. A particularly noteworthy aspect is the concept of "kirva," a tradition in Nakhchivan where artificial kinship is established between Armenians and Azerbaijanis for mutual support, leading to the formation of intergroup strong ties. The authors conclude that the presence of "Armenian" elements in the narratives of Nakhchivan Azerbaijanis reflects a certain "Armenian-centricity. The prominence of the "Armenian" layer in many stories might be explained by the Azerbaijani discourse's dependence on the Armenian one, which manifests in an ongoing hidden form of dispute with competing historical narratives. In this sense, non-Azerbaijani perspectives on the region's history and cultural heritage significantly contribute to the cultural memory of the Azerbaijanis of Nakhchivan.

Keywords: Nakhchivan; cultural memory; Azerbaijanis; communicative memory; oral narrative; identity

For citation: D.A. Baranov, V.A. Shorokhov. "Armenian" element in the oral narratives of the Azerbaijanis of Nakhchivan. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 462-473. doi.org/10.32653/CH202462-473

© D.A. Baranov, V.A. Shorokhov, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Статья посвящена анализу «армянской темы» в нарративах азербайджанцев, характерные черты которой – ограниченный круг встречающихся мотивов, лексическое однообразие вплоть до совпадений, монолитность внутренней структуры, – позволяют интерпретировать ее как своего рода текст. Причем это такой текст, который, как будет показано ниже, до некоторой степени определяет специфику азербайджанского исторического дискурса в целом. Рамки статьи позволяют не углубляться в историографию армяно-азербайджанских «войн памяти», обострившихся в последние годы в связи с военно-политической обстановкой, тем более что этому вопросу посвящен целый раздел известной монографии В.А. Шнирельмана [1, с. 242–245]. В данной работе внимание сфокусировано на распространенных в рассказах азербайджанских информантов мотивах, то есть, совокупностях образов и / или эпизодов, объединенных «армянской» темой.

Материалом для исследования послужили интервью, записанные в ходе полевой работы у нахичеванских азербайджанцев в 2021–2023 гг. Подавляющее большинство информантов — мужчины в возрасте 40–60 лет, проживающие в Нахичеванской Автономной Республике. Целью полевых исследований было изучение сакральных ландшафтов края.

Нахичеванская Автономная Республика представляет собой расположенный на левом берегу Аракса гигантский эксклав Азербайджана, почти полностью окруженный территориями Ирана и Армении. За свою историю Нахичевань много раз переходила из рук одних правителей в руки других. В середине XVIII в. было образовано Нахичеванское ханство, отошедшее в 1828 г. в результате русско-персидской войны к Российской империи. Территория ханства стала частью Армянской области (1828–1840), недолго находилась в составе Грузино-Имеретинской (1840–1846), затем Тифлисской (1846–1849) губерний, потом Эриванской (1849–1917) [2, с. 120]. В результате Первой мировой войны, революции 1917 г. и развала Кавказского фронта на территории Нахичевани в 1918–1920 гг. происходили вооруженные столкновения армянских и мусульманских отрядов, резня с обеих сторон, турецкая и британская оккупация. На эту территорию претендовали и Республика Армения, и Азербайджанская Демократическая Республика. В 1920 г. была установлена советская власть и провозглашена Нахичеванская Советская Социалистическая Республика. Условием заключения советско-турецкого договора о границах стало вхождение Нахичевани в состав Азербайджана [2, с. 120; 1, с 109].

Несмотря на сложное и местами недостаточно изученное прошлое, а также особый статус Нахичевани в армянской исторической памяти, на протяжении всей истории статистических наблюдений (т.е., последних двухсот лет) можно констатировать, что территория республики была заселена преимущественно азербайджанцами. Численность армян в 30-е гг. XIX столетия достигала 40% процентов населения края (во многом, за счет переселенцев из Ирана) [3, с. 636–638].

По данным первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., армяне составляли треть населения. Известные драматические события XX в. привели к резкому сдвигу в этнической и религиозной структуре населения региона, многие армяне ушли из Нахичевани навсегда. К моменту образования АССР они составляли чуть более одной десятой ее жителей [2, с. 120].

После Карабахского конфликта в конце 80-х годов XX в. армян в Нахичевани практически не осталось, и относительно стабильное сосуществование разных культур в Нахичевани было прервано.

Сухой континентальный климат региона, относительная изоляция от основной части Азербайджана, горный рельеф и отсутствие мегаполисов способствовали сохранению исторических памятников разных культур и эпох, дифференциации говоров нахичеванского диалекта азербайджанского языка и иных архаических элементов локальных идентичностей, давших основание выделять их отдельную группу.

Превращение Нахичевани в почти мононациональную республику, единственным заметным меньшинством которой являются курды, предопределило особенность записанных во время полевых исследований интервью, заключающуюся в наличии определенного временного лага между временем интервьюирования и теми событиями и явлениями, о которых рассказывали наши собеседники. Более того, зачастую информанты выступали не как очевидцы, а, скорее, как интерпретаторы различных периодов прошлого. Большинство рассказов в этом случае отсылают к авторитетным источникам – местным ученым и представителям властей. То есть, любой экскурс в историю был опосредован дискурсом письменной культуры, усвоенной не в ходе неформального общения с непосредственным окружением, а при помощи формализованного обучения и самообразования. Заметим, что и рассказы очевидцев относятся не к настоящему времени, а к позднесоветскому периоду. Автобиографические нарративы размывают границу между вымыслом и реальностью, подчиняясь определенным правилам повествования и опираясь на общее смысловое поле варьируемых элементов, когда одно понятие передается различными синонимичными лексемами. Отсюда – пластичность, вариативность и даже кажущаяся противоречивость текстов, описывающих как прошлое, так и настоящее.

По сути, мы имеем дело с коллективной памятью, которая функционирует в двух главных формах, называемых Я. Ассманом: *культурной и коммуникативной памяти* [4, с. 52]. Культурная память обращается к отдаленному прошлому группы (ее «истокам» или происхождению), а коммуникативная связана с воспоминаниями о недавно пережитом, которые человек разделяет со своими современниками, и имеет черты биографического воспоминания.

Отметим несколько наиболее часто повторяющихся мотивов «армянской» темы, характеризующие «исторические» нарративы наших азербайджанских собеседников.

Одним из самых распространенных является мотив **«Армяне-мигранты»[1]:**

«Но армяне временно здесь жили. Здесь старики у них жили. Летом приезжали, уезжали, вот так. Они еще в царские времена сюда переселились из Ирана и Турции, в основном из Ирана. Раньше здесь не жили. Они временные. Их родины здесь не было (в Нахичевани)»[2]; «Армяне пришли сюда. Они пришли из Индии, они как цыгане»[3]; «Раньше люди все время переселялись, занимались скотоводством. Сюда армяне переселились в основном с Ирана. Это связано, между прочим, с Грибоедовым»[4]; «В 1915 году армяне переселились в Верхний Айлис. Был старый Верхний Айлис и новый Верхний Айлис – здесь при советской власти стали

1. При цитировании полевых материалов здесь и далее мы указываем год и место записи интервью, а также пол, год и место рождения информанта.
2. ПМА 2022, муж., 1967 г.р., сел. Билав.
3. ПМА 2023, муж., 1965 г.р., сел. Нюснюс.
4. ПМА 2023, муж., 1963 г.р., сел. Нюснюс.

раздавать земли. Сюда армяне переехали после 1827 года из Ирана. Армяне и азербайджанцы <после этого> стали жить вместе»[5]*; «А откуда здесь появились армяне? – из Индии, Ирана, Турции. Они никогда раньше не появлялись здесь. Они никогда на Кавказе не жили. Они приезжий народ. А то, что где-то есть надписи, сделанные 2000 лет назад на армянском языке, это все вранье»*[6].

Эти и другие рассказы объединены представлениями об армянах как о «временных жителях», недавних переселенцах, «мигрантах» и призваны легитимизировать отсутствие армянских жителей в Нахичевани в настоящее время. Одновременно с этим здесь можно увидеть оспаривание представлений об «армянской истории» региона и в целом тенденцию к «омоложению» культурного наследия нахичеванских армян. Подобные истории являются устной формой репрезентации коллективной памяти местного азербайджанского населения. Они представляют собой тип исторического знания, имеющего, прежде всего, внешнее происхождение – учебники истории, исторические монографии, выступления политиков и т.д., которые составляют, по выражению Геллнера, государственный и национальный комплекс историко-культурных нарративов [5, с. 7]. Важно отметить, что вышеописанный историографический по происхождению нарратив опирается на интерпретацию данных о масштабной иммиграции армян из Ирана после заключения в 1828 г. Туркманчайского договора, отложившихся в российских источниках [6, с. 125–127; 7, с. 316–317, 328–338, 353–350; 2, с. 120; 3, с. 599–630]. Однако распространенный среди азербайджанских исследователей «аккуратный» тезис о том, что «в национальном составе населения Нахчывана на протяжении веков всегда преобладали азербайджанцы» [8, с. 13], в устах информантов полемически заостряется и трансформируется в отрицание присутствия здесь армян «с самого начала».

Другой, не менее популярный мотив – **«Армянское наследие = албанское наследие»**. На сегодняшний день история и культура Кавказской Албании, располагавшейся где-то в центре Закавказья, крайне малоизучены [9]. Находки двадцатилетней давности позволяют отнести письменный язык албанов к лезгинской группе нахско-дагестанской семьи языков и связать их с современными удинами [10, p. 167–230]. Однако обширная территория и историческое значение Албании делают ее желанным строительным материалом для конструирования фундамента не только азербайджанской и армянской, но и лезгинской идентичностей [см., напр.: 11; 12, с. 9–74; 13; 14]. Результаты усилий в данном направлении среди нахичеванских азербайджанцев отчетливо прослеживаются в материалах интервью:

«Храмы были разрушены, просто заброшены. Мы слышали, что в албанские церкви ходили армяне. Это ученые говорили, что это не армянские церкви, а албанские»[7]*; «Их родины здесь не было (в Нахичевани). Здесь много развалин церквей, но это албанские»*[8]*; «Есть здесь старое кладбище, но там надписи не армянские, а албанские. Сейчас их не осталось – говорят, многие из них увезли армяне, а многие наши разрушили»*[9]*; «В Нахичевани есть церкви, но это не армянские, а албанские церкви. В Азербайджане еще до принятия мусульманства была большая кавказская албанская империя. Это были христиане. Вот что, что сейчас показывают*

5. ПМА 2023, муж., 1965 г.р., сел. Нюснюс.
6. ПМА 2023, муж., 1975 г.р. сел. Ахура.
7. ПМА 2022, муж., 1964 г.р., г. Нахичевань.
8. ПМА 2022, муж., 1967 г.р., с. Билав.
9. ПМА 2021, муж., 1960 г.р., г. Джульфа.

армяне в Карабахе, Армении – это не армянское, это сплошное вранье. Албания развалилась, а их памятники сохранились»[10]*; «Вообще, армяне вроде мигрантов. Здесь всегда больше было азербайджанцев. Были древние храмы, но они не армянские, а на самом деле албанские»*[11]*; «Не армянская, это албанская, эта (церковь)…. Там город, там есть…это…место, раньше, наверное, тоже пир был. Он тоже албанский, один пир был. Не азербайджанский, не армянский, это был албанский»*[12]*; «Здесь в Айлисе была албанская церковь, она разрушенная… В верхнем Айлисе больше жило армян, в нижнем – азербайджанцев. Вот это старинное дерево – орех, фисташковое дерево. Оно единственное в Ордубаде. Здесь стояла албанская церковь, она давно была разрушена»*[13]*; «Армянские ученые создали миф. Геродот писал о районе Армении и его жителях – арменианах, а армянские ученые перевели это как армяне. Но какие армяне во II веке? Армянские церкви появились только в XV веке. Эчмиадзин – там было азербайджанское село Учкилисе – 3 церкви. Это были албанские церкви. Только после разрешения стали строить армянские церкви»*[14].

В этих нарративах мы сталкиваемся с явлением, которое можно назвать «опосредованной доместикацией» прошлого, когда «чужие» материальные артефакты отчуждаются от права быть частью истории, принадлежащей актуальным оппонентам – в данном случае, армянской культуре. Отчуждение происходит путем переинтерпретации многочисленных памятников, в том числе, храмов и кладбищ. Эти следы давнего и недавнего прошлого превратились в символические фигуры, с которыми связываются воспоминания, угрожающие доминирующему дискурсу, поскольку выступают свидетельствами версии истории, отличной от общепринятой среди азербайджанцев. Это не просто следы прошлого, а почитаемые святые места, которые были для местных армян «опорными пунктами воспоминания» [4, с. 40], символами их идентичности. Подобные, отличные от господствующей памяти и укорененные в пространстве воспоминания поддерживают то, что Я. Зерубавель назвала контрпамятью – *«альтернативную повествовательную модель, прямо противоречащую общей повествовательной конструкции и существующую вопреки подавляющему превосходству последней»* [15, с. 22–23]. Понятно, что таковой она выступает только в рамках коллективной памяти нахичеванских азербайджанцев, поэтому верна и противоположная ситуация, когда азербайджанская версия памяти выступает как контрпамять, но уже в рамках общеармянского исторического дискурса.

В результате переосмысления христианские археологические памятники стали выступать как свидетельства исторического прошлого «третьей стороны» – албанской, которая иногда ассоциируется с «доисламским прошлым» азербайджанцев. Иными словами, церкви принадлежат предкам азербайджанцев, которые раньше, во времена христианства, именовались албанами:

«До ислама здесь была какая-то религия. До ислама было христианство. Вот мой прапрадед, кем он был до появления ислама? Он же не мог без религии, нужно же было во что-то верить, без этого нельзя было выжить. Люди молились. В Азербайджане, я думаю, не было идолопоклонничества, какому-нибудь камню или

10. ПМА 2023, муж., 1975 г.р., сел. Ахура.
11. ПМА 2021, муж., 1959 г.р., сел. Демирчи.
12. ПМА 2023, муж., 1970 г.р., сел. Шахбуз.
13. ПМА 2023, муж.,. 1965 г.р., сел. Нюснюс.
14. ПМА 2022, муж., 1976 г.р., сел. Ибадулла.

дереву. Верили единому Богу. Поэтому, я думаю, это было христианство. Тогда пророк Иисус был для них общим, просто ислама еще не было. Он появился только в VII веке, а мой прадед должен же был во что-то верить»[15].

Память нуждается в определении в пространстве, поэтому «изгнание» армян из прошлого конкретных географических объектов, лишение их локализации направлены на гомогенизацию этнокультурного и религиозного пространства Нахичевани, укореняя в нем азербайджанское население.

Еще один мотив, правда, не столь часто встречающийся в рассказах, как предыдущие – **«Общие предки»**:

«Раньше здесь не было ни христиан, ни мусульман, были язычники. Потом делили – половина приняла мусульманство, половина – христианство»[16]*; «Храмы здесь не армянские, а наших бабушек и дедушек, перед мусульманством»*[17]*; «А потом после арабских завоеваний, они 300–400 лет жили, уже мусульманство распространилось. Поэтому, я думаю, эти места не относятся ни к какому народу – это была общая земля и церкви, соответственно»*[18].

Этот мотив примечателен тем, что не устраняет полностью оппонентов (армян) из прошлого Нахичевани, но это прошлое скорее связано с общим для всех язычеством, а затем, в некоторых случаях, и христианством. Подспудно здесь содержится встречающееся в историографии [16, с. 121] представление об армянах как той части общих предков, которая сделала «неправильный выбор» – приняла христианство, либо «задержалась» на общем – «христианском» – этапе истории. Таким образом, если вспомнить высказывание Р. Суни об исламе, который *«может быть верой, идеологией, культурой или идентичностью»* [17, с. 102], здесь принятие ислама выступает как важнейший шаг по различению армян и азербайджанцев, с одной стороны, и как конститутивный элемент идентичности последних, с другой.

Другие мотивы, которые можно выделить по нашим полевым материалам, отсылают большей частью к так называемой «коммуникативной памяти» (Ассман), то есть, связаны с воспоминаниями биографического характера. Так, мотив **«Армяне – друзья»** эксплицирует тему «дружной семьи» народов региона, гостеприимства и смешанных браков. Эти воспоминания интересны нарочитой деактуализацией этноконфессиональных групповых границ и отсылкой к советской общности, вызванной «сладостным чувством ностальгии» [18, с. 334]. Это вид памяти, которая создает общность:

«У меня друзья армяне были. У нас армяне жили, они по-армянски не говорили, по-нашему говорили… Для меня нет разницы между армянами, лезгинами, азербайджанцами»[19]*; «Отношения хорошие раньше были, даже не знали, кто армянин, кто азербайджанец. Мы не могли по-армянски говорить, а они наш язык знали и говорили на нем… Ходили друг к другу в гости»*[20]*; «Мы не отличаем азербайджанца, армянина, русского – либо хороший человек, либо плохой. В нашем районе не было такого мужчины, у которого не было друга-армянина. Наоборот, если не было, то на него косо смотрели, почему у него нет друга. Они ездили к нам в гости, ночевали у нас»*[21]*; «Дружили <с армянами>. Жен мы брали, они от нас…*

15. ПМА 2023, муж., 1965 г.р., сел. Нюснюс.
16. ПМА 2022, муж., 1967 г.р., сел. Билав.
17. ПМА 2022, муж., 1969 г.р., сел. Билав.
18. ПМА 2023, муж., 1965 г.р. сел. Нюснюс.
19. ПМА 2023, муж., 1965 г.р., г. Нахичевань.
20. ПМА 2023, муж., 1962 г.р., г. Нахичевань.
21. ПМА 2022, муж., 1940 г.р., сел. Ибадулла.

Давно я знал моего друга армянина. Война, когда началась, я узнал, что Алик – армянин. Я даже не знал, он азербайджанец или армян»[22]; «Отношения хорошие раньше были, даже не знали, кто армянин, кто азербайджанец»[23].

Продолжением темы общности и дружбы является мотив **«Почитание общих святых мест / совместное празднование»**.

«Праздновали каждую пятницу марта. Армяне и курды тоже участвовали – собирались женщины по 4–5 человек и пекли хлеб в тандырах. Армяне знали азербайджанский язык»[24]; «Среди армян были люди, кто о чем-то мечтал, и если сбывалось, то ходили к тем же святым местам, что и азербайджанцы. Они верили в это. Не важно, кто: христианин или азербайджанец ты – все ходили»[25]; «Раньше здесь и армяне жили, женились с ними. Пока не было поганой войны. Они уехали еще в советское время, еще до войны. Армяне тоже ходили к пиру, если что случилось. Это пир XVII века Аг-Оглан»[26]; «У них <армян> вот здесь пир есть. Каждый сентябрь они приезжали сюда. Барана резали, выпивали, где-то три дня, … каждый год приезжали»[27]; «Были такие места, куда приходили и армяне, и азербайджанцы, и из других наций. И они считали это священное место общим. Ходили в случае болезни. И делали молитвы, каждый, конечно, по-своему, но одно место»[28]; «У них (армян) тоже пир есть. Каждый сентябрь они приезжали сюда, все, из Еревана… все армяне… баранов резали, выпили, где-то три дня, у них каждый год приезжали… Шашлык сделали, выпили. Все <отмечали>. И мы приходили… Я сколько раз с ними выпивал[29]; «Еще была полуразрушенная то ли албанская, то ли армянская церковь, то ли мечеть. В нее ходили как азербайджанцы, так и армяне – нужно было две ночи там переночевать, чтобы забеременеть»[30].

В большинстве случаев, как показывают полевые материалы, сакральные места у армян и азербайджанцев не совпадали: каждый исполнял свои религиозные практики, не вникая в обычаи другой этнической группы, но и не посягая на «чужую» святыню [2, с. 129]. Но вышеприведенные выдержки из интервью представляют собой значимые исключения. При сохранении этноконфессиональных границ воспоминания о почитании местных святынь и праздников утверждают другую групповую идентичность, которая имеет «территориальный» характер и связана с конкретными пространственными точками. Эта особая память, которая укоренена в сакральном пространстве, границы которого отчасти совпадают для разных этноконфессиональных групп. Даже в случае признания святыни чужой, ее значимость и сакральный статус не отрицаются: *«В 2000 г. тракторист шиит отказался сносить ее <армянскую церковь>, а другой тракторист, суннит, согласился. Так вот, он после этого заболел и умер потом»[31].*

Еще один часто встречающийся мотив, характерный для Нахичевани – «**Кирва-армянин»**. В азербайджанском языке это слово *(kirvə)* имеет два значения. Во-первых,

22. ПМА 2023, муж., 1970 г.р., сел. Шахбуз.
23. ПМА 2022, муж., 1962 г.р., г. Нахичевань.
24. ПМА 2021, муж., 1960 г.р., сел. Демирчи.
25. ПМА 2023, муж., 1975 г.р., сел. Ахура
26. ПМА 2022, муж., 1965 г.р., сел. Садарак.
27. ПМА 2023, муж., 1970 г.р., сел. Шахбуз.
28. ПМА 2023, муж., 1965 г.р., сел. Нюснюс/
29. ПМА2023, муж., 1970 г.р., сел. Шахбуз.
30. ПМА 2021, муж., 1960 г.р., сел. Джульфа.
31. ПМА 2021, муж., 1960 г.р., сел. Джульфа.

это человек, который держит ребенка при обрезании *(сюннет),* во-вторых, обращение к человеку, подчеркивающее, что его считают очень близким, практически членом семьи [19, с. 192]. В Нахичевани азербайджанские семьи нередко приглашали армян быть для их ребенка *кирва*. Хотя требования, чтобы *кирва* был представителем другой конфессии или другого народа, не было, это была распространенная практика, сближавшая представителей двух групп [2, с. 128–129]. Наши материалы содержат указания на обычай *кирва* как способ установления «искусственного родства» между армянами и азербайджанцами с целью взаимной поддержки, в результате которой формировались межгрупповые, так называемые «сильные связи» – духовное родство. Любопытно, что благодаря тому, что *кирва* во время *сюннета* держал на коленях мальчика и на его ноги попадала кровь обрезаемого, новые отношения в результате буквализации иногда начинали интерпретироваться как «родство по крови». С этого момента *кирва*-армянин становился своего рода «кровным родственником» азербайджанской семьи мальчика, прошедшего обряд обрезания, а браки между представителями двух кланов запрещались:

«Время обрезания приглашали кирва. На него кровь попадает. С армянами тоже было так, они были кирва»[32]*; «Был у нас кирва – приглашают на обрезание. Это как близкий родственник. Во время обрезания он на коленях держит мальчика и ему на ноги попадает кровь – он становится как кровный родственник. Армяне тоже были кирва – приглашали только хорошего человека»*[33]*; «На кирву приглашали армянина, он считался самым уважаемым человеком. Армяне были близки азербайджанцам»*[34]*; «Был такой обычай – кирва. В основном это делал армянин. У них не было такого обычая – это обрезание. Я скажу, почему это было священное и нельзя жениться на дочери кирва. Кирва выше брака считалась. Духовное родство. У вас есть крестный отец? У нас типа крестного отца. Он держит мальчика на коленях, сейчас, конечно, не держат – доктора лазером делают»*[35].

Обычай *кирва*, как показало исследование, был действенной практикой по преодолению этнических барьеров. Благодаря ему создавалась социальная сеть, легитимирующая близкие регулярные межконфессиональные отношения, которые описывались как близкородственные. Этот институт служил инструментом расширения круга родственников за счет включения представителей иной этнической группы и конфессии с целью укрепления положения семьи. Но было бы, пожалуй, неоправданным упрощением ограничивать функционал *кирва* конструированием общности между армянами и азербайджанцами. Парадокс описанного института заключается в его включенности в обряд обрезания, относимого исследователями «к тем символическим моментам, которые должны определить различия между исламской и неисламской культурами; его основная функция – определить принадлежность человека к исламу» [20, с. 499]. То есть, обрезание актуализирует те самые границы, к преодолению которых стремится институт *кирва*. Более того, практика *кирва* могла быть направлена на упрочение барьеров на пути установления потенциальных брачных союзов с представителями армянского населения, поскольку отношения квазиродства исключали заключения браков между его участниками:

32. ПМА 2022, муж., 1976 г.р. сел., Ибадулла.
33. ПМА 2022, муж., 1964 г.р., г. Нахичевань.
34. ПМА 2023, муж., 1975 г.р., сел. Ахура.
35. ПМА 2023, муж., 1965 г.р., сел. Нюснюс.

«Почему приглашали именно армянина? Потому с армянами у нас были общие, как сказать, некоторые черты, которые у них есть. У нас в кирва не брали потому, что в будущем, может быть, будет любить свою дочь. А его дочь нельзя выдать замуж, потому что кирва. А армянин не будет жениться, он знает, что такое кирва. Он знает, что он должен быть честным»[36].

Важно, что подобные последствия обряда не просто осознаются информантами, но и зачастую служат обоснованием выбора *кирва* из «чужого», в данном случае, армянского сообщества с целью расширения возможностей брачного выбора именно в «своем», однородном в этническом и религиозном отношении круге.

Наконец, упомянем еще один характерный для коммуникативной памяти мотив – **«Одинокая армянка»**:

«У нас здесь жила армянка, она недавно умерла. Она замужем за азербайджанцем была»[37]*; «У нас армянка была, она старая была. Куда мне ехать, говорит. Она умерла и ее похоронили на мусульманском кладбище»*[38]*; «Война была, только одна женщина осталась здесь. Ее муж не пустил, она не хотела уехать, только одна армянка живет»*[39]*; «У нас в деревне была армянка, она в там и умерла. Когда война началась, она отказалась уезжать: я здесь родилась, выросла, здесь и умру. Хотели ее отправить во время 1990 г. За ней ухаживали. Войну проиграли, она умерла, ее похоронили на нашем мусульманском кладбище»*[40].

Этот расхожий нарратив примечателен во многих отношениях. Во-первых, в приведенных рассказах конструируется контекст, который компенсирует у местных азербайджанцев чувство утраты территориальной групповой общности с армянами после их исхода из Нахичевани – не все уехали, армяне продолжали и продолжают жить в республике. Более того, по словам одного информанта *«сейчас в Азербайджане живут около 30 тысяч армян. И здесь (в Нахичевани), конечно, живут, они просто, как сказать, не афишируют и не надо, люди и так знают. Они уважают наши обычаи и любят… Я думаю, где каждый человек хочет жить – должен жить»*[41]. Во-вторых, здесь в завуалированном виде можно увидеть представление о непричастности местного азербайджанского населения к отъезду армян – это было их добровольное решение, либо их спровоцировали азербайджанские беженцы из Карабаха: *«В 1988 году знакомые армяне не хотели отсюда уезжать. Здесь жили, здесь работали. Почему они должны были уезжать? Но они вынуждены были уезжать. Потому переезжают наши <из Карабаха>, они агрессивнее, хочешь не хочешь, но их выгнали, и они агрессивнее… И здесь обида. И они, которые сюда пришли, вынудили армян уехать»*[42]. Наконец, сам образ одинокий армянки, за которой ухаживают соседи, выступает в роли инструмента закрепления ощущения превосходства большинства над армянским меньшинством или, по крайней мере, патерналистского чувства по отношению к оставшимся, которые слабы и одиноки и потому требуют заботы и попечительства со стороны азербайджанских односельчан.

В целом, общей чертой записанных исторических нарративов нахичеванских азербайджанцев является ярко выраженное стремление к «детерриториализации»

36. ПМА 2023, муж., 1965 г.р., сел. Нюснюс.
37. ПМА 2022, муж., 1964 г.р. г. Нахичевань.
38. ПМА 2022, муж., 1940 г.р., сел. Ибадулла.
39. ПМА 2023, муж., 1970 г.р., сел. Шахбуз
40. ПМА 2022, муж., 1976 г.р., сел. Ибадулла.
41. ПМА 2023, муж., 1965 г.р., сел. Нюснюс.
42. ПМА 2023, муж., 1965 г.р., с. Нюснюс.

и «омоложению» культурного наследия местных армян. Иными словами, армянское население рассматривается как некоренное и пришлое. Параллельно существует и другая версия истории региона, не исключающая древность проживания здесь армянского населения. В этом случае говорят об общих предках азербайджанцев и армян, разделение которых произошло в результате исламизации и христианизации. Также общей тенденцией является переинтерпретация многочисленных памятников армянского присутствия, в том числе, храмов и кладбищ как свидетельств албанской, а не армянской традиции.

По сути, армян изгоняют из прошлого конкретных географических объектов, лишают их локализации, при этом вполне допуская, а чаще даже акцентируя и идеализируя их присутствие в личном прошлом информантов: добрососедские отношения, приглашение в качестве *кирва* представителей местного армянского населения, взаимовыгодная торговля и т.д. являются общим рефреном воспоминаний наших собеседников.

Обзор материалов интервьюирования позволяет говорить о насыщенности нарративов нахичеванских азербайджанцев «армянскими» мотивами, которые в определенном смысле являются отражением, как это ни странно, их некоторой «армяноцентричности». Присутствие «армянского» слоя в рассказах можно объяснить несамодостаточностью, зависимостью азербайджанского дискурса от армянского, что проявляется в ведении постоянного, имеющего скрытую форму, спора с конкурирующими историческими нарративами. В этом смысле, другие, неазербайджанские версии осмысления истории и культурного наследия региона вносят свой, во многом существенный вклад в формирование культурной памяти азербайджанцев Нахичевани.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российский центр научной информации и Комитет по науке Республики Армения в рамках научного проекта № 20-59-05013

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Center for Scientific Information and Science Committee of the Republic of Armenia under research project №20-59-05013

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. - 591 с.

2. *Андреева Ю.О., Гуляева Е.Ю.* Нахичеванские армяне: память о соседстве в 1950–1980-е гг. // Кунсткамера. 2022. № 2 (16). С. 116–133.

3. *Шопен И.И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб.: Типография Имп. Акад. наук, 1852. [4], XII с., 1232, VIII стб.

4. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и поли тическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

5. *Геллнер Э.* Нация и национализм. Москва: Издательство «Прогресс», 1991. - 319 с.

REFERENCES

1. Shnirelman VA. *Wars of Memory: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*. Moscow: ICC “Akademkniga”, 2003. (In Russ)

2. Andreeva YuO., Gulyaeva EYu. Nakhichevan Armenians: memory of the neighborhood in the 1950s–1980s. *Kunstkamera*. 2022; 16(2): 116-133. (In Russ)

3. Shopen II. *A historical monument to the state of the Armenian region during the era of its annexation to the Russian Empire*. Saint-Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1852. [4], XII p., 1232, VIII stb. (In Russ)

4. Assman Y. *Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Transl. from German M.M. Sokolskaya*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. (In Russ)

5. Gellner E. *Nation and nationalism*. Moscow: Progress Publ., 1991. (In Russ)

6. *Григорьев В.Н.* Статистическое описание Нахичеванской провинции. Санкт-Петербург: тип. Деп. внеш. торг., 1833. – 264 с.

7. Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Часть IV. СПб.: Тип. Департамента внеш. торговли, 1836. - 401 с.

8. *Рагимов Я.Н.* История города Нахчывана в русских источниках // «Интеграция науки и практики в современных условиях»: Материалы III Международной научно-практической конференции. ООО «НОУ «Вектор науки», научный редактор С.В. Галачиева. М.: Перо, 2015. С. 9–16.

9. *Аликберов А.К.* Кавказская Албания и лезгинские народы: актуальные проблемы, новые дискурсы // Albania Caucasica: Сб. статей. Вып. I. М.: Институт востоковедения РАН, 2015 С. 16–27.

10. *Gippert J, Schulze W.* The Language of the Caucasian Albanians // Caucasian Albania: an International Handbook. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2023. P. 167–230.

11. *Hewsen R.H.* Ethno-history and the Armenian influence upon the Caucasian Albanians // Classical Armenian Culture. Influence and Creativity. Chicago: Scholars Press, 1982. P. 27–40.

12. *Мурадян П.М.* История – память поколений: Проблемы истории Нагорного Карабаха. Ереван: Айастан, 1990. – 160 с.

13. *Абдурагимов Г.А.* Кавказская Албания-Лезгистан: история и современность. СПб.; Махачкала: Издво Даг. гос. пед. ун-та, 1995. – 607 с.

14. *Мамедова Ф.* Кавказская Албания и албаны. Баку: ЦИКА, 2005. 818 с.

15. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 7–17.

16. *Ахундов Д.А.* Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку: Азернешр, 1986. – 311 с.

17. *Суни Р.* Диалог о Геноциде: усилия армянских и турецких ученых по осмыслению депортаций и резни армян во время Первой мировой войны // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 75–114.

18. *Гофман А.Б.* Социология традиции и современная традиция // Россия реформирующаяся. М.: Институт социологии РАН, 2008. Вып. 7. С. 334–352.

19. *Баранов Д.А., Гуляева Е.Ю.* Институт кирва: преодолевая этнические и религиозные барьеры? // Евразия: диалог культур / Материалы Двадцать вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб: Российский этнографический музей, 2023. С. 191–199.

20. *Мусаева М.К., Соловьева Л.Т.* Обряд обрезания в традициях народов Кавказа // История, археология и этнография Кавказа. Т. 18. № 2. 2022. С. 497–518.

6. Grigoriev VN. Statistical description of Nakhichevan province. Saint-Petersburg: Dep. of Ext. Trading, 1833. (In Russ)

7. *Review of Russian possessions beyond the Caucasus in statistical, ethnographic, topographical and financial terms. Part IV*. Saint-Petersburg: Type. Department of Ext. Trade, 1836. (In Russ)

8. Ragimov YaN. History of the city of Nakhchivan in Russian sources. *"Integration of science and practice in modern conditions": Materials of the III International Scientific and Practical Conference. LLC "NOU "Vector of Science", scientific editor S.V. Galachieva*. Moscow: Pero, 2015: 9-16.

9. Alikberov AK. Caucasian Albania and Lezgin peoples: current problems, new discourses. *Albania Caucasica: collected articles*. Vol. I. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 20156 16-27. (In Russ)

10. Gippert J, Schulze W. The Language of the Caucasian Albanians. Caucasian Albania: an International Handbook. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2023. pp. 167–230.

11. Hewsen R.H. Ethno-history and the Armenian influence upon the Caucasian Albanians. Classical Armenian Culture. Influence and Creativity. Chicago: Scholars Press, 1982. pp. 27–40.

12. Muradyan PM. *History is the memory of generations: Problems of the history of Nagorno-Karabakh*. Yerevan: Hayastan, 1990. (In Russ)

13. Abduragimov GA. Caucasian Albania-Lezgistan: history and modernity. Saint-Petersburg; Makhachkala: Dag. State Ped. University, 1995. (In Russ)

14. Mamedova F. *Caucasian Albania and Albanians*. Baku: CICA, 2005. (In Russ)

15. Zerubavel Ya. Dynamics of collective memory. *Empire and nation in the mirror of historical memory*. Moscow: Novoe Izdatelstvo, 2011: 7-17. (In Russ)

16. Akhundov DA. *Architecture of ancient and early medieval Azerbaijan*. Baku: Azerneshr, 1986. (In Russ)

17. Suni R. Dialogue about the Genocide: the efforts of Armenian and Turkish scientists to understand the deportations and massacres of Armenians during the First World War. *Empire and nation in the mirror of historical memory*. Moscow: Novoe Izdatelstvo, 2011: 75-114. (In Russ)

18. Goffman A.B. *Sociology of tradition and modern tradition. Rossiya Reformiruyshayasa*. Moscow: Institute of Sociology of RAS, 2008; 7: 334–352.

19. Baranov DA., Gulyaeva EYu. Kirva Institute: Breaking Ethnic and Religious Barriers? Eurasia: dialogue of cultures. *Proceedings of the Twenty-Second Saint-Petersburg Ethnographic Readings*. Saint-Petersburg: Russian Ethnographic Museum, 2023: 191-199. (In Russ)

20. Musaeva MK., Solovyova LT. The rite of circumcision among the peoples of the Caucasus. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2022; 18(2): 497-518. (In Russ)

Поступила в редакцию 04.12.2023 г.
Принята в печать 29.01.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 04.12.2023
Accepted 29.01.2024
Published 15.06.2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202474-488

Исследовательская статья

Кумахова Заират Хасанбиевна
к.и.н, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
kzaira@list.ru

Коновалов Андрей Анатольевич
к.и.н, доцент кафедры истории России,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
homunculus2@yandex.ru

Текуева Мадина Анатольевна
д.и.н., доцент, заведующая кафедрой этнологии, истории народов КБР и журналистики,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
tekuevamadina@gmail.com

ОБРАЗ ЧЕРКЕШЕНКИ В НАСЛЕДИИ АДЫГСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

Аннотация. Современное отечественное исследовательское поле в последние десятилетия существенно расширилось за счет появления новых направлений, изучающих проблемы, ранее не привлекавшие внимание историков. Одним из таких новых, бурно развивающихся подходов в исторической науке является гендерная история. В данной статье, в рамках гендерного подхода, исследуется образ черкешенки в произведениях адыгских просветителей XIX в., то есть выявляется мужской взгляд на женщину, на ее место и роль в обществе. Наследие адыгских просветителей, как научное, так и литературное, их политические, социальные, хозяйственно-экономические взгляды стали предметом изучения многих кавказоведов, но лишь смещение исследовательского интереса в сторону гендерологии позволяет по-новому оценить их творчество. Феноменологический подход, применяемый в качестве теоретико-методологического основания, позволяет выявить не столько реальное положение женщины в адыгском социуме, сколько реконструировать образ «идеальной» черкешенки, существовавший в картине мире просветителей. Утверждается, что на восприятие представителями черкесской интеллектуальной элиты места и роли женщины в традиционном обществе в равной мере оказали влияние два фактора: патриархальность, как культурный код адыгов данного отрезка времени, и противостоящая ей романтическая российская традиция, под влиянием которой формировалось их мировоззрение. Фактическим материалом, позволяющим решить поставленные задачи, являются как этнографические труды, так и художественные произведения интеллектуальной адыгской элиты. Созданные на основе или с привлечением богатого фольклорного материала данные источники репрезентуют, как и объективную реальность, в которой существовала черкешенка, так и, с помощью литературных образов, субъективное восприятие просветителями женских персонажей. Выстроенный таким образом исследовательский взгляд позволяет эксплицировать зачастую противоречивые взгляды просветителей на адыгскую женщину. Отмечено, что адыгские просветители, во многом способствовали созданию получившего распространение в исторической науке и художественной литературе стереотипного образа черкешенки, женственной красавицы с такими достойными характеристиками как честь, гордость, почитание родителей, любовь к Родине.

Ключевые слова: черкешенка; просветители; феноменология; ментальность; исследовательская оптика

Для цитирования: Кумахова З.Х., Коновалов А.А., Текуева М.А. Образ черкешенки в наследии адыгских просветителей // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 474-488. doi.org/10.32653/CH202474-488

© Кумахова З.Х., Коновалов А.А., Текуева М.А., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202474-488

Research paper

Zairat H. Kumakhova,
Cand. Sci., Associate Prof., Dep. of Ethnology, History the Peoples of Kabardino-Balkaria and Journalism,
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
kzaira@list.ru

Andrei A. Konovalov,
Cand. Sci., Associate Prof., Dep. of History of Russia
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
homunculus2@yandex.ru

Madina A. Tekueva,
Dr. Sci., Head of the Dep. of Ethnology, History the Peoples of Kabardino-Balkaria and Journalism,
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
tekuevamadina@gmail.com

IMAGE OF A CIRCASSIAN WOMAN IN THE WORKS OF ADYGHE ENLIGHTENERS

Abstract. In recent decades, the modern domestic research field has expanded significantly with the emergence of new directions, including the study of problems that previously did not attract historians' attention. One rapidly developing approach in historical science is gender history. This article explores the image of the Circassian woman in the works of the Adyghe enlighteners of the 19th century, focusing on the male perspective of women, their place, and role in society. While the legacy of the Adyghe enlighteners – spanning scientific, literary, political, social, and economic views – has been extensively studied by Caucasian scholars, a shift towards gender studies offers a new assessment of their work. Using the phenomenological approach as a theoretical and methodological basis, the study aims to reconstruct the image of the "ideal" Circassian woman as envisioned by the Enlightenment, rather than her actual position in Adyghe society. It is argued that the Circassian intellectual elite's perception of women's place and role in traditional society was influenced equally by two factors: the patriarchy embedded in Circassian cultural codes and the contrasting romantic Russian tradition that shaped their worldview. The factual material, including ethnographic works and artistic creations by the Adyghe intellectual elite, provides insights into both the objective reality of Circassian women's lives and the subjective literary depictions of female characters by the enlighteners. This research approach elucidates the often-contradictory views of the Adyghe educators on women. Notably, Adyghe enlighteners significantly contributed to creating the stereotypical image of a Circassian woman –characterized by feminine beauty, honor, pride, reverence for parents, and love for the Motherland – a depiction that has become prevalent in historical science and fiction.

Keywords: Circassian woman; enlighteners; phenomenology; mentality; research perspective

For citation: Z.H. Kumakhova, A.A. Konovalov, M.A. Tekueva. Image of a Circassian woman in the works of Adyghe enlighteners. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 474-488. doi.org/10.32653/CH202474-488

© Z.H. Kumakhova, A.A. Konovalov, M.A. Tekueva, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Актуальность

XIX век – сложный и драматичный период в истории Северного Кавказа. В это время происходит присоединение края, в том числе земель адыгов, к Российской империи, которое представляло собой процесс жесткой военной конфронтации и одновременно инкорпорации в административно-политическое, экономическое и культурное пространство России. Сложившаяся ситуация потребовала осмысления в черкесском общественном сознании, что, в свою очередь, актуализировало процесс этническо-культурной рефлексии. Эти задачи решало адыгское просветительство, представители которого «считаются тем самым творческим меньшинством, живущим проблемами своего народа и пытающимся отыскать ответы на вопросы, от которых зависит будущее родины» [1, с. 114].

Цель статьи – проследить влияние мировоззрения адыгских просветителей XIX в. на интерпретацию ими основных фольклорных сюжетов, таких как измерение потустороннего, основные ценности черкесской женщины, в том числе ее гражданственные качества.

Методология

В последние годы в исторических исследованиях получает распространение феноменологический подход. Дополняя традиционный для историографии взгляд на предмет изучения как на объект, данная парадигма субъективизирует его: исследуемый персонаж становится партнером историка, с которым он вступает в диалог, включающий в себя взаимодействие семиосфер прошлого и современности. Феноменологический подход позволяет реконструировать когнитивный горизонт объекта исследования, превратить его в равноправный субъект смыслопорождения, изучить как познавательную основу его мировоззрения, так и результаты его интеллектуальной деятельности. При этом мир для познающего субъекта не перестает существовать, но предстает в качестве феномена сознания [2, с. 348]. Историческая наука прошла длинный путь от попыток элиминации субъективного мира исследователя к осознанию необходимости некоторого отождествления сознания историка с предметом изучения: чтобы в наибольшей степени познать изучаемый предмет необходимо в определенном смысле стать этим предметом [3, с. 312]. Взгляд «извне» сменяется на взгляд «изнутри». Историк реконструирует внутренний мир одушевленного объекта исследования, интересуется его мировоззрением, мнениями, ценностями и их реализацией в деятельности. Вместо того чтобы оставаться наблюдателями со стороны, историки начали активно воссоздавать внутренний мир исследуемых объектов. Они заинтересовались мировоззрением, мнениями и ценностями этих личностей, а также тем, как они реализовывали ценности и идеи в своей деятельности. Таким образом, сознание исследуемых личностей перестало быть просто отражением внешнего мира, а стало активным творцом смыслов и символов, которые влияли на преобразование реальности. В настоящей статье предпринята попытка реконструировать взгляд адыгских просветителей на феномен черкесской женщины в контексте базовых основ их мировоззрения, ценностей и внешних социокультурных влияний. Видя неизбежность присоединения Северного Кавказа к России, просветители предлагали варианты мирного

включения адыгов в состав империи, проводили этнографические и исторические изыскания, занимались литературным творчеством.

Положение адыгских просветителей характеризуется противоречивостью. Черкесская интеллигенция XIX – начала XX вв. представляет собой яркий пример того, как субъективные нарративы могут быть использованы для осмысления исторического опыта. Интеллектуалы были вынуждены балансировать между двумя культурами – черкесской и русской. Их мировоззрение было сложным и противоречивым, и они часто выражали свои мысли в форме художественных образов и символов [4, с. 31]. Будучи представителями и патриотами своего народа, участвующего в Кавказской войне, они одновременно социализировались в русской культурной среде, многие из них служили в российской армии или в государственной администрации, большинство их текстов было написано на русском языке. Адыгские просветители не утратили связь с культурой своего народа, но в любом случае, это двойственное положение приводило к семантической напряженности в их творчестве. Ментальная двойственность создавала амбивалентность их взгляда.

Военные конфликты всегда оказывают сильное влияние на мировоззрение людей, вынужденных столкнуться с ситуацией выбора своего участия в них. Драматический параллелизм, вызванный исторической ситуацией, в которой они находились, часто заставлял интеллектуалов оказаться в парадоксальной и двойственной ситуации, где они должны были найти способ синтезировать свое мировоззрение, чтобы сохранить верность своему народу и при этом преодолеть архаичные пласты его мировоззрения. Одной из основных особенностей нарратива, созданного просветителями, был постоянный перевод с одного языка культуры на другой. В их дискурсивных практиках они переключались между языками своей и русской культуры. Они старались найти баланс между прошлым и настоящим, между своей исторической принадлежностью и потребностями современности.

Диалог культур, по мнению авторов «Новой философской энциклопедии», это «не спор самомнений, … а беседа разных культур в сомнении относительно собственных возможностей мыслить и быть» [5, с. 660]. Через продуктивное сомнение, возникающее в межкультурном собеседовании, «развертывается и преобразуется неисчерпаемый смысл каждой культуры». К.К. Султанов полагает, что «диалог обнаруживает себя как содержательный фактор внутрилитературной эволюции, как ресурс идентичности и генератор творческих смыслов» [6, с. 46]. В процессе культурного диалога происходило «чуткое зондирование идеи сопряжения разного, возможного союза различий, не растворенных в общем унифицирующем знаменателе скучного единообразия, в угадывании перспективы одной исторической дороги поверх ускоряемого войной взаимонепонимания» [6, с. 46].

Амбивалентность социокультурной самоидентификации адыгских просветителей приводила к усложнению их взгляда. Они смотрели на настоящее и прошлое своего народа одновременно «извне» и «изнутри». Это позволяло создать «зазор» между позицией внешнего наблюдателя и представителя адыгского этноса, имевшего глубокое знание реалий его быта и психологии. В итоге получалась стереоскопическая картина, сочетавшая богатство этнической традиции и привнесенных элементов русской культуры XIX в.

Интерес представителей русской интеллектуальной элиты к Кавказу корреспондировался с тяготением образованных кавказцев к русской культуре, которую они

воспринимали как мост к культуре европейской. Отсюда рецепция романтической поэтики в структуру мировоззрения адыгских просветителей. Можно говорить о встречном интересе и, как следствие, о диалоге культур. О. Джерсилд обращает внимание на глубину культурного переплетения России и Северного Кавказа. Русские и нерусские, по его словам, «вместе служили царю, воевали, проводили археологические экспедиции..., записывали алфавиты, основывали школы и работали учителями, читали о Шамиле и горской преступности и делали многое другое» [7, с. 10]. «Русский романтизм поместил горские народы на карту истории русской культуры» [7, с. 61], и он же стал концептуальной основой осмысления горской интеллигенцией своего прошлого.

Для русской культуры первой половины XIX в. свойственно сочетание реалистических и романтических тенденций. Адыгские просветители тяготели к романтической традиции, которая предполагала интерес к индивидуальности, непохожести, признание того, что каждый народ обладает своим духом, неповторимой традицией, актуализацию традиционалистского слоя семантики, усиление элементов патриархальности, укрепление традиционных ценностей [8, с. 72]. Романтики выдвигали требование интуитивного «вчувствования» в объект постижения, что позволяло им проникнуть в глубины человеческого сознания и понять его внутренний мир. [9, с. 487]. Дискурсивные практики, свойственные этому направлению, придавали традиционному, исконному, историческому высокий ценностный статус. «Романтики... зарядили европейскую культуру пафосом сохранения и реставрации» [9, с. 487].

Адыгские просветители не только фиксировали сведения, почерпнутые из фольклора. Если следовать предложенной Н. Джусойты дифференциации «фольклорного поэта» и «поэта нового типа», согласно которой первый «становится простым рупором, выражающим вовне национальную жизнь...» [6, с. 10], а второй является носителем субъективно-авторского начала, то просветители явно относятся ко второму типу творческих личностей. В соответствии с этим, считает К.К. Султанов, исследователю их творчества «важно увидеть позицию автора по отношению к герою» [6, с. 11], т.е. эксплицировать базовые концепты их мировоззрения, что и предпринято в настоящей статье.

Статья открывает новые исследовательские сюжеты: реконструирует константы мировоззрения просветителей и их влияние на изучение женского мира, дает возможность исследовать гендерные аспекты интеллектуальной деятельности просветителей.

Источниковая база

Тема о восприятии черкешенки адыгскими просветителями фундирована репрезентативным корпусом источников, основу которого составляют их работы. Эти труды в данном исследовании отнесены к источникам в силу того, что они созданы очевидцами исторической ситуации XIX в. и демонстрируют имманентный взгляд на нее.

В «Истории адыхейского народа» Шоры Ногмова [10, с. 487] основное внимание направлено на мужской мир, хотя в его наследии можно найти и описание положения женщины в обществе, ее одежды, методов воспитания детей, в его трудах анализируются и религиозные взгляды местного населения. Ш. Ногмов – представитель

адыгского народа, в его текстах прослеживается основательное знание черкесского мира. Его наследие с полным основанием можно считать взглядом на быт и нравы адыгов «изнутри» этой культуры. Замечания Ногмова, не теряют актуальности для современных этнологических исследований [11, с. 30].

Тексты Султана Хан-Гирея представляют существенный интерес для настоящей статьи. Будучи блестящим офицером, он, по словам Р.Х. Хашхожевой, проявил себя «как глубокий исследователь, как художник слова» [12, с. 3]. Объектом его внимания в «Записках о Черкесии», «Черкесских преданиях», заметках: «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» [13; 14] был социальный статус женщины как в приватном пространстве – семье, так и в публичном – в черкесском обществе, ее юридические права в браке и наследовании. Просветитель отмечает, что у женщин существовала определенная степень свободы в общении, во взаимоотношениях между супругами прослеживаются неформальные каналы влияния женщины на решение важных вопросов в семье, селе и общине. Особую ценность представляют собой материал, дающий возможность реконструировать категории сознания адыгской женщины. Прослеживаются ее отношения с миром сверхъестественного, действие магических женских сил. Хан-Гирей описывает во что верили адыги и какие обряды проводились при взаимодействии человека с потусторонним миром [14, с. 151].

В произведениях Ш.Б. Ногмова и С. Хан-Гирея были определены две важные парадигмы в изучении женского вопроса в кавказологии. Ш.Б. Ногмов видел женщину в семье как «совершенную рабыню», которая подчиняется авторитету отца или мужа [10, с. 68, 73]. Двойственную позицию занял С. Хан-Гирей. Он не мог отрицать очевидного и признавал наличие зависимости женщин от мужчин. С другой стороны, он полагал, что в положении женщины существует определенное пространство свободы и не считал ее рабское положение адекватной характеристикой ее статуса. Видя отсутствие явных возможностей женщин влиять на принятие решений, он отмечал наличие неформальных каналов ее влияния: «обхождение мужа с женою основывается на строгих правилах приличия… Жена-красавица всегда владеет сердцем мужа и часто повелевает им… Женщина в летах, мать семейства свободна более в своем обращении» [13, с. 274–275].

Историографический тренд, заложенный Ш. Ногмовым и С. Хан-Гиреем, был продолжен К. Атажукиным, А.-Г. Кешевым, К.-Б. Ахметуковым. Особенно интересным писателем второй половины XIX в., чьи произведения являются важным источником для данного исследования, является Кази-Бек Ахметуков. В его рассказах часто использовались сюжеты из фольклорных произведений адыгов [15]. Также стоит отметить работы просветителя Адыль-Гирея Кешева, который акцентировал внимание на реалистическом отображении нравов и бытового уклада адыгов второй половины XIX в. Просветители рисуют яркие картины подчиненного положения черкешенки, отсутствие возможности управлять своей судьбой в результате авторитарного прессинга со стороны родителей, старших родственников или общественного мнения.

Таким образом, произведения Ш.Б. Ногмова, С. Хан-Гирея, Кази-Бека Ахметукова и Адыль-Гирея Кешева представляют разные взгляды на женский статус и роль женщины в кавказском обществе. Исследование этих произведений позволяет нам лучше понять исторические и социальные аспекты жизни женщин на Кавказе.

Степень разработанности

К изучению наследия адыгских просветителей обращались многие ученые. В частности, всестороннее и глубокое исследование общественно-политических, социально-экономических, культурно-хозяйственных идей и взглядов северокавказской интеллектуальной элиты, в том числе Ш.Б. Ногмова, С. Хан-Гирея, было осуществлено С.А. Айларовой [16]. Автор анализирует размышления просветителей о положении и статусе женщины в традиционном обществе [17].

Весомый вклад в исследование наследия северокавказских просветителей внес Т.Х. Кумыков. В своих трудах он раскрывает общественно-политические и исторические взгляды деятелей просветительства XIX в. и демонстрирует решающее влияние русской культуры на формирование их мировоззрения [18].

Монография З.Я. Емтыль [19] является важным исследованием, которое помогает лучше понять историю и культуру адыгского народа, а также роль интеллигенции в его развитии. Автор анализирует социальные и политические условия, в которых пребывали адыгские интеллектуалы, и их влияние на ее развитие и деятельность. Подробное изучение биографий просветителей мы находим в трудах Р.Х. Хашхожевой [12; 20; 21].

Вопросам русско-кавказского культурного взаимодействия посвящена монография Остина Джерсилда «Ориентализм и империя [7]. В контексте настоящей статьи представляется важным анализ неоднозначных взаимодействий России и Кавказа. Автор делает вывод о том, что «уровень взаимного пересечения культур был настолько значительным, что часто затмевал этнические различия между народами региона, напоминая нам, что империя действительно была российской, а не русской» [7, с. 10].

Кавказ как объект для изучения представляет интерес не только для российских исследователей, но и привлекает внимание зарубежных историков. Несмотря на наличие большого объема иностранных трудов, затрагивающих самые разные аспекты истории и этнографии Северного Кавказа, на данный момент можно говорить об отсутствии фундаментальных произведений, посвященных взглядам просветителей на женское пространство. Тем более отсутствуют работы, анализирующие разницу в восприятии образа черкешенки через призму патриархальности и романтизма, свойственных XIX в. [25; 26].

Особенности русско-кавказского культурного диалога стали основной темой исследования С. Султанова. Важными представляются рассуждения о субъектности адыгских просветителей, которые не пассивно фиксировали фольклорный материал, но излагали его в соответствии со эстетическими и аксиологическими доминантами своего мировоззрения [6].

Влиянию западного ориентализма на образ черкешенки в русской культуре исследуемого периода посвящена статья Л.С. Жигуновой «Эротические завоевания империи: черкесские женщины в русской романической литературе» [22]. В статье присутствует анализ образа черкешенки в русской литературе, обусловленный, по мнению автора, ее «вторичным ориентализмом».

Существующие научные работы в основном анализируют социальные, экономические и политические взгляды адыгских просветителей либо освещают «кавказский аспект» русской литературы изучаемого периода. Исследовательским пробелом является отношение просветителей к женщине и обусловившее его константы

их мировоззрения. Для восполнения этой лакуны необходимо проанализировать их творческое наследие в гендерном ракурсе, что и предпринято в настоящей статье.

***

Одной из магистральных линий просветительского дискурса является осмысление женского начала. Черкешенка, ее внутренний мир – значимый элемент произведений адыгских просветителей. В русской культуре того времени Кавказ воспринимался как романтическое пространство, экзотическое место обитания храбрых горцев и гордых прекрасных женщин.

Адыгские просветители первой половины XIX в. во многом заимствуют внешний для них романтический дискурс, привнося в него внутреннее знание горского контекста. При этом соответствующая поэтика становится призмой, через которую просветители смотрят на черкешенку. Поэтому в их текстах присутствует возвышенный образ, ментальный концепт не реальной, но долженствующей быть женщины. Кроме того, взгляд просветителей на черкешенку обусловлен гендерными характеристиками. Будучи мужчинами своего времени, они воспринимали горянку через собственные гендерные стереотипы. И в русском, и в черкесском романтическом дискурсе женщина в исследуемое время была «объектом изучения и репрезентации других авторов, в основном мужчин» [22, с. 198]. Собственный голос женщины «был приглушен или стерт» [22, с. 198]. Эти особенности взгляда просветителей определяют взгляд на черкесскую женщину как гордую чувственную красавицу, которая часто жертвует личным счастьем или даже героически гибнет для сохранения чести, благоденствия или спасения семьи, рода или отечества.

Еще одной характеристикой черкешенки, обусловленной как мужским взглядом, так и романтической традицией, является своеобразный страх просветителей перед женским началом. Иногда женщина становится представителем потустороннего демонического мира. Несмотря на то, что к началу XIX в. адыги считали себя мусульманами, остатки языческих верований все еще пронизывали их повседневную жизнь. На это обращает внимание и Ю.Ю. Карпов, подчеркивающий параллелизм, сосуществование в сознании адыгов мировоззренческих принципов язычества и ислама. Он же отмечает и противостояние маскулинного и феминного начал в культуре традиционных кавказских обществ [23, с. 330]. Эмманюэль Ле Руа Ладюри правильно отмечает, что для крестьянских и сельских культов аграрного общества магическое восприятие мира играло важную роль. Оно проявлялось в пережитках язычества и ритуалах исцеления, плодородия, излечения болезней и сбора большого урожая [24, с. 372]. Все это оказывается верным и для адыгов исследуемого периода.

Вера в сверхъестественное и потустороннее проявлялась в народных преданиях и сказках, где рассказывались истории о магических персонажах. Об этом можно найти упоминания в наследии С. Хан-Гирея. Он писал об «удди» – людях, находящихся в отношении со злыми духами. По преданиям, они могли превращаться в различных животных, таких как кошки, собаки или волки, и ходить невидимо среди людей. Это указывает на то, что адыги не только верили в существование магических существ, но и считали их присутствие реальным и влияющим на их жизнь.

Будучи мужчиной, сознанию которого был присущ существенный рационалистический элемент, Хан-Гирей осуществляет селекцию материала соответственно особенностям своего мировоззрения. Женщинам, согласно гендерным стереотипам того времени и в соответствии с восприятием женского начала, характерного для романтизма, в значительной мере присуще иррациональное, хтоническое начало, что вызывало страх. Материал, отобранный Хан-Гиреем и другими просветителями, приписывает женщинам самые ужасные несчастия, происходившие с людьми, такие как детские болезни, головную боль красивых мальчиков и девочек, падеж скота [14, с. 157].

Подтверждает веру адыгов в вину ведьм за неурожаи и Шора Ногмов в «Истории адыхейского народа», приводя в пример народную песню: «Косцы наши отложили работу до будущего лета. А созревшее просо наше потравлено кабанами. Просяные зерна снимаются с колосьев бесленеевскими ведьмами» [10, с. 117].

Нельзя сказать, что сверхъестественное злодейство приписывается только женщинам, существуют сюжеты и про мужчин-колдунов. Однако подавляющее большинство ведьм (уд) в народном творчестве – женщины, которые «выступают, прежде всего, против мужских персонажей… действуют главным образом в ночное время» [27, с. 180, 186.].

Важнейшей категорией образа женщины в наследии адыгских просветителей является красота. В формировании этого нарратива не могли не проявиться базовые характеристики их мировоззрения. В трактовке образа женщины проявляется мужской взгляд хоть и отчасти европеизированного, но, тем не менее, представителя традиционного, патриархального общества. Существенное влияние на образ женщины у просветителей оказывает и романтический дискурс: выход за пределы традиционного образа черкешенки, наличие у нее таких атрибутов как гордость, смелость и храбрость. Просветители выбирают из массива народных сказаний и легенд то, что соответствует их мировоззрению.

Так, Кази Атажукин являлся одним из первых собирателей адыгского варианта нартского эпоса. Представляет интерес сюжет о Бадыноко, где мы встречаемся с центральным женским персонажем эпоса – Сатаней: «Потеряв надежду заманить нарта просьбами, Сатаней незаметно спустила с головы покрывало и показала свою белую шею до груди. Но это не прельщает Бадыноко; ее краса не производит на него впечатления. Приспустила тогда (одежду) ниже и грудь приоткрыла. Но и это не взволновало его. Сдвинула еще и показала изгиб бедра своего. Когда и этим не соблазнила его, разорвала белый шелковый шнурок, и вся одежда спала с нее» [28, с. 26].

Этот откровенный эпизод рассказывает о главной героине эпоса без осуждения ее «распутства». Действия Сатаней обусловлены стремлением перенаправить опасную агрессию Бадыноко по отношению к другим нартам на ее привлекательность. Провокационное женское поведение в интимной сфере народная традиция – источник рассказа Атажукина – рассматривает как норму.

Образ черкешенки в западноевропейской и вслед за ней русской романтической литературной традиции предстает как «глубоко сексуальный и страстный, соответствующий идеалам «восточной/южной красоты» [29, с. 198]. К. Атажукин, пишущий с одной стороны под существенным влиянием романтической парадигмы, будучи носителем этнических норм с другой, находит нужным, переводя рассказ на русский язык, исключить этот момент раздевания. Он понимает, что в сюжете нет ничего непристойного, но опасается, что сторонний читатель воспримет этот эпизод как нечто,

наносящее урон образу черкешенки. Как представитель адыгского народа Кази Атажукин понимает, что данный сюжет лишь иллюстрирует качества отвергающего Сатаней Бадыноко как сурового воина и аскета, но патриархальный взгляд, свойственный человеку первой половины XIX в., превращает демонстрацию чувственной стороны красоты Сатаней в проявление «распущенности». Он осознает, что черкешенка для русского читателя – экзотический персонаж, составная часть другой культуры. Излишняя свобода нравов может быть истолкована им вне эпического контекста как проявление «распущенности».

Примечательно, что красота Сатаней в переложении этого сюжета просветителями достойна упоминания и возвеличивания лишь при наличии у нее еще и мужских черт характера и свершении ею героических (мужских) поступков. Главный эпитет Сатаней в Нартском эпосе – *гуаша*. В адыгских языках это слово многозначно: госпожа, хозяйка, свекровь — иначе говоря, старшая. В нартских сказаниях Сатаней наделяется типично женскими качествами – красотой и вечной молодостью. Она прекрасная хозяйка, распорядительница нартского рода, лучше всех шьет одежду и варит пиво (в осетинском варианте эпоса). Сатаней необыкновенно умна, что уравнивает ее в этом отношении с лучшими нартами. При этом мудрость рассматривается как мужское качество. Сатаней говорит:

Шу шэс нарт сыпащI,
Меня считают за нартского всадника,
Сэ фызми сапумыщI.
Меня с женщинами не равняй [30, с. 156].

Данный перевод, вероятно, сделан просветителем второй половины XIX в. К. Атажукиным. Здесь примечателен «патриархальный» принцип отбора материала, фиксация на «мужских» качествах Сатаней, которые делают ее достойной интереса и восхищения.

Неприятие красоты без «мужских» качеств и поступков находит отражение в рассказе «Нарта», в котором главной героиней является княжна необыкновенной красоты. Сражаясь за ее благосклонность, погибло такое множество храбрых и красивых джигитов, что ее стали бояться, так как один взгляд на нее лишал разума [31, с. 125]. Автор рассказа К.-Б. Ахметуков, не наделяя свою героиню никакими другими достоинствами, превращает ее внешнюю привлекательность в проявление хтонического демонического начала, приводящего мужчин к гибели. В просветительском нарративе о женской красоте происходит синтез романтического и этнического начал, при этом и то, и другое склонны гиперболизировать значение женской красоты.

Сочетание красоты с мужскими качествами – гордостью, смелостью, храбростью формирует совершенно другую оценку женщины. Это помогает героине стать активным субъектом рассказа и выручить в трудной ситуации себя, свою семью и народ. Так, например, у Кази-Бека Ахметукова есть несколько, основанных на фольклорных источниках, рассказов, где молодые девушки помогали адыгам победить врагов. В рассказе «Княжна Зара» [32, с. 133] главная героиня проявляет невероятное мужество и преданность своему народу. Заре присущ набор характеристик, свойственных романтической героине: она не только красива, но и коварна. Используя эти качества, она помогает заманить ногайского хана в ловушку. Ее умение использовать свои

качества и проницательность помогли ей достичь цели, спасти свой народ и победить превосходящего противника. Концепт женской чести соответствует идеально-ролевому романтическому концепту матери, жены или дочери. Конфликт строится на сочетании безупречного ролевого поведения с роковыми непреодолимыми внешними обстоятельствами.

Особенно интересным является то, что красота и прочие характеристики женского начала сочетаются с мужскими чертами. Женщина с присущими ей гендерными характеристиками проявляет маскулинные черты: героизм, патриотизм, храбрость и мужественность. Эта гендерная амбивалентность становится предметом восхищения.

С. Хан-Гирей в одном из своих произведений [14, с. 184], входящих в цикл «Черкесские предания», повествует о молодой замужней черкешенке, которая оказалась предметом любовного интереса князя. Желая оставить ее беззащитной перед своими притязаниями, феодал отправлял мужа героини в походы, чтобы в его отсутствие настойчиво за ней ухаживать. Встречая всякий раз недвусмысленный отказ, князь попытался обесчестить ее, но героиня рассказа лишила себя жизни, предпочтя смерть измене.

С концептом «честь» связано понятие «гордость». Обладание этим чувством позволяло женщине соразмерять свои поступки со своей собственной и с семейной / родовой честью. Адыгские писатели XIX в., широко используют эти романтические топосы, оказывающиеся близкими к народным представлениям. Например, в рассказе Кази-Бека Ахметукова «Как надо любить» главный герой, молодой дворянин Казбулат, влюбляется в дочь князя. Однако сюжет принимает неожиданный поворот, когда героиня узнает о том, что Батыр-бей, человек, в которого она была влюблена, позволил Казбулату погибнуть вместо себя, воспользовавшись его благородством. Этот поступок раскрывает его трусость в глазах героини, и она отвергает его, заявляя, что «не может быть рядом с трусом» [32, с. 345]. Таким образом, рассказ «Как надо любить» Ахметукова является интересным примером идеализированного представления о женской гордости в просветительской традиции XIX в.

Взгляд авторов-просветителей «изнутри» проявлялся во включенности таких категорий, как «честь» и «гордость» в их внутренний мир как людей, интегрированных в черкесскую аксиологическую систему, и как носителей романтической поэтики, ставшей значимым компонентом российской литературы первой половины XIX в. В их текстах прослеживается сложная структура, компоненты которой существуют не по отдельности, а в синтезе, взаимно дополняя друг друга.

В рассказе К.-Б. Ахметукова под названием «Патриотка» мы видим яркий пример того, как молодая девушка, не колеблясь, решает пожертвовать своей жизнью ради спасения своего народа от хаоса и разрушения. Бросившись между сражающимися абадзехскими князьями, она ценой своей жизни предотвратила кровавую междоусобицу [33, с. 232]. Таким образом, рассказ «Патриотка» и история адыгов наглядно демонстрируют, что женщины в традиционном обществе адыгов играли важную роль в поддержании порядка, установлении социальных связей и принятии политических решений. Они были не только матерями и домохозяйками, но и активными участницами в политической жизни своего народа. Женщины обладали силой, способной контролировать мужскую агрессию и устанавливать полезные социальные связи. В романе «Черкесские предания» С. Хан-Гирея основополагающими категориями

стали свойственные для романтического дискурса гордость и преданность отчизне. Главной героине – дочери предводителя жанинского племени свойственно сочетание чувства любви и патриотизма. Защищая родную землю, по завету своей матери, она мстит за убитого брата и защищает честь угасшего рода. При этом, встретив возлюбленного, она ставит перед ним условие – бороться за их общую родину, что становится для нее проверкой истинности его чувств и преданности народу. [17, с. 90].

В то же время патриархальный взгляд просветителей XIX в., которые были людьми своего времени и разделяли его ценности, заставляет их положительно характеризовать и специфические женские качества героинь их произведений. Кази-Бек Ахметуков в рассказе «Как надо любить» рисует образ рукодельницы и мастерицы, доброй и приветливой девушки, завидной невесты для храброго джигита [32, с. 130]. Несмотря на то, что женская роль в экономике казалась второстепенной, просветители придавали большое значение именно ее труду, который обеспечивал общество текстилем, одеждой и пищей. Женщины упорядочивали хаос, поддерживали порядок в доме и регулировали родственные связи, а также социализировали молодое поколение. При этом иногда демонстрируется и выход за пределы, обусловленные патриархальностью мировоззрения. «Обязанность жены черкеса, – пишет С. Хан-Гирей, – тяжка: жена шьет мужу всю одежду с ног до головы; сверх того, вся тягость домашнего управления лежит на ней; пища и питье, приготовляемые для ее мужа и гостей, должны быть ей известны; равномерно она наблюдает за чистотой и пр.»[13, с. 255].

Одним из романтических концептов является категория любви, которая принимает различные формы: любовь матери к ребенку или к мужчине. При этом законы романтической поэтики делают обязательным роковой, трагический или зловещий контексты. В романе Хан-Гирея «Черкесские предания» мы встречаем героиню, чья любовь к ребенку выражается в самом экспрессивном проявлении. Бжедугская княжна, несчастная жена, оказавшаяся замужем за убийцей своего первого мужа, сталкивается с невероятными страданиями и испытаниями [14, с. 171]. После того, как они узнает правду о своем втором муже, она не только убивает его, но и оказывается на грани отчаяния. Ее печаль и горе настолько огромны, что она решает покончить с собой на могиле своего первого супруга. Однако, в этот момент, ее останавливает только одно – ответственность за жизнь своего ребенка.

Другим романтическим топосом является борьба индивидуума против коллективных установлений, что можно наблюдать в рассказах Адиль-Гирея Кешева, сюжетом которых является любовь с трагичным финалом. Героиней новеллы «Два месяца в ауле» [34, с. 126] является молодая девушка по имени Залиха. Она влюбляется в молодого человека, который не нравится ее семье. Несмотря на неодобрение окружающих, Залиха решает следовать своим чувствам и бороться за свое счастье.

Столкнувшись с несправедливым отношением и сомневаясь в традициях своего народа, Залиха начинает задаваться вопросами о незыблемости адыгских обычаев и правоте старших. Попытка бегства со своим возлюбленным заканчивается неудачей. Залиха поймана и принуждена родственниками к замужеству с престарелым, но богатым князем. Поступок родственников не вызывает осуждения в обществе. Этот рассказ Адиль-Гирея Кешева поднимает важные вопросы о свободе выбора, традициях и противоречиях между индивидуальными желаниями и коллективными ожиданиями. В соответствии с романтическим нарративом показывается трудная борьба за свое счастье, которая не всегда заканчивается благополучно. Здесь можно

отметить присутствие «феноменологической оптики»: прослеживается взгляд автора «изнутри», как носителя адыгских мировоззренческих констант и социокультурного опыта. Обращение А.-Г. Кешева к данному сюжету говорит об обыденности ситуации и демонстрирует сочувствие девушке и осведомленность автора о принятых социальных установках.

Заключение

При исследовании взглядов просветителей на черкесскую фемининность продуктивным оказывается применение феноменологического подхода, позволяющего с большей достоверностью реконструировать их воззрения, меняя исследовательский взгляд: проследить влияние их ценностей и мировоззрения на оценку ими социального положения и внутреннего мира женщины.

Для реконструкции взглядов просветителей необходимо учитывать социокультурный контекст, в котором осуществлялось их творчество. Важным аспектом их мировоззрения, обусловленным влиянием современной им русской культуры, является романтизм как умонастроение социальных мыслителей и писателей того времени.

Помимо внешних влияний огромное воздействие на их мировоззрение оказывали и внутренние социокультурные факторы. Патриархальность, свойственная их мировоззрению, во многом определяла фокус их взгляда на сущностные характеристики черкесской фемининности.

Все эти характеристики мировоззрения адыгских просветителей определяли амбивалентность их взгляда. Они описывают черкешенку как «изнутри» – с позиций своего пребывания в рамках адыгской традиции, так и «извне» – как люди, зачастую получившие образование и в значительной степени находящиеся в орбите русской культуры с ее магистральными интеллектуальными тенденциями.

Влияние на творчество адыгских просветителей романтического дискурса, их гендерных стереотипов и сложная социокультурная самоидентификация, обусловленная их социальной позицией, определили их трактовку основных мифологических сюжетов, в том числе нашедших отражение в настоящей статье. Гендерное измерение, в частности, имеют использованные ими фольклорные топосы о женских аспектах восприятия потустороннего мира, разделяемая ими система ценностей, а также гражданственные качества, которым, согласно их представлениям, должна соответствовать женщина.

Указанные разнородные влияния не приводили к противоречиям в мировоззрении, а органично сочетались, придавая создаваемому ими образу черкешенки своеобразную стереоскопичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Атласкиров А.Р.* Роль адыгских просветителей в трансформации традиционной культуры адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 2(118). С. 113–120. EDN RFUFAH.

2. *Гуссерль Э.* Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 464 с.

3. *Каравашкин А.В., Юрганов А.Л.* Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003. – 385 с.

4. *Айларова С.А.* Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет, 2003. – 365 с.

5. Новая философская энциклопедия: в 4 томах. Т. 1. М.: Мысль, 2000. – 721 с.

6. *Султанов К.К.* Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М., ИМЛИ РАН, 2019. 352 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0586-7

7. *Jersild A.* Orientalism and empire: North Caucasus Mountain peoples and the Georgian frontier, 1845–1917. Montreal; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2002. xi, 253 p.

8. *Коновалов А.А., Тамазов М.С.* Российские интеллектуалы рубежа XVIII – XIX вв. в поисках культурно-политической идентичности // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 2. С. 70–81.

9. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2-х т. Т. 2. СПб., 2006. – 632 с.

10. *Ногмов Ш.*Б. История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

11. *Кумыков Т.Х.* Жизнь и деятельность Ш.Б. Ногмова // Ногмов Ш. История адыхейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 7–16.

12. *Хашхожева Р.Х.* Хан-Гирей (1808–1842). Жизнь и деятельность (вступит. статья) / Р.Х. Хашхожева. // Хан-Гирей С. Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1989. С. 3–51.

13. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. – 332 с.

14. *Хан-Гирей С.* Черкесские предания. Нальчик: Эльбрус, 1989. – 285 с.

15. *Ахметуков К.-Б.* Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1993. – 485 с.

16. *Айларова С.А., Суанова З.С.* Социально-экономические взгляды северокавказской интеллигенции (XIX в.) Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 1. С. 5–11.

17. *Айларова С.А., Гагулаева А.А.* Гендерный аспект творчества северокавказских просветителей (60–70-е гг. XIX в.) // Всероссийские Миллеровские чтения. 2011. № 2. С. 126–130

18. *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1996. – 328 с.

REFERENCES

1. Atlaskirov AR. The role of Adyghe educators in the transformation of traditional Adyghe culture. *Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*. 2013; 118(2): 113-120. EDN RFUFAH. (In Russ)

2. Husserl E. Selected works. Moscow: Territoriya Budushego, 2005. (In Russ)

3. Karavashkin AV., Yurganov AL. Experience of historical phenomenology. The difficult path to obviousness. Moscow, 2003. (In Russ)

4. Aylarova SA. *Social thought of the peoples of the North Caucasus in the 19th century: cultural and historical problems of modernization*. Vladikavkaz: North Ossetian State University, 2003. (In Russ)

5. *New philosophical encyclopedia: in 4 volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl, 2000. (In Russ)

6 Sultanov KK. *Angle of refraction. Literature and identity: the communicative aspect*. Moscow: IMLI RAS, 2019. DOI: 10.22455/978-5-9208-0586-7 (In Russ)

7 Jersild A. Orientalism and empire: North Caucasus Mountain peoples and the Georgian frontier, 1845–1917. Montreal; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2002. (In Eng.).

8. Konovalov AA., Tamazov MS. Russian intellectuals at the turn of the 18th – 19th centuries. in search of cultural and political identity. *Scientific problems of humanitarian research*. 2011; 2: 70-81. (In Russ)

9. Savelyeva IM., Poletaev AV. *Knowledge of the past: theory and history*. In 2 volumes. Vol. 2. Saint-Petersburg, 2006. (In Russ)

10. Nogmov ShB. *The history of the Adykhey people, compiled according to the legends of the Kabardians*. Nalchik: Elbrus, 1994. (In Russ)

11. Kumykov TKh. Life and work of Sh.B. Nogmova. In: *Nogmov Sh. History of the Adykhey people*. Nalchik: Elbrus, 1994: 7-16. (In Russ)

12. Khashkhozheva RKh. Khan-Girey (1808–1842). Life and work (introductory article) by R.Kh. Khashkhozheva. In: *Khan-Girey S. Circassian legends. Selected works*. Nalchik: Elbrus, 1989: 3-51. (In Russ)

13. Khan-Girey S. *Notes on Circassia*. Nalchik: Elbrus, 1978.

14. Khan-Girey S. *Circassian legends*. Nalchik: Elbrus, 1989.

15. Akhmetukov K.-B. *Selected works*. Nalchik: Elbrus, 1993.

16. Aylarova SA., Suanova ZS. Socio-economic views of the North Caucasian intelligentsia (XIX century). *Scientific problems of humanitarian research*. 2010; 1: 5-11. (In Russ)

17. Aylarova SA., Gagulaeva AA. Gender aspect of the creativity of North Caucasian educators (60–70s of the 19th century). *All-Russian Miller Readings*. 2011; 2: 126-130. (In Russ)

18. Kumykov TKh. *Culture, socio-political thought and enlightenment of Kabarda in the second half of the 19th – early 20th centuries*. Nalchik: Elbrus, 1996. (In Russ)

19. Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2010. – 352 с.

20. *Хашхожева Р.Х.* Адыль-Гирей Кешев (1837–1872 гг.). Вступит. статья / Р.Х. Хашхожева // Кешев А.-Г. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 3–48

21. *Хашхожева Р.Х.* Кази-Бек Ахметуков. Вступит. статья / Р.Х. Хашхожева // Ахметуков К.-Б. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1993. С. 3–42

22. *Zhigunova L.S.* Empire's Erotic Conquests: Circassian Women in Russian Romantic Literature [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 6. С. 178–203. URL: http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/ 927 (дата обращения: дд.мм.гггг).

23. *Карпов Ю. Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. Нальчик, 2013.

24. *Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня (1294–1324) Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 541 с.

25. *Layton, S.* (1994) Russian literature and empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge University Press. xi, 354 p.

26. *Layton S.* "Nineteenth-Century Russian Mythologies of Caucasian Savagery." In Russia's Orient: Imperial Peoples and Borderlands, 1750-1917. Edited by Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini, 80-99. Bloomington: Indiana University Press, 1997. Pp. 80–99.

27. *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология. Нальчик, 1982. 196 с.

28. Кабардинские тексты (записал и перевел К. Атажукин) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 12. Тифлис, 1891. Отд. «Кабардинские тексты». С. 21–37.

29. *Andrew J.* Narrative and desire in Russian literature, 1822–49: The feminine and the masculine. N. Y.: St. Martin's Press, 1993. VII, 257 p.

30. Алиева А.И. Адыгский героический эпос. Сказка: Источниковедение. Текстология. Типология. Семантика. Поэтика (серия ИМЛИ РАН «Фольклор») М.: ИМЛИ, 2019. – 736 с.

31. *Ахметуков К.-Б.* Нарта // Ахметуков К.-Б. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1993. 485 с.

32. *Ахметуков К.-Б.* Как надо любить // Ахметуков К.-Б. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1993. 485 с.

33. *Ахметуков К.-Б.* Патриотка // Ахметуков К.- Б. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1993. 485 с.

34. *Кешев А.-Г.* Два месяца в ауле // Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1976. 264 с.

Поступила в редакцию 11.10.2023 г.
Принята в печать 06.02.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

19. Emtyl ZYa. *Adyghe intelligentsia: formation and activity in the historical dynamics of the late 19th – early 30s of the 20th century*. Krasnodar: Publishing House – Yug, 2010. (In Russ)

20. Khashkhozheva RKh. Adyl-Girey Keshev (1837–1872). Introductory article by R.Kh. Khashkhozheva. In: *Keshev A.-G. Selected works*. Nalchik: Elbrus, 1976: 3-48. (In Russ)

21. Khashkhozheva RKh. Kazi-Bek Akhmetukov. Introductory article by R.Kh. Khashkhozheva. In: *Akhmetukov K.-B. Selected works*. Nalchik: Elbrus, 1993: 3-42. (In Russ)

22. Zhigunova LS. Empire's Erotic Conquests: Circassian Women in Russian Romantic Literature [Electronic resource]. Horizons of humanitarian knowledge. 2018; 6: 178–203. Available at: http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/ 927.

23. Karpov YuYu. *Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus*. Nalchik, 2013. (In Russ)

24. Le Roy Ladurie E. Montaillou, Occitan village (1294–1324). Ekaterinburg: Ural University Publ., 2001.

25. Layton S. Russian literature and empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. (In Eng.).

26. Layton S. Nineteenth-Century Russian Mythologies of Caucasian Savagery. In: Daniel R. Brower, Edward J. Lazzerini (eds.). Russia's Orient: Imperial Peoples and Borderlands, 1750-1917. Bloomington: Indiana University Press, 1997. pp. 80–99. (In Eng.).

27. Shortanov AT. *Adyghe mythology*. Nalchik, 1982. (In Russ)

28. Kabardian texts (recorded and translated by K. Atazhukin). *Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*. Vol. 12. Tiflis, 1891: 21-37. (In Russ)

29. Andrew J. Narrative and desire in Russian literature, 1822–49: The feminine and the masculine. New York: St. Martin's Press, 1993. (In Eng.).

30. Alieva AI. *Adyghe heroic epic. Fairy tale: Source study. Textology. Typology. Semantics. Poetics* (IMLI RAS series "Folklore") Moscow: IMLI, 2019. (In Russ)

31. Akhmetukov K-B. Narta. In: *Akhmetukov K.-B. Selected works*. Nalchik: Elbrus, 1993. (In Russ)

32. Akhmetukov K-B. How to love. In: *Akhmetukov K.- B. Selected works*. Nalchik: Elbrus, 1993. (In Russ)

33. Akhmetukov K-B. Patriot. In: *Akhmetukov K.-B. Selected works*. Nalchik: Elbrus, 1993. (In Russ)

34. Keshev A-G. Two months in the village. *Selected works*. Nalchik: Elbrus, 1976. (In Russ)

Received 11.10.2023
Accepted 06.02.2024
Published 15.06.2024

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202489-509

Научный отчет

Эрлих Владимир Роальдович
д.и.н., главный научный сотрудник
Государственный музей Востока, Москва, Россия
verlikh@bk.ru

Леонтьева Анна Станиславовна
специалист-археолог,
«ООО Культурное наследие», Москва-Майкоп, Россия
i@anleontyeva.ru

Абрамова Александра Николаевна
к.и.н., заведующая отделом археологических фондов
Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. А. Фелицына, Краснодар, Россия
abramovasacha0902@gmail.com

НОВЫЙ ПРОТОМЕОТСКИЙ МОГИЛЬНИК В ПРЕДГОРЬЯХ АДЫГЕИ

Аннотация. Статья вводит в научный оборот материал вновь открытого грунтового могильника протомеотской группы памятников, расположенного в предгорьях Адыгеи на Азишском хребте у станицы Даховской. Могильник был открыт отрядом Кавказской экспедиции ООО «Культурное наследие» в 2023 г. (начальник отряда А.С. Леонтьева) при исследовании кургана «Азишский-16», основное погребение которого относилось к эпохе ранней бронзы. Грунтовый протомеотский могильник перекрыл этот курган. Все 9 погребений с протомеотским материалом располагались на скальном основании под каменной наброской, в вытянутой позе, с неустойчивой ориентировкой. Все они, за исключением одного – одиночные. Погребальный инвентарь представлен большей частью украшениями – булавки с весловидным и округлым навершием, бусы, браслет, спиральные пронизи, бляхи-пуговицы. В одном погребении найден оселок. Ряд погребений этого могильника, расположенного на перевальном пути в Закавказье, содержат предметы, свидетельствующие о связях с кобанской и бзыбской колхидской культурами. В частности, имеются параллели не только в погребальном инвентаре, но и в элементах погребального обряда двух погребений с Гагрским могильником (Абхазия), датированным IX в. до н.э. Отсутствие во встреченных погребениях железных предметов, а также соответствие ряда элементов погребального инвентаря могильника ранней группе эталонного предгорного протомеотского могильника Фарс / Клады позволяет предварительно датировать открытые погребения IX – первой половиной VIII в. до н.э. В то же время необходимо отметить и отличие вновь открытого памятника от могильника Фарс/Клады, которое заключается в отсутствии в мужских погребениях предметов вооружения и узды. Не встречены пока здесь и кости лошади.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Адыгея, протомеотская группа памятников, могильник, кобанская археологическая культура, бзыбская колхидская культура

Для цитирования: Эрлих В.Р., Леонтьева А.С., Абрамова А.Н. Новый протомеотский могильник в предгорьях Адыгеи // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 2. С. 489-509. doi.org/10.32653/CH202489-509

© Эрлих В.Р., Леонтьева А.С., Абрамова А.Н., 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

EXPEDITIONS

DOI: https://doi.org/10.32653/CH202489-509

Scientific Report

Vladimir R. Erlikh,
Dr. Sci., Chief Researcher
State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia
verlikh@bk.ru

Anna S. Leontyeva,
Specialist-Archaeologist
LLC "Kulturnoye Nasledie", Moscow-Maykop, Russia
i@anleontyeva.ru

Alexandra N. Abramova,
Cand. Sci., Head of the Department of Archaeological Funds
Felitsyn Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve, Krasnodar, Russia
abramovasacha0902@gmail.com

NEW PROTOMEOTIAN BURIAL GROUND IN THE FOOTHILLS OF ADYGEA

Abstract. This article presents materials from a newly discovered burial ground of the Protomeotian group of sites, located in the foothills of Adygea on the Azishsky Ridge near the village of Dakhovskaya. The burial ground was discovered by the team of the Caucasian Expedition LLC "Kulturnoye Nasledie" in 2023 (chief of the expedition – A.S. Leontieva) during the study of the mound "Azishsky-16," the main burial of which dates to the Early Bronze Age. The Protomeotian burial ground was found overlaying this mound. The site contains nine burials with Proto-Meotian material, situated on a rocky base under a rock riprap, all in elongated positions with varying orientations. Except for one, all burials are of the single type. Grave goods primarily consist of adornments, including pins with oar-shaped and rounded heads, beads, a bracelet, spiral laces, and button plaques. A whetstone was found in one burial. Some burials, located on the Transcaucasian pass route, contain objects indicating connections with the Koban and Bzyb Colchian cultures. Notably, there are parallels in the grave goods and funeral rites with two burials from the Gagra burial ground (Abkhazia), dated to the 9th century BC. The absence of iron objects in these burials, along with the similarity of the burial material to the early group of the reference foothill burial Fars/Klady, suggests a tentative dating from the 9th to the first half of the 8th century BC. However, a key difference between the newly discovered site and the Fars/Klady burial ground is the lack of weapons and bridles in the male burials. Additionally, horse bones have not yet been found at this site.

Keywords: North Caucasus; Adygea; Protomeotian group of sites; burial ground; Koban archaeological culture; Bzyb Colchian culture

For citation: V.R. Erlikh, A.S. Leontyeva, A.N. Abramova. New Protomeotian burial ground in the foothills of Adygea. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 489-509. doi.org/10.32653/CH202489-509

© V.R. Erlikh, A.S. Leontyeva, A.N. Abramova, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

Несмотря на интенсивные раскопки и разведки, ежегодно проводящиеся на Северо-Западном Кавказе, приращение корпуса вновь открытых памятников переходного периода к раннему железному веку в этом регионе (протомеотская группа памятников) происходит очень медленно, особенно редко открываются новые памятники в предгорной зоне. В этой связи каждый новооткрытый памятник представляет несомненный научный интерес.

Летом 2023 г. отрядом Кавказской археологической экспедиции ООО «Культурное наследие» (нач. отряда А.С. Леонтьева) в ходе обследования курганов, попадавших в зону хозяйственного освоения на Азишском хребте, выше станицы Даховской в Майкопском районе Республики Адыгея, был исследован курган «Азишский-16». Основное погребение этого кургана, а также несколько погребений относились к «новосвободненскому» этапу майкопской культуры раннего бронзового века. Курган был перекрыт могильником переходного периода к раннему железному веку, к которому относилась каменная наброска, распространяющаяся за пределы полы кургана, и в этой связи были сделаны несколько прирезок, выходящих за пределы насыпи (рис. 2). К этому могильнику сейчас по встреченному материалу и обряду погребения (в частности, поза погребенных) можно надежно отнести 9 погребений из 14 обнаруженных в этом кургане. Их публикации и посвящена настоящая статья.

Материалы

Погребение 1 обнаружено в юго-западном секторе кургана на гл. -43–54 см (рис. 2) под каменной наброской. Погребенный находился в вытянутом положении головой на ЮВ (рис. 3, *1*). Руки предположительно вытянуты вдоль тела. Сохранность костей плохая. Пол и возраст не определимы[1]. Комплектность скелета: мелкие фрагменты теменных и затылочной костей, небольшие фрагменты диафизов бедренных и большеберцовых костей. В районе таза и бедренных костей расчищены две бронзовые «весловидные» булавки и две массивные бронзовые бусины-пронизки. Погребальный инвентарь:

1. Бусина-пронизка массивная, литая, четырехгранной формы; размеры: 4,0×1,5×1,3 см (рис. 3, *2*).

2. Фрагменты бронзовой булавки весловидной формы, стержень четырехгранный; общая долина ок. 11,5 см (рис. 3, *5*).

3. Бусина-пронизка массивная, в форме четырехгранника; размеры: 4,3×1,6×1,5 см (рис. 3, *3*).

4. Бронзовая булавка весловидной формы, стержень в нижней части округлый, в верхней – уплощенный; длина общая 9,8 см; размер навершия: 2,3×1,5 см (рис. 3, *4*).

Погребение 2 обнаружено в юго-восточном секторе кургана на гл. -49–61 см (рис. 2). Погребенный мужчина в возрасте 25–35 лет покоился в вытянутом положении головой на СЗ (рис. 4, *1*). Руки вытянуты вдоль туловища, кисти покоятся в области таза; колени сведены вместе. Комплектность скелета: фрагменты покровных костей черепа,

1. Антропологические определения выполнены А.Н. Абрамовой.

нижней и верхней челюстей, каменистые части височных костей, зубы. Фрагменты левой плечевой, локтевых, бедренных и большеберцовых костей, позвонков, фрагменты лопаток, левой ключицы, бедренных костей, крестца, пяточных, правая таранная, со 2-й по 4-ю кости плюсны правой стопы. В верхней части левой половины тазовых костей обнаружены две массивные бусины-пронизки. На левой бедренной кости лежали две «весловидные» булавки. Их навершия лежали друг на друге, игла верхней булавки была направлена на СЗ, нижней – на ЮЗ. В районе крестца, у локтя правой руки, лежал фрагмент стенки керамического сосуда. У стоп погребенного обнаружены кремневый отщеп и два фрагмента стенки сосуда. Погребальный инвентарь:

1. Бронзовая литая массивная бусина-пронизка четырехгранной формы, на одной грани овальное отверстие – литейный брак; размер: 4,8×1,3×1,1 см (рис. 4, *2*).

2. Бронзовая литая массивная бусина-пронизка четырехгранной формы; размеры: 5,0×1,3×1,3 см (рис. 4, *3*).

3. Булавка весловидная с закрученной в трубочку верхней частью навершия; навершие булавки имеет односторонний пунсонный орнамент в виде линий из прочеканенных точек по краям и в центре и четырех «розеток», состоящих из четырех прочеканенных точек; стержень в верхней части имеет подпрямоугольное сечение, в нижней – округлое; общая длина 19,3 см; размеры навершия –7,2×4,7 см (рис. 4, *4*).

4. Булавка весловидная с закрученной в трубочку верхней частью навершия; навершие булавки имеет односторонний пунсонный орнамент в виде линий из прочеканенных точек по краям и в центре, и четырех «розеток», состоящих из четырех в трех случаях прочеканенных точек, в одном случае – из пяти; стержень в верхней части имеет подпрямоугольное сечение, в нижней – округлое; общая длина 23,0 см; размеры навершия – 7,8×5,1 см (рис. 4, *5*).

5. Фрагмент стенки лепного сероглиняного сосуда (рис. 4, *6*).

6. Отщеп кремня серого цвета; размеры: 1,9×0,9 см (рис. 4, *7*).

7. Два фрагмента стенок лепного сероглиняного сосуда (рис. 4, *8*).

Погребение 3 обнаружено в юго-западном секторе кургана на гл. -47–52 см. Погребенный молодой мужчина (?) 19–22 лет лежал головой на север в вытянутом положении (рис. 5, *1*). Комплектность скелета: фрагменты верхней и нижней челюстей, зубы; фрагменты длинных костей рук и ног, правых лопатки и ключицы, ребер, поясничных и грудных позвонков, тазовых костей и крестца, ребер, грудины, правых пяточной и таранной костей. Левая рука слегка согнута в локте, кисть покоилась на тазе. Кости правой руки сильно согнуты в локте, кисть поднята к черепу. Лучевые кости лежали на плече. Кости ног лежали параллельно друг другу. На левой половине тазовых костей обнаружена бронзовая бляшка. У правой лучевой кости в районе согнутого локтя найдена бронзовая пронизь. Рядом с ней – браслет, надетый на лучевые кости и смещенный к согнутому локтю. С внешней стороны лучевых костей правой руки у браслета лежала бронзовая булавка с кольцевидным навершием. Еще одна спиральная пронизка находилась справа от черепа под лучевой костью. В погребении также обнаружены фрагмент стенки сероглиняного сосуда у правой голени, еще пять фрагментов лежали в районе ступней. Из заполнения этого погребения также происходят коническая бляшка и височная подвеска. Погребальный инвентарь:

1. Бронзовая бляшка округлая, выпуклая, с петлей-перекладиной на обороте; диаметр 1,9 см, высота 0,8 см (рис. 5, *1*).

2. Бронзовая пронизка спиральная, из скрученной полукруглой в сечении ленты; длина 6,2 см, диаметр 1,1 см (рис. 5, *7*).

3. Бронзовый массивный литой браслет, треугольный в сечении, по внешнему краю проходит ребро; разомкнут, один конец закруглен, другой – заострен (рис. 5, *3*).

4. Булавка с кольцевидным навершием; навершие уплощено, с одной стороны, стержень округлый в сечении; в месте перехода от навершия к стержню имеется утолщение; стержень погнут; длина 10 см; размеры навершия: 1,5×1,5 см; сечение стержня 0,3 см (рис. 5, *5*).

5. Пронизка цилиндрическая спиральная из скрученной полукруглой в сечении ленты; длина 8,1 см, диаметр 1,4 см (рис. 5, *8*).

6. Фрагмент стенки сероглиняного сосуда (рис. 5, *9*).

7. Пять фрагментов стенок лепного сероглиняного сосуда (рис. 5, *10*).

8. Бляшка конической формы, с петелькой на обороте; диаметр 3,6 см, высота 2,3 см (рис. 5, *4*).

9. Подвеска височная, из уплощенного прута белого металла в 1,5 оборота, концы обрублены; диаметр 3,3 см; сечение прута 0,3×0,2 см (рис. 5, *6*).

Погребение 4 обнаружено в северо-западном секторе кургана на гл. -44–55 см под каменной наброской (рис. 2). Погребенный мужчина 45–55 лет лежал на спине в вытянутом положении головой на юг (рис. 6, *1*). Сохранность костей плохая. Комплектность скелета: фрагменты покровных костей черепа, верхней и нижней челюстей, зубы; фрагменты плечевых, бедренных и левой лучевой костей, лопаток, левой тазовой кости, тел грудных и шейных позвонков. Череп повернут влево, руки предположительно вытянуты вдоль туловища. В области груди обнаружен фрагмент спиральной пронизки из полукруглой в сечении ленты, длина 1 см, диаметр 0,9 см (рис. 6, *2*).

Погребение 5 обнаружено в юго-западном секторе кургана на гл.-87-102 см. Погребенная женщина 20–25 лет лежала в вытянутой позе (с небольшим разворотом на правый бок?) в специальной выдолбленной в скале ямке подпрямоугольной формы, головой на запад (рис. 6, *3*). Правая рука согнута в локте, кисть покоится в районе таза, левая вытянута вдоль туловища. Ноги почти параллельны друг другу, ступни сведены. Комплектность скелета: фрагменты покровных костей черепа, зубы, фрагменты бедренных костей. У левой голени обнаружено 14 цилиндрических костяных (?) бусин), еще одна аналогичная бусина обнаружена с другой стороны голени. Размеры бусин: 0,3–0,4×0,4–0,5 см (рис. 6, *4–7*).

Погребение 8 обнаружено под каменной наброской в юго-западном секторе и частично под южной половиной бровки север-юг на гл. -39–41 см. Погребенная женщина 45–55 лет лежала на спине головой на восток в вытянутой позе. Обе руки были согнуты в локтях, кисти в районе черепа (рис. 7, *1*). Комплектность скелета: фрагменты костей черепа, зубы, фрагменты длинных костей рук и ног, левой ключицы, правой таранной и левой пяточной костей, 1-й и 2-й плюсневых костей правой стопы. За головой погребенной обнаружен фрагмент кремневого орудия, около колена правой ноги – фрагмент стенки черноглиняного сосуда (2) и венчик сероглиняного черпака. Слева около ступней найдены еще три фрагмента керамики. К северу от ног погребенного на гл. -38 см расчищены кости животного. Погребальный инвентарь:

1. Фрагмент обломок кремневого орудия на пластине коричневого цвета с двусторонней ретушью по краям; размеры: 2,5×2,2×0,6 см (рис. 7, *2*).

2. Фрагмент стенки лепного черноглиняного сосуда.

3. Фрагмент венчика сероглиняного сосуда – черпака (?); диаметр венчика – ок. 15 см (рис. 7, *3*).

4. Три фрагмента стенок лепного черноглиняного сосуда (рис. 7, *4*).

Погребение 9 обнаружено в прирезке к северо-восточному сектору (прирезка 4) на гл.-91–105 см под каменной наброской (рис. 2). Погребение находилось в каменной оградке из рваного известняка. Погребенный мужчина 35–45 лет лежал вытянуто на спине головой на юг. Руки вытянуты вдоль тела, кисти – в районе таза, ноги – параллельно друг другу (рис. 8, *1*). Комплектность скелета: фрагменты покровных костей черепа, нижней челюсти, левая скуловая, зубы; фрагменты длинных костей рук и ног, тазовых костей, крестца, правой лопатки, ключиц, таранных костей, позвонков и ребер. На тазовых костях в районе крестца обнаружена бронзовая бляшка, в области груди справа каменный оселок и бронзовая булавка. Погребальный инвентарь:

1. Бляшка округлая с коническим выступом и петелькой на обороте; диаметр 3,4 см, высота 1,8 см (рис. 8, *3*).

2. Оселок удлиненной (10,7 см) подпрямоугольной формы, с подквадратным (1,3×1,2 см) сечением; в верхней части имеется биконическое отверстие для подвешивания, просверленное с двух сторон (рис. 8, *2*).

3. Булавка с кольцевидным навершием (3 фрагмента); длина 11,6 см; диаметр навершия 2,1 см (рис. 8, *4*).

Погребение 10 обнаружено в юго-западном секторе и частично под южной половиной бровки север-юг на гл. -42–52 см (рис. 2). Погребенная женщина 35–45 лет лежала вытянуто с разворотом на правый бок, головой на ССЗ. Ноги параллельны друг другу. Руки слегка согнуты в локтях, кисти в области таза (рис. 9, *1*). Комплектность скелета: фрагменты покровных костей черепа, скуловых костей, нижней челюсти, зубы; фрагменты длинных костей рук и ног, тазовых костей, шейных позвонков. Прослежены следы воспалительного процесса после сложного перелома в верхней трети правой большеберцовой кости. В районе грудной кости обнаружена спиральная пронизка. В области живота у правого локтя найдена бронзовая булавка. У левой лучевой кости в районе таза обнаружена бронзовая бляшка. На тазовых костях найден фрагмент стенки керамического сосуда. При снятии костей черепа была обнаружена бронзовая конусовидная бляшка.

1. Пронизка спиральная из полуовальной в сечении ленты; длина 2,9 см, диаметр 1,2 см (рис. 9, *2*).

2. Булавка с навершием в виде овальной петли; общая длина 5,1 см; размеры навершия: 2,1×1,3 см (рис. 9, *3*).

3. Бляшка округлая, выпуклая с петлей-перекладиной на обороте; часть щитка утрачена; диаметр 0,8 см (рис. 9, *3*).

4. Фрагмент стенки лепного толстостенного сероглиняного сосуда (рис. 9, *6*).

5. Бляшка бронзовая конусовидная, со «шляпкой» в верхней части, на обороте – овальная петля; высота 2,9 см, диаметр щитка – 2,0 см; диаметр «шляпки» 2,2 см (рис.9, *5*).

Погребение 13 обнаружено в северо-западном секторе на гл. -39–44 см под каменной наброской (рис. 2). Погребение потревожено. С костями взрослого мужчины лежал череп ребёнка. Ориентировка черепа ребенка – ЮВ (рис. 10, *1)*. От взрослого индивида сохранились мелкие фрагменты правой височной кости; фрагменты диафизов бедренных и большеберцовых костей. От костей ребенка 3–4 лет –

фрагменты покровных костей черепа, нижней челюсти, зубы; небольшой фрагмент диафиза бедренной кости. При разборе костей черепа ребенка обнаружена бронзовая бляшка с коническим выступом в центре, края утрачены; на обороте – петля; размеры: 2,2×2,0×1,0 см (рис. 10, *2*).

Обсуждение

Погребальный обряд. Из 9 погребений, которые по материалу можно уверенно отнести ко времени перехода к раннему железному веку, за исключением погребения 13, все одиночные и совершены на небольшой глубине в вытянутой позе на спине под каменной наброской. Для протомеотских памятников данного микрорегиона в целом характерны исключительно одиночные погребения и небольшое преобладание вытянутых погребений над скорченными [1, с. 63].

Ориентировка не устойчива: двое погребенных ориентированы на север (погр. 3, погр. 10), двое – юг (погр. 4, погр. 10), одно – на запад (погр. 5), одно – на восток (погр. 8), одно – на СЗ (погр. 2), два – на ЮВ (погр. 1, погр. 13). Следует отметить, что на отсутствие устойчивой ориентировки для протомеотских памятников предгорной зоны ранее уже указывалось [1, с. 64; 2, с. 31].

Относительно неплохая сохранность костей погребенных позволяет определить положение рук погребенных, что крайне редко удается проследить в протомеотских могильниках. В большинстве случаев руки слабо согнуты в локтях и кисти расположены в области таза либо на тазовых костях. Однако в погр. 3 и погр. 8 руки были согнуты в локтях и кисти находились у черепа. Подобная черта обряда с сильной согнутостью рук также прослежена в синхронном Гагрском могильнике (погребения 42, 50, 54) [3, с. 21, рис. 19, *1, 2*, 20, *8*].

В отличие от эталонного для предгорного варианта протомеотских памятников могильника Фарс / Клады в погребениях практически отсутствует стандартный для этого варианта набор керамики – корчага и черпак, как и вообще целые формы сосудов. Имеющиеся отдельные фрагменты стенок сосудов (в одном случае – венчика), как и кремневые отщепы, скорее всего, можно рассматривать как элементы погребального ритуала.

В исследованных погребениях отсутствуют оружие и предметы конской узды. Проведенные антропологические определения показали, что такие детали костюма и украшений как булавки и бляшки, пронизи и бусы использовались как в мужских, так и в женских погребениях. Предположительно в мужском погребении найден браслет и пронизи.

Погребальный инвентарь. Основной инвентарь, сопровождающий погребенных – это украшения костюма, либо личные украшения – булавки, бронзовые бляхи разных форм, спиральные пронизи, браслет, бусы-пронизи, костяные бусы.

В погребениях представлены булавки двух типов – с кольцевидным, либо овальным, навершием и «весловидные».

Булавки с кольцевидным навершием (тип 4 по В.Р. Эрлиху: [1, с. 160, рис. 219, *19, 20*]) обнаружены в погребениях 3, 9, 10 (рис. 3, *5*; 8, *4*; 9, *4*). В двух случаях (погр. 9, погр. 10) они находились в области груди и, очевидно, закалывали ткань накидки. В погр. 3 булавка находилась у лучевой кости правой руки, согнутой в локте

и поднятой кистью к черепу. До находок в Азишском могильнике булавки этого типа в протомеотских памятниках были встречены только в погр. 25 и погр. 26 могильника Фарс [2, с. 112, 117, рис. 20, *4*, 25, *7*]. Одним из авторов этой статьи было высказано предположение [2, с. 160; 4, с. 4–9], что данный тип булавок – достаточно архаичный и имеет свои позднебронзовые прототипы в виде булавок типа У-18 по классификации Е.Н. Черных, который учел 9 экз. этого типа [5, с. 128]. Три экземпляра этих булавок происходят с территории культуры Ноа – находки на поселениях Гиндешты и Магала, а также случайная находка из Слободки-Ширеуцы [6, с. 39, рис. 12, *2*; 7, с. 105, рис. 39, *8*; 8, с. 25, рис. 10, *4*]. По данным И.Н. Шарафутдиновой, булавки с кольцевидной головкой известны во многих сабатиновских памятниках и переходных к белозерским – Солонецкий клад, поселения Анатольевка, Высшетарасовка, Змеевка, Кировское. Литейные формы для таких булавок встречены в Солохе и Завадовке. Представлены они в белогрудовских и чернолесских памятниках и ряде других культур эпохи поздней бронзы Юго-Восточной Европы [9, с. 75].

«Весловидные» булавки с широко раскованным и свернутым в трубочку завершением – тип 1, вариант 3 протомеотских булавок по В.Р. Эрлиху [1, с. 159] – в Азишском могильнике встречены в паре в погр. 1 и погр. 2 вместе с бронзовыми бусами. В плохо сохранившемся погр. 1 они располагаются в области груди. В погр. 2 – навершия этих крупных булавок лежали друг на друге на левом тазобедренном суставе. Булавки, аналогичные встреченным в погр. 1 (рис. 3, *4, 5*), на Северо-Западном Кавказе известны в протомеотских памятниках приморско-абинского варианта – Сукко (Атмачева щель), Геленджикские дольмены (железная), Фурожан-3, курган № 2, погр. 20 (железная), а также центрального варианта – могильники Николаевский (погр. 145) и Пшиш-I (погр. 64, погр. 29 – 2004 г.) [1, с. 159, рис. 67, *13*, 73, *8*, 219, *5, 6*; 10, с. 20, рис. 23, *1*]. Гораздо чаще они встречаются в памятниках кобанской культуры (тип X, вариант 1 по В.И. Козенковой) [11, с. 58, табл. XXXVI, *1–8*; 12, с. 66, табл. XXII, *1–3*].

Пара булавок из погр. 2 Азишского могильника имеет широко раскованные навершия в виде вытянутого полуовала, покрытые пунсонным орнаментом (рис. 4, *4, 5*). Ближайшими аналогиями им являются три булавки из склепа у сел. Бети-Мохк Ножай-Юртовского района Чечни (раскопки Р.М. Мунчаева, 1958 г.) [11, табл. XXXVI, *1*; 13, с. 60, рис. 18, *12*]. В центральном варианте кобанской культуры близкие булавки происходят из Кобанского могильника (собрание графа А.С. Уварова) [14, табл. XXXVII, *1, 2*, XXXVIII, *1, 2*]. Одна из этих булавок также имеет пунсонный орнамент по краю.

По мнению В.И. Козенковой, булавки этого варианта появляются в конце II тыс. до н.э. и типичны для кобанской культуры на протяжении длительного периода, в ареале восточного варианта они выявляются до скифского времени [12, с. 66, 67].

Круглые бляхи-пуговицы с петлей-перекладиной встречены в погр. 3 и погр. 10 Азишского могильника (рис. 5, *3*; 9, *3*). В протомеотских могильниках они достаточно редки и до сих пор были известны лишь в погр. 16 могильника Фарс / Клады и в гробнице 2 кургана 16 Геленджикских дольменов [2, рис. 17, *7*; 15, с. 145, 146, рис. 6, *6*]. Большое количество таких бляшек происходит из кобанских памятников (тип II, вариант 1 по В.И. Козенковой). Они появляются еще в нач. I тыс. до н.э., но подавляющее их большинство относится к VIII–VII вв. до н.э. [11, с. 38; 12, с. 36–37]. Встречаются эти бляшки-пуговицы и в колхидских памятниках – могильниках Джантух, Цаиши, Эргета [16, с. 67, рис. 8, *22–33*; 17, p. 59, 66, 84, fig. 19, *17*, 26, *59–62*, 44, *4*; 18, p. 187, fig. 40,

27]. Вероятно, появление таких бляшек-пуговиц на Северо-Западном Кавказе следует связывать с влиянием кобанской культуры [1, с. 132].

Бляшки с петлей на обороте и коническим выступом на щитке встречены в погребениях 3, 9 и 13 (рис. 5, *4*; 8, *3*; 10, *2*). Они различаются как размерами, так и формой выступов. В ареале протомеотских памятников близкие по форме бляшки встречены в могильнике Фарс / Клады – в погр. 16 и предположительно из заполнения ямы погр. 30 [2, рис. 17, *5*, 26, *6*]. Шесть подобных «умбоновидных» бляшек найдены в комплексе 1 кургана 2 у пос. Холмский [19, с. 24, 184, рис. XII, *11–15*]. Скорее всего, появление этих блях можно объяснить влиянием Бзыбской Абхазии, где известны конические бляхи разных размеров с «гвоздевидным», либо зооморфным завершением, происходящие из Кюр-Дере, Нижней Эшеры, Анухвы, могильника Куланурхва, погребения из Осия-Рху и других памятников [20, табл. XIV, *1, 2*, XVII, *4*; 21, с. 33, рис. 12; 22, с. 144, табл. II, *6*; 23, с. 34, рис. 4, *1–21*]. Крупная коническая бляха, явно привезенная из Бзыбской Абхазии, была найдена в погр. 14 могильника Фарс / Клады [2, с. 58, рис. 58, *17*].

К разновидностям конических блях с «гвоздевидным» навершем можно отнести и бляху из погр. 10 с грибовидным навершием-«шляпкой» (рис. 9, *5*). В ареале протомеотских памятников она пока уникальна. Мы склонны считать ее прямым импортом из Бзыбской Абхазии. Здесь небольшие «гвоздевидные» шляпки имеют навершия уже упоминавшихся многочисленных блях из Осия-рху [23, рис. 4, *1–21*], однако полная ей аналогия происходит из разрушенного оссуарного погребения 1971 г. в г. Гагра [24, с. 258, рис. 1, *6*]. Авторы публикации датируют комплекс этого погребения IX – первой пол. VIII в. до н.э., считая его одним из наиболее древних погребальных комплексов колхидской культуры на территории Абхазии [24, с. 258].

Кроме этого, аналогиями азишской бляхе являются две бляхи из разрушенного грабителями комплекса в урочище Тасракуа близ сел. Абгархук [25, с. 80, рис. 2, *4*]. Последние покрыты гравированным орнаментом в виде концентрических кругов и насечек. Несмотря на то, что комплекс, из которого происходят эти бляхи, содержит предметы, относящиеся к V в. до н.э., авторы публикации справедливо отмечают, что они «восходят к более ранним бляшкам и пуговицам, столь характерным для бзыбской колхидской культуры VIII–VII вв. до н.э.» [25, с. 92].

Бронзовые пронизи цилиндрической формы из тонкой линзовидной в сечении ленты, плотно скрученной в спираль, встречены в погребениях 3 (2 экз.), 4 и 10 (рис. 5, *7, 8*; 6, *2*; 9, *2*). Данный вид украшений достаточно часто встречается в протомеотских погребениях и известен в могильнике Фарс (погребения 11, 19, 25), в комплексе 1 кургана 2 могильника Холмский, в Геленджикских дольменах, в погр. 5 могильника Псыбе и погр. 13 могильника Пшиш-I, а также в других памятниках [1, с. 164, рис. 223, *1–15*]. В протомеотском костюме эти пронизи встречаются как в «мужских» по инвентарю погребениях, так и в «женских». На Северо-Западном Кавказе подобные украшения, выполненные из медно-оловянного сплава, известны еще в начале позднего бронзового века и происходят из погр. 1, объекта 50 Археологического комплекса Шушук и дольмена 1 дольменного могильника Шушук, датируемых XVIII–XVI вв. до н.э. [26, с. 43, рис. 5, *9–11, 13, 17, 18, 24, 25*; 8, *6*]. Пронизи подобной формы в начале железного века распространены в черногоровских комплексах [27, с. 26, 39, 65, рис. 2, *7*, 12, *9*, 34, *4*]. В кобанских могильниках цилиндрические пронизи играли роль накосников, достигая значительной длины [11, с. 164, табл. XXXII, *5*; 12, с. 182,

табл. XXVI, *3, 4*]. Встречаются пронизи близкой формы и в Абхазии: в Красномаяцком могильнике (погр. 50, погр. 62), в погребении 1971 г. в г. Гагра, в погр. 4 1979 г. Гагрского могильника [3, с. 49, рис. 7, *3,4*; 24, с. 258, рис. 1, *13–18*; 28, с. 128, 186, табл. XII, *6*, XXII, *6*].

Бронзовый литой браслет, найденный в погр. 3, имеет несомкнутые приостренные концы, треугольное сечение и выделенное ребро по внешнему контуру (рис. 5, *3*). Такие браслеты относятся к варианту 2 типа I протомеотских памятников [1, с. 157, 158]. По соотношению формы и сечения азишский браслет наиболее близок двум браслетам из Николаевского могильника [1, с. 393, рис. 218, *1, 2*].

Серебряное височное кольцо в 1,5 оборота и диаметром 3,3 см из погр. 3 (рис. 5, *3*) является достаточно крупным экземпляром среди протомеотских височных подвесок и может быть отнесено к варианту 1 типа I подвесок из массивного прута. Подобные подвески обнаружены в могильниках Псыбе, Ахтырский лиман, Черноклен, Начерзий, в Геленджикских дольменах, на Курджипском поселении. Различен и металл, из которых они изготовлены – это бронза, серебро и железо [1, с. 161, 162].

Каменный оселок из погр. 9 (рис. 8, *2*) является достаточно типичной находкой для протомеотских памятников. Он относится к наиболее распространенному типу I протомеотских оселков с прямоугольным или уплощенно-овальным сечением. Не менее 11 оселков этого типа встречены в могильнике Фарс, 9 экз. – в погребениях Кубанского могильника, 17 оселков – в могильнике Пшиш-I, а также в других могильниках протомеотской группы памятников [1, с. 154].

Бусы из погребений 1, 2 и 5 пока не находят полных аналогий ни среди протомеотских древностей, ни среди колхидо-кобанских. Из первых двух погребений происходят массивные бронзовые парные четырехгранные бусы-пронизи (рис. 3, *2, 3*, 4, *2,3*). В погр. 5 найдены мелкие цилиндрические бусины, сделанные предположительно из кости (рис. 6, *4–7*). Бусы из этого материала известны в синхронных культурах, но другой формы.

Заключение

Подводя итог предварительному рассмотрению погребений вновь открытого могильника, необходимо отметить следующее. В могильнике пока не встречены предметы из железа, что скорее всего свидетельствует о его относительной древности в ряду известных памятников протомеотской группы.

По ряду предметов – булавки с кольцевидным навершием, конические бляшки, спиральные пронизи цилиндрической формы, литые браслеты – могильник находит параллели с ранней группой могильника Фарс / Клады, датирующейся в пределах конца IX – первой пол. VIII в. до н.э. [1, с. 409, 410, табл. V]. Но мы не исключаем что Азишский могильник может быть датирован и несколько более ранним временем по сравнению с могильником Фарс. На это может указывать полное отсутствие железных вещей, которые уже присутствуют в ранней группе Фарса, а также относительно большее количество (3 экз.) редких для памятников раннего железного века Кавказа булавок с кольцевидным навершием, восходящим к позднесрубным формам. Расположение могильника на перевальном пути в Закавказье, который шел по Азишскому хребту, очевидно, объясняет присутствие здесь импортов с территории Абхазии

и кобанских булавок. Нельзя исключать возможность того, что в могильнике могли быть похоронены и, собственно, переселенцы, носители бзыбской колхидской культуры. Об этом говорит достаточно редкое положение рук у черепа в двух погребениях, которое встречается в это время только в Гагрском некрополе.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл», грант № 22-18-00108.

Acknowledgements. The article was financed withing the Russian Science Foundation project “North Caucasus in the Late Bronze and Early Iron Age: people, horses, metal”, grant No. 22-18-00108.

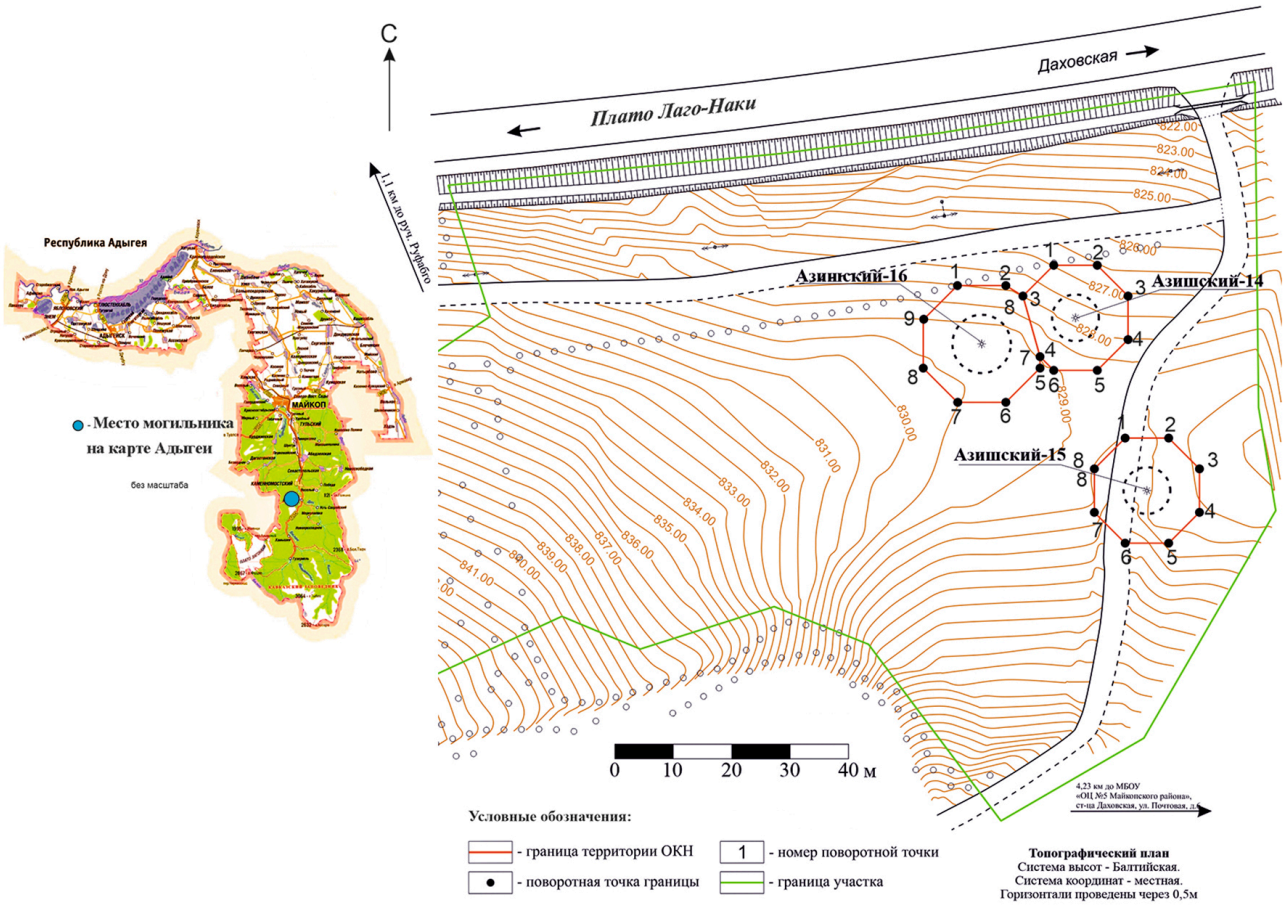


Рис. 1. Курган «Азишский-16» на топографическом плане

Fig. 1. Burial mound “Azishsky-16” on the topographic plan

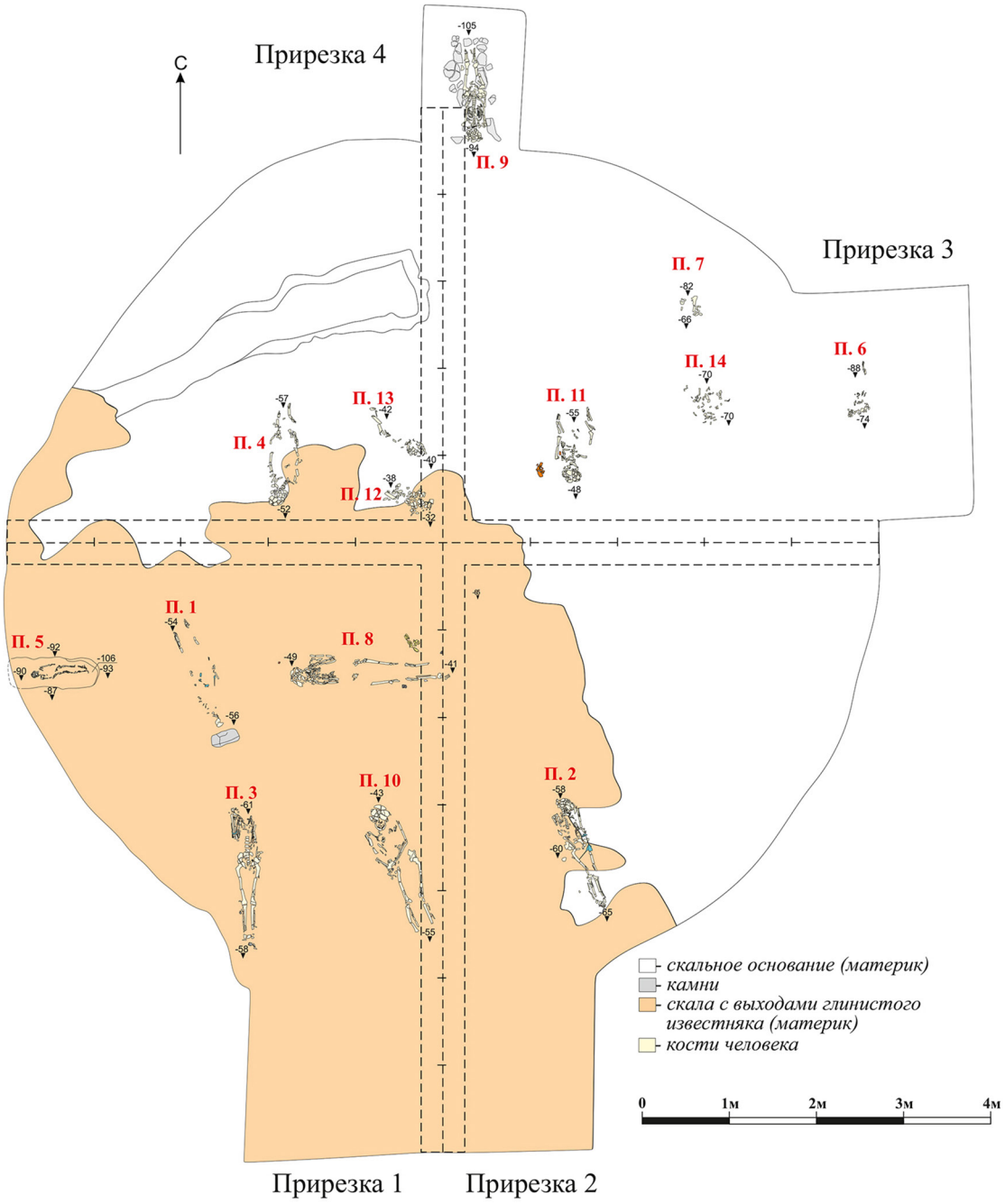


Рис. 2. Общий план кургана «Азишский-16»

Fig. 2. General plan of the “Azishsky-16” burial mound

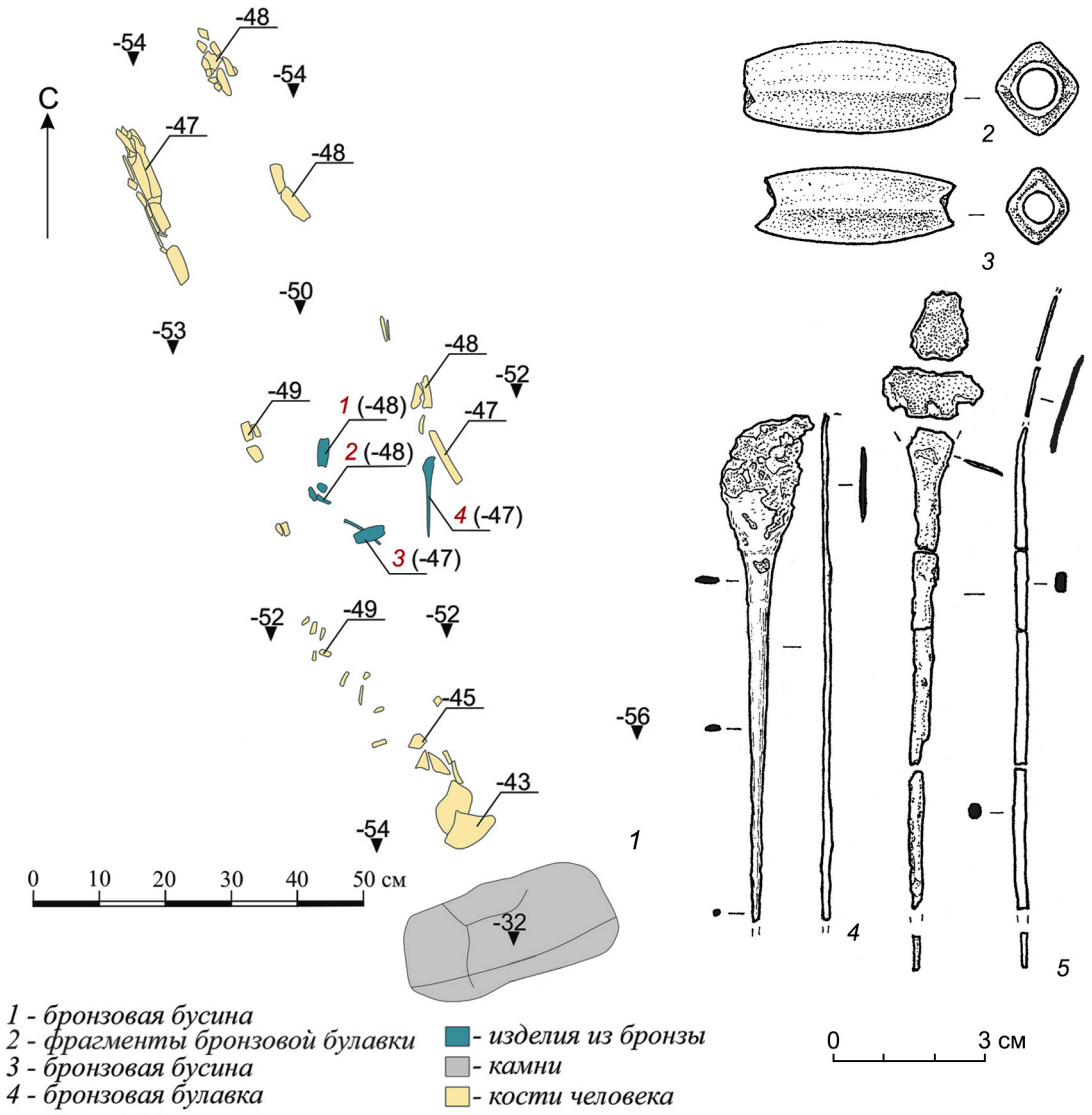


Рис. 3. Курган «Азишский-16». Погребение 1. *2-5* – бронза

Fig. 3. Burial mound “Azishsky-16”. Burial 1. *2-5* – bronze

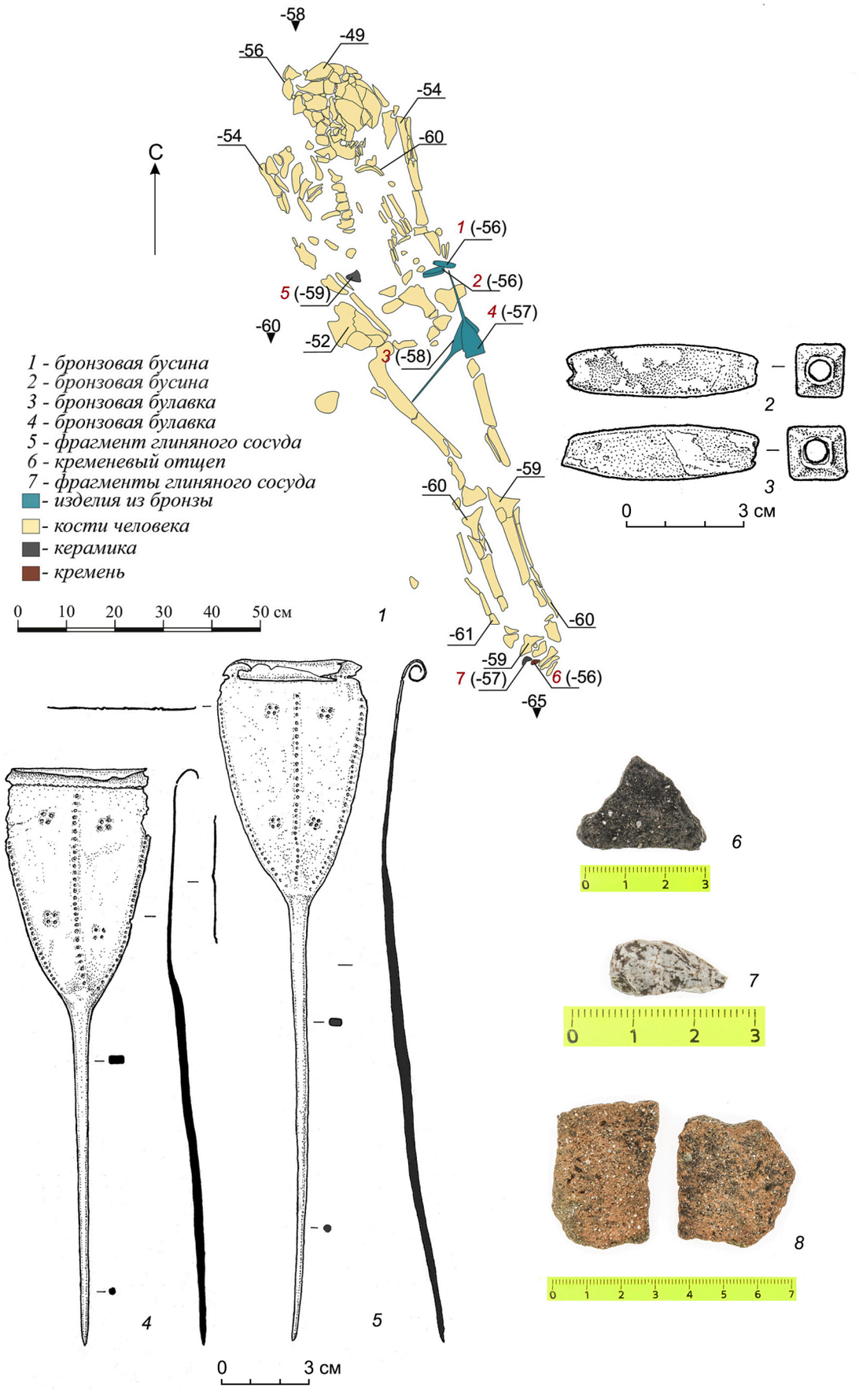


Рис. 4. Курган «Азишский-16». Погребение 2. *2-5* – бронза; *6, 8* – керамика; *7* – кремень

Fig. 4. Burial mound “Azishsky-16”. Burial 2. *2-5* – bronze; *6, 8* – ceramics; *7* – flint

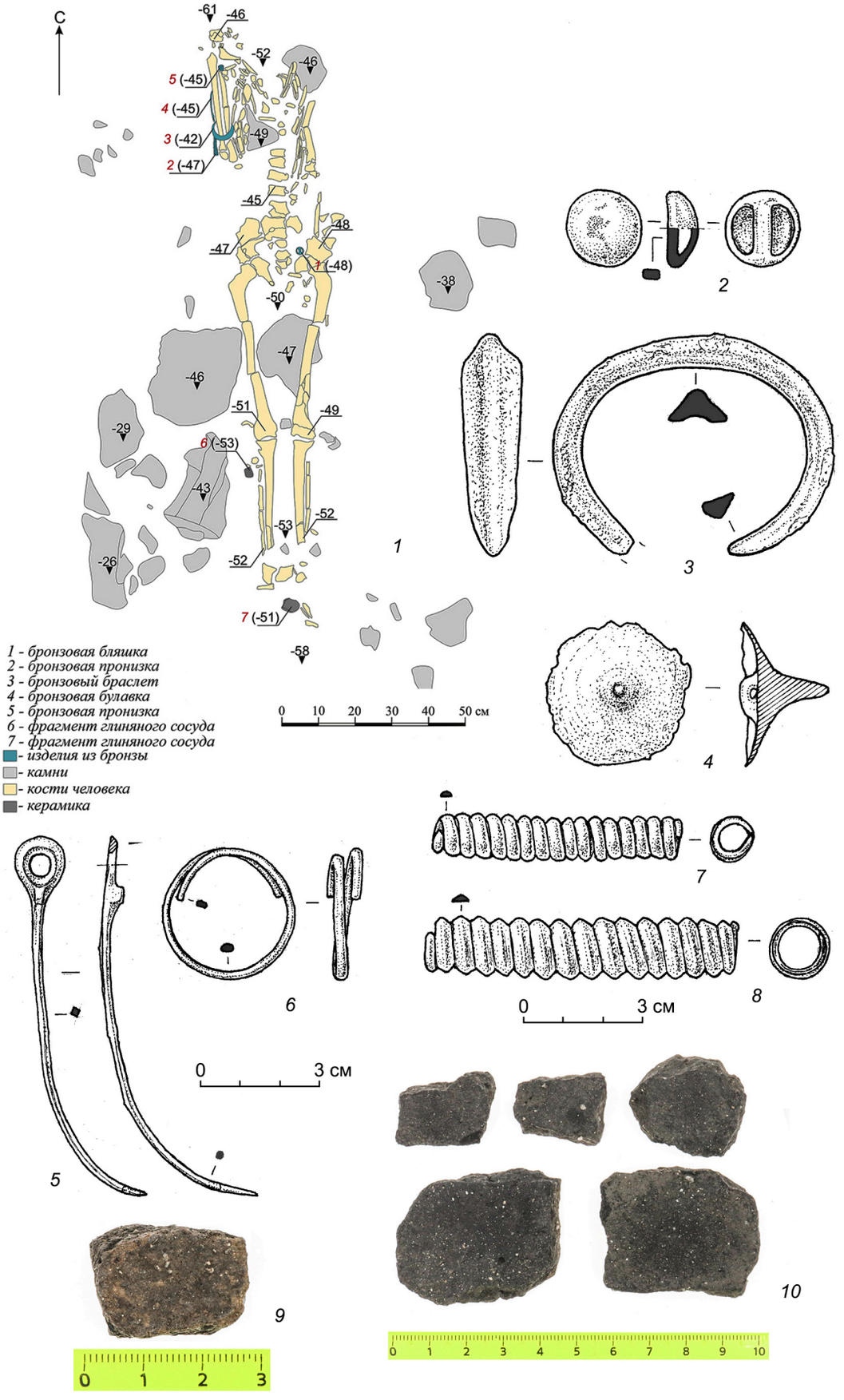


Рис. 5. Курган «Азишский-16». Погребение 3. *2-8* – бронза; *9, 10* – керамика

Fig. 5. Burial mound “Azishsky-16”. Burial 3. *2-8* – bronze; *9, 10* – ceramics

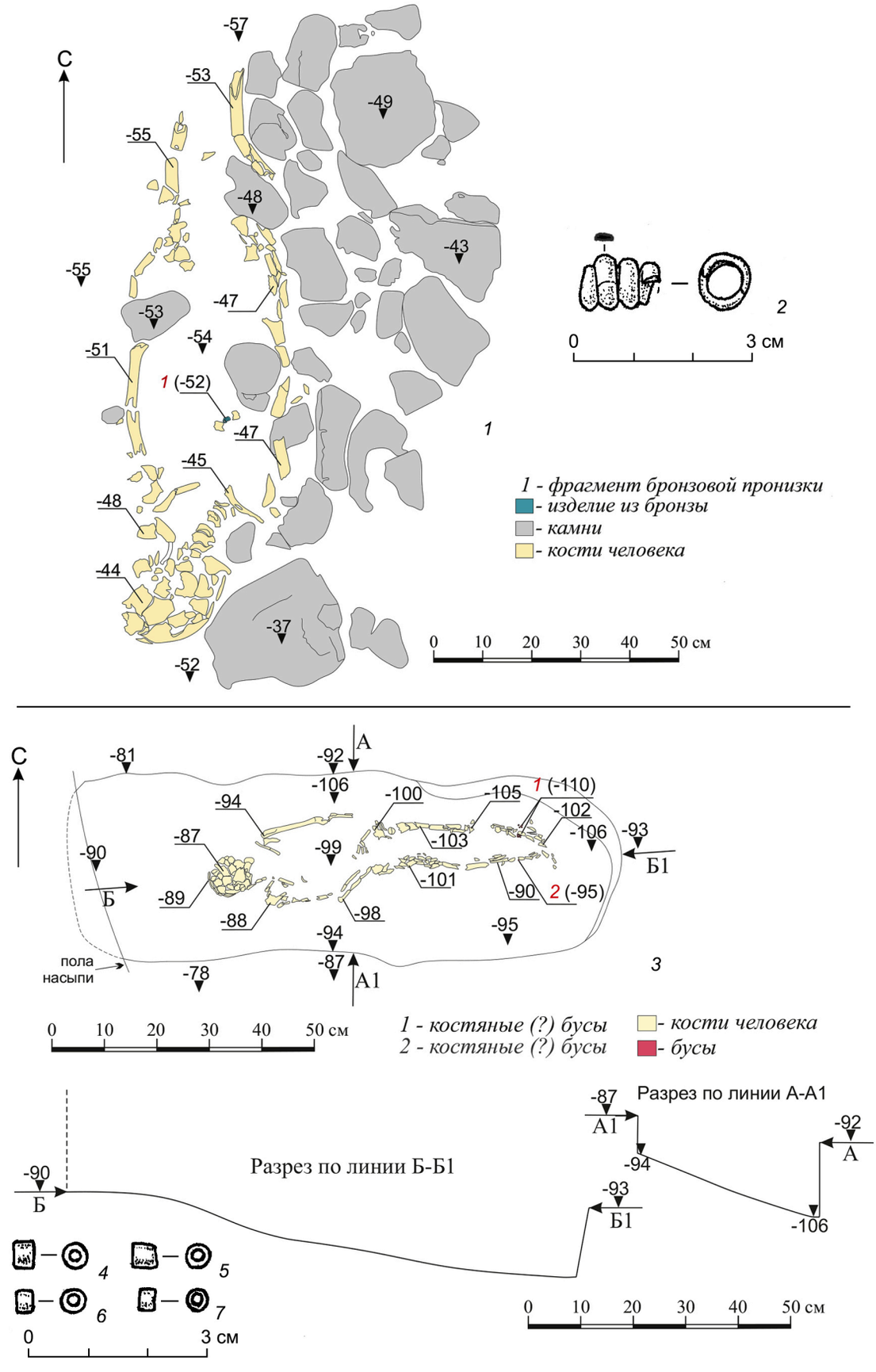


Рис. 6. Курган «Азишский-16. *1, 2* – погребение 4; *3-7* – погребение 5; *2* – бронза, *4-7* – кость (?)

Fig. 6. Burial mound “Azishsky-16”. *1-2* – burial 4; *3-7* – burial 5; *2* – bronze; *4-7* – bone (?)

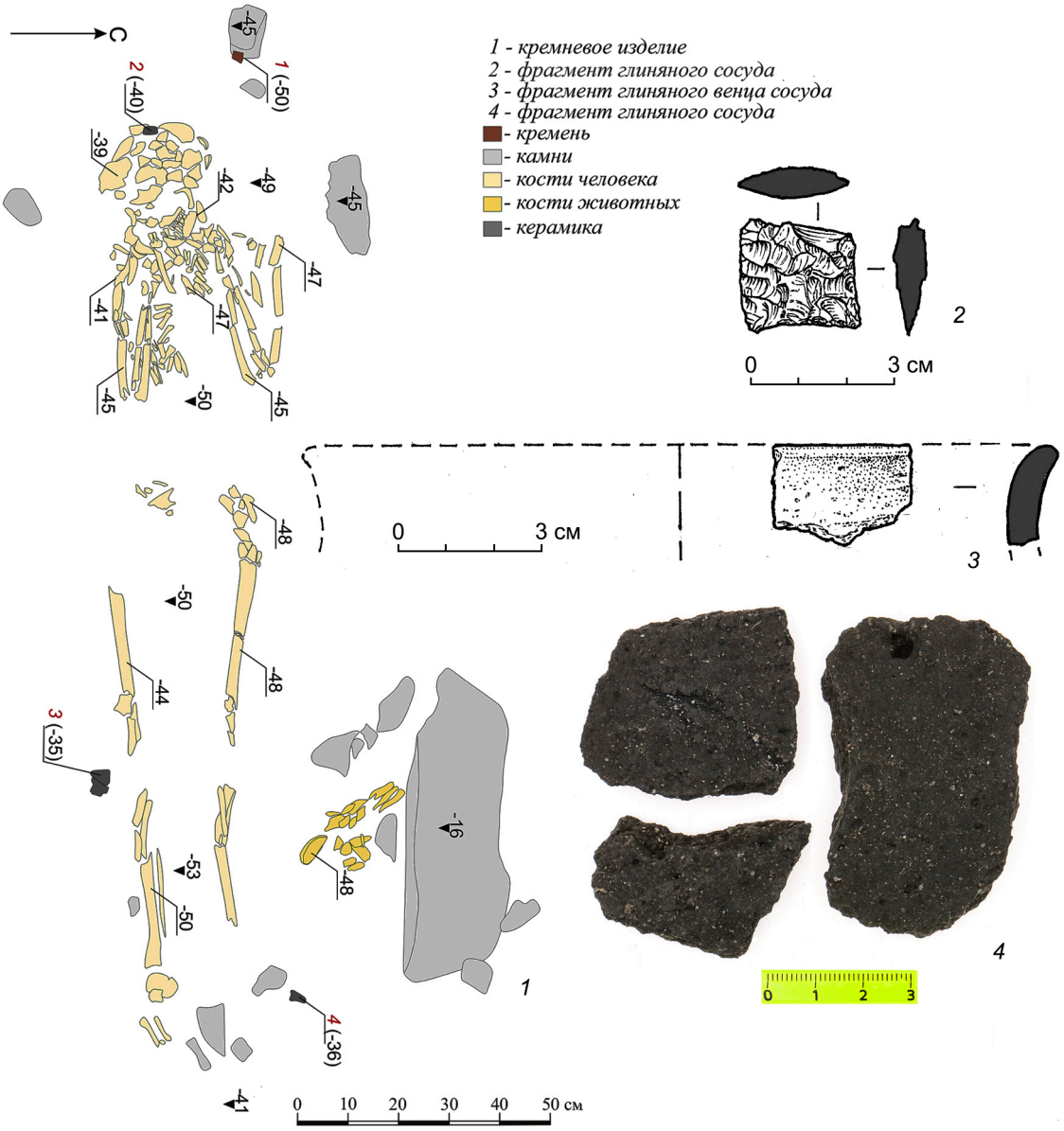


Рис. 7. Курган «Азишский-16». Погребение 8. *2* – кремень, *3, 4* –керамика

Fig. 7. Burial mound “Azishsky-16”. Burial 8. *2* – flint, *3, 4* – ceramics

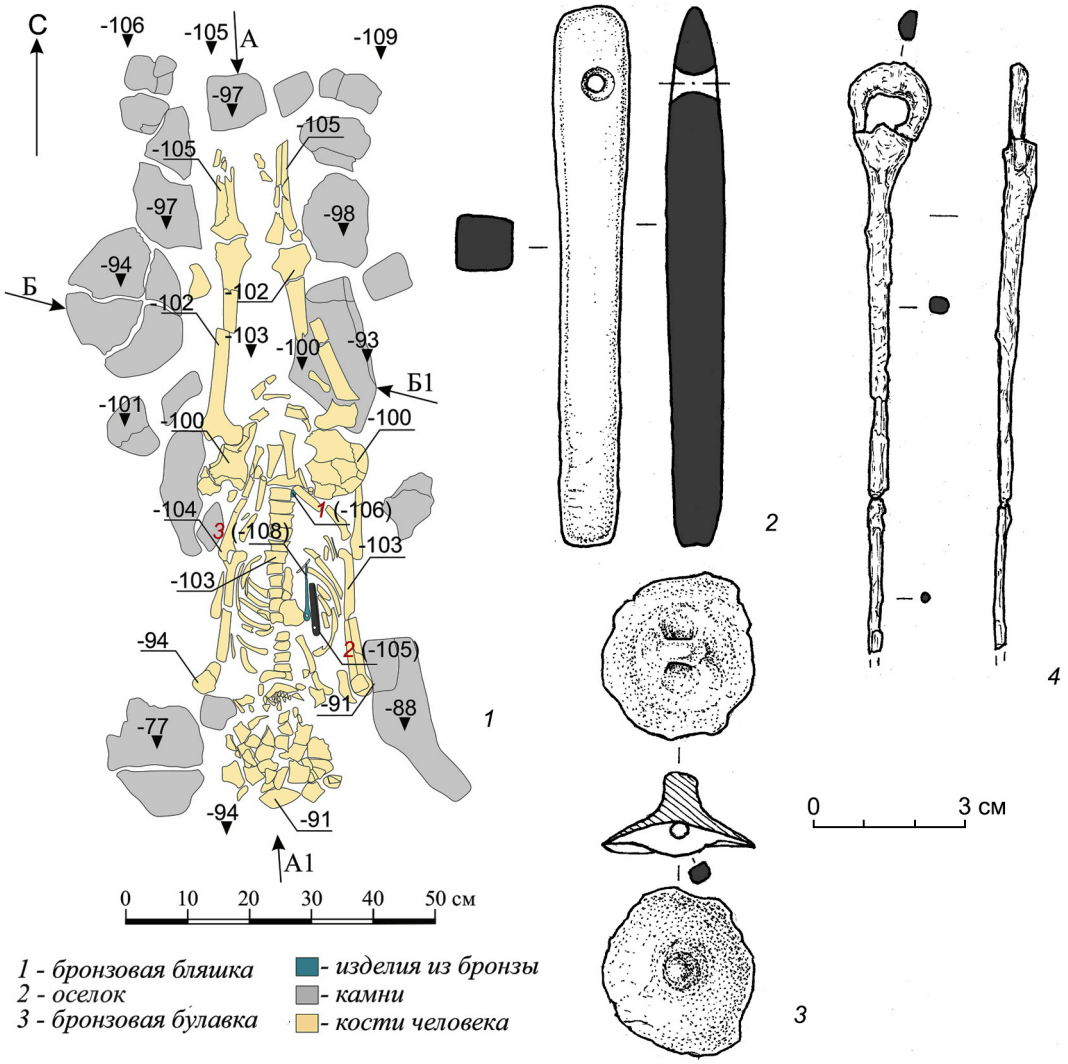


Рис. 8. Курган «Азишский-16». Погребение 9. *2* – песчаник, *3,4* – бронза

Fig. 8. Burial mound “Azishsky-16”. Burial 9. *2* – sandstone, *3, 4* – bronze

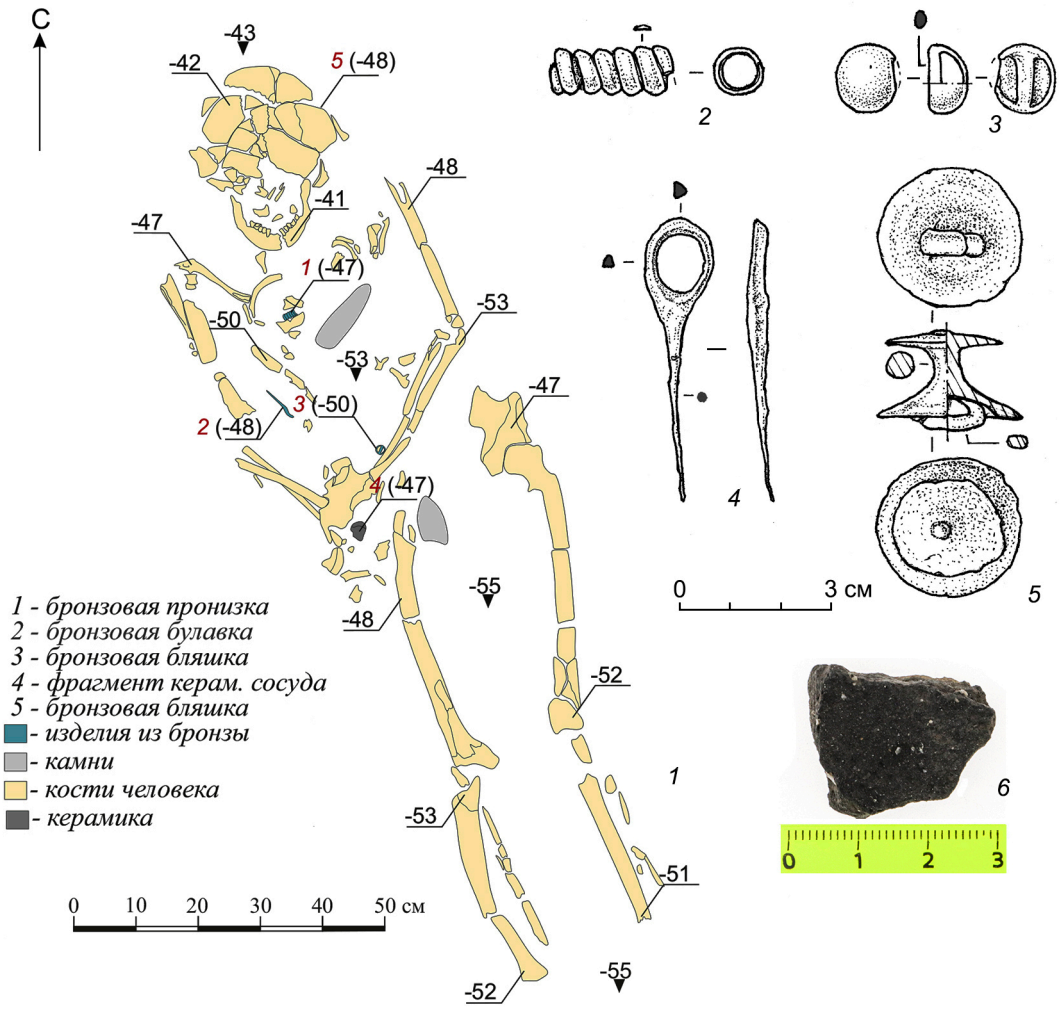


Рис. 9. Курган «Азишский-16». Погребение 10. *2-5* – бронза, *6* –керамика

Fig. 9. Burial mound “Azishsky-16”. Burial 10. *2-5* – bronze, *6* – ceramics

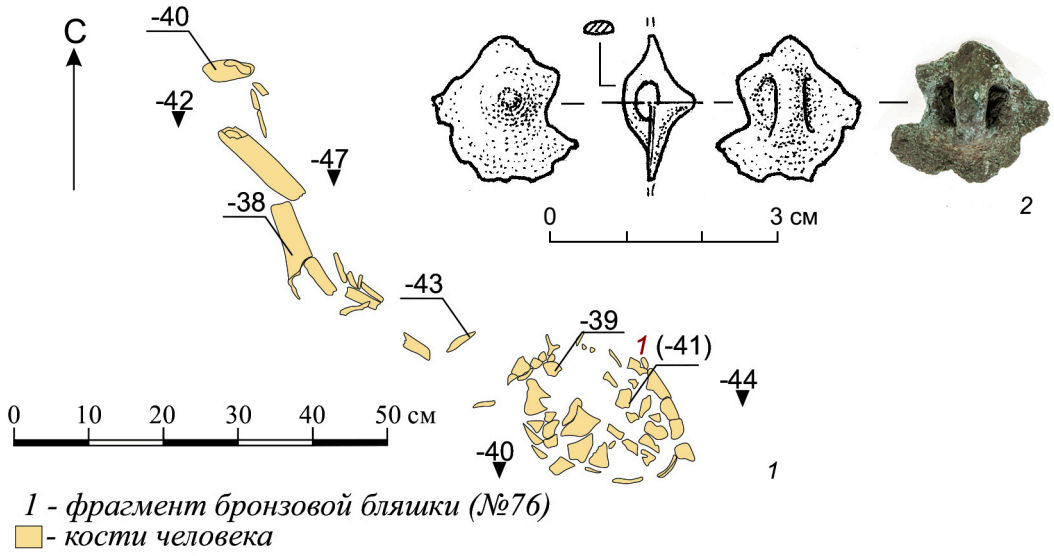


Рис.10. Курган «Азишский-16». Погребение 13. *2* – бронза

Fig. 10. Burial mound “Azishsky-16”. Burial 13. *2* – bronze

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Эрлих В.Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. - 430 с.

2. *Лесков А.М., Эрлих В.Р.* Могильник Фарс / Клады. М.: ГМВ, 1999. - 163 с.

3. *Бжания В.В., Бжания Д.С.* Древний могильник в Гагре. Сухуми: Алашара, 1991. - 70 с.

4. *Эрлих В.Р.* Булавки с кольцевидным навершием из могильника Фарс/Клады и их позднесрубные прототипы // Древности Кубани, Вып. 16. Краснодар: КГИАМЗ, 2000. С. 4–9.

5. *Черных Е.Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М.: Наука, 1976. - 301 с.

6. *Мелюкова А.И.* Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье. МИА 96. М.-Л.: Наука, 1961. С. 5–52.

7. *Смирнова Г.И.* Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой области // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1957. Вып. 70.С. 99–107.

8. *Дергачев В.А.* Бронзовые предметы XIII–VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского Междуречья. Кишинёв: Штиинца, 1975. - 95 с.

9. *Шарафутдинова И.Н.* Бронзовые украшения сабатиновской культуры (к вопросу о контактах) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины / Отв. ред. И.И. Артеменко. Киев: Наукова думка. 1987. С. 69–86.

10. *Иванов А.В.* Меотский могильник «Фурожан» в Западном Закубанье. Краснодар: ИП Вольная, 2020. – 147 с.

11. *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // Свод археологических источников. Вып. 2–5. М.: Наука, 1982. - 88 с.

12. *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // Свод археологических источников. Вып. 2–5. Т. 5. М.: ИА РАН, 1998. - 200 с.

13. *Мунчаев Р.М.* Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии // Краткие сообщения Института археологии. 1961. Вып. 84. С. 56–62.

14. *Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1900. - 381 с.

15. *Аханов А.А.* Геленджикские подкурганные дольмены // Советская археология. 1961. Вып. 1. С. 139–149.

16. *Шамба Г.К, Шамба С.М.* Археологические памятники верховьев реки Галидзга (Джантух). Тбилиси: Мецниереба, 1990. - 56 с.

17. *Papuashvili R., Esebua T., Jikia L., Papuashvili I.* The Tsaishi Cemetery. Tbilisi, Zugdidi, 2015. - 92 с. (На груз. яз).

18. *Papuashvili R., Jikia L, Kobalia N., Papuashvili I.* Ergeta (Necropolis). Tbilisi, Zugdidi, 2022. - 264 с. (На груз. яз).

19. *Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В.* Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древно-

REFERENCES

1. Erlikh VR. *Northwestern Caucasus at the beginning of the Iron Age. Protomeotian group of sites*. Moscow: Nauka, 2007. (In Russ)

2. Leskov AM., Erlikh VR. *Burial ground Fars/Klady*. Moscow: State Museum of Art, 1999. (In Russ)

3. Bzhania VV., Bzhania DS. *Ancient burial ground in Gagra*. Sukhumi: Alashara, 1991. (In Russ)

4. Erlikh VR. Pins with a ring-shaped pommel from the Fars/Klady burial ground and their late Srubnaya prototypes. *Drevnosti Kubani*. Krasnodar: KGIAMZ, 2000; 16: 4-9. (In Russ)

5. Chernykh EN. *Ancient metalworking in the southwest of the USSR*. Moscow: Nauka, 1976. (In Russ)

6. Melyukova AI. Culture of the Pre-Scythian period in forest-steppe Moldova. *Sites of the Bronze and Early Iron Age in the Northern Black Sea region. MIA 96*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1961: 5-52. (In Russ)

7. Smirnova GI. Late Bronze Age and Early Iron Age settlement near the village Magala, Chernivtsi region. *Brief communications of the Institute of the History of Material Culture*. 1957; 70: 99-107. (In Russ)

8. Dergachev VA. *Bronze objects of the 13th–8th centuries BC from the Dniester-Prut Mesopotamia*. Chisinau: Shtiintsa, 1975. (In Russ)

9. Sharafutdinova IN. Bronze jewelry of the Sabatinovskaya culture (on the issue of contacts). In: I.I. Artemenko (resp. ed.). *Intertribal connections of the Bronze Age on the territory of Ukraine*. Kyiv: Naukova Dumka, 1987: 69-86. (In Russ)

10. Ivanov AV. *Meotian burial ground "Furozhan" in Western Trans-Kuban region*. Krasnodar: IP Volnaya, 2020. (In Russ)

11. Kozenkova VI. Typology and chronological classification of objects of Koban culture. Eastern version. *Collection of archaeological sources*. Issues 2–5, vol. 5. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ) (In Russ)

12. Kozenkova VI. The material basis of life of the Koban tribes. Western version. *Collection of archaeological sources*. Issues 2-5, Vol. 5. Moscow: IA RAS, 1998. (In Russ)

13. Munchaev R.M. New data on the archeology of Checheno-Ingushetia. *Brief communications of the Institute of Archeology*. 1961; 84: 56-62. (In Russ)

14. Uvarova PS. Burial grounds of the North Caucasus. *Materials on the archeology of the Caucasus*. Vol. VIII. Moscow: A.I. Mamontov' Typography, 1900. (In Russ)

15. Akhanov AA. Gelendzhik dolmens under burial mounds. Sovetskaya Arheologiya. 1961; 1: 139-149. (In Russ)

16. Shamba GK., Shamba SM. *Archaeological sites of the upper reaches of the Galidzga (Dzhantukh) River*. Tbilisi: Metsniereba, 1990. (In Russ)

17. Papuashvili R., Esebua T., Jikia L., Papuashvili I. *The Tsaishi Cemetery*. Tbilisi, Zugdidi, 2015. (In Georgian).

18. Papuashvili R., Jikia L, Kobalia N., Papuashvili I. *Ergeta (Necropolis)*. Tbilisi, Zugdidi, 2022. (In Georgian).

19. Vasilinenko DE., Kondrashev AV., Pyankov AV. Archaeological materials of the Pre-Scythian and Early Scythian times from the Western Trans-Kuban region. In: B.A. Raev. (Studia Pontocaucasica. I.) (resp. ed.). *Antiquities of the Kuban and Black Sea Region*. Krasnodar: Scythian Gal-

сти Кубани и Черноморья / Отв. ред. Б.А. Раев. (Studia Pontocaucasica. I.). Краснодар: Скифская галерея, 1993. С. 21–38.

20. *Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Колхиды I. Тбилиси: Техника да шрома, 1949. – 360 с.

21. *Доманский В.Я.* Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XX. 1979. С. 23–36.

22. *Трапш М.М.* Труды. Т. I. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухуми: Алашара, 1970. – 210 с.

23. *Бжания В.В., Бжания Д.С., Хондзия З.Г., Агумаа А.С.* Погребальный комплекс Осия-рху в селе Куланырхуа // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. 3. Сухум: АбИГИ, 2004. С. 30–39.

24. *Воронов Ю.Н., Гунба М.М.* Новые памятники Колхидской культуры в Абхазии // Советская археология. 1978. № 2. С. 257–264.

25. *Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Хондзия З.Г.* Комплекс находок эпохи раннего железа из села Абгархук (Абхазия) // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. / Сборник научных трудов, посвященных 70-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2018. С. 76–98.

26. *Эрлих В.Р., Гак Е.И.* Древнейшие оловянные бронзы на Северо-Западном Кавказе. Новые данные // Восток (Orients). 2020. Вып. 5. С. 36–53.

27. *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. - 224 с.

28. *Трапш М.М.* Древний Сухуми. Труды. Т. 2. Сухуми: Алашара, 1969. -373 с.

lery, 1993: 21-38. (In Russ)

20. Kuftin B.A. *Materials for the archeology of Colchis I*. Tbilisi: Technique and Shroma, 1949. (In Russ)

21. Domansky VYa. A new complex of Colchian culture from Abkhazia. *Proceedings of the State Hermitage*. Vol. 20, 1979: 23-36. (In Russ)

22. Trapsh MM. *Proceedings. Vol. I. Sites of the Bronze and Early Iron Ages in Abkhazia*. Sukhumi: Alashara, 1970. (In Russ)

23. Bzhania VV., Bzhania DS., Khondziya ZG., Agumaa AS. Funeral complex Osiya-rhu in the village of Kulanyrkhua. *Abkhazology. Story. Archeology. Ethnology*. Vol. 3. Sukhum: AbIGI, 2004: 30-39. (In Russ)

24. Voronov YuN., Gunba MM. New sites of Colchian culture in Abkhazia. Sovetskaya Arheologiya. 1978; 2: 257-264. (In Russ)

25. Skakov AYu., Dzhopua AI., Khondziya ZG. Complex of finds of the Early Iron Age from the village of Abgarkhuk (Abkhazia). *Black Sea region in ancient and early medieval times. Vol. 2. Collection of scientific works dedicated to the 70th anniversary of Professor V.P. Kopylova*. Rostov-on-Don, 2018: 76-98. (In Russ)

26. Erlikh VR., Gak EI. The oldest tin bronzes in the North-West Caucasus. New data. *Orients*. 2020; 5: 36–53.

27. Terenozhkin AI. *Cimmerians*. Kyiv: Naukova Dumka, 1976. (In Russ)

28. Trapsh M.M. *Ancient Sukhumi. Proceedings*. Vol. 2. Sukhumi: Alashara, 1969. (In Russ)

Поступила в редакцию 23.05.2024 г.
Принята в печать 03.06.2024 г.
Опубликована 15.06.2024 г.

Received 23.05.2024
Accepted 03.06.2024
Published 15.06.2024

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капланова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 10.06.2024. Формат 60x84 $^{1}/_{8}$
Гарнитура Georgia.